

С.А. Белановский

**Методика
и техника
фокусированного
интервью**

•Наука•

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт народнохозяйственного прогнозирования

С. А. Белановский
МЕТОДИКА
И ТЕХНИКА
ФОКУСИРОВАННОГО
ИНТЕРВЬЮ

(учебно-методическое пособие)



МОСКВА "НАУКА" 1993

ББК 60.55
Б 35

Ответственный редактор
доктор экономических наук, чл.-кор. РАН Ю.В.Яременко

Рецензенты:
академик РАН
кандидат философских наук
кандидат экономических наук

Т.И.Заславская
А.Н.Алексеев
О.С.Пчелинцев

Белановский С.А.
Б 35 Методика и техника фокусированного интервью (учебно-методическое пособие). - М.: Наука, 1993. - 352 с.

ISBN 5 - 02 - 013356 - 6

Настоящая книга - первое в стране учебно-методическое пособие по проведению фокусированного интервью в социальных исследованиях. Фокусированное интервью широко применяется в странах Запада при изучении самых различных проблем: организации производства, маркетинга, рекламы, теневой экономики, преступности и отклоняющегося поведения, проблем семьи, сексуального поведения, проблем здоровья и медицины и многих других. Издание книги ставит своей целью расширение методической базы, используемой в отечественных социальных исследованиях.

Для социологов, экономистов, психологов, преподавателей и студентов.

030 010-253
Б $\frac{030\ 010-253}{046(72)-93}$ 41 - II полугодие 1993

ББК 60.55

ISBN 5=02=013356=6

© С.А.Белановский, 1993

© Российская академия наук, 1993

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА 1993 ГОДА

Книга, предлагаемая вниманию читателя, была написана в два этапа: глава первая в 1987-1988 гг., прочие главы в 1990-1991 гг. За период с 1991 по 1993 г. книга довольно широко разошлась в "самиздате" в виде ксерокопий, причем не только в России, но и в странах СНГ, поэтому данное издание в каком-то смысле можно считать вторым. Автор получил от читателей немало откликов, за которые он им искренне благодарен.

В соответствии с изначальным замыслом книга представляет собой учебное пособие, состоящее из двух частей: методологической и методической. Методическая часть является учебником широкого профиля, предназначенным не только для социологов, но и для представителей смежных дисциплин: социальной психологии, журналистики, управленческого консультирования и др. Думается, что изучение методики интервьюирования было бы полезно и представителям ряда практических профессий, чья работа основана на контактах с людьми: менеджерам, преподавателям, врачам и т.д.

Методологическая часть (глава первая данной книги), в отличие от методической, предназначена главным образом для социологов. В ней содержится описание познавательных функций так называемых качественных методов исследования, к числу которых относится и фокусированное интервью. Одновременно критикуется своего рода "засилие" количественных методов и количественной методологии как в российских учебниках, так и в практике российских социологических исследований, что ведет к существенному снижению их результативности. При этом следует подчеркнуть, что уместное и корректное применение количественных методов никоим образом не подвергается критике.

За прошедшие годы и в стране, и в отечественной социологии произошли значимые перемены. С точки зрения тематики данной книги наиболее важная из них заключается в том, что изменилась структура российской социологии: широкое распространение получили репрезентативные опросы общественного мнения и вместе с тем почти до полного исчезновения свернулась вся отраслевая социология, связанная с исследованиями производства, управления, культуры, семьи и т.д. Этот структурный сдвиг, к сожалению, не нашел отражения в данной книге. Думается, что учесть его сейчас было невозможно, поскольку должно пройти какое-то время, прежде чем методический опыт, накапливаемый в сфере проведения опросов общественного мнения, будет осмыслен. Вместе с тем автор убежден, что качественные методы могли бы играть очень большую роль и в этих исследованиях.

По сравнению с вариантом 1991 г. текст книги не претерпел существенных изменений. Единственное исключение - помещение в конце первой главы нового раздела, озаглавленного "Дополнение 1993 года". Это "Дополнение" посвящено главным образом методологическому анализу роли социологической теории в эмпирических ис-

следованиях. Хотя данная тема выходит за рамки, объявленные в заглавии книги¹, необходимость ее рассмотрения была продиктована многочисленными вопросами, которые задавались автору как при обсуждениях, так и в ходе его преподавательской деятельности. В указанное "Дополнение" включен также краткий очерк истории развития отечественной социологии, поскольку, как показывает практика, не только учащиеся, но и многие преподаватели и исследователи плохо о ней осведомлены. Эта история имеет самое прямое отношение к сегодняшнему состоянию социальных исследований и социологического образования в нашей стране. Корректности ради следует указать, что "Дополнение" включено в текст непосредственно перед сдачей книги в типографию, поэтому отзывы рецензентов и рекомендательный гриф Комитета РФ по высшему образованию на него не распространяется.

Методологические взгляды автора, нашедшие отражение в данной книге, во многом восходят к научным семинарам российского философа и методолога Э.Г.Юдина, проводившимся в середине 70-х гг. Безвременная смерть этого замечательного человека прервала научный контакт с ним, однако на протяжении последующих лет автор по возможности внимательно следил за публикациями его коллег - участников семинара. Разумеется, ссыла на Э.Г.Юдина ни в коем случае не означает попытки возложить на него ответственность за содержание и качество данной книги: эту ответственность автор несет один.

Профессиональное образование и научные взгляды автора в решающей степени сформировались благодаря почти двадцатилетнему контакту с В.Ф.Чесноковой, которая в полном смысле может быть названа его учителем и наставником. Именно Чеснокова еще в 70-е гг. навела автора на мысль об активном использовании интервью в практике социологических исследований, что шло вразрез и с тогдашней, и сегодняшней практикой. Ей же автор обязан пониманием того, что наряду со сложившимся дисбалансом эмпирических методов решающим фактором научной неэффективности российской социологии является отсутствие в ней теоретических школ.

В изучении зарубежных источников по методике и технике интервьюирования огромную помощь автору оказала Т.Н.Федоровская, которой он приносит искреннюю благодарность. Автор благодарит также всех, кто своими откликами, вопросами и замечаниями способствовал улучшению текста книги.

Данная книга не смогла бы выйти в свет, если бы не широта взглядов, проявленная дирекцией Института народнохозяйственного прогнозирования РАН, которая взяла на себя финансирование этого непрофильного для экономистов издания после того, как дирекция Института социологии РАН, ориентируясь на отрицательный отзыв О.М.Масловой, исключила ее из плана.

Автор считает нужным пояснить, что его книгу не следует путать с книгой Р.Мертон, М.Фиске и П.Кендалл "Фокусированное интер-

¹Автор хотел изменить заглавие, однако издательство сочло это нецелесообразным, поскольку аннотация книги была уже опубликована в плане издания.

вью. Проблемы и методы”, перевод которой был издан тиражом 200 экз. в качестве учебного пособия на Высших социологических курсах при Институте молодежи (перевод Т.Н.Федоровской, научная редакция С.А.Белановского). Несмотря на сходство в названиях, эти книги почти не дублируют друг друга. Учítывая, что в ближайшее время никто не предполагает осуществить дополнительное издание книги Р.Мертонa и соавторов, очень важной для учебных и методических целей, автор готов бесплатно предоставлять всем желающим ее компьютерную копию (на дискете).

Автор будет благодарен за отклики и конструктивную критику его книги, а также за обсуждение поднятых в ней вопросов. Оценивая сегодняшнее положение российской социологии как неудовлетворительное и застойное, автор считает, что преодоление этого положения возможно только путем подъема социологического образования, который, в свою очередь, должен начаться с активизации издательской деятельности, направленной на ликвидацию обширных пробелов, связанных с 70-летней изоляцией российских гуманитарных наук от остального мира. Думается, что активную роль в этом процессе должны сыграть те, кто наиболее в нем заинтересован, т.е. студенты социологических факультетов. Всех разделяющих данную точку зрения автор призывает к консолидации усилий.

Отклики на книгу можно присылать по адресу: 117588, Москва, Тарусская 22-1-58, тел. 423-72-60.

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА 1991 ГОДА

Тема данной книги избрана автором не только потому, что методика и техника фокусированного интервью в отечественной литературе до сих пор практически не были описаны. Более широкая цель заключается в описании функций и значения метода в социальных исследованиях. Эта более широкая цель мотивируется, в свою очередь, тем, что в отечественной социальной науке при проведении эмпирических обследований часто не выполняется ряд важных методических принципов, вследствие чего исследовательский процесс приобретает своего рода “дисфункциональный” характер. Рост научного знания в этих условиях замедляется, либо прекращается, хотя количество собираемых эмпирических данных, число публикаций и затраты средств на исследования могут возрастать.

Общепризнано, что брежневская эпоха политического застоя породила застойные явления практически во всех сферах экономики и общественной жизни. Не избежала этого и социология. Быстрое развитие этой науки в период “хрущевской оттепели” было искусственно остановлено в начале 70-х годов. В результате на протяжении 15 “застойных” лет отечественная социология в значительной мере утратила достигнутый в 60-е годы относительно высокий (по сравнению с сегодняшним днем) теоретический и методологический уровень.

Главная потеря заключается, по-видимому, в утрате динамизма развития социологии как науки. Для советской социологии 60-х годов были характерны такие черты, как интенсивное заимствование зарубежного опыта (активно переводились теоретические и методические работы западных ученых), быстрое расширение исследовательской проблематики, обогащение методического арсенала исследований. Высокий тонус научной жизни привлекал в социологию внутренне мотивированных людей, ориентированных на науку как таковую, а не на служебную карьеру или иные внеученные цели. Результатом всего этого было динамичное развитие концептуальных представлений об обществе, которые, постепенно переходя из социологии в общественное сознание, способны были подготовить почву для проведения назревающих в стране преобразований.

Как известно, высоким потенциальным возможностям отечественной социологии 60-х годов не суждено было реализоваться. Разгром ведущих социологических центров, осуществленный по приказу ЦК КПСС в начале 70-х годов, введение жесткой цензуры и последовавший за этими мерами наплыв малоквалифицированных и ориентированных на политическую конъюнктуру работников прервали концептуальную преемственность и нарушили находившийся в стадии становления процесс воспроизводства научной среды (профессиональной субкультуры социологов), основанный на взаимодействии старшего и младшего поколений исследователей². Строго говоря, разгромлен был только один институт, а именно ИКСИ АН СССР (ныне ИС РАН), однако цензура и недопущение квалифицированных кадров на руководящие должности в академических институтах и ВУЗах были введены повсеместно. Переводы классических зарубежных работ были практически прекращены. Сузился как набор изучаемых проблем, так и арсенал методов эмпирических исследований. В результате отечественная социология не только перестала выполнять функцию познания общества, но и все более утрачивала связь с действительностью. Интерес к социологическим исследованиям в обществе сильно упал.

За годы "перестройки" облик российского общества радикально изменился. Возросла интенсивность обсуждения социальных и экономических проблем. Однако в социологии по всем признакам застой продолжается. Еще в брежневскую эпоху было заметно, что общественное сознание (в лице ведущих публицистов, практических работников и др.) намного опережало социологию по глубине осмысления общественных проблем. Ныне, по-видимому, этот разрыв еще более увеличился в связи с возросшей рефлексией общественного сознания. Кто-то удачно сказал, что наука в определенном отношении похожа на дом с толстыми стенами. Если снаружи холодает, то внутри еще долго может оставаться тепло; но когда снаружи теплеет, то в промерзшем доме на неопределенное время сохраняется холод.

²Строго говоря, разгромлен был только один институт, а именно ИКСИ АН СССР (ныне ИС РАН), однако цензура и недопущение квалифицированных кадров на руководящие должности в академических институтах и ВУЗах были введены повсеместно.

Для преодоления застоя в социологии необходимо поставить диагноз той социальной болезни, которая именуется словом "застой". Существует известное изречение, что врач, прежде чем браться за лечение больных, должен сначала исцелиться сам. Аналогично и социология для того, чтобы помочь обществу преодолеть стоящие перед ним проблемы, должна прежде осознать и преодолеть свои собственные внутренние болезни. Застой в науке можно, по-видимому, определить как стагнацию (отсутствие развития и обновления) концептуальных представлений и набора исследуемых проблем. Преодоление застоя соответственно должно означать возврат отечественной социологии к былому концептуальному динамизму 60-х годов.

Источниками концептуальной динамики науки являются теория и эмпирическая действительность. Важную роль в ускорении или торможении развития науки играет также ее институциональное устройство. Вопросы заимствования и инплантации на отечественную почву социологических теорий, а также вопросы реформы институционального устройства науки не являются предметом рассмотрения в данной книге³. Основным ее предметом является анализ и описание способов взаимодействия исследователя с изучаемой социальной действительностью.

Дисфункциональный характер сложившейся в отечественной социологии практики проведения эмпирических исследований можно проиллюстрировать на примере своего рода "классической" темы советской социологии - изучения причин текучести рабочих кадров на промышленных, строительных и транспортных предприятиях. Первые исследования, посвященные изучению этой проблемы, были проведены в СССР в начале 60-х годов и для своего времени явились крупным вкладом в возрождающуюся после периода сталинщины отечественную социальную науку. К концу 60-х годов Е.Антосенковым и рядом других исследователей были отработаны социологические анкеты, процедура опроса, принципы формирования выборки и другие важные методические вопросы. В определенном смысле можно сказать, что в этой узконаправленной области методический аппарат был отработан почти до совершенства.

Однако после десятилетия быстрого прогресса в данной проблемной области наступил застой, который, пожалуй, необъясним только вышеупомянутым идеологическим прессингом и репрессивными мерами. Этот застой выразался в том, что разработанные Антосенковым анкеты сотни, если не тысячи, раз с незначительными вариациями тиражировались различными социологическими лабораториями всех форм подчиненности и расположенными во всех частях страны. Данные многочисленных опросов давали картину весьма близкую к той, ка-

³Отметим лишь, что, по подсчетам Б.Н.Верпаховского, минимально необходимый список классических и известных во всем мире социологических трудов составляет около 100 наименований. Переведено на русский язык и издано из них не более 5%. Чтобы отечественная социология могла "взять старт", необходимо срочно перевести и издать эти 100-150 наименований книг, включив их в научный оборот и в систему социологического образования. За годы "перестройки" ни одно издательство и ни один научный институт не только не выполнили этой задачи, но даже и не приступили к ее реализации. Между тем подобная программа была реализована в такой слабообразованной стране, как Индия.

кую в свое время получили первые исследователи указанной проблемы. К этому или почти к этому свелся весь научный результат громадных усилий. Такой весьма скромный итог можно считать тем более поразительным, что процесс текучести кадров тесно взаимосвязан с общими процессами планирования, организации производства, труда и заработной платы, изучение которых социологическими методами могло быстро вывести исследователей на ключевую проблему советского производства, а именно проблему причин хронической неэффективности его работы⁴.

Как могло случиться, что за два десятилетия интенсивной работы советские социологи, среди которых были не только халтурщики, не заметили лежащих рядом фундаментальных проблем? В ответ можно сослаться на недостаток квалификации, прессинг со стороны некомпетентного начальства и другие аналогичные факторы. Причины такого рода действительно имели место, однако главный фактор заключался в самом стиле работы социологов. Используемый ими методический аппарат не обеспечил "самонастройку" исследования на наиболее актуальные проблемы, продолжая фокусировать их усилия на уже изученной ранее и не представлявшей большого интереса проблематике. Этим порождающим стагнацию аппаратом была и остается социологическая анкета с закрытыми вопросами.

Механизм возникновения стагнации прост. Разработка первых анкет по изучению причин текучести кадров потребовала от их составителей неординарных усилий. Социологи, работавшие в 50-е годы в НИИТруда, выезжали на предприятия, беседовали с рабочими, с руководителями производств, создавали пробные анкеты, методом проб и ошибок их отшлифовывали, осмыслили результаты и т.д. На это ушло целое десятилетие, и вряд ли этих начинавших с нуля исследователей можно упрекнуть в том, что они слишком затянули со сроками.

Что же произошло потом? Результаты исследований и образцы анкет были опубликованы, и это позволило численному растущему отряду промышленных социологов разрабатывать анкеты на основе имеющихся аналогов, не прибегая к интервьюированию и пилотажным исследованиям. Данная практика прервала непосредственный контакт исследователей с первичной социальной действительностью, перекрыв источник поступления в науку новых идей.

Сказанное ни в коей мере не означает, что автор является противником применения социологических анкет. Напротив, этот метод завоевал всемирную популярность, и в некоторых сферах (опросы общественного мнения, маркетинговые исследования и др.) способствовал достижению крупных научных и практических

⁴Перефразируя известное изречение Карла Менгера, можно сказать, что существовало поразительное различие между процессом планирования, как он описывался в экономических учебниках, и реальной практикой планового управления. Еще более поразительно, что на протяжении десятилетий никто не заметил и не описал этих различий. О том, какие крупные, практически значимые и лежащие буквально "на поверхности" проблемы были упущены советскими социологами, можно судить по опубликованным текстам интервью с Е.А. Антоновой, В.Н. Корсетовым, рабочим автобазы и др. [83, вып. 1, 2, 4], а также по производственным дневникам А.Н. Алексева [4].

результатов. Вместе с тем этот метод, как и все другие, во-первых, имеет границы своего применения и, во-вторых, требует специфичной "настройки" для получения точных, валидных и релевантных результатов. Оба эти вопроса явно недостаточно проработаны в отечественных учебных пособиях по проведению социологических исследований. Если процедуры разработки самих анкет описаны в них более или менее удовлетворительно, то "преданкетные" и "неанкетные" виды исследований остались в них практически за рамками рассмотрения. Таким образом, отечественные учебные пособия по проведению социологических исследований создали у практически работающих социологов неверную методическую ориентацию, которая, по нашему мнению, и явилась подлинной причиной застоя в социологических исследованиях.

Структура данной книги отражает изложенное выше понимание ее автором причин неэффективности отечественной социологии. Для автора было важным не только описать методику и технику неструктурированного интервью, но и показать методическую (функциональную) роль неколичественных методов в эмпирических социальных исследованиях. Рассмотрению этого вопроса посвящена глава 1, которая, возможно, получилась несколько сложной для восприятия, но абсолютно необходима с точки зрения общего композиционного замысла.

Из всего набора неколичественных исследовательских методик автором для подробного описания избрано свободное (неструктурированное) интервью. Это обусловлено как личным опытом автора, работавшим в основном этим методом на протяжении последних пятнадцати лет, так и тем, что из всех "гибких" методов интервью является наиболее распространенным, наиболее доступным и вместе с тем наиболее универсальным методом. Близкий к интервью метод анализа личных документов описан польским социологом Яном Щепаньским в книге "Настольная книга по эмпирической социологии" (составитель Рене Кениг) [160], которая, к сожалению, до сих пор не опубликована на русском языке. Что же касается включенного наблюдения, то автор никогда им не занимался и мало что может сказать о специфике этого метода. Остается надеяться, что об этом методе напишет петербургский социолог А.Н.Алексеев, который отдал ему немало лет своей жизни.

Источниками для написания данной книги явились как личный опыт ее автора, так и изучение зарубежных методических аналогов (учебных пособий по интервьюированию). Следует оговорить, что личный опыт автора ограничен в основном сферой исследований в области промышленности, и это, возможно, повлияло на стиль изложения, в чем-то, может быть, сместив акценты. Этот недостаток не под силу исправить самому автору, и исправлен он будет только тогда, когда в нашей стране будет написано еще несколько учебных пособий теми социологами, которые работают в других предметных областях, и, возможно, применяют иные методические принципы.

Изучение зарубежных книг по методике интервьюирования сыграло большую роль в написании данной книги. С одной стороны,

многие выработанные западными авторами положения совпали с наработками самого автора, что придало уверенности и способствовало улучшению стилистической формы подачи материала. С другой стороны, эта литература во многом помогла автору преодолеть узость и недостаточность собственного опыта. В ряде разделов собственные наработки автора сочетаются с реферированием зарубежных источников; оправданием здесь служит тот факт, что эти источники до сих пор не переведены на русский язык и вряд ли в обозримом будущем будут изданы.

Автор надеется, что его книга будет полезна социологам и представителям смежных научных дисциплин, и потому найдет заинтересованного читателя.

Глава первая

КОЛИЧЕСТВЕННЫЕ И КАЧЕСТВЕННЫЕ МЕТОДЫ В СОЦИАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Как уже было сказано в предисловии, одна из основных причин низкой познавательной эффективности проводимых в нашей стране социологических исследований заключается в том, что анкета с закрытыми вопросами стала доминирующим методическим инструментом, подменившим собой весь наработанный наукой арсенал социологических методик. Причины такой подмены видятся в неверной методологической ориентации, которая заложена практически во все изданные в нашей стране учебные пособия по проведению социологических исследований [23; 65; 86; 132 и др.], а также в учебные планы высших учебных заведений и социологических аспирантур. В связи с этим простое описание методики и техники неструктурированного интервью, а также других "гибких" методов социального исследования представляется недостаточным для исправления сложившегося в отечественной социологии неэффективного стиля работы. Не менее важной представляется задача критического рассмотрения тех методологических принципов, которые явно или неявно лежат в основе подавляющего большинства проводящихся в нашей стране социологических исследований. Целью данного рассмотрения является описание методических характеристик и установление зон применимости количественных и неколичественных методик, принципов их взаимодействия в конкретных исследованиях, а также резкое повышение "статуса" неколичественных методов исследования. Под повышением статуса этих методов в данном случае понимается существенный рост их теоретического значения, частоты применения и увеличение удельного веса расходуемых на них исследовательских ресурсов.

Критику методологических основ отечественных социологических учебников следует начать с краткого описания роли методологии вообще и характера ее влияния на конкретные научные исследования.

1.1. Методология науки и исследовательский процесс

Методологией обычно называют рефлексивное описание принципов научного исследования, то есть своего рода "самосознание" научной деятельности. В учебниках и научных трудах обычно пишут о необходимости знания методологии и ее позитивной роли для исследовательского процесса. С нашей точки зрения, влияние методологии не следует оценивать столь однозначно, поскольку неадекватная методология может оказывать сильное деструктивное влияние на научную деятельность.

В науке, как и во всякой другой человеческой деятельности, обыденное знание занятых этой деятельностью людей взаимодействует и конкурирует с научным (систематизированным и рефлексивным) знанием этого же предмета. Практически работающие ученые, занятые в той или иной сфере науки, руководствуются в своей деятельности определенными (не всегда ясно выраженными) представлениями о целях познания, природе научного знания, критериях верификации и иными гносеологическими постулатами, образующими "неявную" или "обыденную" методологию. Наряду с этим, по причинам как мировоззренческого характера, так и внутренних потребностей науки в рефлексивном описании гносеологических оснований познавательной деятельности, неявные методологические взгляды ученых подвергались и подвергаются систематической проработке. Результатом такого процесса является формирование развитых гносеологических концепций, или теорий познания.

Говоря упрощенно, рефлексивное описание методологии научного исследования в гносеологических концепциях может быть "адекватным" либо "неадекватным" тем методологическим принципам, которыми ученые реально руководствуются в своей деятельности. Воздействие неадекватных теорий познания на научную деятельность неоднозначно. На реально работающих, "сложившихся", принадлежащих сильным научным школам, ученых указанные концепции действуют, по-видимому, слабо, так как такие ученые либо игнорируют эти концепции, либо воспринимают их на декларативном уровне, руководствуясь в своей деятельности иными, слабо отрефлексированными принципами. В качестве примера можно указать, что официально провозглашавшаяся методология диалектического материализма не помешала советским ученым-ядерщикам создать атомную бомбу, хотя многие из них, по свидетельству А.Д.Сахарова, искренне верили в истинность этого учения.

Иное, намного более сильное, воздействие гносеологические концепции могут оказать на начинающих ученых и на формирующиеся научные направления, которые в процессе своей деятельности еще не успели создать достаточно развитую собственную методологию, способную противостоять неадекватному методологическому давлению извне. В этом случае неадекватные методологические принципы спо-

собны существенно деформировать стиль научного мышления, искажая и выхолащивая результаты исследовательской деятельности, а также препятствуя формированию эффективно работающих научных школ. Именно такое положение создалось, по нашему мнению, в российской общественной науке, в первую очередь, социологии.

Источник возникновения неадекватных методологических концепций видится прежде всего в том, что сфера науки объединяет в себе большое число разнородных интеллектуальных дисциплин, обладающих собственной логикой развития и собственными обыденными методологиями. В связи с этим проблематичен вопрос о том, в какой мере может быть создана единая методология науки, адекватная одновременно всему спектру научных дисциплин. Интеллектуальная деятельность во всех научных дисциплинах имеет, по-видимому, много общего, но и различия также не должны сбрасываться со счета. Эти различия часто не учитываются авторами методологических концепций, стремящимися распространить их на науку в целом.

Таким образом, причина возникновения неадекватных методологий видится в своего рода "методологических интервенциях", т. е. попытках неправомерного переноса методологических рефлексий, адекватных, возможно, тем узким предметным областям, в которых они зародились, на иные, непохожие на них научные ситуации и предметные области. Систематическое описание таких интервенций выходит за рамки данной работы. Для нас важно отметить, что источником этих интервенций часто являлись так называемые "точные" науки (математика, физика, отчасти даже технология), а излюбленным объектом экспансии - социальные науки (психология, социология, экономика).

Результаты таких интервенций не следует оценивать однозначно негативно. Распространяясь по науке, они во многих областях вызвали реакцию отторжения в силу своей явной неадекватности. Вместе с тем время от времени находились порой весьма неожиданные предметные сферы, свойства объектов которых оказывались в чем-то сродни свойствам физических и математических объектов. В этих удачных случаях позитивистские и технократические методологии индуцировали быстрый рост новых и перспективных научных направлений: социальная статистика, бихевиоризм и др. Однако претензии на универсальность этих методологий и свойственная им амбициозность были ни в коем случае не обоснованы. Притязания такого рода не всегда приносили вред: те области науки, которые обладали развитым теоретическим и методологическим аппаратом, сравнительно легко отбивали "атаку". Лишь в тех случаях, когда методологический "иммунитет" той или иной научной области (или научного сообщества) по каким-то причинам не вырабатывался или был ослаблен, вторжение неадекватной методологии могло нарушить естественный ход формирования собственных теоретико-методологических школ.

Явления такого рода не следует, конечно, драматизировать, поскольку в нормально функционирующих научных сообществах влияние неадекватных методологий с течением времени всегда преодолевается, причем осмысление этого опыта в конечном счете укреп

ляет научную дисциплину и способствует развитию ее "иммунной системы". Намного более разрушительное воздействие подобные интервенции оказывают на науки, развивающиеся в условиях авторитарного государства, где существует возможность административно насаждать одни научные направления и запрещать (либо просто лишать поддержки) другие. История советской науки знает немало примеров, когда бесперспективные, а порой и антинаучные взгляды становились официальной точкой зрения, надолго блокируя процесс ее развития.

Методологическую ориентацию, сложившуюся в отечественных социальных науках (экономике и социологии), в первом приближении можно охарактеризовать как "количественную", т. е. ориентированную на сбор и анализ цифровой информации. В экономике количественная ориентация методологического мышления связана как с определенной традицией, так и с тем, что в качестве источника эмпирических данных отечественные экономисты привыкли использовать аппарат государственной статистики. В целом можно сказать, что отсутствие в научной дисциплине интереса к методологическим проблемам отражает если не стагнацию этой дисциплины, то стабилизацию в ней основных направлений научной деятельности и используемых методик. Учебных пособий или научных работ, посвященных рассмотрению методологических проблем экономического исследования в СССР, насколько известно, не издавалось. Между тем, высокая потребность в таких обследованиях, ориентированных на "понимание" экономических проблем, хорошо осознавалась многими ведущими экономистами нашей страны.

Причины доминирования "количественной" ориентации в отечественной социологии требуют более подробного рассмотрения.

Для начала следует указать, что количественные методыобладают своими зонами релевантности и в экономике, и в социологии, однако в экономике эти зоны, по-видимому, значительно более обширны. В частности, в отличие от экономических работ, базирующихся на малоподвижном наборе статистических показателей, эмпирические работы в социологии осуществляются по принципу мобильных обследований. Это обстоятельство с большей остротой ставит перед научным работником вопросы о целях исследования и о выборе адекватных этим целям методических средств, требуя тем самым более высокого уровня методологической рефлексии. Этим, по-видимому, в значительной мере объясняется тот факт, что интерес к методологическим проблемам у социологов традиционно более высок.

По-видимому, В.А.Ядов был первым российским автором, давшим в своих работах описание методологической концепции проведения эмпирических исследований в социологии. Работы В.А.Ядова были для своего времени крупным вкладом в отечественную науку и существенно повысили уровень профессиональной грамотности социологов. Его книга "Социологическое исследование. Методология, программа, методы" была и остается до настоящего времени одним из наиболее удачных и широко читаемых учебных пособий по методике и технике социологического исследования. К сожалению, в методических публикациях последующих лет изложенная Ядовым

аргументация не получила сколько-нибудь заметной доработки и развития, что отражало общий процесс стагнации социологической мысли в СССР в 70-х и 80-х годах. Различные авторы могли находить новые удачные словесные формулировки, дополнять или видоизменять указанный первоисточник, но не было предпринято ни одной попытки осуществить крупный сдвиг в разработке методологических принципов проведения социологических исследований. Тот факт, что работы В.А.Ядова двадцатилетней давности в части описания этапов исследования, предшествующих массовому опросу, по своей широте и основательности остаются непревзойденными, свидетельствует не о развитии, а скорее о сужении сферы методического сознания социологов. Отсутствие активной методологической работы явилось одной из основных причин деградации социологических работ до уровня "унылого эмпиризма", зачастую сопровождаемого грубыми методическими ошибками, допущенными на этапе разработки инструментария и сбора информации.

Анализ методологической концепции В.А.Ядова требует некоторых предварительных пояснений. Дело в том, что вследствие существовавших цензурных требований, названия глав и параграфов учебников по социологии советского периода не соответствуют их действительному содержанию. Главы, в названии которых фигурировало слово "методология", посвящались описанию так называемой марксистско-ленинской методологии. Эти разделы были данью цензуре, и никакого иного смысла сами авторы в них не вкладывали. Вред такого положения заключался в том, что слово "методология" оказалось прочно сцеплено с идеологическим контекстом и потому реальной научной нагрузки уже нести не могло.

В результате сложилась ситуация, когда собственно методологические проблемы стали излагаться в методических главах, посвященных описанию программы социологического исследования. При этом невозможность пользоваться адекватной терминологией явно снизила уровень методологической рефлексии и существенно затруднила процесс научного обсуждения этих проблем. Многие ключевые методологические посылки излагаются в текстах учебников как бы неявно. Обсуждение этих посылок требует поэтому их предварительного извлечения из контекста.

Изложим путем цитирования обоснование и принципы разработки программы социологического исследования, ориентируясь при этом на общеизвестные методические источники. Описание программы исследования как методического этапа в отечественных учебниках обычно включает в себя следующие основные элементы: а) описание программы и составляющих ее разделов; б) тезис о необходимости теоретического обоснования программы; в) формулирование принципа, что целью эмпирического исследования является проверка гипотез; г) указание на нежелательность проведения беспрограммных исследований.

А. Что такое программа исследования

1. Важным показателем высокой методологической культуры исследования является его четкая структурированность, т. е. выделение

в нем таких элементов, как общие и частные задачи, гипотезы, методы и пр., а также увязка этих элементов друг с другом [65, с. 145].

2. Программа - это особый вид описания исследования на стадии его планирования, направленный на упорядочение внутренней структуры и внешних связей исследования с целью повышения его научно-организационной эффективности. Функции программы имеют двоякий характер: научно-познавательный и научно-организационный [65, с. 147-148].

3. Программа исследования - это изложение его теоретико-методологических предпосылок (общей концепции) в соответствии с основными целями предпринимаемой работы и гипотез исследования с указанием правил процедуры, а также логической последовательности операций для их проверки. Программа включает в себя методологический и процедурный разделы и дополняется рабочим планом [132, с. 35].

4. Построение программы исследования - это изложение логики и методов анализа объекта соответственно решаемым задачам. Программа - теоретический документ, отвечающий ряду необходимых требований, все части которого связаны в единое целое. Программа должна четко отвечать на вопрос: на решение какой проблемы и на получение какого результата ориентируется данное исследование [86, с. 125, 129].

Б. Теоретическое обоснование программы.

(Вводится тезис о теоретическом характере научного знания)

5. Судьба социологического исследования, значимость его теоретических и практических результатов зависят от его теоретического обоснования, удачного выбора рабочих гипотез и системы эмпирических показателей. Плохо обоснованное, с теоретической точки зрения, исследование приводит к ничтожным теоретическим выводам, неэффективным практическим результатам и часто совершенно не оправдывает значительных материальных ресурсов, затрачиваемых на его проведение. Направляющее воздействие исходных теоретических положений в социологическом исследовании проявляется в постановке целей и задач исследования, а также в выборе методов и процедур по сбору и обработке информации [86, с. 125].

6. Чтобы быть плодотворным, исследование должно быть направленным, а это может быть только тогда, когда оно основано на достаточно точных теоретических моделях. Создание теоретических моделей для направленности эмпирического исследования является, вероятно, самой трудной фазой всего социологического исследования [69, с. 109].

7. Направляющее воздействие исходных теоретических положений в социологическом исследовании проявляется в постановке целей и задач исследования, а также в выборе методов и процедур по сбору и обработке информации [86, с. 125].

В. Выдвижение и проверка гипотез

8. Социологическое исследование, как правило, начинается с выдвижения гипотезы [23, с. 142].

9. Гипотеза - это главный методологический инструмент,

организуемый весь процесс исследования и подчиняющийся его внутренней логике. В социологическом исследовании гипотезы - это обоснованные предположения о структуре социальных объектов, характере связей между изучаемыми социальными явлениями и возможных подходах к решению социальных проблем [132, с. 52].

10. Основная функция гипотез состоит в проверке тех зависимостей, которые включены в теоретическую схему объекта [65, с. 174].

11. Основная задача сбора информации - обеспечить подтверждение (верификацию) рабочих гипотез или их неподтверждение (фальсификацию). Этой основной задаче и должен быть подчинен план сбора информации [23, с. 143].

12. Основная гипотеза исследования обычно состоит из достаточно общих категорий. В связи с этим к ней неприложим аппарат проверки статистических гипотез. Чтобы перейти к использованию этого аппарата, необходимо наряду с выдвижением основной гипотезы разработать комплекс частных рабочих гипотез. Редукция понятий, входящих в основную гипотезу, завершает подготовительную, теоретическую стадию исследования, а вслед за ней идет стадия техническая, центральным моментом которой является сбор информации, а начальным этапом - разработка инструментария [23, с. 142-143].

Г. Последствия беспрограммного проведения исследований.

(Дается ответ на вопрос, что будет, если социолог начнет проводить исследование без программы)

13. Разумеется, даже если нет письменной программы, ученый всегда работает по более или менее четко осознанному структурированному плану, который и играет организующую роль. Но при изучении сложных социальных объектов, когда приходится учитывать многочисленные связи образующих их элементов, использовать различные подходы к их описанию и разные методы, такого рода "внутренние" планы становятся недостаточными [65, с. 148].

14. Беспрограммное исследование напоминает поиск методом проб и ошибок: расход энергии часто не оправдывает познавательный эффект. В ходе исследования обнаруживается, что понятия не "покрываются" исследовательскими данными, при отсутствии гипотез неясно, как обрабатывать материал. Попытки выяснить эти вопросы на стадии анализа уже собранных данных приводят к разочарованиям: материал был собран не полностью, выборка не удовлетворяет задачам работы, получены ответы не на те вопросы, которые планировались вначале. В конце работы исследователи приходят к выводу, что теперь они проделали бы все это совершенно иначе [132, с. 68].

15. Интуитивный набросок программы, несколько смутных идей о целях исследования и характере нужного эмпирического материала не могут заменить строгую обоснованность всех исходных посылок и правил процедуры [132, с. 75].

Приведенные выше методические выдержки вырисовывают определенную систему взглядов, или концепцию социолога-эмпирика о том, что является социологическим исследованием, каковы цели социологии и каков методический аппарат их достижения. Как и во всякой концепции, наличие в ней ряда детально проработанных элементов

("ядро" или "фокус" концепции) сочетается со слабо проработанными элементами, образующими ее "периферию". За пределами концепции остается ряд неформулируемых постулатов, образующих границы ее применимости. В принципе наличие в любой концепции непроработанных элементов и неявных предпосылок представляет нормальное явление. Однако монопольное положение концепции и вытекающее из этого отсутствие взаимодействия с другими системами взглядов и с более широким научным контекстом порождает, во-первых, ее стагнацию, и во-вторых, иллюзию полноты и универсальности. Указанная иллюзия создала в методологическом сознании отечественных социологов существенный "крен" в сторону количественной ориентации, результатом которого стало снижение содержательности эмпирических исследований.

Изначально основной пафос изложенной выше методической концепции заключался, по-видимому, в следующем. Массовый опрос - это трудоемкая процедура, требующая для своего осуществления больших затрат времени и исследовательских ресурсов. Уже по одной этой причине нельзя проводить такие опросы частыми итерациями, корректируя инструментарий непосредственно в ходе полевых исследований. Кроме того, в социологии действуют определенные этические принципы. Проведение массовых опросов базируется на том, что в обществе имеется определенный ресурс доверия и готовности сотрудничать с социологами. Частые и безответственные опросы истощают этот ресурс и подрывают основу для использования данного метода в будущем. Особенно резко истощение ресурса происходит в тех случаях, когда исследователь вследствие допущенных им методических ошибок пытается осуществить повторное анкетирование среди той же совокупности опрошиваемых (подобные случаи имели место на практике). Во избежание бессмысленной траты исследовательских ресурсов и готовности общества участвовать в опросах авторы рассматриваемой методической концепции сформулировали следующие принципы:

1. При подготовке исследования необходимо тщательно рефлексировать его цели и гипотезы. Безответственно проводить массовое обследование исходя из неотрефлексированных, смутных и противоречивых представлений.

2. Необходимо не допускать методических ошибок при разработке инструментария и сбора информации. Методический аппарат массовых опросов отработан несколькими поколениями социологов, и во многих отношениях доведен до совершенства. Недопустимо игнорировать этот опыт и обучаться заново методом "проб и ошибок".

Указанные принципы представляются однако неполными, поскольку в них отсутствует гносеологическое обоснование, то есть ответ на вопрос о научных целях социологических исследований. Для обоснования познавательной значимости исследований и заполнения логической брешы в вопросе о том, откуда берутся подлежащие проверке теории и гипотезы, в рассматриваемую методическую концепцию были включены следующие методологические положения:

1. Позитивистский тезис о том, что целью исследования является

подтверждение либо опровержение гипотез, и что этот процесс сам по себе обеспечивает рост научного знания (см. цитату N 11, где это сказано особенно четко). Критерий эмпирической проверки объявляется единственным критерием правильности теории, а правильность теории - единственным критерием ее научной значимости. Процесс формирования теорий выглядит стохастичным, поскольку иное не оговаривается. До стадии окончательной проверки все "правдоподобные" гипотезы равнозначны и имеют одинаковое право на существование. Прошедшие проверку гипотезы получают статус "истинных" и также обладают равной значимостью друг с другом. Проблема различия научной значимости гипотез в зависимости от их проблемной фокусировки в рамках данной системы взглядов не рассматривается¹.

2. Упрощенный интуитивистский тезис о том, что процесс формирования теоретического знания и гипотез - это индивидуальный психологический акт, плохо поддающийся рефлексии. Характерно высказывание по этому поводу В.А.Ядова в первом издании его книги: "Логика научного исследования предлагает нам аппарат, объясняющий способы проверки гипотез, приемы их развертывания в систему проверяемых предположений. Но источники формирования гипотез таятся в интеллектуальных механизмах, которые изучены далеко недостаточно. Исходные посылки социологических гипотез черпаются где-то на грани между *ограниченными и бессистемными*² наблюдениями реальных событий и системой объяснения этих событий в понятиях имеющейся социологической теории" [131, с. 63]. Следствием данного интуитивистского тезиса является вывод о принципиальной невозможности сформулировать методические рекомендации по разработке теорий. Тезис о спонтанном психологическом механизме выдвижения гипотез по сути равнозначен тезису о стохастическом их возникновении и теоретическом равноправии.

3. Наконец, неявно предполагается, что в социологии метод массового опроса является если не единственным, то основным средством проверки гипотез. Проверка гипотез мыслится исключительно как статистическая процедура. Отсюда следует, что все социологические исследования обязательно должны включать в себя этап анкетного опроса, а прочие этапы и прочие исследовательские методы вспомогательны по отношению к нему. Кратко это можно сформулировать в виде тезиса: социологическое исследование - это анкетный опрос плюс некоторые дополняющие его методы.

Проведенный выше анализ показывает, что при разработке методических принципов социологических исследований первоначальные

¹Оспаривая тезис о произвольной проблемной фокусировке возникающих научных концепций, Ст.Тулмин указывает: "Ученые не могут всерьез принять концептуальное предложение просто потому, что оно избегает противоречий с достоверными результатами предшествующего опыта. Скорее они будут рассматривать новое предложение с оглядкой на какую-то группу проблем, исследуя, какой вклад оно может внести в возможное решение этих проблем" [112, с. 209].

²Выделено нами - С.Б. Собственно говоря, главная задача данной монографии заключается в рассмотрении вопроса о том, как на этапе интуитивной разработки теорий перейти от бессистемных наблюдений к систематическим.

технические рекомендации по проведению массовых опросов были построены определенными гносеологическими постулатами и получившийся "гибрид" занял место методологической концепции социологического исследования. Эта концепция сфокусирована на детальном рассмотрении этапов исследования, непосредственно предшествующих массовому опросу. Предлагается следующая схема: из теории выводятся гипотезы, из которых затем дедуктивным методом формируются рабочие гипотезы (гипотезы-следствия), далее идут этапы операционализации основных понятий, разработки инструментария, пилотажного исследования, за которым следует массовый опрос. Чем дальше мы продвигаемся по оси "теория - массовый опрос" в сторону опроса, тем более детальными и конкретными становятся рекомендации и методические указания. Напротив, при движении по этой же оси в обратном направлении рекомендации становятся все более туманными. Сами вопросы разработки теорий оставлены за пределами рассмотрения. О них говорится лишь, что это "самый ответственный" и "самый трудный" этап социологического исследования (см. цитату N 6).

Внимательное рассмотрение описанных выше взаимоотношений между теорией, гипотезами и доказательством приводит к своего рода тавтологии. В самом деле, в чем состоит в рамках рассматриваемой системы взгляд на различие между теорией и гипотезой? Гипотеза, или совокупность взаимосвязанных гипотез - это и есть нуждающаяся в доказательстве теория. Сказанное можно записать в виде формулы:

$$\begin{array}{ccccc} \text{правильные} & & \text{методика} & & \text{доказанная} \\ \text{гипотезы} & + & \text{доказательства} & = & \text{теория} \end{array}$$

Призыв конструировать гипотезы, следовательно, означает: разрабатывать теорию до ее эмпирической проверки. Получается тавтология: чтобы создать теорию, надо сначала ее создать, а потом проверить. Как же в таком случае ее создавать? Ответ В.А.Ядова: "ограниченными и бессистемными наблюдениями" вряд ли может кого-то удовлетворить³.

Достраивание методических принципов проведения массовых опросов описанными выше гносеологическими (в основном позитивистскими) постулатами произошло, по-видимому, по следующей причине. В отечественной методической литературе мало где оговаривается тот факт, что репрезентативные массовые опросы возникли и используются в западных странах главным образом как инструмент прикладных исследований в сфере политики и коммерческой деятельности. В политической сфере массовые опросы используются в основном для предсказания результатов выборов и определения мнений населения по вопросам текущей политики (главным образом по кругу вопросов, дебатированных в парламенте и иных представительных органах). В коммерческих исследованиях главными

³Из второго издания своей книги В.А.Ядов исключил эту фразу, хотя тезис о формировании теорий на стыке между эмпирическими наблюдениями и интерпретацией этих наблюдений в понятиях социологической теории, безусловно, правилен.

целями являются определение емкости рынка по конкретным видам товаров, эффективности рекламы и иных аналогичных проблем. Именно в этих сферах метод массового опроса прошел период своего становления и завоевал высокую популярность. В противоположность этому в научно-поисковых исследованиях эффективность метода массовых опросов далеко не очевидна. Не только в теоретических, но и во многих эмпирических работах, получивших всемирную известность, метод анкетного опроса (включая формализованные интервью) либо вообще не применялся, либо применялся в сочетании с другими методами⁴, и практически нигде не играл такой ведущей и абсолютно доминирующей роли, как это имеет место в исследованиях, проводимых в России. Что же касается текущих исследований (не оставивших заметного следа в истории социологической мысли), то в них, как на Западе, так и в нашей стране, часто доминировали малоинтересные и бессодержательные результаты. "Унылый эмпиризм" этих исследований неоднократно подвергался критике со стороны социологов, о чем свидетельствует, к примеру, следующее высказывание: "Не становится ли социология мелочной и ничтожной наукой, делающей легкие вещи, потому что здесь возможны точность, и обходящей трудные, так как они неопределенны?" Социологические журналы заполняются описательными, а порой и бессмысленными статьями (о социологической структуре больницы, влиянии территориальной отдаленности на заключение браков, поведении музыкантов симфонического оркестра во время репетиции и т.п.). Социология, лишенная больших идей, смахивает на глухого, бормочущего ответы на вопросы, которых никто не задавал". [43, с. 131-132]⁵.

Возведение технических принципов подготовки и проведения массовых опросов в ранг познавательной концепции оказало существенное влияние на практику социологических исследований в нашей стране. Гносеологическая неполнота представлений о конечных целях научной деятельности сдвинула социологию в сторону количественных методов исследования в ущерб методам, ориентированным на достижение качественного понимания исследуемых проблем. Тезис о том, что доказательство главной цель исследования, строго говоря, означает: задача социолога сводится к тому, чтобы что-то доказать, по сути неважно что. Это напоминает известную фразу из анекдота: "Некогда думать, трясти надо". Примат доказательства в методологическом мышлении привел к тому, что из социологии исчезли идеи и теории как таковые, и в результате стало нечего доказывать.

Принятие описанной выше ориентированной на доказательство

⁴В сфере индустриальной социологии в качестве примеров можно привести классические работы Э.Мэйо, У.Уайта, Ф.Херцберга и других авторов.

⁵Если вспомнить основоположников социологии как науки: Ф.Тенниса, М.Вебера, Э.Дюркгейма и др., то они вообще не проводили опросов и не были эмпириками в современном смысле этого слова. Кем они были - так это очень внимательными социальными наблюдателями (и в этом смысле эмпириками, а не фантазерами). Подняв на основе своих наблюдений социологическую теорию на непревзойденную до сих пор высоту, они косвенно показали, что чрезмерная эмпирическая ориентация парадоксальным образом вредит науке, способствуя вытеснению из нее крупных идей.

методологической концепции в качестве руководства к действию привело к утрате более широкого познавательного контекста, придающего смысл и обоснование исследовательскому процессу. В частности, в указанной концепции полностью отсутствуют какие-либо положения о природе научного знания, проблеме его роста и обновления, формировании теоретического образа проблемной ситуации и исследуемого объекта. Не был поставлен "основной вопрос" методологии социального исследования, который может быть сформулирован следующим образом: как отличить концепции или гипотезы, заслуживающие логического развития и эмпирической проверки от концепций и гипотез, этого не заслуживающих? Как формировать такие концепции, которые обеспечивают прогресс научного знания?

Отказ от рассмотрения этих проблем со ссылкой на иррациональный характер научного творчества и невозможность его алгоритмизации представляется нам формой уклонения от рассмотрения этих трудных вопросов. Элементы "неартикулируемого" (неалгоритмизованного, неотрефлексированного) знания существуют во всех сферах человеческой деятельности [81, с. 129]. Не подлежит сомнению, что удельный вес таких элементов знания ("искусство", навык, интуиция и т.п.) весьма значителен в методических алгоритмах, используемых на всех этапах исследования, включая не только разработку теории и выдвижение гипотез, но и операционализацию понятий, разработку вопросников, технику опроса, и даже "технология" формирования выборки. Тот факт, что доля неартикулированного знания в алгоритмах разработки теорий и гипотез, по-видимому, более велика, не отменяет необходимости рефлексивного изучения этих алгоритмов и опоры на них в исследовательской практике.

Чтобы служить руководством к действию, эффективным средством обучения молодых социологов и средством воспроизводства профессиональной культуры эмпирической социологии, гносеологическая концепция социологического исследования должна адекватно отражать реальный ход исследовательских процессов. Под исследовательскими процессами в данном случае понимается не вся совокупность эмпирических исследований, а те из них, которые могут быть названы "успешными", т. е. давшие значимые научные результаты, получившие широкую известность и ставшие "классическими". Лишь после составления такого рефлексивного описания методологические принципы проведения социального исследования могут быть рассмотрены заново и необходимым образом скорректированы.

1.2. Качественное знание и его роль в научном исследовании

Как было отмечено в начале предыдущего параграфа, вопросы о природе научного знания и алгоритмах его формирования трактуются по-разному в различных гносеологических концепциях. В целом можно сказать, что в сфере гносеологических представлений существовало и продолжает существовать определенное противостояние между количественной и качественной традициями. Количественная

традиция в гносеологии опирается на комплекс позитивистских представлений, рассматривающих формирование концепций как детерминированную индуктивную процедуру восхождения от фактов к обобщающей теории. Количественная ориентация данной гносеологической системы вытекает из необходимости строгой фиксации исследуемых "фактов". Противостоящая ей качественная традиция, которая может быть охарактеризована как интуитивистская, склонна рассматривать образование концептуальных представлений как процесс формирования образов. "Подчеркивание в эпистемологии качественного распознавания образа как исходного по отношению к распознаванию его атомарных частиц, могущих быть квантифицированными" [40, с. 326], основывается на способности человека формировать целостное представление ("гештальт") об исследуемом предмете в условиях неизбежно неполной и противоречивой информации.

Задача сравнительного и исторического анализа мировоззренческих систем, стоящих за количественным и качественным подходами, выходит за рамки данной монографии. Для дальнейшего изложения важно лишь, что "влиятельность" (т. е. степень научной значимости, общественного признания) этих подходов в различные периоды развития науки были неодинаковыми, причем существенно изменялось не только сравнительная "популярность", но и гносеологическое обоснование обоих подходов. Указанные колебания оказывали значительное влияние на практику конкретных эмпирических обследований, включая как постановку целей, так и выбор исследовательских методик.

К настоящему времени гносеологическая концепция логического позитивизма, ориентирующаяся на количественный идеал строгого научного знания, по-видимому, себя исчерпала⁶. Противостоящие этой системе познавательные концепции, развитые, в частности, последователями К.Поппера [106; 112; 114;], концентрируют свое внимание на качественных аспектах знания, т. е. на проблемах развития и трансформации концептуальных систем. Излагаемые в данном параграфе взгляды на процесс развития научного знания во многом опираются на работы авторов этой школы. В соответствии с названной традицией, рост знания в науке вообще, и в социальных науках в частности, рассматривается не как накопление эмпирических наблюдений, а как процесс развития концепций, включающий в себя их развертывание, трансформацию и замену лучшими (более удовлетворительными) [82, с. 325]. Концепциями в данном случае называются логически упорядоченные системы представлений, прослеживающие достаточно длинные цепи причинно-следственных связей между исследуемыми явлениями. Будучи концептуально организованным, фундаментальное научное знание по своей природе является не столько количественным, сколько качественным, поскольку

⁶Автор хочет оговорить, что он отнюдь не является сторонником высокомерной и зачастую безграмотной критики позитивистской гносеологии, распространенной в отечественной литературе. В условиях, когда отечественную общественную науку захлестывает поток демагогии, применение жестких позитивистских критериев осмысленности и значения высказываний (отсекание неоперациональных высказываний и т.п.) могло бы оздоровляюще подействовать на научную атмосферу.

количественные данные могут служить составными элементами или даже "опорой" концептуальных систем, но не могут образовывать их логический каркас. Только в исследованиях, связанных с прикладными проблемами, количественное знание приобретает роль конечного результата научной работы, формируя основу для принятия практических решений. В широком смысле под качественным знанием в данной работе будет пониматься совокупность теоретических представлений ученого, касающихся исследуемых им проблем. В отличие от концепций, которые представляют собой более или менее завершенные логические конструкции, качественное знание включает в себя также большое число недоработанных и не до конца отрефлектированных концептуальных представлений, не находящихся в логическом единстве друг с другом. Иными словами, качественное знание - это своего рода "маточный раствор", из которого ученый в процессе своей работы выкристаллизовывает теории и концепции. Развитые концептуальные системы представляют собой предельную форму качественного знания, своего рода конечный продукт деятельности ученого. В процессе исследований концептуальные взгляды ученых развиваются, трансформируются и обновляются. Развитие концепции представляет процесс ее дедуктивного развертывания, включающий прослеживание все более отдаленных следствий, расширение охвата рассматриваемых явлений, и соединение данной концепции с другими концептуальными системами. Процесс развертывания концепции порождает проблемы сохранения логической совместимости ее составных частей, согласованности с другими концепциями и с наблюдаемыми явлениями. Накопление противоречий с течением времени должно повлечь за собой ответную реакцию в виде: а) приспособления концепции путем изменения частных ее элементов; б) трансформации концептуального "ядра", влекущей за собой крупные изменения в ее составных частях; в) радикальной замены концепции. В соответствии с этим качественная гносеологическая традиция рассматривает прогресс научного знания в виде не экстенсивного накопления изученных "фактов", а постоянного обновления концептуальных представлений. Эффективность развития науки определяется таким образом скоростью возникновения и внедрения в научное сознание "концептуальных инноваций"⁷. В определенном отношении процесс развития науки может быть уподоблен процессу экономического развития, который со времен И.Шумпетера рассматривается не столько как экстенсивное развитие производства на базе существующих технологий, сколько как процесс внедрения экономически значимых инноваций. Следовательно, одна из наиболее актуальных задач российской социальной науки заключается в

⁷Важную проблему представляет также описание критериев и механизмов отбора концептуальных инноваций, т. е. выделение и закрепление лишь тех из них, которые признаются значимыми с научной точки зрения. Данная проблема выходит, однако за рамки настоящей работы, поскольку, как представляется, в отечественной социальной науке нарушены не столько механизмы концептуального отбора, сколько механизмы формирования концептуальных инициатив. Рассмотрение механизмов концептуального отбора см. [112].

освоении и использовании методического аппарата, способствующего эффективному преодолению концептуальной стагнации и ускоренному обновлению научного знания.

В социальных науках развитие научного знания наряду с общими для всех наук чертами обладает определенными специфическими особенностями, которые должны учитываться при формировании их методического аппарата. Наиболее важные из этих особенностей заключаются в следующем.

1. В отличие от естественных наук, ориентирующихся на описание "истинной картины мира", социальные науки со времени своего возникновения в значительно большей степени ориентировались на решение социальных проблем, а точнее в конечном счете мотивировались и структурировались посредством этих проблем⁸.

Таким образом, если в естественных науках возникновение и изменение "центрирующих" проблем связано в основном с внутренней логикой их развития⁹, то в социальных науках концептуальные сдвиги в исследованиях часто происходят вследствие возникновения новых социальных проблем, либо сознания ученым того факта, что изучаемая им социальная проблема менее актуальна в сравнении с другими, обнаруженными в ходе исследования. Таким образом, методический аппарат, используемый в социальных науках, должен обеспечивать эффективный контакт не только с эмпирической реальностью, но и с социальными проблемами. Чувствительность методического аппарата к обнаружению социальных проблем на ранних этапах их возникновения особо актуальна в периоды быстрых социальных изменений.

2. Применение термина "дедукция" к процессу развертывания концепций требует уточнений, поскольку социальные науки не могут опираться в своем развитии на длинные цепи логических рассуждений. Данный вопрос был в свое время рассмотрен экономистом А.Маршаллом, аргументацию которого следует привести подробно:

"Нужно начать с указания на то, что в области социальных наук нет места для длинных цепей рассуждений, т. е. для таких рядов, где каждое последующее звено опирается целиком или главным образом на предшествующее и где исследователь не опирается для усиления своей аргументации на наблюдение и непосредственное изучение реальной жизни. Подобные ряды выводов могут представлять собою интересное, строго отвлеченное рассуждение, слишком оторванное от действительности, чтобы им можно было пользоваться как руководящей нитью при исследовании. Экономисты-классики рассматривали экономику не как упражнение на академические

⁸ Можно провести аналогию с медицинской наукой, исследования в которой в конечном счете, но не обязательно в каждом конкретном случае мотивировались целью лечения болезни и увеличения продолжительности жизни у человека.

⁹ Проблемы, в частности, возникают в тех случаях, когда ученые разочаровываются в своих ожиданиях или когда теории приводят к трудностям и противоречиям. Противоречия могут возникать либо в некоторой отдельной теории, либо при столкновении двух различных теорий, либо в результате столкновения теории с наблюдением [82, с. 335].

темы, но как средство служения важным общественным целям, и никто из них, Рикардо меньше всего, не позволял себе прибегать к длинным цепям дедуктивных рассуждений без предпочтительного обращения к непосредственному наблюдению. Таким образом роль анализа и дедукции состоит не в том, чтобы выковать длинную цепь рассуждений, а в том, чтобы дать точно выкованные, но короткие цепи с немногими звеньями. Это отнюдь не простая задача. Если экономист умозаключает слишком поспешно и без достаточной осторожности, то он легко может приходиться к установлению ложных связей и отношений. Он должен пользоваться и наблюдением и дедукцией, так как только с их помощью он в состоянии выбирать нужные данные, правильно их группировать и делать пригодными как для теоретических умозаключений, так и для практического руководства" [59, с. 186-190]¹⁰.

Тезис о невозможности использования в социальных науках длинных цепей дедуктивных рассуждений актуален в двух отношениях. Во-первых, он требует очищения отечественной науки от доставшихся ей в наследство от брежневских времен политэкономических и квази-философских концептуальных систем, развитых путем дедукции без всякой связи с эмпирической действительностью. На примере этих систем хорошо видно, что отсутствие связи с действительностью приводит, в частности, и к накоплению чисто логических ошибок и противоречий. Доминирование до последнего времени указанных ненаучных концепций в системе образования и во многих научных институтах в значительной мере парализовывало процесс воспроизводства квалифицированных социальных исследователей, прививая им спекулятивный стиль мышления.

Во-вторых, как это ни парадоксально, повышенную "нагрузку" на дедукцию формирует чрезмерная ориентация на использование в исследованиях строго количественных методов. Жесткая зависимость исследований от небольшого числа квантифицированных показателей оставляет множество "пробелов" между измеряемыми переменными и широкие неосвоенные "исследовательские пространства", которые затем заполняются логическими спекуляциями, т. е. своего рода "дедуктивным фантазерством". Сказанное означает, что отечественной социальной науке остро необходимо создание исследовательской традиции, способной заполнить брешь между количественными методами и дедуктивной логической процедурой.

3. Опасностью, противоположной логическим спекуляциям, является смысловой распад полученных в исследовании количественных данных вследствие отсутствия интегрирующего концептуального образа социального объекта. Как было отмечено выше, качественная традиция методологического мышления исходит из того, что формирование целостного образа первично по отношению к задаче формирования релевантного набора исследуемых переменных. Высказанная

¹⁰Цитируется по изданному в 1924 г. сб. "Предмет и метод". В современном издании книги Маршалла [58] изложение данного вопроса сильно сокращено и к тому же разорвано между главой 3 книги 1 (т. 1, с. 85) и приложением Д (т. 3, с. 225).

В.А.Ядовым точка зрения, что в социальных науках формирование такого образа - дело интуиции исследователя, в лучшем случае верна лишь отчасти. Именно в социальных науках существует реальная возможность использования в исследовательской практике эмпирических методов, ориентированных на формирование целостных образов изучаемых объектов.

4. Используемый в социальных науках методический аппарат должен учитывать высокую изменчивость и высокую степень дезинтеграции имеющихся в этих науках концептуальных наработок.

Научные дисциплины могут существенно различаться по степени их концептуальной интеграции. Под концептуальной интеграцией в данном случае понимаются следующие три характеристики, связанные, по-видимому, между собой. Во-первых, степень интеграции зависит от того, охвачена ли данная научная дисциплина единой концептуальной системой, либо она поделена на большее или меньшее число частных предметных областей, каждая из которых обладает своей концепцией. Впоследствии развертывание этих частных концепций может привести их в столкновение, но в течение продолжительного времени они могут сосуществовать, не соприкасаясь друг с другом. Во-вторых, степень интеграции научной дисциплины определяется наличием или отсутствием в ней конкурирующих концепций, претендующих на разрешение одних и тех же научных проблем. Наконец, в-третьих, характеристикой интеграции является степень внутренней проработки концепций, т. е. наличие или отсутствие в них логических противоречий, степень прослеживания отдаленных следствий, степень операциональной корректности соотнесения с наблюдаемыми явлениями, и т.д. Совмещая три описанные характеристики, можно получить идеально-типическую шкалу, на одном полюсе которой окажутся высокоинтегрированные научные дисциплины (евклидова геометрия, ньютоновская механика), а на другом - дисциплины дезинтегрированные, т.е. а) находящиеся в стадии своего становления или "научной революции"; б) занятые изучением сложных и изменчивых объектов, либо в) переживающие период социальной дезинтеграции научного сообщества.

Концептуальные представления различаются также по степени своей изменчивости. Как было отмечено, изменчивость концепций возникает в процессе их внутренней логической проработки, столкновений с конкурирующими концепциями и взаимодействия с исследуемой реальностью. В целом неразвитые концептуальные системы обладают обычно более высокой степенью изменчивости. Высокой потенциальной изменчивостью обладают также развитые концептуальные системы, по тем или иным причинам развивавшиеся в изоляции от критики и без контакта с действительностью. Логическая и эмпирическая проработка таких концепций обычно ведет к крупным внутренним трансформациям либо, чаще, к радикальному отказу от них.

Социальным наукам из-за специфики их объекта свойственна низкая степень их интеграции. Даже в сфере действия классической экономической теории наличие единого развитого концептуального ядра, сформированного в окончательном виде Е.Бем-Баверком и А.Маршал-

лом, сочетается с большим многообразием конкурирующих школ, мнений и взглядов на ее "периферии" (в качестве примера можно указать на продолжающуюся десятилетиями полемику между кейнсианцами и монетаристами). Что же касается социологии, то она, по-видимому, еще не вышла из стадии своего теоретического становления. Как указывает А.Босков, социологическая теория изначально не развивалась как нечто целое, напротив, широкие фронтальные движения в этой области значительно расходились [10, с. 221].

Низкая интеграция социальных наук порождает большое разнообразие точек зрения и высокую изменчивость выработанных ими концептуальных систем. Развитие концепций в этих науках чаще происходит не путем развертывания из единого аксиоматического ядра, а путем постепенного увязывания и соединения друг с другом первоначально независимых и неразвитых концептуальных представлений с последующим устранением возникающих противоречий и заполнением логических брешей. В слабо интегрированных науках процесс устранения противоречий и логических брешей обычно удается осуществить далеко не полностью, поэтому для развивающихся наук наличие подобных несоответствий внутри формирующихся концептуальных образов в определенном смысле представляет нормальное явление.

5. Особо следует остановиться на положении, которое сложилось в отечественных социальных науках. Отсутствие органичных связей с мировой наукой, а также наличие в ней всеобъемлющих догматически организованных политэкономических и "философских" концептуальных систем диалектического и исторического материализма замедлили и исказили процесс развития российской социальной науки. В отношении социологии можно с уверенностью утверждать, что уровень ее развития отстает от западных стран на десятилетия. Совокупность перечисленных и ряда других факторов привела к тому, что процесс выработки собственно научных концепций происходил медленно и, главное, дезинтегрированно. Для российской социальной науки характерен крайний разноречивый характер точек зрения, слабая их логическая проработка (отчасти являющаяся следствием специфики ее институциональной организации науки, затрудняющей взаимную критику) и недопустимо слабое знание изучаемой действительности.

Описанные выше специфические свойства социальных наук в сочетании с особенностями их развития в нашей стране формируют определенные требования к целям и задачам исследовательской деятельности и к используемому в них методическому аппарату. Задача эмпирической проверки развитых теоретических построений часто неактуальна вследствие отсутствия таких построений либо оторванности их от реальной жизни. Более актуальной задачей в этих условиях является ориентация исследовательского процесса на развитие и структуризацию первичных (слаборазвитых) концептуальных представлений. Комплекс методик, применяемых на стадии неразвитых либо потенциально нестабильных концепций, должен обладать принципиально иными свойствами по сравнению с методиками, используемыми при работе с концепциями, достигшими определенной зрелости и устойчивости. На этапе

нестабилизовавшихся представлений актуальна не статистическая проверка четко сформулированных гипотез, а развитие системы качественных представлений и повышение их адекватности в период, предшествующий статистической проверке.

6. В любой науке скорость развития и обновления концептуальных представлений во многом зависит от интенсивности взаимодействия этих представлений с альтернативными концепциями. Специфика социальных наук заключается в том, что источником таких альтернативных концепций могут быть не только конкурирующие научные взгляды, но и концептуальные наработки обыденного сознания (подробнее об этом в разделе 4.2.).

Взаимодействие представлений исследователя с концептуальными работами обыденного сознания выполняет тройную функцию. Первая из этих функций заключается в очищении исследовательских концепций от разного рода неадекватных представлений ("мифов"). Исследователь должен отдавать себе отчет в том, что на начальных этапах работы его сознание, как правило, бывает крайне мифологизированным. Сходную точку высказывает Д.Кэмпбелл, который пишет: "Социальный исследователь, предпринимающий интенсивное изучение отдельных случаев путем включенного наблюдения или используя для знакомства с ситуацией какие-либо другие качественные подходы, связанные с обыденным знанием, в конце концов обнаруживает ошибочность своих первоначальных представлений и теорий" [40, с. 238]. Вторая функция взаимодействия с обыденным сознанием заключается в непосредственном использовании его концептуальных наработок в формируемой научной концепции. Третий, промежуточный результат такого взаимодействия заключается в трансформации изначальных представлений ученого под действием исходящих от обыденного сознания аргументов и фактов.

Для отечественной социальной науки проблема установления интенсивных контактов с обыденным сознанием является особо актуальной. Во-первых, это связано с тем, что в отечественной науке бытует большое число концептуальных представлений, не подвергавшихся адекватной логической и эмпирической проработке. Частично эти представления являются осколками концептуальных систем диамата и истмата, частично же возникают вследствие описанного выше дедуктивного фантазерства, характеризующегося безответственным установлением длинных цепей причинно-следственных связей и отсутствием заботы об эмпирической проверяемости суждений, формируемых таким образом. Очищение науки от таких ненаучных по своей сути представлений - одна из наиболее важных задач сегодняшнего дня. Интенсификация контактов с обыденным знанием - не единственный, но важный источник такого очищения. Следует также учитывать, что во многих направлениях отечественная социальная наука недалеко продвинулась от своего "старта", вследствие чего значительная часть ее представляет собой сплошной "передний край" с несформированными либо слабо проработанными концептуальными ядрами. Слабое развитие социальной науки порождает ситуацию, при

которой обыденное (практическое) сознание может опережать науку в понимании наболевших социальных проблем, включая не только их фиксацию, но и осмысление. Концептуальные наработки обыденного сознания в нашей стране часто оказываются более корректными, более развитыми и опираются на более релевантный набор фактов, чем конкурирующие с ними научные представления.

Общие выводы по данному параграфу заключаются в том, что методический аппарат социальных исследований должен обеспечивать реализацию необходимых для развития науки функций, главными из которых являются:

эффективный поиск актуальных социально-экономических проблем, концентрирующих на себе исследовательские усилия и являющихся центрами концептуальной структуризации научных представлений;

предотвращение логических спекуляций и фантазерства, очищение сознания исследователя от разного рода "мифов" и неадекватных представлений;

формирование целостного образа исследуемого объекта и проблемной ситуации, предотвращение "унылого эмпиризма" и смыслового распада получаемых данных;

по возможности быстрое и интенсивное развертывание концептуальных представлений и их логическая структуризация, нахождение релевантного набора переменных, преодоление "слаборазвитости" и неустойчивости концептуальных представлений;

интенсивный "обмен мнениями" между научным и обыденным сознанием, взаимодействие с обыденным сознанием не только как с объектом исследования, но и как с источником концептуализированных идей и концептуализированной критики.

Не всегда, но во многих случаях для достижения указанных целей более адекватны не количественные, а качественные методы исследования. Традиция исследований, ориентированных на качественное знание, существует в зарубежной социологии, но в нашей стране она практически не сложилась. В связи с этим успехи отечественной социальной науки будут во многом зависеть и от того, насколько быстро и эффективно в ней будет создана такая традиция.

1.3. Качественные методы в социальных исследованиях

По аналогии с количественным и качественным подходами к социальному знанию методы социального исследования также могут быть разделены на количественные и качественные. Количественные методики могут быть охарактеризованы как "формализованные" и "массовые". Под формализацией в данном случае понимается степень направленности методики на строгую фиксацию набора анализируемых переменных и количественное их измерение. Характерная особенность формализованных методов состоит в том, что исследуемые переменные заданы разработчиком заранее, и отступление от них в процессе сбора данных невозможно. Высокая

степень формализации методик этого типа сочетается с их ориентацией на массовый сбор однотипных первичных данных и количественную их обработку. К числу высокоформализованных методов относятся статистика, анкеты с закрытыми вопросами, структурированное наблюдение, контент-анализ и др.

В противоположность количественным, качественные (неформализованные) методы ориентированы не на массовый сбор данных, а на достижение углубленного понимания исследуемых социальных явлений. Отсутствие формализации делает невозможным массовый охват исследуемых объектов, в результате чего число единиц обследования снижается до минимума. Отказ от широты охвата компенсируется "глубиной" исследования, т. е. детальным изучением социального явления в его целостности и взаимосвязи с другими явлениями. К числу неформализованных методов относятся включенное неструктурированное наблюдение, свободное интервью, анализ личных документов.

Как известно, традиции количественных и качественных исследований в социальных науках возникли практически одновременно. Первой крупной эмпирической работой, выполненной с позиций качественного подхода, принято считать работу французского исследователя Ф.Ле Пле, составившего монографическое описание трехсот семей, принадлежащих к различным слоям общества. Основными методами сбора информации были личные наблюдения и интервью. Книга Ле Пле, озаглавленная "Европейские рабочие", вышла в свет в 1855 г. Работа А.Кетле "Опыт социальной физики", положившая начало использованию эмпирических количественных данных для установления закономерностей социальных явлений, была издана двадцатью годами раньше, в 1835 г. [33, с. 128-135].

В дальнейшем количественная и качественная традиции в социальных науках продолжали сосуществовать частично в виде дополняющих друг друга групп исследовательских методов, а частично находясь в состоянии "теоретического конфликта". Сравнительная популярность и научная значимость указанных методов со времени их возникновения не были постоянными, скорее они были подвержены колебаниям наподобие маятника. Эти колебания были, как отмечалось, отчасти связаны с изменениями гносеологических представлений о природе научного знания. Другим, сравнительно автономным, фактором этих колебаний были научные успехи, достигнутые в рамках той или иной исследовательской традиции. Крупные успехи количественных методов в 20-е - 30-е годы, достигнутые в США и связанные с применением и освоением познавательных возможностей массовых опросов, в сочетании с доминировавшей в то время "количественной" ориентацией в гносеологии, предопределили господствующее положение и высокий научный престиж количественных методов исследования в период между мировыми войнами и в первые послевоенные десятилетия [10, с. 220]. В настоящее время изменения в сфере гносеологических представлений и растущая неудовлетворенность низкой научной содержательностью многих количественных исследований вновь смещают интерес исследователей к использованию и дальнейшему

совершенствованию качественных методов [40, с. 240-277].

По-видимому, не вызывает споров положение о том, что количественные и качественные методы исследования связаны друг с другом по принципу функциональной дополнителности. Однако характер этой дополнителности часто трактуется упрощенно. Принято считать, что именно качественные методы должны вызывать наибольшие сомнения в их достоверности, тогда как количественные методы формируют костяк достоверного научного знания. Как будет показано ниже, это представление нуждается в существенных уточнениях.

Вопросы достоверности или адекватности количественного знания в отечественной литературе трактуются обычно как проблемы либо погрешностей измерительных процедур, либо их валидности, т. е. соответствия методики тем аналитическим переменным, которые исследователь в действительности хотел измерить. Реже можно встретить постановку вопроса о том, в какой мере изучаемые переменные релевантны принятой исследователем теоретической схеме. Более фундаментальный вопрос, однако, заключается в следующем: в какой мере и при каких условиях количественные методы могут способствовать зарождению и формированию адекватной (важной, актуальной, "работающей", более совершенной) научной концепции?

Рассмотрение данного вопроса следует начать с анализа предпосылок количественных измерений в социальных науках. Необходимым условием применения количественных методов служит наличие системы понятий, образующих теоретическое описание исследуемого объекта. Формирование адекватной системы понятий представляет важный доколичественный этап в исследовательском процессе. Независимо от того, будут ли в дальнейшем проводиться какие-либо измерения, создание такой системы понятий является самостоятельным и важным научным достижением, требующим значительных исследовательских усилий. Методический аппарат, используемый для достижения этой, цели должен обладать высокой подвижностью, чуткостью к улавливанию оттенков и способностью оперативно менять набор исследуемых переменных. Очевидно, что количественные методы не обладают указанными свойствами либо обладают ими в недостаточной мере. В результате распространенный методологический порок количественных исследований заключается в том, что изучаемому объекту искусственно навязывается неадекватный понятийный аппарат, сформированный для других целей и объектов иного типа. Под неадекватным понятийным аппаратом в данном случае понимается аппарат: а) очень обедненный; б) содержащий логические пороки; в) проходящий мимо актуальных социальных проблем, вокруг которых должно структурироваться исследование; г) содержащий нерелевантный по отношению к исследуемым проблемам набор переменных (релевантные переменные могут отсутствовать, а нерелевантные присутствовать). Отсутствие эффективной "обратной связи" в количественных методиках может заблокировать или надолго затормозить развитие концептуальных представлений, необходимых

для формирования более адекватного понятийного аппарата.

Сказанное означает, что количественные методы с наибольшей эффективностью могут использоваться для получения ответов на некоторые стандартные вопросы и для изучения стационарных процессов. Существующие в науке измерительные процедуры всегда основываются на определенной традиции, которая соответствует сложившимся представлениям. Эта традиция в той или иной мере всегда отстает от "переднего края" научной мысли, которая, в свою очередь, отстает от реального хода социально-экономических процессов. Отставания такого рода образуют "естественный лаг" в социальном познании, а величина этого лага во многом зависит от специальных усилий по его сокращению. Указанный лаг особенно возрастает в условиях быстрых социальных изменений, когда становятся актуальными новые проблемы и новый набор релевантных им переменных.

Другое принципиальное ограничение в использовании количественных методов заключается в том, что не все явления в равной мере поддаются измерению и не все объекты можно описать сплошными количественными измерениями. Соотношение числа переменных, поддающихся количественному измерению, и общего числа релевантных переменных - важная характеристика исследуемого объекта. Примером объекта, где зона измеримости достаточно велика, могут служить демографические процессы (естественное движение населения, миграция и т.д.). Существует однако большое количество социальных объектов, где "зона измеримости" весьма мала. Ограниченная возможность количественного измерения может возникать вследствие объективных свойств изучаемых переменных, неотработанности измерительных процедур, ограниченных ресурсных возможностей исследователя, а также в тех случаях, когда изучаемый объект обладает множеством частных признаков, неопределенным и меняющимся их составом, причем ни один из них не имеет решающего влияния на ход исследуемых процессов.

Количественные исследования на объектах, не поддающихся сплошному количественному измерению, могут проводиться на основе двух возможных стратегий. Первая стратегия базируется на том, что конструируемая концепция основывается на вычлениении из действительности только тех переменных, которые поддаются количественному измерению. Как было отмечено, применительно к некоторым объектам такая стратегия правомочна, однако для объектов с узкой "зоной измеримости" при таком подходе за пределами изучения остаются наиболее важные их характеристики.

Рассуждая теоретически, можно, по-видимому, сказать, что в принципе для любого явления может быть подобрана адекватная измерительная процедура. Безусловно, расширение арсенала измерительных процедур - одна из важных задач научной деятельности. Тем не менее реальный процесс развития социальной науки не идет по пути "тотального измерения". Наиболее удачные исследования в социальных науках реализуют, как правило, вторую стратегию, а именно стратегию "качественного прорыва", в рамках которой измеряются лишь наиболее важные (из числа доступных)

характеристики, а разрывы и "бреши" между ними заполняются качественными данными. Идеал "тотального количественного исследования" представляет собой своего рода утопию, попытка реализации которой в реальной научной деятельности не только ограничивает, но и деформирует видение объекта, вывечивая лишь ту его часть, которая поддается измерению¹¹.

Таким образом, возможности использования количественных методов в социальных науках ограничены определенной "зоной применимости", которая образована сферой отработанных понятий и измерительных процедур, причем указанные процедуры должны быть не только реализуемыми, но и требовать разумного (в сопоставлении с ожидаемым научным эффектом) расхода исследовательских ресурсов¹². За пределами этой зоны исследователь-эмпирик должен опираться на качественные методы. Результатом их использования может быть как расширение зоны измеримости, так и формирование концептуальных представлений, основанных на неколичественных данных.

Следует специально отметить, что описанные выше ограничения применимости количественных методов относятся не только к статистике, но и к количественным данным, получаемым в ходе анкетных опросов. В частности, в отечественной индустриальной социологии сильно довлеет традиция опросов, направленных на выявление удовлетворенности опрашиваемых теми или иными аспектами производственной ситуации. Тем самым результаты этих опросов оказываются детерминированными исходной парадигмой, которую можно охарактеризовать как искаженную и упрощенную доктрину "человеческих отношений". Попытки социологов-эмпириков выйти за пределы этой парадигмы сразу наталкиваются на незнание ими актуальных проблем и отсутствие концептуальных представлений о функционировании изучаемых социально-экономических объектов, следствием чего является отсутствие адекватного понятийного аппарата, подлежащего операционализации в ходе составления вопросников. В общем виде можно сказать, что в качестве источника исследуемого набора переменных в анкетных опросах обычно используется сложившаяся традиция и творческое воображение (фантазия) исследователя. Третий возможный источник, а именно - результаты качественных исследований, в отечественной социологии, до настоящего времени практически не используется.

К сказанному следует добавить, что с помощью анкетных опросов можно измерять далеко не всякие переменные. Указанные

¹¹Как указывает по данному вопросу М.Полани, всеобщая тенденция стремиться в науке к точности и систематичности в ущерб содержательной стороне дела вдохновляется нереалистичным идеалом строго объективного знания. Исходя из этого, Полани делает вывод, что необходимым условием развития науки является признание права на существование за недоказанными концепциями [81, с. 205, 279].

¹²Соотношение ожидаемого расхода ресурсов с ожидаемым научным эффектом представляет собой пример ситуации, чрезвычайно трудно поддающейся количественному описанию. Для эффективно работающих ученых характерно, по-видимому, весьма бережное отношение к исследовательским ресурсам и постоянное интуитивное "взвешивание" указанного соотношения. Экстенсивное расходование ресурсов без учета значимости ожидаемых результатов может быть охарактеризовано как одна из форм псевдонаучной деятельности.

переменные должны: а) содержаться в сознании респондентов¹³, б) обладать возможностью шкалирования, в) вычлениваться из других переменных (список ограничений, по-видимому, может быть продолжен). Учитывая, что в нашей стране основной проблемой функционирования экономических объектов является вопиющая неэффективность их работы, возникает вопрос, может ли данная проблема быть адекватно описана на основе только тех переменных, которые поддаются операционализации посредством разработки вопросников. На данный вопрос следует, очевидно, ответить отрицательно. Если цель исследования заключается не просто в изучении причин неэффективности работы того или иного экономического объекта, а в изучении этих причин методом анкетного опроса, то такое исследование превращается в странную методическую головоломку. Исследователь должен в этом случае априори (дедуктивным методом) сформировать концепцию причин неэффективной работы производства, операционализировать входящие в состав этой концепции переменные в вопросах анкеты и после этого подвергнуть свою гипотетическую концепцию статистической проверке. Очевидно, что подобная исследовательская стратегия нереалистична. Результаты, получаемые на ее основе, бедны по содержанию и вызывают серьезные сомнения в отношении их валидности, поскольку трудности в операционализации априорно сформированной системы понятий вынуждают исследователя изыскивать эмпирические референты анализируемым переменным на основе все более спекулятивных умозаключений. Парадокс многих эмпирических исследований в социологии заключается в том, что наиболее интересными в них оказываются не количественные, а попутно получаемые качественные данные, не вытекающие из количественных результатов¹⁴.

Таким образом даже в исследованиях, проведенных в строгом соответствии с количественной идеологией, качественные данные в неявной форме все равно выполняют корректирующую и "связующую" функции, предохраняя результаты от искажений и смыслового распада. Вместе с тем количественная идеология исследований, направленная на минимизацию или полное изгнание из науки элементов качественного знания, существенно обедняет качественный контекст количественных результатов, снижая тем

¹³Результаты массовых опросов могут приводить к выводам, не содержащимся в сознании ни одного из опрошенных, однако указанный общий вывод должен в той или иной форме репрезентироваться в сознании респондентов, образуя своего рода "проекцию" коллективного сознания на индивидуальный уровень. Указанные проекции образуют систему учетных единиц исследования, без которых получение количественных данных невозможно.

¹⁴В качестве примера можно привести следующее высказывание Р.В.Рывкиной в ее книге "Образ жизни сельского населения": "Не будет преувеличением сказать, что личное подсобное хозяйство - один из мощных факторов, выталкивающих из деревни молодежь... Отношение к личному хозяйству выражается в часто повторяемой формуле: без хозяйства ничего не добудешь, а с ним без отдыха" [94, с. 185]. Учитывая, что для подтверждения этого тезиса Р.В.Рывкина ссылается не на количественные данные, а на распространенную среди сельских жителей поговорку, данный элемент ее работы следует признать результатом наблюдений или интервью, явившихся своего рода "побочным продуктом" количественного исследования.

самых их научную значимость.

Тезис о необходимости сознательного и целенаправленного использования качественных методов в социальных исследованиях, о существенном повышении их "удельного веса" в социальной науке требует рассмотрения вопроса о достоверности результатов, которые могут быть получены с их помощью. Данный вопрос следует признать одним из центральных, поскольку сторонники количественного подхода критикуют указанные методы за их субъективизм и низкую достоверность. В частности, Э.Ноэль, автор известного учебного пособия по проведению массовых опросов, критикует использование качественных методов в социологии (в данном случае - метод свободного интервью) приводя следующие типичные аргументы:

"Ученые, которые ввели метод опроса в Германии, полагали, что интервью должно как можно больше походить на обычную беседу. Согласно "нюрнбергской школе" Общества по изучению потребления, которая с 1934 г. проводила в Германии опросы, считалось желательным, чтобы корреспондентки с целью получения достоверных сведений опрашивали своих знакомых и чтобы эти интервью проходили в виде непринужденной беседы, без опросного листа, по возможности в такой форме, чтобы опрашиваемые не сознавали, что их интервьюируют... Ученые предполагали, что таким образом будут получены самые достоверные сведения, сообщенные с наибольшей откровенностью. Такое предположение не подтвердилось" [74, с. 50-51]. Далее Э.Ноэль, опираясь на умозрительный пример, указывает, что, если несколько исследователей попытаются изучить одну и ту же проблему методом свободного интервью, то скорее всего все они придут к разным выводам, и подлинная картина в итоге останется неизвестной. В качестве главных причин возникающих расхождений в ее книге названы следующие:

а) исследователь, который провел первый (или второй) опрос, не опросил "репрезентативную выборку", и таким образом не произвел правильного статистического отбора лиц, дающих сведения;

б) первый и второй исследователи по-разному формулировали вопросы. Специальные обследования показывают, что влияние формулировок вопросов на распределение ответов очень велико;

в) у исследователей могут быть разные точки зрения относительно изучаемого предмета. Это произвольно влияет на то, как они спрашивают, и на то, что из ответов они слышат [там же, с. 55-56].

В отечественной социологии описанная Э.Ноэль точка зрения является, по-видимому, абсолютно доминирующей, однако в мировой науке дело обстоит иначе. Как указывает Дж.Кэмпбелл, качественные методики, наряду с возможностями последующей количественной проверки полученной на их основе информации, обладают и внутренними механизмами валидации, хотя эти механизмы до настоящего времени остаются недостаточно изученными. Аргументируя свою точку зрения, он пишет: "Я склонен считать, что, если бы двух этнографов послали исследовать одну и ту же культуру или двух социологов отправили бы в качестве включенных наблюдателей на одну и ту же фабрику, то результаты

их наблюдений в значительной мере совпали бы. Я полагаю, что существует вполне достоверная социальная реальность, которая и должна быть описана, и поэтому будет обнаружено довольно значительное совпадение результатов... В исследовании отдельных случаев, проведенном "бдительным" социальным исследователем, теория, которую он использует для объяснения основной проблемы, порождает также предсказания и ожидания относительно десятков других аспектов данной культуры, и он не принимает теорию до тех пор, пока большинство этих последних тоже не получит подтверждения... В отличие от статистической проверки он перепроверяет теорию с помощью степеней свободы, образуемых многочисленными следствиями, существующими в любой единичной теории" [40, с. 264, 282]. Как можно понять, Кэмпбелл имеет в виду, что любая теория представляет собой сложную логическую конструкцию, причем все части этой конструкции взаимосвязаны друг с другом. Эмпирическое опровержение какой-либо ее части концепции приводит ее в противоречие с другими, логически связанными с ней частями. Возникновение таких противоречий требует от исследователя либо пересмотра логической структуры концепции с тем, чтобы вновь сделать ее непротиворечивой, либо уточнения наблюдения, изменение результатов которых может вновь привести составные части концепции к непротиворечивому виду.

Вопреки распространенному мнению, что недостоверные качественные представления должны проверяться достоверными количественными данными, Кэмпбелл указывает, что в реальной научной практике постоянно происходит и обратная перепроверка количественных результатов качественными представлениями. "Там, где качественные оценки приходят в противоречие с количественными результатами, последние следует брать под сомнение, пока не будут поняты причины расхождения. Количественные результаты могут быть столь же мало застрахованы от ошибок, как и качественные, поэтому я настоятельно рекомендую оба подхода как взаимно дополняющие средства перекрестной валидизации. Неадекватность количественных данных часто обнаруживается лишь благодаря качественному знанию" [Там же, с. 327, 272].

Можно привести много конкретных случаев, когда неадекватность количественных данных обнаруживается лишь благодаря качественному знанию. К их числу относятся, в частности, исчисляемые в литературе случаи выявления ложных корреляций. Примером может служить следующее статистически достоверное утверждение: "Женщины, которые пользуются помадой, чаще интересуются политикой". Удивление, испытанное исследователями при обнаружении связи между помадой и политикой, послужило причиной более тщательной проверки данного случая, в результате чего было установлено, что подлинной детерминантой указанной корреляции является возраст опрашиваемых женщин [74, с. 275].

Суммируя сказанное, отметим, что одним из наиболее распространенных методических недостатков в проведении социально-экономических исследований является их ориентация на сбор и

обработку количественной информации в ущерб углубленному пониманию качественных (содержательных) сторон исследуемой проблемы. Исследователи, придерживающиеся количественного подхода, исходят обычно из неявного предположения, что в истинной науке качественное и обыденное знание заменяется количественным. Выше было показано, что подобная установка приводит к возникновению чрезмерной зависимости результатов обследования от небольшого числа квантифицированных переменных при одновременном игнорировании дополняющих либо противоречащих этим результатам качественных данных. Отрыв количественного знания от его качественной основы неотвратимо ведет к снижению содержательной наполненности научных результатов, а зачастую к искаженным и ложным выводам.

Ориентация на качественные методы в социальных исследованиях позволяет существенно экономить и значительно повышать научную отдачу имеющихся в распоряжении ученых ресурсов. Как было отмечено выше, получение количественной информации в социальных исследованиях представляет сложную и длительную процедуру, требующую значительных затрат труда и материальных средств. В связи с этим перед каждым исследователем и научным коллективом возникает дилемма: либо направить имеющийся в их распоряжении исследовательский ресурс на сбор и количественную обработку наиболее очевидных и "лежащих на поверхности" данных, либо попытаться углубить свои качественные представления с целью выдвижения и проверки лишь тех гипотез, которые могут обеспечить крупные сдвиги в научном понимании исследуемой проблемы. Представляется, что только второй путь может привести к подлинному прогрессу научного знания и разработке рекомендаций, реально пригодных к практическому использованию. Концентрация усилий на получении количественной информации в ущерб углубленному пониманию (экстенсивный подход к исследованию) представляет типичный пример ложной экономии, ведущей к огромному перерасходу исследовательских ресурсов при резком снижении эффективности конечных результатов научной деятельности. Есть основания предполагать, что ориентация на создание качественных заделов и наличие разветвленной "инфраструктуры" качественного знания - одна из важных отличительных черт, присущих наиболее продуктивным ученым и научным коллективам.

С позиций количественной идеологии качественные подходы и исследовательские методы обычно критикуются как "недоказанные". Даже если безоговорочно признать этот тезис, за качественным знанием все равно следует признать статус гипотез, нуждающихся в проверке. Вместе с тем термин "доказательство" может быть применен к процедуре научного вывода в эмпирических науках лишь в качестве метафоры, поскольку реально речь идет не о доказательстве, а скорее об оценке правдоподобия концепций в свете имеющихся данных [82, с. 352]. Подобно тому, как качественное знание не может считаться "доказанным", достоверность и адекватность научных выводов, базирующихся на количественных

исследованиях, по описанным выше причинам также не является гарантированной. Конечная цель научного исследования - не анализ статистики как таковой, а создание на ее основе достоверной картины исследуемого объекта. По-видимому, создание такой картины на основе данных только статистики в сфере социальных наук в подавляющем большинстве случаев невозможно. Реальные социально-экономические исследования, выполненные с позиций количественного подхода, всегда содержат в себе неявную компоненту качественного знания, формируемого исследователем на основе своего личного жизненного опыта, изучения литературы и нередко личных контактов с практическими работниками (последние можно назвать "неявными" интервью или наблюдениями).

Вопрос о том, являются ли материалы качественных обследований самостоятельным результатом научной деятельности, или же их следует рассматривать как предварительный результат в рамках количественного исследования, требует обсуждения. Можно, по-видимому, согласиться с Кэмпбеллом, который указывает, что "склонен признавать за количественными методами, когда они основываются на твердом и проверенном качественном знании, возможность выйти за пределы, допускаемые качественным подходом" [40, с. 271]. Практика полевых исследований показывает, однако, что для многих объектов или проблем применение количественных методов оказывается либо невозможным, либо ограниченно возможным, либо нереальным из-за имеющихся у исследователя ресурсных ограничений. В подтверждение этого тезиса можно указать на то, что мировая социология обладает немалым числом блестяще выполненных монографических исследований, оказавших значительное влияние на ее развитие¹⁵. Вероятно, исходя из этих соображений, тот же Кэмпбелл в другом месте задает вопрос: "Кто, как не представители качественной социологии, исследуют условия, при которых складывается оружие социальная статистика?" [40, с. 320].

Таким образом, среди всей совокупности социальных объектов и проблемных ситуаций существуют крайние случаи, для которых характерны возможности применения либо почти исключительно количественных, либо почти исключительно качественных методов исследования. Изучение объектов и проблем, находящихся между этими крайними полюсами, во избежание снижения достоверности и выхолащивания содержания результатов, должно идти по пути более или менее равноправного сочетания обоих методов. Отсутствие в стране традиции методов полевой работы, применяемых социологами, придерживающимися качественного подхода, существенно снижает научную результативность социальных исследований. Во-первых, это снижение связано с тем, что за пределами научного изучения остаются крупные "исследовательские территории", не поддающиеся или ограниченно поддающиеся количественному анализу. Во-вторых,

¹⁵К числу таких работ следует отнести практически все основополагающие работы в области культур-антропологии, а также известные работы по изучению преступных сообществ, управляющей элиты, производственных организаций и других социальных объектов.

отсутствие указанной традиции обедняет и искажает результаты исследований, выполненных на основе количественных методов.

* * *

Учитывая, что в данной главе были подняты сложные методологические вопросы, до сих пор мало обсуждавшиеся в отечественной социологии, целесообразно в компактной форме вновь сформулировать основные тезисы трех предшествующих параграфов.

Фокусировка усилий как отдельных ученых, так и научного сообщества в целом в конечном счете зависит от ответа на вопрос о том, что такое научное знание. Ложный ответ на этот вопрос может неправильно сориентировать целые поколения научных работников, труд которых и внушительные по объему результаты этого труда могут оказаться затраченными впустую. Именно это произошло, по нашему мнению, с советской социологией, которая, что бы ни говорили об идеологическом прессинге, за двадцатилетие с 70 по 90 г. реально могла далеко продвинуться в изучении механизмов функционирования плановой экономики и советской общественной системы в целом, что явилось бы крупным вкладом в мировую науку и помогло бы избежать крупных ошибок, допущенных в эпоху перестройки. Главная причина, по которой это продвижение не состоялось, заключается в том, что отечественная социология разменяла себя на бесчисленные, во многом дублирующие друг друга, анкетные опросы, закладывая на "входе" исследований в структуру вопросов свои собственные, очень далекие от реальности представления, и получая их обратно на "выходе" в виде самоподтверждающихся цифровых данных¹⁶. Ориентация не на понимание проблем, а на точный количественный результат, породила "порочный круг", в котором вращалась наша социология, утратив при этом свою связь с действительностью.

С описанным выше диагнозом причин неэффективности проводившихся советскими социологами эмпирических исследований согласны и другие (правда, весьма немногочисленные) отечественные социологи, являющиеся сторонниками повышения значимости и частоты применения качественных методов. Приведем мнения двух из них:

А.Н.Алексеев: "Современная социологическая практика избивает вопросниками, которые приносят если не вред, то по крайней мере нулевую информацию ввиду своей неадекватности объекту или условиям обследования. Для разработки информативной социологической анкеты необходимо определенное предварительное знание исследуемого контингента, учет его социальной психологии, языка общения, типичных ситуаций и т.д. В противном случае анкета в большинстве своих вопросов оказывается, мягко говоря, неуместной, она игнорирует реальную обстановку и направлена не по адресу. Сплошь и рядом респондентам предлагают стандартные клише-стереотипы вопросов и подсказок (вариантов ответов) и получают, естественно, вежливое согласие со всеми этими клише, но отнюдь не социологическую информацию. Методические ошибки часто стимулируются слабостью, поверхностностью знакомства с объектом. Участвующее наблюдение (а также интервью и иные неформализованные методы - С.Б.), не претендуя на массовость собранного материала, широту обобщений и законченность выводов, приоткрывает перед исследователем пусть ограниченный участок действительности, но за то такой, "как она есть", и тем самым предостерегает исследователя от многих ошибок на последующих этапах" [5, с.66-67].

¹⁶ Самоподтверждение является следствием постановки наводящих вопросов - об этом см. в главе 2 данной книги.

Э.А.Чамокова: "Предположим, исследователь поставил вопрос респонденту: "Какую Вы предпочитаете литературу?" с подсказками: классическую, современную, и ту, и другую. Последняя подсказка показывает, что для составителя интервью это дихотомическое деление - исчерпывающее. Но для отдельного респондента его может вообще не существовать. При выборе книг (т.е. в реальном своем поведении) он, скажем, пользуется такими видовыми делениями: литература о войне, детективы, литература детская, литература зарубежная. И несмотря на нелогичность и незаконченность этой классификации, именно с ней он "работает". Но отвлеченно, в ситуации опроса, респондент может принять любое расчленение, которое ему предложат (а что ему остается делать?) и выбрать что-то. В лучшем случае - "и ту, и другую". В итоге исследователь получит ответ, который вообще никакой информации не дает, так как ничему не соответствует" [122, с. 63].

В предисловии 1991 г. говорилось о дисфункциональном характере работы отечественной социологии. Обычно дисфункции в сфере науки описывают в терминах низкой квалификации и низкой мотивированности научных кадров, неправильной институциональной организации и т.п. Не отрицая значимости этих вопросов, мы попытаемся перевести данную проблему в когнитивную плоскость и посмотреть, что происходит с концептуальной продукцией дисфункциональной науки. Сказать, что эта продукция становится пустой и бессодержательной, - банально и недостаточно. Более точный ответ заключается в том, что продукция науки распадается в этом случае на два типа: "дедуктивное фантазерство" (своего рода схоластику) и "унылый эмпиризм"¹⁷, т.е. (тождественную самой себе цифровую информацию).

Примером дисфункциональной продукции первого типа могут служить публикации бывшего журнала "Социалистический труд", содержащем бесчисленные варианты умозрительных и поразительно некомпетентных (но в то же время на удивление однообразных) предложений по вопросу о том, как повысить эффективность советского общественного производства. Чаще всего эти описания были просто бесплодными, но иногда наносили и прямой вред народному хозяйству. Попытка внедрения на предприятии заимствованных из "научной" литературы некомпетентных рекомендаций и объективные последствия этой попытки очень хорошо описаны в статье Н.Максимовой "Бригады на перепутье" [53].

Примером продукции второго типа, т.е. подверженного смысловому распаду "унылого эмпиризма", могут служить эмпирические публикации журнала "Социологические исследования", которые грешили не фантазерством, а наличием в них не поддающегося концептуализации цифрового материала результатов анкетных опросов (этот недостаток не изжит и поныне). Интересное отметить, что публикации социологов на экономические темы всегда вызывали у экономистов чувство недоумения, что связано, по нашему мнению, с тем, что последние на качественном уровне понимали обстановку в стране гораздо лучше первых (см. об этом приложение к данной главе).

Рассматривая отличие здоровой, или функциональной, науки от дисфункциональной, следует указать, что здоровая наука - это

¹⁷Выражение "унылый эмпиризм" заимствовано из статьи Б.Гриффита и А.Миллера [42, с.175].

прежде всего наука очень мобильная, динамично развивающаяся, характеризующаяся высокой скоростью концептуального обновления¹⁸. Источниками концептуального динамизма такой науки является внутренняя логика развития концепций, их взаимодействие друг с другом и непрерывный контакт с действительностью.

В связи с тем, что в динамично меняющейся науке концепции непрерывно меняют свою внутреннюю структуру, непрерывно меняется и набор релевантных им переменных. Следовательно, науке остро нужны методики, способные оперативно менять набор фиксируемых переменных и тем самым обеспечивать непрерывный контакт с действительностью. Сказанное особенно относится к научным направлениям, переживающим период своего становления и находящихся на ранних этапах своей концептуальной структуризации. Прославленная в учебниках задача строгого эмпирического доказательства отходит в этих условиях на второй план, уступая место задаче "качественного прорыва" на принципиально новые рубежи. Существенно при этом, что в отличие от многих других наук, именно социальные науки располагают группой сравнительно дешевых и общедоступных методик, способных придать исследовательскому процессу оперативную гибкость и динамизм. Как уже говорилось, такими методиками являются "качественные" или "гибкие" методы, до сих пор так и не получившие распространения в отечественной социальной науке.

Сказанное означает, что для восстановления методической сбалансированности исследований, "маятник" отечественной социологии должен на какое-то время значительно качнуться в сторону использования качественных методов, и лишь после этого вернуться к точке равновесия.

Проблематика данной главы данной книги обсуждалась автором не только с социологами, но и с коллегами-экономистами. Эти обсуждения выявили большую степень взаимопонимания в том смысле, что хороший экономист должен стремиться работать не только с цифрами, но и совмещать их анализ с осмыслением отдельных случаев или "первичных фактов" экономической действительности. Ниже приводятся два высказывания экономистов, связанные с этой проблематикой и отличающиеся высоким уровнем методологического мышления.

1. "Наша экономика не имеет естественного измерительного аппарата. По этой причине проблема измерения в ней усложняется на порядок. Если подняться еще на ступень выше, к социальным процессам, то здесь проблема измерения еще более затруднена.

По этой причине я считаю, что свободное интервью - это способ познания не только частных, но и общих вопросов. Сведения, получаемые в интервью, позволяют восходить к широким обобщениям.

Вот примеры таких вопросов:

- изучение научно-технического прогресса и его последствий;
- проблемы качества труда (см. об этом статью С.Белановского и Ю.Яременко в [18];
- проблемы воспроизводства квалифицированного труда;
- трудовые отношения и трудовые конфликты, и т.д.

Сегодняшнее наше понимание этих и многих других вопросов базируется на обобщении вторичных материалов (публикаций в прессе и т.п.). В научном обороте нет достаточ-

¹⁸Здесь напрашивается аналогия с экономикой. Здоровая экономика - это экономика прежде всего мобильная, динамичная и обновляемая.

ного числа первичных фактов, на основе которых можно было бы сформировать адекватное понимание этих проблем. Существуют области, применительно к которым просто отсутствуют способы получения необходимых фактов. По структуре экономики есть статистика, но существует другой слой общих проблем, которые не могут быть описаны статистикой. Их исследование должно базироваться на первичных описаниях и первичных фактах.

Не случаен острый интерес экономистов к газете. Каждый серьезный макроэкономист проявляет значительный интерес к газетным публикациям, выискивая в них что-то интересное для себя. Почему возникает этот интерес? Газета служит эквивалентом первичной информации, но эквивалентом во многом некачественным и неадекватным. Газетный материал - разрозненный, поверхностный, искаженный. Журналисты обычно не обладают высокой экономической квалификацией. Поэтому они не являются трансляторами первичной информации, а пропускают ее через собственное сознание, существенно искажая имеющийся у них материал и не умея заглянуть вглубь проблемы. Существуют, конечно, и очень сильные публицистические работы, но они редки. Экономисты не могут строить свою работу, опираясь только на вершины публицистики. А что делать с теми сферами, в которых сильные публицисты вообще не работали?

Работа экономиста - это складывание целостной картины из разрозненных фактов. Статистика как таковая еще не создает полноценной картины. Нужна большая дополнительная информация, которую экономист пытается взять из газет. Из частных фактов макроэкономист пытается складывать "мозаику", он все время занят построением такой "мозаики", но целостная картина все равно не складывается, потому что данные разрознены и отсутствуют промежуточные информации.

Именно в этом смысле социологические интервью следует считать методом познания не только частных, но и общих вопросов. Интервью заполняют бреши в наших знаниях и дает целостную картину. Тексты интервью - материал на несколько порядков более качественный, чем газетные публикации. В интервью сами собой всплывают проблемы, которые еще не поднимались ни в публицистике, ни в научной литературе.

Что же касается анкетных опросов, результаты которых периодически присылали мне социологические организации, то они удивляют своей банальностью. Сама структура этих анкет отражает лишь расхожие представления, и ничего больше. Возможность возникновения чего-то конструктивного из таких исследований более чем сомнительна". (Ю.В.Яременко)

2. "Для проведения исследований необходим понятийный аппарат. Формирование системы понятий всегда является определенным научным достижением. Существует два уровня формирования этих понятий. Первый уровень - это язык, на котором респонденты описывают наблюдаемые ими явления. Второй уровень - это формирование на этой основе более обобщенного языка, описывающего типологические случаи. Интервью - это своего рода "открытое исследование", поиск первичных описаний, первичных понятий и работа по их структуризации.

Основная ошибка социологов, на мой взгляд, заключается в следующем: реальности, объекту они навязывают понятийный аппарат, сформированный для других целей и объектов других типов. Склонность к рефлексии у нас в обществе вообще очень мала, и социологи в своей массе не являются исключением. Поэтому навязывание объекту чуждого ему концептуального аппарата в социальных исследованиях - обычное дело. Не проводится тонкая работа по формированию первичных описаний и последующему переводу языка этих описаний на более обобщенный язык науки" (В.А.Найшуль).

1.4 Дополнение 1993 года

Прошло более пяти лет с момента написания данной главы и ныне, с учетом полученных за этот период откликов, автор считает нужным сделать некоторые дополнительные пояснения. Хотя за прошедшие годы в стране многое изменилось, автор по-прежнему оценивает состояние российской социологии как неудовлетворительное, застойное. Причины этого видятся не только в различных социально-

экономических трудностях (низкой зарплате научных работников и т.п.), но и в неадекватных методологических ориентациях, унаследованных российским социологическим сообществом от брежневских времен. Эти неадекватные ориентации, включенные в социологические учебники и учебные планы ВУЗов и аспирантур, предопределяют низкий уровень подготовки кадров социологов и резко снижают качество социологических исследований. Отсутствие значимых научных результатов приводит к падению общественного интереса к социологии, следствием чего является отсутствие притока в нее молодого пополнения и свежих интеллектуальных сил.

Критикуемая в данной книге методологическая ориентация по своей сути является позитивистской. В отечественную научную культуру она была привнесена в 60-е годы В.А.Ядовым, который заимствовал ее из западных методических пособий по эмпирической социологии 50-х годов, причем авторы этих пособий, в свою очередь, взяли ее из философских трудов позитивистской ориентации первой половины XX века¹⁹.

В настоящее время, как пишет В.С.Швырев, выдвинутая логическим позитивизмом концепция научного знания, которая долгое время господствовала в западной философии науки, безусловно принадлежит истории. Период ее наибольшего влияния приходится на 30-40-е годы, в 50-х годах начинается ее закат, с начала 60-х годов набирают силу конкурирующие с ней течения, прежде всего последователей К.Поппера [125, с.6]. Изменение методологических взглядов на науку в целом должно было повлечь за собой изменение этих взглядов и в социологии. В западной социологии это, по-видимому, произошло, но не в отечественной. Одна из причин этой стагнации заключалась в том, что после идеологического разгрома социологии в 1972 году точка зрения В.А.Ядова стала, так сказать, официально признанной. Люди, пришедшие к власти в ИСИ АН СССР на волне этого разгрома, не обладая ни квалификацией, ни творческим воображением, заимствовали ядовскую методологию и искусственно ее законсервировали, прекратив все дискуссии на методологические темы. Научные кадры, которые могли творчески переосмыслить эту методологию, были разогнаны²⁰.

С научной точки зрения двадцатилетнее (продолжающееся поныне) господство позитивистской методологии в отечественной социологии является тем более неоправданным, что все эти годы в нашей стране существовала и активно работала сильная школа философии науки, представленная такими известными учеными, как

¹⁹Во избежание неправильного понимания автор считает нужным подчеркнуть, что критикует концепцию В.А.Ядова с точки зрения научного контекста 80-х и 90-х годов, а не 60-х годов. В постсталинской научной пустыне появление книги Ядова и некоторых других аналогичных публикаций было настоящей научной революцией. Однако любая концепция жива до тех пор, пока она обладает способностью к развитию. В момент своего появления методология Ядова обладала этим качеством, но с тех пор она не только стагнировала, но и интеллектуально деградировала, что хорошо видно по той трактовке, которую она получила, к примеру, в "Рабочей книге социолога".

²⁰В.А.Ядов за это, разумеется, ответственности не несет: в брежневские годы он и сам подвергался притеснениям.

Э.М.Мирский, А.П.Огурцов, М.К.Петров, В.С.Швырев, Б.Г.Юдин, Э.Г.Юдин и другие. Представители этой школы прекрасно ориентировались в современных западных концепциях и во всех отношениях шли в ногу со временем. За указанное двадцатилетие они опубликовали большое число научных работ, в том числе не менее двенадцати крупных переводных монографий и сборников переводов [24, 42, 46, 47, 54, 72, 78, 81, 82, 106, 112, 114, 120]. Сотрудничество социологов с названной школой могло бы быть очень продуктивным, и если оно не состоялось, то потому, что социологическое сообщество именно в этот период было разгромлено и практически парализовано.

В настоящее время в российской социологии сложилась парадоксальная ситуация, при которой устаревшие позитивистские взгляды занимают не просто доминирующее, а абсолютно монопольное положение, хотя для представителей смежных научных дисциплин несостоятельность этих взглядов есть очевидный и даже банальный факт²¹.

Преодолеть эту застойную ситуацию будет очень непросто, поскольку уже два поколения социологов были воспитаны в рамках указанной неадекватной методологии и воспринимает ее как естественную. Все же автор надеется, что данная книга, несмотря на ее недостатки, будет способствовать оживлению методологической дискуссии.

Позитивистская методология В.А.Ядова дезориентирует социологов-исследователей в двух основных аспектах. Первый из них - это недооценка и отсутствие адекватной трактовки роли социологической теории, следствием чего является почти тотальное ее незнание. Последнее порождает отсутствие интереса к теоретическим проблемам, создавая порочный круг необразованности²². Второй аспект - это превратные представления о роли эмпирических данных в научном исследовании и об их взаимодействии с теорией. Здесь методология Ядова базируется на двух неверных посылах. Во-первых, предполагается, что научное знание по своей природе является эмпирическим, т.е. извлекается непосредственно из социологического "поля". Во-вторых, главной целью научного исследования считается эмпирическая проверка гипотез, но при этом не

²¹ Следует отметить, что в теоретической социологии существует и собственная методологическая традиция. Многие крупные социологи, среди которых можно назвать М.Вебера, Ф.Знанецкого, Т.Парсонса, Р.Мертона и других, были одновременно и крупными методологами. В частности, до сих пор мало кто обращал внимание, что У.Томас и Ф.Знанецкий в методологическом введении к работе "Польский крестьянин в Европе и Америке" предвосхитили многие выводы К.Поппера. К сожалению, складывавшаяся в нашей стране традиция методологического мышления в социологии, основанная на осмыслении трудов названных выше теоретиков, была уничтожена, что и вынуждает автора апеллировать к смежной научной дисциплине (философии науки).

²² Хотя слово "теория" встречается в отечественных социологических учебниках, оно вмонтировано в лексикон диалектического и исторического материализма и поэтому не несет содержательной нагрузки [132, с.11-18; 86, с.7-10]. Даже если такое положение рассматривать как дань цензуре, остается фактом, что вопрос о взаимодействии теории с эмпирическими исследованиями в отечественных учебниках не раскрыт и трактуется чисто декларативно.

рассматривается вопрос об источниках их возникновения. Если гипотезы формируются как априорные, то это противоречит предыдущему тезису об эмпирическом характере научного знания, а если природа гипотез является эмпирической, то неясен ни механизм их возникновения, ни методика, пригодная для их извлечения из "поля".

Поскольку методологические вопросы проведения эмпирических исследований были подробно рассмотрены выше, в настоящем дополнении главное внимание будет уделено описанию роли социологической теории и оценке состояния теоретических заделов.

1.4.1. Роль теории в социальном исследовании

Синтетическая природа научного знания. Анализ роли теории в социальном исследовании следует начать с констатации того, что, вопреки распространенному мнению, социология не является эмпирической наукой. Расхожее мнение о том, что источник научного знания коренится исключительно в эмпирической действительности, опыте или практике, является неверным. К сожалению, благодаря стараниям советских обществоведов, этот неверный постулат укоренился в нашей стране не только в массовом сознании, которому он не приносит особого вреда, но и в профессиональной субкультуре социологов, что влечет за собой самые деструктивные для этой науки последствия.

Следуя И. Канту, все виды знания можно разделить на эмпирические и априорные. Эмпирический тип знания следует, по-видимому, определить как знание, содержащее некие фактологические констатации, но не содержащие их трактовок. Примером знания такого рода могут служить используемые конструкторами и технологами таблицы сопротивляемости материалов к механическим воздействиям (ударам, статическим нагрузкам и др.). Эти знания являются эмпирическими в том смысле, что они, как правило, получаются чисто опытным путем без изучения механизмов разрушения материала под действием механической нагрузки.

Сходный тип знания (скорее технологического, чем научного) может продуктиваться и социологией, например при замерах рейтингов политических деятелей или прогнозах результатов выборов, если эти замеры не сопровождаются содержательным теоретическим анализом и включением в эмпирический инструментарий концептуально значимых переменных, вытекающих из этого анализа.

Тип знания, противоположный эмпирическому, является априорным, т.е. полученным до и независимо от опыта. Примером такого знания могут служить неевклидовы геометрии. Если возникновение классической евклидовой геометрии можно, по-видимому, связать с эмпирическими наблюдениями за свойствами геометрических фигур в процессе различных видов практической деятельности (раздел земельных участков, строительство и т.п.), то

неевклидовы геометрии, по крайней мере в момент их возникновения, представляли собой чистый продукт ума, не имеющий никаких аналогов в эмпирической действительности. Попытка физиков применить концептуальный аппарат неевклидовых геометрий к описанию физических объектов микро- и макромира были предприняты десятилетия спустя после смерти создателей этих априорных схем.

Итак, все виды знания, а вслед за ними и все научные дисциплины, а также входящие в их состав частные направления, можно расположить на идеально-типической шкале, на одном полюсе которой будут располагаться науки чисто или в значительной степени априорные, а на другом - чисто или в значительной степени эмпирические. Примером первых, как уже говорилось, можно считать неевклидовы геометрии и некоторые другие отрасли математики. К числу вторых можно отнести, в частности, фармакологию, науку о лекарствах. Известно, что до настоящего времени поиск новых лекарств ведется в значительной степени эмпирическим путем, т.е. методом проб и ошибок. Точные биохимические механизмы действия многих широко распространенных лекарств до сих пор неизвестны, или известны весьма приблизительно. Такой путь развития науки можно в каком-то смысле охарактеризовать как экстенсивный. Большие объемы "добычи" эмпирического материала служат в этом случае компенсатором слабости теоретической базы. В науке, как и в экономике, экстенсивный способ развития имеет свои преимущества и недостатки. При отсутствии теоретических заделов экстенсивный сбор эмпирических данных может способствовать решению той или иной практической проблемы. Этот путь имеет, однако, свои пределы. Примером тому является продолжающийся поиск лекарств для борьбы со СПИДом. Ныне единодушное мнение специалистов в этой области сводится к тому, что решение данной проблемы невозможно без мобилизации теоретического ресурса науки и углубления фундаментального знания о механизмах функционирования иммунных систем.

Науки, находящиеся в промежутке между априорным и эмпирическим полюсами, следуя терминологии И.Канта, должны быть охарактеризованы как синтетические. К их числу относится основной массив научных дисциплин, включая естественные и социальные науки.

По Канту, источником априорной компоненты синтетического знания является единство трансцендентальной апперцепции, иными словами, единство восприятия людьми внешнего мира, которое базируется на априорных формах чувственности (пространство и время) и рассудка (причина, необходимость и т.д.). Современная философия науки сохраняет представление о научном знании как о синтетическом, хотя трактовки этого термина со времен Канта во многом изменились. Не вдаваясь в подробный анализ, подчеркнем один из аспектов этой проблемы, впервые рассмотренный К.Мангеймом и емко сформулированный его последователем М.Адлером: "Социальное составляет априорное начало в индивидуальном сознании" [99, с. 107]. Хотя данная формулировка

относится, по-видимому, главным образом к обыденному сознанию, она может быть распространена и на научное знание, в котором роль "социального" выполняют научные труды предшественников, т.е. выработанный соответствующей научной субкультурой концептуальный и понятийный аппарат. Научные достижения рассматриваются, таким образом, не как продукт познавательной деятельности отдельного субъекта, а как элемент интеллектуальной традиции²³.

Существование в науке фактора интеллектуальной преемственности означает, что ни один ученый никогда не работает как чистый эмпирик, но всегда рассматривает изучаемую действительность сквозь призму выработанного его предшественниками теоретического и понятийного аппарата. Не зная теории, т.е. будучи профессионально необразованным, исследователь вольно или невольно скатывается на уровень обыденного сознания и "берет старт" с него. В физике, науке с многовековой историей, старт исследования с уровня обыденного сознания заведомо обречен на провал, о чем свидетельствуют многочисленные труды дилетантов. В социологии, как будет показано ниже, значимый научный результат при благоприятных условиях, может быть, и имеет шанс "самозародиться" из обыденных представлений в ходе эмпирического исследования, но в любом случае этот путь крайне неэффективен. Забегая вперед, скажем, что такое "самозарождение" возможно при использовании качественных методов как самостоятельных или в сочетании с количественными, но практически невозможно при использовании только количественных.

Теоретический ресурс научной дисциплины. В "Кратком словаре по социологии" говорится, что "качественный анализ в широком смысле слова означает такой характер осуществления социологического исследования, при котором основной акцент делается на теоретических ресурсах социологии, индивидуальном опыте, наблюдении и интуиции, традиционных средствах философского и логического анализа категорий и понятий, исторических сопоставлениях, использовании личных и официальных документов" [45, с. 110]. Эта формулировка является емким и точным выражением сути качественного подхода к исследованию, с той лишь оговоркой, что количественные методы находятся в еще большей зависимости от состояния теоретического ресурса, чем качественные, так как последние обладают высокой степенью самокорректируемости.

Под теоретическим ресурсом научной дисциплины в данной работе мы будем понимать совокупность актуальных для нее теорий, концепций и выработанный в их рамках понятийный аппарат. По-видимому, в наиболее общем смысле теоретический ресурс - это язык описания изучаемой действительности. Если в центре внимания исследователей находится какой-то объект или группа явлений, то

²³Иллюстрацией к этому тезису могут служить знаменитые слова И.Ньютона, который, отвечая на вопрос: "Как Вы добились таких научных успехов?", сказал: "Я стоял на плечах у гигантов".

вполне естественно, что, по мере усложнения и трансформации представлений о них, трансформируется и усложняется язык описания. Освоение этого языка есть главный аспект профессиональной социализации ученого. Отдельный человек, как бы гениален он ни был, никогда не сможет своими индивидуальными усилиями воссоздать то, что было наработано многими поколениями его предшественников.

В ходе эмпирического исследования социолог видит, распознает и идентифицирует в первую очередь те явления, которые имеются в его теоретическом словаре. Узость понятийной базы предопределяет и узость видения, поскольку явления, не репрезентированные в словаре наблюдателя, имеют свойство "сливаться" с контекстом и потому не фиксируются сознанием. Сказанное не означает детерминированности взгляда исследователя его словарем. Наблюдаемая социальная действительность никогда точно не вписывается в понятийный аппарат предшествующих социологических теорий, и именно эти несоответствия становятся импульсом для дальнейшего творческого развития теоретических взглядов, включая и трансформацию языка. Общая схема взаимодействия теории с эмпирическими наблюдениями, по-видимому, такова: неизбежно сталкиваясь с неадекватностью и неполнотой известных ему теоретических схем, исследователь "расплавляет" эти схемы до уровня понятийного словаря и затем создает на его основе теоретические схемы следующего поколения, модернизируя и дополняя при этом язык описания. Итоговый научный продукт в точном смысле слова является синтетическим, поскольку он не тождественен ни изначальным (априорным для него) теоретическим знаниям исследователя, ни "чистым" эмпирическим наблюдениям.

Сказанное можно проиллюстрировать примером, заимствованным из лекции В.Ф.Чесноковой. Будучи личным участником ряда крупных социологических исследований советской деревни в конце 60-х - начале 70-х гг., Чеснокова неоднократно подчеркивала слабость теоретической базы этих исследований, которая привела к сильному снижению их результативности. Приезжая в конкретную деревню или село, исследователь мог видеть многочисленные явления, описываемые понятиями "общины" и "общества" Ф.Тенниса, аномии Э.Дюркгейма, социальной дезорганизации У.Томаса и Ф.Знанецкого, типовыми переменными Т.Парсонса и т.д. По мнению Чесноковой, такое теоретически нагруженное наблюдение было бы весьма эффективным. Хотя ни одно из этих понятий и ни одна из стоящих за ними концепций не являлись готовым и точным описанием изучаемого объекта (в данном случае советской деревни), но они могли создать основу для творческого осмысления увиденного. Искусственный обрыв зарождавшейся теоретической традиции привел к редукции последующих исследований до уровня чистого эмпиризма, предопределив слабость их результатов.

Таким образом, отвечая на вопрос об источниках возникновения содержательных идей и гипотез, следует указать, что одним из этих источников является теоретический задел, или ресурс, созданный

трудами предшественников. Состояние этого задела в решающей степени определяет результативность научных исследований, как теоретических, так и эмпирических. Целью нижеследующего обзора является попытка дать реалистичную оценку теоретического ресурса мировой и отечественной социологии.

1.4.2. Теоретический ресурс социологии

Мировая социология. За всю историю своего существования социология не смогла стать интегрированной научной дисциплиной и, по-видимому, не создала ни одной завершенной общесоциологической теории. Однако с момента возникновения в социологии работало большое число очень крупных мыслителей, которые сообща разработали исключительно богатый концептуальный и понятийный аппарат, предназначенный для распознавания и анализа явлений социальной действительности.

Первое поколение социологических теорий было создано учеными конца XIX - начала XX века, имена которых общеизвестны: Ф.Теннис, Г.Зиммель, М.Вебер, Ч.Кули, Э.Дюркгейм, В.Парето, Ф.Знаецкий и др.²⁴. Первая мировая война, глубокий послевоенный кризис и последовавшая за ним вторая мировая война нанесли европейской социологической школе непоправимый удар. Хотя какая-то преемственность послевоенной европейской социологии с довоенной классической, без сомнения, существует, по-настоящему классическая школа, с нашей точки зрения, в Европе так и не возродилась.

Второе рождение теоретическая социология пережила в США в период с 30-х по 60-е гг., чему в немалой степени способствовала иммиграция европейских ученых. Расцвет этой школы пришелся на первые десятилетия после второй мировой войны и связан с именами Т.Парсонса, Р.Мертона, Э.Шилза, Р.Бендикса, С.Липсета, П.Блау, Н.Смелсера, У.Уорнера, Д.Рисмена и многих других (список не претендует на систематичность и полноту). Американские теоретики начали с того, что детальнейшим образом изучили классическое европейское наследие. Внимание к этому наследию они сохранили на протяжении всей своей жизни, что легко установить по обилию ссылок и цитат.

Наряду с общей социологией в США в те годы очень сильно возрос теоретический уровень многих отраслевых ее направлений, в первую очередь социологии организаций и индустриальной социологии (Э.Мейо, Ф.Херцберг, П.Друкер и многие другие). В тесном контакте с социологией развивалась культур-антропология (не только американская), также достигшая в те годы очень высокого теоретического уровня (Б.Малиновский, М.Мосс, А.Рэдклифф-Браун, М.Мид, К.Леви-Стросс и др.).

²⁴О.Конта и Г.Спенсера, обычно называемых в учебниках основателями социологии, автор считает скорее предсоциологами. Не отрицая значения работ этих крупных мыслителей, автор не советовал бы социологам начинать свое профессиональное образование именно с них.

Теории, разработанные поколением социологов 30-х - 60-х гг., без сомнения, можно охарактеризовать как теории второго поколения, значительно усложненные по сравнению с первыми и использующие гораздо более строгий и разветвленный понятийный аппарат. К середине XX века изменился сам стиль написания социологических текстов. Если социологи "первой волны" работали в основном еще в жанре философского трактата с характерными для него длиннотами, эмоциональными отступлениями, цитированием классиков художественной литературы и т.д.²⁵, то социологи "второй волны" создавали тексты с исключительно высокой плотностью изложения и жесткой (но при этом обычно очень сложной) логической структурой. Освоение этих текстов требовало от начинающих социологов весьма напряженной умственной работы, что, возможно, и послужило одной из причин последующего обрыва концептуальной преемственности.

В начале 70-х гг. в социологии стран Запада произошел разрыв с классической традицией. В литературе выдвигаются разные трактовки причин этого разрыва [25, с. 58-60; там же, с. 83-86]. Не отрицая, что истоки такого резкого изменения вряд ли могут быть сведены к какой-то одной причине, и не претендуя на исчерпывающий анализ этого вопроса, отметим действие одного фактора, о котором современные западные авторы предпочитают умалчивать. Дело в том, что в конце 60-х гг. в западных университетах прокатилась волна студенческих революций, которые во многом разрушили сложившуюся систему гуманитарного образования²⁶. Мода на леворадикальных мыслителей сочеталась тогда с ошельмовыванием классической социологии, которая была объявлена "прислужницей буржуазного истэблишмента"²⁷.

Хотя сами студенческие волнения тех лет быстро пошли на спад, они прервали интеллектуальную преемственность между научными поколениями. Многие участники леворадикальных выступлений в последующие годы закончили университеты и сами сделали профессорами и преподавателями. Радикалами большинство из них быть перестало, однако пройденная ими социализация в рамках так называемой "контркультуры" по-прежнему оказывает влияние на их мировоззрение, взгляды и профессиональную деятельность. В целом можно сказать, что профессиональная культура, корнями восходящая к "контркультуре", в интеллектуальном отношении оказалась бесплодной и привела лишь к упадку гуманитарного образования, причем социология пострадала, по-видимому, сильнее других дисциплин²⁸. Сегодняшнюю ситуацию известный социолог Э.Гидденс

²⁵Исключением был М.Вебер, который, по-видимому, первый перешел к строгому концептуальному стилю письма XX века.

²⁶Яркое описание такой революции содержится в книге Р.Мерля "За стеклом", написанной, кстати, на материалах социологических интервью.

²⁷Сила и размах леворадикального студенческого движения в немалой степени были обусловлены тайной поддержкой их со стороны спецслужб СССР и КНР, которые весьма эффективно использовали идеологизированные группы студентов для достижения победы во вьетнамской войне. Косвенно этот вопрос затронут, в частности, в известных мемуарах Г.Киссинджера.

²⁸Сходная ситуация возникла в интеллигентской субкультуре дореволюционной России

характеризует так: "Именно в тот момент, когда, казалось бы, крайне необходимы новаторские социальные исследования - в условиях глобального спада и далеко идущих социальных и культурных изменений, - в этот момент наблюдается интеллектуальный упадок социологии, уменьшается приток в нее свежих сил" [25, с. 57].

Период леворадикальных выступлений студентов совпал по времени с возникновением в социологии нового теоретического направления - так называемой феноменологической социологии и этнометодологии. Его основоположниками принято считать А.Шюца, Г.Гарфинкеля, А.Сикурела - безусловно, крупных мыслителей, авторов фундаментальных научных трудов. Само по себе рождение нового перспективного направления в любой науке - нормальное и отрадное явление. Вполне нормально также и то, что феноменологическое направление вступило в теоретический спор со структурно-функциональным ("классическим"). Ненормальным оказалось то, что леворадикальные студенты идеологизировали феноменологическую социологию и стали использовать ее для ошельмовывания структурно-функциональной²⁹. В результате первая избежала идеологического остаркизма, но в социологии возник теоретический дисбаланс, который, по нашему мнению, продолжается до сих пор. Этот дисбаланс находит свое выражение в том, что проблема институционального устройства общества, его структуры, социализации личности, ее интеграции в общественную систему - эти и ряд других "классических" проблем отошли в на второй план, хотя объективная ситуация в мире такова, что они неизбежно должны быть поставлены на повестку дня.

В послесловии к сборнику "Американская социология", вышедшему в свет в 1968 году, Т.Парсонс, говоря о теоретической социологии, писал, что значимость научной дисциплины связана с местом, занимаемым ей в более общей интеллектуальной культуре. "За последнее тридцатилетие - отмечал далее Парсонс - в положении социологии произошел заметный сдвиг. Не будет преувеличением сказать, что со времен Рикардо и после - в период огромной популярности Маркса - экономическая наука считалась ключевой дисциплиной для понимания социального мира, причем интерес к экономике вытеснил предшествующие ему преимущественно политологические подходы. В конце XIX и начале XX века на короткое время в центре внимания оказались психологические теории, особенно те, которые были связаны с психоанализом. Однако в наши дни в центр научных интересов начинает перемещаться социология" [9, с. 328].

По причинам, частично проанализированным выше, западная социология не смогла удержаться в центре общественных наук. Обрыв преемственности между поколениями, интеллектуальный упадок

- см. об этом известный сборник "Веки" и другие источники.

²⁹Иллюстрацией является переведенный на русский язык сборник "Новые направления в социологической теории", написанный четырьмя молодыми англичанами [71]. Весьма печально, что российские социологи вынуждены знакомиться с феноменологической социологией по этому несолидному и мутному источнику.

резко ослабили ее влияние. В то же время зародившаяся в те годы острая теоретическая полемика между кейнсианцами и монетаристами по проблемам общественного устройства вновь сдвинула фокус научных интересов в сторону теоретической экономики. Ныне социология оказалась фактически отключенной от обсуждения стратегических проблем развития современной цивилизации. Однако такое положение представляется нам временным. Дело в том, что в середине 70-х гг. теоретическая дискуссия в экономике переросла дисциплинарные границы этой науки и перешла на предметное поле социологии, поскольку в центре внимания ведущих экономистов-теоретиков оказались вопросы институционального устройства общества. Эта тенденция, в частности, ярко выражена в трудах нобелевских лауреатов по экономике последних лет - Ф.Хайека и Дж.Бьюкенена. Основная рассматриваемая ими проблема - анализ взаимозависимости социальной организации (и дезорганизации) на микроуровне и институционального устройства общества на макроуровне - является классической проблемой структурно-функциональной социологии, которая несомненно, была бы достойным интеллектуальным партнером в этой дискуссии, если бы не переживаемый ею упадок. Знакомство с работами Ф.Хайека, Дж.Бьюкенена и ряда других авторов этой школы убеждает в том, что названные ученые очень слабо знакомы с трудами классиков социологии, хотя анализируемые ими проблемы сильно перекликаются с ними.

Таким образом, существуют два фактора, которые, по-видимому, предопределят в ближайшем будущем очередной рост интереса к теоретической социологии и к ее классическому наследию. Во-первых, это очевидная актуальность и высокий научный уровень теоретических дискуссий в экономике, сопровождаемый растущим общественным вниманием к этим дискуссиям. Во-вторых, это сдвиг анализируемой в теоретической экономике проблематики в институциональную сферу, т.е. на предметное поле социологии³⁰.

Для России, как впрочем и для других стран мира, названные научные дискуссии имеют не только теоретическое значение. Будущее нашей страны, переживающей тяжелый институциональный кризис (экономический кризис есть лишь следствие институционального), в очень большой степени будет зависеть от того, какой идейный багаж будет использован для его осмысления. Вопрос, однако, заключается в том, в какой мере и в какие сроки российская социология сможет стать полноценным участником этой дискуссии, которая пока что ведется без ее участия.

Российская социология. Российская школа теоретической социологии в XX веке возникала дважды, но оба раза гибла. Для анализа сегодняшнего ее состояния важно дать реалистичную оценку этим двум попыткам возникновения.

³⁰Переход экономической дискуссии в социологическую плоскость - явление не новое. Возникновение классической социологии в конце XIX века также было в большой степени индуцировано экономическими дискуссиями тех лет.

Дореволюционная школа социологии была представлена именами М.Ковалевского, Б.Кистяковского, Н.Кареева, Л.Петражицкого, Е.Дероберти и других ученых, пришедших в нее из смежных гуманитарных дисциплин: философии, истории, теории права. Призывая научные заслуги и большой творческий потенциал этой школы, следует сказать, что по отношению к мировой социологии она все-таки была "догоняющей". Иными словами, российская социальная наука тех лет еще не вышла на уровень мировых интеллектуальных лидеров, хотя и стремительно к нему приближалась. В связи с этим научные труды наших социологов носили в значительной мере характер высококачественных компиляций, написанных с учебными и просветительскими целями. Сказанное ни в коем случае не принижает значения этих работ, поскольку для "догоняющей" научной школы такой путь развития является естественным. По всем признакам, педагогическая деятельность первых русских социологов была очень успешной, и уже в следующем поколении их воспитанников можно было ожидать появления ученых мирового уровня, труды которых стали бы социологической классикой³¹. Немаловажно отметить, что русская социологическая школа весьма оперативно отслеживала появление новых фундаментальных работ в Западной Европе и издавала их переводы, многими из которых российские социологи пользуются и поныне.

Нет нужды описывать, что революция без остатка уничтожила русскую социологическую школу. Многие ее представители погибли, другие вынуждены были эмигрировать.

Второй исторический шанс рождения российской социологии представился в 60-е гг. Преемственность с дореволюционной школой была к этому времени полностью потеряна. За прошедшие десятилетия радикально изменился и мир, и мировая социология. В этих условиях первые социологи советской эпохи (в основном выходцы из философии, экономики и математики) естественным образом занялись изучением и переводом западных работ. В целом есть все основания сказать, что, с учетом исторической специфики рассматриваемого периода, отечественная социология тех лет взяла на удивление хороший старт, обусловленный в первую очередь притоком свежих интеллектуальных сил и свойственным социологам тех лет здоровым чувством профессиональной неполноценности, побуждавшим активно учиться. О быстром развитии отечественной социологии тех лет свидетельствует, в частности, следующее. Во-первых, был издан ряд учебников по методике и технике массовых опросов, написанных российскими авторами, но базирующихся, конечно, на изучении западных источников. Эти учебники сохраняют свое значение и поныне [52, 127, 131]. Во-вторых, было проведено большое число крупных по тем временам эмпирических исследований, причем их научный и методический уровень быстро возрастал. Наконец, в-третьих, быстрыми темпами шло заимствование теории. За десятилетний период с 1961 по 1971 год

³¹ Реально "пробился" лишь Питирим Сорокин, о котором ниже.

было издано не менее девяти переводных монографий и сборников по теоретической социологии³², причем подбор книг следует признать очень удачным [9, 10, 98, 103, 104, 107, 108, 126, 129]. Эти издания - лишь видимая часть айсберга, поскольку в научном сообществе тех лет ходил по рукам обширный социологический "самиздат": переводы Т.Парсонса общим объемом более 80 авт. листов, монография М.Крозые "Феномен бюрократий", "Настольная книга по эмпирической социологии" (составитель Р.Кениг), переводы статей западных авторов по социальной стратификации объемом около 40 авт. листов (ныне изданы Институтом народнохозяйственного прогнозирования РАН в виде сборников [102]), работы Р.Мертон, переводы работ польских социологов, включая большую монографию А.Сарапаты по социологии труда³³, и многое другое - автор перечислил лишь то, что знает.

Как уже говорилось во введении, в 1972 году по приказу ЦК КПСС был осуществлен идеологический разгром ИКСИ АН СССР, исполненный по канонам сталинского разгрома биологии, с той лишь разницей, что никто из социологов не был арестован. Роль Лысенко сыграл в этой акции научный коммунист из Свердловска М.Н.Руткевич, назначенный директором ИКСИ (ныне он член-корреспондент РАН, в 1988 году едва не стал академиком). В течение нескольких месяцев после назначения Руткевича из института уволились или были уволены наиболее видные социологи того времени: Ю.А.Левада, Н.Н.Лапин, Н.Ф.Наумова, А.И.Пригожин, Э.М.Коржева, Б.А.Грушин и его сектор, А.А.Галкин и его сектор, Б.Б.Ольшанский, В.Н.Шубкин - этот список далеко не полон. Одно из первых деяний Руткевича в роли директора заключалось в уничтожении тиража сборника переводов "Структурно-функциональный анализ в современной социологии", вып.2 [108]. Правда, отдельные экземпляры этого сборника успели попасть в Ленинскую и некоторые другие библиотеки.

О последующих годах деятельности ИСИ АН СССР можно судить по тому, что за пятнадцатилетний период этим институтом было опубликовано лишь две переводных книги по теоретической социологии, обе под редакцией Г.В.Осипова³⁴. Одна из них - это уже упоминавшиеся "Новые направления в социологической теории" [73]. Издание этого сборника, написанного четверьмя "рассерженными молодыми людьми", явно мотивировалось целью

³²Включая переведенный В.Б.Ольшанским учебник Т.Шибутани "Социальная психология", который в отечественных терминах является скорее учебником по социологии личности, а также изданную в 1967 г. в Новосибирске книгу Я.Щепаньского (перевод В.Ф.Чесноковой под ред.Р.В.Рывкиной). Известное российским социологам издание книги Щепаньского 1973 года, осуществленное ИКСИ АН СССР, является перепечаткой этого перевода (правда имена переводчика и редактора в этом издании указаны другие).

³³Из всех стран бывшего социалистического лагеря Польша традиционно выделялась высоким уровнем социологических исследований.

³⁴Переводные книги по социологии, опубликованные в этот период науковедами [24, 42, 72] и экономистами [80 и др.] не в счет, так как заслуги социологов в их издании нет. В заслугу ИСИ можно поставить издание методической книги Э.Нозль "Массовые опросы", действительно очень нужной.

идеологической дискредитации структурного функционализма и, в особенности, Т.Парсонса³⁵, поскольку издатель, преследующий научные цели и действительно желающий представить нашему читателю феноменологическую социологию, должен был, конечно, опубликовать основополагающие работы А.Шюца или Г.Гарфинкеля.

Вторая переводная теоретическая книга, изданная в рассматриваемый период - это монография Дж.Гернера "Структура социологической теории" [110]. Эта книга в целом производит впечатление добросовестного и не идеологизированного обзора социологических теорий. Ее публикацию некоторые социологи считают оправданной, однако с нашей (возможно, небесспорной) точки зрения это не так. Дело в том, что социологические теории не могут быть адекватно поняты по изложениям, и для их изучения необходима работа с изначальными текстами (о причинах будет сказано ниже). В связи с этим публикация одной фундаментальной монографии, например, давно обещанного Ф.Тенниса, принесла бы гораздо больший научный эффект, чем публикация краткого обзора многих различных теорий.

Венцом деятельности "обновленного" состава ИСИ АН СССР под руководством М.Н.Руткевича можно считать "Рабочую книгу социолога" - толстую и очень плохо написанную монографию, несущую на себе отпечаток социальной атмосферы застойных брежневских лет. Книга написана так называемым стилем "рекле" (режем - клеим): в тексте явственно видны места склейки нестыкующихся по смыслу абзацев. Ряд мест заимствован из книги В.А.Ядова, разумеется без ссылок на нее (впрочем, во введении авторы выразили В.А.Ядову благодарность за участие в обсуждении макета книги). С сожалением следует признать, что дефицит методической литературы доньше вынуждает российских социологов обучаться по этому некачественному источнику³⁶.

Во второй половине 70-х и первой половине 80-х годов разгромленная социология стала скучной наукой, и интерес к ней в обществе резко упал.

Начавшаяся в 1985 г. "перестройка" предоставила российскому социологическому сообществу очередной исторический шанс, которым оно, к сожалению, не смогло адекватно воспользоваться. Важным достижением этого периода было создание технологии массовых репрезентативных опросов, однако состояние социологии как науки и состояние социологического образования остались на уровне застойных лет.

За примерно пятилетний срок, когда цензура уже не действовала, а полиграфия еще не сильно подорожала (причем академические институты и ВУЗы сохраняли свои объемы финансирования) можно было издать очень многое и тем самым заложить базу полноценного

³⁵К Парсонсу партийные идеологи тех лет почему-то испытывали особую неприязнь.

³⁶Не следует забывать, что та полезная информация, которую удастся вычитать из "Рабочей книги социолога", была в основном наработана в ИКСИ при первом его директоре А.М.Румянцеве. Придя к власти, М.Н.Руткевич и его помощники лишь воспользовались этим интеллектуальным багажом, причем воспользовались очень плохо.

социологического образования, однако реально не было издано практически ничего. Портфель публикаций оказался пуст, и ведущие социологи страны, среди которых надо особо назвать Т.И.Заславскую, В.А.Ядова и Ю.Н.Давыдова (именно от них в те годы очень многое зависело), не проявили заботы о своевременном его наполнении. Социологическое сообщество не смогло сорганизоваться и дать оценку предшествующему периоду, а также наметить перспективы развития.

Не было проведено расследование деятельности М.Н.Руткевича и его приспешников, хотя опубликование результатов такого расследования имело бы большое нравственное значение³⁷. Одна только Т.И.Заславская упомянула в статье в газете "Правда" от 10 февраля 1987 г. о "негативных последствиях кадровой политики, проводившейся М.Н.Руткевичем", однако никто из свидетелей событий тех лет ее не поддержал. Новый директор Института социологии РАН В.А.Ядов также не считал необходимым ворошить прошлое.

Ныне, в начале 90-х годов, приходится констатировать, что теоретический ресурс российской социологии почти полностью разгромлен и не ведется никакой целенаправленной работы по его восстановлению. Эта стагнация имеет, в частности, мотивационный и моральный аспект, поскольку в брежневские годы в социологическом сообществе исчезло и до сих пор не восстановилось то здоровое чувство профессиональной неполноценности, которое создавало волевой импульс к развитию в 60-е годы.

Восстановление потенциала научной дисциплины не может быть осуществлено иначе, как путем издания и вовлечения в научный оборот фундаментальных трудов, образующих ее теоретическое ядро. Главной проблемой при этом, учитывая жесткие финансовые ограничения, является правильный выбор издательских приоритетов. Во избежание ошибок и принятия субъективистских решений определение приоритетов должно базироваться на общемировой шкале рейтингов наиболее знаменитых авторов и их научных трудов³⁸.

Рассмотрим, в какой мере издательская политика, осуществляемая в настоящее время ведущими социологическими организациями, отвечает названному выше критерию соответствия общемировым рейтингам. За весь период "перестройки" этому критерию отвечают только три издания: это сборники трудов М.Вебера, Э.Дюркгейма и П.Сорокина [22, 28, 101]. При этом следует оговорить, что сборник работ П.Сорокина был издан не социологами, а философами, а публикации Э.Дюркгейма и М.Вебера являются не изданиями, а лишь переизданиями: соответствующие работы Дюркгейма были опубликованы еще до революции, а работы Вебера - в 70-е гг. в ИНИОНЕ с грифом "для служебного пользования" (переводчик

³⁷Нелишне напомнить, что лысенковщина при Н.С.Хрущеве была осуждена, и широкая общественность узнала об этом.

³⁸Определение общемировой шкалы рейтингов может быть осуществлено, например, путем подсчета средневзвешенного числа печатных знаков в статьях ведущих социологических энциклопедий и словарей.

М.И.Левина)³⁹. Не изданы и не включены в издательские планы переведенные русскими социологами до революции работы Э.Дюркгейма "Самоубийство" и Г.Зиммеля "Социальная дифференциация". Не издаются сделанные в 70-е годы переводы работ Т.Парсонса и Р.Мертона. Книга Ф.Тенниса "Община и общество", издание которой было обещано Институтом социологии РАН еще пять лет назад, насколько известно, даже не переведена⁴⁰. Что же касается трудов других классиков, в диапазоне от Ф.Знаецкого и Ч.Кули до А.Шюца и Г.Гарфинкеля, а также работ по отраслевой социологии, то их, насколько известно, никто и не собирается переводить.

Наряду с изданием названных выше сборников трудов М.Вебера, Э.Дюркгейма и П.Сорокина в последние годы опубликован ряд монографий и сборников, посвященных истории социологической мысли и социологической теории: Р.Арон "Этапы развития социологической мысли", П.Монсон "Современная западная социология", П.П.Гайденко, Ю.Н.Давыдов "История и рациональность. Социология М.Вебера и веберовский ренессанс", "История социологии в западной Европе и США", Ю.Н.Давыдов "История теоретической социологии" (готовится к печати), сборник "Социо-логос", Н.Д.Кондратьев "Основные проблемы экономической статики и динамики" (издана в серии "Социологическое наследие"), "Социология труда" (учебник изд. МГУ), два выпуска журнала "Вопросы социологии"; планируется издание двухтомного труда П.Сорокина "Система социологии". Вместе с аналогичными публикациями предшествующих лет [33, 34, 73, 110 и др.] совокупный объем этих изданий является весьма внушительным, и его вполне хватило бы на создание антологии трудов классической социологии. Следует оговорить, что в данном случае критикуются не сами названные выше книги (об их качестве пусть судит читатель), а очередность их издания. При наличии больших финансовых возможностей публикация этих книг, возможно, была бы оправдана. Однако наличие жестких финансовых ограничений требует, как уже говорилось, расстановки приоритетов, ориентированных на скорейшее восстановление теоретического ядра социологии и подъем социологического образования.

Принципы, на которых строится сегодняшняя издательская политика, с нашей точки зрения, не способствуют достижению названной цели и приводят к неэффективному распылению и без того крайне ограниченных средств. Ниже эти ошибочные принципы будут названы и охарактеризованы.

1. Издание не классических текстов, а их кратких изложений. Казалось бы следование этому принципу при меньшей затрате средств дает возможность ознакомить читательскую аудиторию с

³⁹По сравнению с публикациями 70-х гг. в сборник трудов Вебера включены переводы лишь двух небольших по объему, хотя и важных статей.

⁴⁰Для перевода якобы требуется специальное финансирование, хотя люди, ответственные за эту работу, на протяжении 15-20 лет исправно получали зарплату, и притом не такую уж низкую.

большим числом авторов и научных трудов. Это, однако, ложная экономия. Причина заключается в том, что классики социологии писали исключительно плотные и богатые содержанием тексты, плохо поддающиеся краткому изложению. Замечено, что чтение этих текстов разными людьми вызывает у них разные концептуальные ассоциации. Этим объясняется неспадающий интерес к работам почти вековой давности и непрекращающийся процесс появления все новых трактующих и осмысляющих их публикаций, а также высокие индексы цитирования классических трудов в современных западных публикациях.

В качестве иллюстрации приведем цитату из работы Р.Мертона, который пишет: "Используемые понятия абсолютного и относительного размера группы *отдистиллированы* нами (выделено мною - С.Б.) из зиммелевской "Социологии", но при этом им придано несколько иное значение" [62, с.223] (далее в мертоновском тексте идет обширная цитата из "Социологии" Зиммеля). Приведенный пример важен в двух отношениях. Во-первых, он показывает, что один из самых известных социологов XX века не считал для себя зазорным внимательно изучать труды своего предшественника XIX века, и извлекал из этого чтения немалую пользу. Во-вторых, данный пример ясно высвечивает сложившуюся в нашей стране абсолютно недопустимую ситуацию, когда отечественные социологи вынуждены изучать Зиммеля не по Зиммелю, а по публикациям Л.Г.Ионина, который на протяжении уже 15 лет является почти абсолютным монополистом в изучении Зиммеля. Следует подчеркнуть, что в данном случае критикуются не публикации Ионина (наличие у классических трудов шлейфа трактовок и осмыслений есть нормальное явление), а сама ситуация, при которой российские социологи лишены возможности читать труды классиков и что-то оттуда "отдистиллировать".

Следствием такого положения является существование жесткого водораздела между эмпирическими работами и работами по истории социологической мысли: последние в нашей стране не оказывают никакого влияния на эмпирические исследования, хотя на самом деле должны быть их "двигателем". Этот факт можно рассматривать как своего рода эмпирическое доказательство того, что существование в научном обороте трактовок классических трудов может способствовать лучшему осмыслению последних, но не может служить их заменой. Наличие изложений при отсутствии самих теоретических трудов приводит к тому, что теоретический аппарат социологии просто не усваивается профессиональным сообществом.

2. Издание не переводов, а собственных трудов российских авторов. Даже для тех научных сообществ, которые не отстают в своей области от мировых лидеров, отслеживание, перевод и издание наиболее значимых научных работ является необходимым элементом функционирования исследовательского процесса. Отказ от активной переводческой деятельности, обрыв коммуникации с мировыми лидерами, нарастание чувств самодостаточности и самодовольства есть верный признак бюрократического перерождения научной среды

и ее научного бесплодия.

Сказанное особенно верно в отношении тех научных сообществ, которые волею судьбы оказались в положении "догоняющих". Необходимость преодоления отставания требует от ученых своего рода самоотречения, т.е. отказа (по крайней мере частичного) от ориентации на собственное творческое самовыражение и концентрации усилий на переводческой, просветительской и педагогической деятельности⁴¹.

В качестве примера, достойного подражания, автор хочет привести деятельность профессора И.Д.Ермакова - первого русского психоаналитика начала века. Собственная творческая деятельность профессора Ермакова выразилась в написании им двух небольших книг, которые, по общему мнению, не являются научно значимыми. Вместе с тем за период с 1910 по 1930 гг. он осуществил перевод и издание почти всех основополагающих трудов Фрейда, снабдив их своими хорошими по качеству предисловиями. Все переводы выполнены на высоком научном и литературном уровне. Общий объем этих публикаций многократно превосходит объем авторских текстов И.Д.Ермакова. Можно ожидать, что многими из указанных переводов русскоязычная аудитория будет пользоваться и за пределами 2000 года, поскольку процесс их переиздания идет медленно. Концентрируя усилия на издании Фрейда, профессор Ермаков не был узколобым фрейдистом: в частности, он издал книгу К.Г.Юнга "Психологические типы", хотя теоретический и личный конфликт между Фрейдом и Юнгом зашел в это время достаточно далеко. Можно не сомневаться, что проявленный Ермаковым энтузиазм и его активная педагогическая деятельность уже в 30-е годы привели бы к возникновению русской психоаналитической школы, которая соответствовала бы мировому уровню. В том, что этого не произошло, вины Ермакова нет: в середине 30-х годов он был арестован и погиб в лагерях.

В качестве второго примера эффективной работы "догоняющей" научной дисциплины можно привести упомянутую выше современную российскую школу философии науки, основавшую издание серии переводов под общим названием "Логика и методология науки". По оценке автора, общий объем этих переводов за сопоставимый период примерно впятеро превышает совокупный объем публикаций тех специалистов, которые занимались переводом и научным редактированием этих книг (Б.С.Грязнов, Э.М.Мирский, А.Л.Никифоров, А.П.Огурцов, М.К.Петров, В.Н. Садовский, Л.А.Седов, Б.Г.Юдин и др.). Хотя эти данные не вполне сопоставимы, для сравнения можно указать, что ИСИ АН СССР за период с 1972 по 1987 год издал лишь три переводных книги, суммарный объем которых составил не более 6% от общего объема печатной продукции, выпущенной этим институтом. Из этого сопоставления хорошо видно,

⁴¹ Пользуясь терминологией Ю.Н.Давыдова, ориентацию ученого на творческое самовыражение при недостаточной теоретической подготовке можно охарактеризовать как "метафизику своеволия".

что чем более профессионально здоровым является научное сообщество, тем больше оно переводит, а отнюдь не наоборот⁴².

3. Издание трудов классиков русской, а не западной социологии. Такое направление издательской политики обычно мотивируется тем, что Россия должна восстанавливать собственную социологическую традицию, а не следовать Западу. Более прозаическая причина заключается, по-видимому, в том, что труды русских авторов, изданные в начале XX века, не нужно переводить и редактировать.

В качестве классика русской социологической мысли ныне принято в первую очередь называть П.Сорокина. Не отрицая заслуг этого ученого, следует прямо сказать, что, по нашему мнению, ныне его слава в России искусственно преувеличивается. Занимаясь преподаванием социологии в 1992-1993 гг., автор обнаружил, что нынешние студенты в основном знают только двух великих социологов - Н.Бердяева⁴³ и П.Сорокина. Такое мировоззрение у студентов свидетельствует о наличии мощной идеологической накачки, осуществляемой какой-то частью преподавательского состава отчасти по националистическим мотивам, а отчасти в силу простого незнакомства с западной социологией.

Наиболее крупной (не по объему, а по значению) и действительно фундаментальной работой П.Сорокина во всем мире принято считать его книгу "Социальная стратификация и социальная мобильность" [101, с. 295]. Это отнюдь не только личная точка зрения автора данной книги. Легко убедиться, что во всех социологических словарях и энциклопедиях против имени П.Сорокина первым упоминается термин "мобильность социальная", а против названного термина указывается фамилия Сорокина. О значимости некоторых других работ Сорокина можно спорить⁴⁴, но изданный в 20-е годы в России толстый и эклектичный труд "Система социологии" явно не обладает столь высокой теоретической значимостью, чтобы переиздавать его вместо издания основополагающих работ зарубежных классиков (желающие могут взять книгу Сорокина в библиотеке и составить собственное мнение о ней). Тем не менее, в данный момент именно "Система социологии" стоит первой и единственной в плане издания серии "Социологическое наследие" (думается, потому, что ее не надо

⁴²В ходе предварительного обсуждения данной книги автору указывали, что он, противореча сам себе, написал собственную монографию, а не перевел западный учебник. Ответ заключается в том, что методика намного проще теории, и поэтому легче поддается изложению. В нашей стране есть специалисты по методике опросов, которые знают свой предмет, по-видимому, не хуже западных коллег. Существует и отечественная традиция написания учебников по методике социологических опросов. Что же касается социологической теории, то в настоящее время в нашей стране нет собственной научной школы. Кроме того автор считает, что наиболее важные труды по теоретической социологии написаны настолько глубокими мыслителями, что их изучение не может быть заменено чтением даже очень хороших изложений.

⁴³Н.Бердяев - крупный мыслитель, но он не социолог. Во избежание путаницы зафиксируем, что существуют работы собственно социологические и работы, которые социологу интересно читать. Труды Н.Бердяева относятся, несомненно, ко второй категории.

⁴⁴Изданный в 1992 году сборник избранных трудов П.Сорокина [101] снабжен квалифицированно написанным предисловием, в котором, с нашей точки зрения, верно расставлены акценты.

переводить, ни готовить к печати. Разговоры о "русской социологии" являются в данном случае лишь прикрытием пустоты издательского портфеля).

В серии "Социологическое наследие" в 1991 году вышла книга еще одного русского автора - Н.Д.Кондратьева. Критиковать издание трудов человека, погибшего в сталинской тюрьме, с моральной точки зрения непросто, но автор считает необходимым это делать. Менее важно, что Н.Д.Кондратьев - экономист, а не социолог. Более важно, что он не был значимым теоретиком ни в области экономики, ни в области социологии. Без сомнения, Н.Д.Кондратьев был хорошим статистиком, хорошим научным организатором и просто принципиальным человеком, за что впоследствии и поплатился. Судя по изданной работе, Кондратьев активно читал и хорошо знал многие современные ему теоретические труды, но интегрировать их в собственную концепцию он не смог (помешала, в первую очередь, политика, а также исходная неконструктивность марксистского мировоззрения, которую он до конца так и не преодолел). По этой причине зачислять его в классики социологической мысли и издавать названную книгу первой во вновь созданной серии "Социологическое наследие" - значит исказить историческую правду и искусственно раздуть авторитет ее автора, одновременно лишая российское социологическое сообщество возможности прочесть какую-то другую фундаментальную работу, которая теперь неизвестно через сколько лет дойдет до читательской аудитории⁴⁵.

В настоящее время, наверное, нет нужды доказывать, что хотя в науке могут существовать сильные национальные школы, сама наука является интернациональной ("немецкая физика" и "советский творческий дарвинизм" доказали это со всей очевидностью). Подлинный научный патриотизм состоит, следовательно, не в том, чтобы искусственно возвеличивать отечественных авторов и насаждать в ВУЗах их обязательное чтение (и тем самым на корню губить возможность возникновения отечественных научных школ), а в том, чтобы вывести отечественные научные школы на мировой уровень - в первую очередь путем подъема образования. Применительно к социологии это очень трудная задача, но только при ее решении, и никак иначе, может сформироваться подлинная, а не фиктивная российская социологическая школа. Если такая школа появится, она, без сомнения, изучит и отечественное социологическое наследие, и даст ему неидеологизированную, а потому более объективную оценку.

Поскольку идея возрождения российской социологии путем публикации работ исключительно российских авторов основывается

⁴⁵Издание книги Н.Д. Кондратьева в чем-то восстанавливает историческую справедливость, но в чем-то ее и нарушает. С нашей точки зрения, Н.Д.Кондратьев и И.Д.Ермаков были равновеликими научными фигурами. Оба работали в смежных по отношению к социологии областях: первый - экономики, второй - психологии. Оба представляли специфичные направления этих наук - марксизм и психоанализ. Судьба обоих одинаково трагична. Тот и другой - русские ученые, что соответствует идее воссоздания "русской социальной науки". Исходя из этого можно ожидать, что труды И.Д.Ермакова тоже должны быть изданы в серии "Социологическое наследие".

на апелляции к русским научным и культурным традициям, следует указать, что обращение к традиции русского просветительства XIX и начала XX века было бы более конструктивным, чем возврат к брежневской традиции создания "дутых" авторитетов.

4. Издание небольших по объему статей и работ разных авторов, по-видимому, с целью увеличения широты охвата школ, имен и направлений. В числе таких публикаций могут быть названы сборник "Социо-логос", журнал "Вопросы социологии" и некоторые другие. Появление таких сборников и журналов можно было бы считать нормальным и полезным, если бы финансовые возможности издательской деятельности не были столь ограниченными, а теоретическое отставание российской социологии не было столь глубоким.

Развитие "догоняющей" научной дисциплины не должно копировать функциональную модель развития "нормальной", идущей вровень с мировой. В "нормальной" науке публикации фундаментальных трудов и текущих статей дополняют друг друга, выполняя разные функции. Статьи и текущая периодика доводят до сведения научного сообщества результаты работы на "переднем крае" исследований, являющиеся своего рода приращениями к общественным базовым заделам. Однако в "догоняющей" науке базовые заделы неизвестны научному сообществу, поэтому дополняющие и развивающие их статьи не могут быть адекватно восприняты.

Известно, что в практике образования изучение работ любого крупного ученого или научной школы предполагает первоочередное изучение наиболее крупных, основополагающих работ. Как правило, эти работы имеют объем монографии, а не журнальной статьи, поскольку чаще всего фундаментальная работа не "вмещается" в журнальный объем⁴⁶. Лишь после освоения главных трудов учащиеся могут знакомиться с частными публикациями, адекватное понимание которых достигается при соотношении с основными. Нарушение этого педагогического принципа ведет к тому, что материал либо не усваивается, либо формирует у учащихся весьма искаженные представления о научной дисциплине. Учитывая, что в "догоняющей" науке практически все члены научного сообщества находятся в положении учащихся, действие этого принципа распространяется и на них.

Знакомясь с научной публикацией, научный работник должен понимать, к какой теоретической и методологической школе она относится, в чем ее отличие от предшествующих публикаций, а также каковы позиции других школ и исследовательских направлений по рассматриваемому вопросу. Если такого понимания нет, то, по законам психологии, в сознании читающего отсутствует база для усвоения и запоминания прочитанного. Кумулятивный эффект чтения не формируется, падает мотивация. Сказанное, в частности, означает, что чем больше тематический разброс публикуемых статей,

⁴⁶Исключение составляют статьи М.Вебера, но и они обычно публикуются вместе, в виде сборника, чтобы читатель мог проследить между ними теоретические и методологические взаимосвязи.

тем меньший образовательный эффект они производят⁴⁷.

5. Издание самых современных работ, а не якобы "устаревших" классических трудов прошлых десятилетий. Этот принцип, адекватный, по-видимому, естественным наукам, совершенно неадекватен социологии. Действительно, в быстроразвивающихся отраслях физики, молекулярной биологии и некоторых других науках публикации годичной давности часто являются устаревшими (хотя фундаментальные труды и в этих науках "живут" намного дольше, часто десятилетиями). Не вдаваясь в анализ причин такого различия, отметим, что в социологии ситуация принципиально иная. Если чтение физиками трудов Г.Галилея и И.Кеплера ныне может мотивироваться лишь интересом к истории науки, то чтение трудов классиков социологии продолжает оставаться необходимым элементом профессиональной социализации социологов.

В 70-е и 80-е годы ИНИОН АН СССР, издавая реферативные сборники по зарубежным общественным наукам, совершил две ошибки. Во-первых, руководство этого института, не считаясь с мнением профессионалов, осуществляло реферирование лишь самых последних зарубежных работ. Во-вторых, стремясь к широте охвата, ИНИОН публиковал не переводы, а краткие и зачастую маловразумительные рефераты. Результатом этой многолетней издательской деятельности стала лишь груда макулатуры. Истраченной бумаги вполне хватило бы для воссоздания нескольких научных дисциплин. Характерно, что ныне ИНИОН даже не пытается переиздавать свои реферативные сборники, а издает немногочисленные сделанные им переводы классических трудов [56 и др.].

В дополнение к уже приведенным аргументам следует отметить, что путь теоретического развития социологии оказался извилист. Вследствие этого ориентация на публикацию лишь недавно изданных работ приводит к выпадению из профессионального сознания отечественных социологов крупнейших школ и направлений, которые на Западе, возможно, временно "ушли в тень", но отнюдь не исчезли безвозвратно. Воссоздание научной дисциплины должно ориентироваться на всю теоретическую традицию, а не на текущую интеллектуальную моду, которая может быть очень изменчивой и подвергаться воздействию вненаучных факторов (идеологии, политики и т.п.).

6. Издание работ, в основе которых лежат те или иные нетрадиционные или оригинальные точки зрения. К числу таких работ, с нашей точки зрения, относятся недавно изданные учебники по теоретической социологии П.Монсона и Р.Арона, а также, судя по введению, опубликованному в журнале "Социологические исследования" N 5 за 1993 год, готовящаяся к публикации книга Ю.Н.Давыдова "История теоретической социологии". Издание книг,

⁴⁷Примером предельно широкого тематического разброса может служить изданный в 1991 году сборник "Социо-логос". Трудно понять, какой логикой руководствовались составители, помещая на страницах одного сборника работы столь разных авторов, как Н.Д.Кондратьев, М.Фуча и Б.М.Парамонов.

содержащих специфические трактовки, в плотной научной и публикационной среде Запада выполняет полезную эвристическую функцию, однако в разреженной российской среде они способствуют скорее дезориентации научного сообщества, способствуя возникновению известного провинциального эффекта, когда та или иная оригинальная точка зрения становится ходячим мнением всего научного сообщества⁴⁸.

Основные выводы, которые должны быть сделаны из вышеизложенного, заключаются в следующем.

Первое. В настоящее время теоретический ресурс российской социологии находится если не на нуле, то на очень низком уровне. По-видимому, можно говорить о том, что понятийный аппарат теоретической социологии усвоен российским профессиональным сообществом примерно в объеме книги Я.Щепаньского "Элементарные понятия социологии", но не более. Исторический шанс, предоставленный "перестройкой" 1985-1990 гг. был упущен, и есть все основания опасаться, что следующий шанс возрождения российской социологии возникнет лишь лет через 20. Данная неблагоприятная ситуация в значительной мере возникла из-за того, что в предшествующие годы столичная социологическая элита, которая имела монопольный доступ к классическому наследию, проявила профессиональный эгоизм и почти ничего не сделала для осуществления объективно стоявшей перед ней просветительской задачи. Никаких изменений к лучшему в этом вопросе до настоящего времени не наблюдается. Ныне, когда в кругах той же элиты высказываются мнения о научном приоритете российской социологии над западной, уместно напомнить, что первая русская социологическая школа в лице М.Ковалевского и других ученых вела исключительно активную просветительскую работу, и именно в этом видела основной смысл своей деятельности.

Второе. Слабость теоретического задела привела к тому, что и в доперестроечный, и в перестроечный, и в постперестроечный период российская социология была полностью отключена от обсуждения актуальных проблем развития страны. Как и на Западе, это привело к тому, что центральное положение в системе социальных наук заняла экономика. Многолетний опыт работы автора данной книги среди экономистов позволяет засвидетельствовать, что среди экономистов велись и ведутся острые теоретические дискуссии по актуальным проблемам экономики и общества. При этом важно отметить следующее. Во-первых, экономисты несравнимо лучше социологов знают и понимают обстановку в стране. Во-вторых, среди экономистов нет единомыслия, но дискуссии между ними ведутся на очень высоком научном уровне (видимая неэффективность практической экономической политики не меняет этой оценки). Наконец, в-третьих, эти дискуссии в значительной мере затрагивают

⁴⁸ Опасность попадания научного общества в зависимость от тех или иных специфических точек зрения выдвигает, в частности, задачу перевода и издания концептуально-нейтральной справочной литературы, т.е. наиболее авторитетных социологических словарей и социологической энциклопедии.

институциональную сферу общественного устройства, т.е. ведутся на предметном поле социологии⁴⁹.

Третье. Слабость теоретической и методологической базы резко снижает научный уровень и значимость эмпирических исследований. Этот аспект является главным связующим звеном между предшествующим описанием состояния теоретического ресурса и основной темой данной книги. Ниже эта связь будет рассмотрена.

1.4.3. Позитивизм в социологии и границы его применимости

Методологическая схема эмпирического исследования, предложенная В.А.Ядовым, выше была охарактеризована как позитивистская. Это не означает, что она полностью неверна. Позитивистская методология изначально возникла как рефлексия некоторых локальных, но достаточно крупных успехов, достигнутых главным образом в физике конца XIX и начала XX века, но затем осуществила своего рода экспансию, далеко перешагнув за пределы своей релевантности. Аналогично и схема В.А.Ядова нереалистична как общая методологическая концепция, но в то же время является хорошим описанием некоторого частного случая (идеального типа) эмпирического исследования, который может быть эффективно реализован при наличии определенных (не учтенных этой методологией) предпосылок. Парадокс однако заключается в том, что в нашей стране, где методология Ядова властвует безраздельно, данные предпосылки полностью отсутствуют. Это и является главной причиной того, что отечественная социология практически не знает примеров проведения исследований в соответствии со схемой Ядова, а те примеры, которые все же могут быть названы, являются скорее имитацией или искусственной подгонкой под эту схему.

Как уже говорилось, основной недостаток методологии В.А.Ядова заключается в том, что она дает хотя и не безупречный, но все же какой-то ответ на вопрос о том, как проверять эмпирические гипотезы, но при этом не содержит никакого ответа на вопрос, откуда берутся содержательные идеи, достойные эмпирической проверки.

Проведенный нами анализ показывает, что таких источников существует два: а) теоретическая традиция (или ресурс) научной дисциплины, и б) традиция полевой работы, основанной на качественных методах. До некоторых пределов оба источника являются взаимозаменяемыми. В частности, по наблюдениям автора (это можно считать эмпирическими наблюдениями), социальные исследователи, имеющие хорошую теоретическую подготовку, способны "дедучировать" значимые суждения или гипотезы даже в тех случаях, когда их фактическая информированность об объекте или проблеме сравнительно низка. По-видимому, такая способность

⁴⁹В качестве примера можно назвать выдвинутую экономистами В.Найшулем, П.Авеном и В.Широниным концепцию стихийного перерождения советской административно-командной системы в так называемый "бюрократический рынок" [71]. Для правильного понимания значения этого примера следует указать, что некоторые экономисты (в их числе Ю.В.Яременко) категорически не согласны с этой концепцией, тогда как социологи не имеют никакого мнения по данному вопросу.

мысленного воссоздания действительности при минимуме изначальной информации основывается на способности этих людей соотносить известные им факты с логическими и причинно-следственными связями, прослеженными в социологических теориях. Сказанное означает, что теоретически образованный исследователь быстро и без особого напряжения может формировать гештальт-образ, опираясь на минимум сведений. Разумеется, эти концептуальные образы являются предварительными, т.е. нуждаются в уточнениях, корректировках, наполнении эмпирическим содержанием. Однако наличие изначальной концепции позволяет последовательно вести эту работу целенаправленно и экономно (с малым количеством исследовательских ресурсов), а теоретический багаж помогает ему оперативно менять элементы концептуального образа в соответствии с меняющейся обстановкой.

Исследователь, не обладающий хорошей теоретической подготовкой, может отчасти компенсировать ее отсутствие доскональным знанием изучаемой действительности. Знание такого рода может быть получено только достаточно глубоким "погружением" в эту действительность с помощью качественных методов (или обыденным "погружением"). Процесс формирования образов при слабой теоретической подготовке затруднен, замедлен, порой требует неординарных умственных усилий, но при хорошей осведомленности и каком-то минимуме теоретической подготовки все же возможен. Теория, таким образом, является своего рода катализатором умственного процесса, без которого его эффективность падает.

Итак, если исследователь хорошо подготовлен теоретически, и если он достаточно хорошо изучил объект или проблему качественными методами (а хороший исследователь никогда не станет выходить в поле с количественным инструментарием, не изучив досконально проблему качественными методами), он может, если сочтет это с научной и финансовой точек зрения целесообразным, эффективно провести крупномасштабное эмпирическое исследование в более или менее точном соответствии со схемой В.А.Ядова: разработав программу, сформулировав гипотезы, операционализовав понятия и т.д. Если исследователь либо не обладает хорошей теоретической подготовкой, но хорошо знает предмет исследования, либо, будучи хорошо подготовлен, не имел возможности изучить проблему на качественном уровне, он может все же, мобилизуя наличный запас знания и потенциал воображения, провести хорошее исследование и тем самым достойно выйти из положения (в чем-то такой исследователь, наверное, "промахнется", но в чем-то, возможно, гениально угадает).

Нас однако в этом анализе интересует следующий главный вопрос: если российский исследователь искусственно отсечен как от теоретической традиции, так и от традиции полевой работы качественными методами, то каковы источники идей или гипотез, которые он может заложить в инструментарий, осуществляя исследование по схеме В.А.Ядова? Как уже говорилось, сознание такого исследователя редуцируется до уровня обыденного. Обыденно

сознание обладает, конечно, некоторыми источниками формирования гипотез. К их числу относятся:

1. Личный жизненный опыт исследователя, его обыденные контакты с социальным окружением, детерминированная его социальной ролью зона социального наблюдения. Это, конечно, самый конструктивный источник. Его главный недостаток описан во всех учебниках: он нерепрезентативен и поэтому может привести исследователя к предвзятым мнениям и крупным ошибкам. Правда в учебниках не указывается, что этот источник обладает и важными достоинствами: содержащиеся в нем знания достоверны, детальны, обдуманы. Подобно тому, как с точки зрения драматурга весь мир - театр, с точки зрения социолога жизнь - это включенное наблюдение. Социолог, без сомнения, должен уметь использовать этот ресурс. Стихийно это, собственно говоря, и происходит: наиболее конструктивные идеи, закладываемые в анкеты отечественными социологами, очень часто исходят именно из этого источника.

Все же понятно (и это пишут в учебниках), что стартуя с обыденных наблюдений, исследование подвержено ошибкам и не может взять эффективный старт, особенно в условиях, когда инструментарий не способствует корректировке изначальных представлений.

2. Расхожие мнения, источниками которых являются средства массовой информации. Влияние этого источника на современные (1993 г.) опросы колоссально. Можно с полным основанием говорить, что в настоящий момент социология идет в арьергарде политизированной журналистики. В этой ситуации нет, наверное, ничего плохого (СМИ - одна из систем общественной рефлексии), но возможность выдвижения на этом пути каких-то опережающих идей очень сомнительна.

3. Расхожие мнения, источником которых является социальная среда (субкультура), к которой принадлежит исследователь. В интеллигентской среде эти мнения в очень большой мере индуцируются СМИ (как правило, каким-то их идеологическим ответвлением), но не тождественны им. Знания об этих представлениях, если бы они стали объектом рефлексированного исследования, обладали бы чрезвычайно высокой научной ценностью, но как источник нерелексированных гипотез данная сфера вряд ли может породить значимые научные результаты.

4. Идеи диамата, истмата и прочей оставшейся от советского периода социальной демагогии, которые не только по инерции существуют в общественном сознании, но и в несколько модифицированном виде продолжают активно воспроизводиться системой образования (школами, ВУЗами). Сила воздействия бывших идеологических структур в учреждениях образования на учащуюся молодежь ныне явно недооценивается. Уже сейчас можно прогнозировать, что поскольку старшее поколение социологов не позаботилось о том, чтобы создать себе смену, влияние марксизма в системе образования вновь будет усиливаться, резонируя в сознании учащейся молодежи с неурядицами "капиталистической" реформы. Теоретически интенсив-

но работающий исследователь может постепенно изжить свои изначальные неконструктивные идеологические взгляды, но такой старт при всех обстоятельствах нельзя назвать удачным.

5. "Интуиция" исследователя. Здесь уместно привести определение интуиции, данное З.Фрейдом в его письме к Р.Ролану. "Довольно далеко - пишет Фрейд - расходимся мы с Вами в оценке интуиции. Ваши мистики ей доверяются, ожидая от нее разрешения мировых загадок мы же думаем, что она никак не может нам открыть ничего, кроме примитивных, близких к первичным позывам побуждений и реакций, очень ценных, при правильном понимании, для познания эмбриологии души, но непригодных для ориентации в чуждом нам внешнем мире" [118, с.397].

С нашей точки зрения, фрейдовское определение интуиции нуждается в корректировке в том смысле, что экспертное и профессиональное знание может вытеснить "примитивные" формы мышления, о которых пишет Фрейд. Так, автор готов засвидетельствовать, что экспертные оценки производственных руководителей порой поражают своей точностью, причем сведений такого рода социологами во всем мире накоплено много. Но когда сфера экспертного знания сужается, здесь, бесспорно, открывается простор для образования разного рода предвзятых мнений или фантазий, формирующихся под давлением глубинных психических мотиваций, источниками которых является то, что на обыденном языке называют индивидуальной спецификой человека или его странностями, а на научном - психологическими и психопатологическими акцентуациями, присущими каждому индивиду.

Независимо от того, насколько полон приведенный выше перечень, основной вывод, который должен быть сделан, заключается в том, что российские социологи, не имея возможности опереться ни на теоретическую традицию, ни на традицию качественных методов полевой работы, неосознанно черпают идеи для разработки количественного инструментария из самых неожиданных и порой весьма странных источников. В этих условиях количественные методики, лишь в очень слабой степени обладающие способностью корректировать мышление исследователя по принципу "обратной связи", перестали выполнять функцию связующего моста между научными сознанием и эмпирической действительностью, и превратились скорее в труднопроходимый барьер между ними. Лишенное подпитки как со стороны теории, так и со стороны эмпирии ментальное пространство социологического мышления сузилось до крайне малых пределов и, по существу, коллапсировало.

В свете всего сказанного пути подъема российской социологии выглядят очевидными, но нелегкими. Во-первых, необходимо восстановление традиции теоретического мышления. О конкретных мерах, которые должны быть предприняты в этом направлении, говорилось выше. К сожалению, говоря языком экономистов, это задача капиталоемкая, и при отсутствии целенаправленной воли ее реализация, скорее всего, растянется на десятилетия. Во-вторых,

социологическое сообщество должно освоить широкий спектр качественных методов полевой работы. Для этого тоже необходимо издание специальной литературы и данная книга отнюдь не должна быть единственной в научном и образовательном обороте.

По мере реализации этих задач могут созреть предпосылки для осуществления крупномасштабных исследований по схеме, приблизительно соответствующей ядовской. Однако при этом следует помнить, что указанная схема представляет собой лишь один из возможных идеальных типов социологического исследования, который в нашей стране искусственно получил статус единственно правильного и единственно возможного.

1.4.4. О некоторых постпозитивистских взглядах на научное знание

Теория как образ и как логическая система. Как уже было сказано выше, научное знание по своей природе является синтетическим и представляет собой своего рода сплав эмпирических данных и понятийно-дедуктивных логических конструкций. Одним из источников формирования логико-дедуктивной компоненты знания является исторически сложившийся (и в этом смысле априорный для каждого последующего поколения исследователей) понятийный и концептуальный аппарат. Вторым источником является индивидуальные познавательные способности каждого отдельного человека.

Согласно К.Попперу, научное знание следует называть синтетическим, в частности, потому, что наблюдаемая эмпирическая действительность всегда сложна, многозначна и вместе с тем неполна. Уже по одной этой причине научная теория не может рассматриваться как детерминированное отображение эмпирических данных. Объяснительные концепции опираются, конечно, на наблюдаемые явления, но они ни в коем случае не сводятся к ним, а представляют собой синтез наблюдений и творческого воображения исследователя. Такое понимание познавательного процесса получило название гештальт-эпистемологии, уподобляющей создание научной теории формированию целостного когнитивного образа в условиях неполной информации. Иллюстрацией такого механизма может служить теория биологической эволюции Ч.Дарвина. Эту теорию нельзя назвать чисто эмпирической хотя бы потому, что Дарвин не жил в предшествующие геологические эпохи и лично не наблюдал процесс эволюции. То, что он реально наблюдал, есть своего рода "проекция" результатов эволюции на сегодняшнее многообразие биологических видов. Суть теории заключается, следовательно, в попытке, глядя на эмпирическую проекцию явления, силой воображения реконструировать само явление, которое в данном случае в принципе ненаблюдаемо. Этот пример демонстрирует, по-видимому, универсальный механизм формирования научных теорий, будь то теория относительности А.Эйнштейна, общая теория денег, занятости и процента Д.Кейнса, общая теория неврозов З.Фрейда и

др.⁵⁰.

Для дальнейшего важно подчеркнуть, что теория Дарвина по своему устройству строго формальна и базируется всего на трех отвлеченных понятиях: изменчивости, закрепление признаков и отбора. Таким образом, хотя в основе теории лежат эмпирические наблюдения, сама она является дедуктивно-аксиоматической, и в качестве таковой не имеет принципиальных отличий от априорных математических построений.

Проблема доказательств. Рассмотрение данного вопроса следует начать с того, что доказательства делятся на логические и эмпирические. Это различие, конечно, не ново; оно достаточно подробно описано и в отечественной философской литературе, включая даже застойный философский словарь под ред. И.Т.Фролова. Однако, как уже говорилось, в российской социологии сложилась парадоксальная ситуация, при которой методологическая концепция, заложенная в основные учебники и учебные программы ВУЗов, существует в полном отрыве от методологических взглядов и дискуссий, существующих за пределами ее дисциплинарных рамок.

Различие между логическими и эмпирическими доказательствами можно проиллюстрировать на примере общеизвестных математических теорем.

Теорема Пифагора доказана, как известно, логически. Эмпирическое ее доказательство заключалось бы в осуществлении замеров сторон и площадей треугольников с помощью измерительных инструментов. При этом со всей остротой встали бы хорошо известные проблемы погрешностей измерительных процедур, а также вопрос о правомочности распространения найденной эмпирической зависимости на все виды треугольников (в пределах только эмпирии эта проблема не имеет решения). В связи с этим эмпирические доказательства, с точки зрения математиков, могут рассматриваться лишь как иллюстрации логических. Так, истинность известной теоремы Ферма эмпирически можно считать доказанной, поскольку ныне она просчитана на компьютерах до астрономических величин; тем не менее это доказательство не принимается в расчет, поскольку логическое ее решение до сих пор не найдено. Сходные проблемы возникают в естественных и социальных науках, о чем ниже.

Далее, существует различие между эмпирической проверкой

⁵⁰В приведенных примерах отсутствует социологическая теория. Это связано с тем, что, с нашей точки зрения, социологии не удалось создать ни одной завершенной теории. Философ П.Виндельбанд выделял три стадии научного описания действительности: идиографию (описание единичных явлений в их неповторимости), систематику (классификацию явлений по принципу их родства), и номотетику (установление законов). Теория Дарвина есть классический пример перехода от биологической систематики к теории происхождения видов. Сходным образом З.Фрейд осуществил переход от разработанной до него нозологической классификации психических болезней к теоретическому описанию механизмов их возникновения (неважно, что его теория многими оспаривается). Что же касается социологических теорий, то степень их формализации по сравнению с названными довольно низка, и в них присутствует значительный элемент более низкого уровня осмысления - систематики, или типологизации. Сказанное не умаляет значимости этих построений, хотя и незавершенных, но обладающих очень большим потенциалом развития.

фактов (фактуальных высказываний) и проверкой концепций. При благоприятных условиях некое фактуальное высказывание может быть проверено и тем самым "доказано", однако это отнюдь не тождественно доказательству концепции. Между доказательством и тем, что доказывается, должно существовать своего рода соответствие: априорные математические схемы доказываются априорно, фактологические утверждения (например, наличие или отсутствие определенного события) - эмпирически, а синтетические концепции должны опираться на синтетическую (логику-эмпирическую) систему обоснований.

Специфика синтетических концептуальных схем заключается в том, что они, в отличие как от аксиоматических априорных конструкций, так и от фактологических утверждений, не могут быть строго доказаны или опровергнуты, хотя как будет показано ниже, это не означает произвола в их формировании. Ошибка позитивистской методологии заключается, следовательно, в неправомерном перенесении на сферу синтетических наук принципов априорно-логических и фактологических доказательств. Логические операции и фактологические утверждения сохраняют в синтетических науках статус аргументов, которые однако не являются основанием для жесткого и однозначного разграничения концепций на истинные и ложные.

Выше со ссылкой на К.Поппера говорилось, что эмпирическая действительность всегда многозначна и допускает более или менее непротиворечивое наложение на нее разных концептуальных схем. Вследствие этого научное знание носит лишь гипотетический, предположительный характер, подвержено ошибкам (так называемый принцип "фаллибилизма"), поскольку одни и те же эмпирические аргументы могут рассматриваться как подтверждение разных объяснительных конструкций.

Отказ от понятия эмпирического доказательства как абсолютно достоверной основы научного знания привел к принципиально новому пониманию процессов его развития и роста. Согласно этому пониманию, получившему название эволюционной эпистемологии (термин предложен Д.Кэмпбелом), развитие концептуальных систем имеет много общего с эволюцией биологических организмов в условиях конкурентной борьбы за существование. В динамично развивающейся науке концептуальные системы не являются статическими логическими конструкциями: они постоянно подвержены трансформациям под действием внутренних логических несоответствий, внешних эмпирических аргументов и критики со стороны конкурирующих объяснительных схем. По этой причине, согласно П.Фейерабенду, самые продуктивные периоды в развитии науки - это периоды борьбы концептуальных альтернатив, возникающих в результате "размножения" теорий⁵¹.

⁵¹Если индикатором жизнедеятельности науки считать не объемы собранной эмпирической информации, а наличие и остроту интеллектуальных споров, то состояние российской социологии должно быть охарактеризовано ни много, ни мало, как институциональная смерть, поскольку точки зрения по принципиальным вопросам в ней не сформировались и никаких научных споров не ведется.

В рамках эволюционной эпистемологии принятие или отбрасывание концепции является не единовременным актом, а итоговым результатом длительной борьбы на истощение между конкурирующими исследовательскими программами. Как указывает И.Лакатос, ни логическое доказательство противоречивости, ни вердикт ученых об экспериментально обнаруженной аномалии не могут одним ударом уничтожить исследовательскую программу. Любая логическая или эмпирическая аномалия образует своего рода "вызов", на который концепция должна ответить адекватной внутренней трансформацией. Эмпирическая действительность, согласно Лакатосу, может крикнуть "Нет!", но человеческая изобретательность может крикнуть еще громче. История науки знает немало примеров превращения сокрушительных опровержений в триумфальные подтверждения [106, с.222-233].

Успех концепции, ее научная значимость определяется таким образом, ее "живучестью", т.е. способностью эффективно отвечать на вызовы извне и самой бросать интеллектуальный вызов конкурирующим точкам зрения, используя при этом как логические, так и эмпирические аргументы. При этом выражение "эмпирический аргумент" следует трактовать как своего рода метафору, поскольку эмпирический факт может укрепить концепцию либо пробить в ней логическую брешь лишь в том случае, если он сам вмонтирован в систему логических взаимосвязей ("синтетический аргумент").

Значимый для проблематики данной книги вывод заключается в том, что позитивистский идеал строгого (достоверного) эмпирического знания является несостоятельным. Если изолированные фактуальные высказывания при благоприятных условиях могут быть подвергнуты эмпирической проверке, то гипотезы и их системы более высокого уровня абстракции в строгом (позитивистском) смысле слова не верифицируемы и не фальсифицируемы. "Борьба на истощение" между конкурирующими системами научных взглядов ведется по совокупности большого числа типов логических и эмпирических аргументов (среди них такие, как непротиворечивость, простота, предсказательная сила и др.), причем не существует и не может существовать формально общепризнанного алгоритма сведения в единый индекс достижений и недостатков противоборствующих концепций, который позволил бы однозначно определить победу или хотя бы опережение одной из них, подобно тому, как это делается в спортивных соревнованиях. Насколько можно судить, каждый ученый принимает в таких случаях решение сам для себя, специфичным ему образом комбинируя аргументы "за" и "против". Окончательное мнение устанавливается, как правило, лишь в ходе длительного социального взаимодействия членов научного сообщества, напоминающего известную процедуру "дельфи".

Методологическая позиция позитивистов заключается в том, что неизвестно откуда взявшаяся теория должна быть без остатка разложена на простые фактуальные высказывания, а затем каждое из них подвергнуто эмпирической проверке (своего рода тотальный эмпиризм). Это нереалистичная точка зрения, поскольку, во-первых,

любая сложная теория включает в себя бесконечное число фактуальных высказываний, и, во-вторых, содержит несводимое к ним аксиоматическое ядро. С постпозитивистской точки зрения проверка заранее сформулированных гипотез осуществляется, как правило, лишь в тех случаях, когда включенные в эти гипотезы фактологические утверждения оказываются на острие интеллектуального спора⁵² и имеют непосредственное отношение к выживанию или развитию концепции (принцип релевантности эмпирического доказательства).

Преувеличение роли и искаженная трактовка критерия эмпирической достоверности в рамках позитивистской методологии привели к исключению из рассмотрения основного критерия научной значимости теории, которым является все-таки не достоверность (достоверное суждение само по себе еще не образует научного открытия), а потенциал ее развития, включающий в себя такие компоненты, как способность распознавать новые явления и их взаимосвязи, предсказательная сила, а также "живучесть" (потенциал адаптации) в условиях жесткого интеллектуального спора, составной частью которого являются, в частности, и эмпирические аргументы. И хотя в контексте вышесказанного понятия "потенциал развития", "живучесть" и т.п. не имеют операционального значения и поэтому уязвимы для критики, их осмысление и проработка представляется более перспективным делом, чем механическое повторение хорошо отработанных, но устаревших и неадекватных позитивистских формулировок⁵³.

О функциях количественных методов. Согласно точке зрения, изложенной в отечественных учебниках, роль количественных методов заключается в получении точного знания и проверке гипотез [132, с.181; 86, с.494]. Не вдаваясь в подробный анализ этой точки зрения, сформулируем сразу, что функции этих методов не сводятся к проверке гипотез, а гипотезы далеко не всегда проверяются этими методами⁵⁴. Кроме того, в научной деятельности встречаются ситуации, которые вообще не вписываются в схему выдвижения гипотез и их проверки, поскольку концептуальные образы часто формируются вслед за накопленными под другие цели данными, неважно, количественными, качественными либо одновременно теми и другими.

Не претендуя на полноту, приведем ниже ряд примеров использования количественных методов, не вписывающихся в

⁵²Включая не только внешний, но и внутренний интеллектуальный спор в сознании ученого. Процесс мысленного конструирования концепций во многом протекает по законам внутреннего спора.

⁵³Выражения типа "потенциал развития", "живучесть" и т.п. не являются изобретением автора данной работы, т.к. существуют весьма серьезные попытки создать на базе подобных понятий развитые гносеологические концепции. Автор не считает целесообразным их здесь пересказывать отчасти в силу их сложности, а отчасти в силу явной незавершенности гносеологической рефлексии этих проблем. Автор полностью разделяет мнение И.Лакатоса, что "прогресса в области методологии все еще плетется в хвосте обыденной научной мудрости" [106, с. 263].

⁵⁴В книге Р.Мертона и соавторов "Фокусированное интервью", хорошо показано, как использование количественных методов приводит к выдвижению гипотез, которые могут быть проверены лишь качественными методами.

методологическую схему российских учебников.

1. Получение с помощью массовых опросов количественных данных, пригодных для практической ориентации (прогноз выборов, замеры рейтингов, маркетинговые прогнозы и т.п.). Получение информации такого рода, как правило, не требует выдвижения предвзятых гипотез, поскольку результаты опроса дают самодостаточную информацию. Характерно, что учебник Э.Нозль, посвященный описанию методики опросов именно такого типа, вообще не содержит никаких упоминаний о программах исследования, гипотезах, операционализациях основных понятий и проч.

2. Построение динамических рядов, трендов. Многие известные организации, проводящие массовые опросы в разных странах мира, отслеживают динамику различных показателей, характеризующих состояние общественного сознания. Число таких трендов может доходить до нескольких десятков, а период наблюдения в некоторых случаях приближается к полувеку. В качестве примера можно привести известный вопрос, ежегодно задаваемый Институтом Гэллага: "Согласились бы Вы, чтобы Ваша дочь вышла замуж за негра?" (за послевоенный период умонастроения американцев в этом вопросе претерпели существенные сдвиги).

Хотя постановщики трендов, конечно, руководствуются какими-то соображениями, включая или не включая в методику те или иные индикаторы, в целом используемые в таких опросах наборы переменных можно считать концептуально нейтральными. Они образуют как бы несколько произвольную многомерную систему координат, на которую проецируются глобальные изменения в общественном сознании. Как и во многих других случаях, задача аналитиков сводится в данном случае к тому, чтобы, глядя на проекции изменений, понять сами эти изменения в их целостности, а также их природу, источники, причины⁵⁵. Гипотезы в этом случае являются не источником исследования, а его результатом, причем проверяться они могут не обязательно количественными методами. Наблюдения за трендами есть одна из разновидностей наблюдений вообще, и их специфика заключается лишь в использовании особого технического аппарата.

3. Изучение распространенности тех или иных типологических случаев. Все известные автору данной книги организации, занимающиеся опросами общественного мнения в России, постоянно играют с социологическим полем в своеобразную игру вопросов и ответов, как правило, не пытаясь заранее концептуализировать эти вопросы. Такая практика находится в явном противоречии с методологией В.А.Ядова и автор даже замечал возникновение у некоторых социологов своего рода чувства вины по поводу "неправильного" стиля их собственной работы. С нашей точки зрения, такой стиль

⁵⁵ Думается, что достаточно большие наборы трендов обладают свойством инвариантности, т.е. ведут к сходным выводам. Возможные различия в выводах обусловлены в таких случаях скорее различиями в ментальности аналитиков, чем наборами индикаторов. Известно, что разные аналитики могут приходиться к разным выводам, анализируя одни и те же наборы трендов.

работы, по крайней мере на данном этапе, осуществляет функцию "первоначального накопления" и поэтому является нормальным. Менее нормальным выглядят как раз попытки формирования непроработанных, весьма искусственных концепций и "натягивания" их на социологическое поле путем постановки методически некорректных и поэтому самоподтверждающихся вопросов.

Как и в случае с трендами, при осуществлении игры "вопрос-ответ" типологические распределения часто агрегируются в концепции лишь задним числом, независимо от наличия или отсутствия заранее сформулированных гипотез, и весьма часто - совсем иным способом по сравнению с изначальными гипотезами.

Приведем в качестве примера вывод, сделанный Б.Львиным на основе изучения им разрозненных результатов большого числа социологических опросов на самые разные темы, проводившихся за период с 1988 по 1992 г. Регулярно просматривая цифровые сводки, Львин обнаружил, что в подавляющем большинстве случаев основным фактором, влияющим на распределение мнений респондентов, был возраст, а не образование, профессия, величина дохода или тип населенного пункта, как это можно было ожидать. Исходя из этого Львин высказал мнение об очень высокой социальной однородности российского общества, в котором стратификационные различия практически не оказывают влияния на ментальность людей. Не обсуждая этот вывод с содержательной точки зрения, отметим, что данный пример является хорошей иллюстрацией формирования гештальт-образа на базе цифрового материала, утратившего связь с концептуальными идеями разработчиков вопросов и поэтому ставшего концептуально нейтральным.

Поскольку эффективность научной работы социолога, с нашей точки зрения, определяется скоростью формирования и развития концептуального образа, то методический аппарат должен быть по возможности устроен так, чтобы максимально содействовать этому процессу. С этой точки зрения автор хочет отметить, что если бы организации, проводящие репрезентативные опросы населения, осуществляли игру "вопрос-ответ" в сочетании с качественными методами, рост их понимания состояния общественного сознания шел бы на порядок быстрее, и они могли бы избежать многих крупных ошибок, а также существенно улучшить инструментарий⁵⁶.

4. Важная функция количественных методов связана с тем, что непосредственная зона наблюдения каждого социального исследователя всегда ограничена, поэтому любое нерепрезентативное наблюдение оставляет элемент неуверенности, не гарантирует от фактических ошибок. Данный пример прекрасно разобран П.Лазарсфельдом в сборнике "Американская социология" [9, с.147]. Для нашего рассмотрения важно подчеркнуть, что гипотезы, приведенные Лазарсфельдом, являются не научными, а скорее обыденными.

⁵⁶Одной из таких ошибок является, на наш взгляд, сильное завышение удельного веса политизированных групп населения (как "левых", так и "правых") вследствие использования в анкетах лексики средств массовой информации. Вопросы, составленные на основе этого лексикона, срабатывают по типу наводящих.

наблюдение оставляет элемент неуверенности, не гарантирует от Разница между названными типами гипотез заключается в том, что научные выводятся из отрефлексированных концептуальных схем, а обыденные представляют собой своего рода социальный инстинкт исследователя, присущий ему как рядовому члену общества, а точнее как члену одной из входящих в его состав субкультур. Приобретение навыка постоянно сомневаться в своих собственных мнениях, реакциях и наблюдениях, подвергать сомнению их универсальность является необходимым элементом профессиональной культуры социолога, усвоение которого, кстати говоря, часто протекает с немалыми трудностями. Приписывание общественному сознанию своих собственных мнений и реакций является естественным свойством каждого человека. Преодоление этой ограниченности является, на наш взгляд, одной из важнейших функций репрезентативных опросов. Это можно назвать проверкой гипотез, но не в позитивистском смысле их верификации.

Анализ конкретного примера. Приведем в качестве иллюстрации одну социологическую концепцию, сформированную в основном путем социального наблюдения, а затем сопоставим ее с теми методологическими принципами, которые описаны в отечественных учебниках по эмпирической социологии. Пример заимствован из лекции Ю.В.Яременко, посвященной экономическим проблемам СССР 70-х и 80-х годов. Как уже говорилось, советская экономическая система представляла собой не экономический (в классическом понимании этого слова), а скорее социологический объект, изучение которого нередко позволяло сделать весьма нетривиальные выводы, касающиеся механизмов функционирования крупных производственных и организационных систем.

Описывая существовавший в те годы порядок инвестирования крупных народнохозяйственных проектов, Ю.В.Яременко счел необходимым отметить следующее⁵⁷:

"Говоря о механизмах принятия крупных хозяйственных решений в нашей экономике доперестроечной эпохи, надо прежде всего сказать, что это были очень специфичные механизмы. Я даже затрудняюсь назвать ту отрасль знания, которая могла бы адекватно их понять и описать. Наверное, этой отрасли должна быть социология, но ни в наших, ни в зарубежных социологических публикациях я не встречал ничего даже отдаленно похожего.

Истоком было, конечно, наше военное и экономическое соревнование с Западом, в которое мы вступили в послевоенные годы. Оно стало доминантой нашей жизни, своего рода идеей-фикс. Исходя из этого мы развивали экономику по предельно широкому технологическому фронту и все время боялись в чем-то отстать. Если "вдруг" обнаруживалось какое-то крупное отставание, начиналась паника. В такие моменты возникали мощные идеологические кампании. Немедленно находились люди, которые использовали эту панику в своих интересах и подогревали ее. В итоге "провал" начинал

⁵⁷ Главные причины, по которым для включения в данную книгу выбран именно этот пример, является его образность и компактность. Содержащаяся в нем концепция не является центральной в научных взглядах Ю.В.Яременко и высказана им скорее походя, как своего рода отступление. Теоретическое ядро научной концепции Яременко описано в его книге "Структурные изменения в социалистической экономике", раздел второй (М.: Мысль, 1981). В авторском варианте книга имела название "Многоуровневая экономика", однако редакторы издательства произвольно его изменили.

возмещаться с большими издержками, потерями, извращениями, я бы даже сказал - с элементами шизофрении.

В качестве примера хочу взять историю развития нашей химической промышленности, которую мы начали развивать довольно искусственно. Импульс, как всегда, пришел из Америки. Было осознано, что химия является базой для многих технических изменений. В связи с этим мы стали культивировать производство химических изделий у себя. В результате были созданы конструкционные пластмассы - важный элемент современной индустриальной системы. Не сделав рывка в то время, мы сейчас бы очень отстали и в военной, и в гражданской экономике. Тем не менее мы начали развивать химическую промышленность лишь по причине того, что это соответствовало мировым стандартам современной индустриальной системы, - не более. В тот момент, когда мы вкладывали гигантские инвестиции (в том числе и валютные) в химическое производство, у нас не было для этого никаких особых оснований. Наше машиностроение не было готово к использованию химической продукции. Импульсом к развитию химической промышленности в США были высокие трудовые издержки при обработке металлов и высокая зарплата американских станочников. В нашей стране в те годы эти факторы не играли значимой роли. Кампания химизации была проведена с гигантским идеологическим и инвестиционным переключением.

Вопрос: Но Вы сами говорили, что в ее осуществлении был определенный резон?

Ответ: В том-то и состояла специфика нашей действительности, что кардинальные решения представляли собой сплав вполне рациональных мотивов с иррациональными способами их осуществления.

Одна из причин состояла в том, что структура нашего общества предполагала постоянную идеологическую подкормку, которая должна была давать некий заряд оптимизма. Для достижения этой цели использовалось все, что можно, например, лозунги электрификации всей страны или химизации народного хозяйства. Пропагандисты и идеологи кормились на этом, они были заинтересованы в таких кампаниях, и раздували их до невероятных масштабов.

Другая причина была связана с тем, что в суперведомствах всегда находились люди, которые, используя подобного рода панику (истерика властей), старались на ней поживиться. Примером могут служить те академики (их было несколько), которые сделали себе карьеру на кампании химизации. И надо сказать, что они были еще не худшими, умеренными лоббистами. А ведь находились люди, которые писали книги о том, что станки можно делать целиком из пластмасс, включая даже станину.

Я хочу оговорить, что такого рода программы, как правило, возникали не на пустом месте. Они не были абсолютно бессмысленными. Если взять программу химизации, то необходимость создавать заделы в этой области, безусловно, была. Был свой резон в идее создания современных систем автоматизированного управления и связи. Даже знаменитая кукурузная кампания не была абсолютно бессмысленной. Она имела в своей основе совершенно реальную необходимость укрепления кормовой базы животноводства. В каких-то пределах расширение посевов кукурузы могло быть вполне разумным решением. Но Хрущев придал этой идее гигантские, абсурдные масштабы (отчасти в этом сказался его темперамент).

Честно говоря, механизм возникновения таких программ остается для меня не до конца ясным. Как они возникали, расширялись, осуществляли экспансию? Мне кажется, что эти вопросы относятся к психологии государственного управления. Их нельзя объяснить только влиянием лоббистских группировок - управленческих и идеологических. Мне кажется, все гораздо сложнее. Эти технократические идеи, с одной стороны, подкармливались психологией соревнования со странами Запада, но, с другой стороны, они очень часто казались спасательными, разрешающими наши внутренние противоречия. Попытка за счет неких технократических решений выйти из трудных ситуаций была нашей внутренней потребностью в чуде. Возможно, что сами руководители правительства, будучи технократами, всерьез относились к подобным идеям. Очевидно, что главной причиной появления этих глобальных технократических рецептов явилось усиление кризисных ситуаций в стране и отсутствие каких-либо перспектив на их разрешение. В подобных ситуациях, когда возникает необходимость принятия каких-либо сильных решений, всегда появляются и предлагаются всякого рода псевдорешения, якобы

очень эффективные, как правило, чисто технократические. Они брались на вооружение. Спустя какое-то время становилась очевидной их несостоятельность, хотя даже не очень проницательные люди с самого начала говорили, что это очередная химера. Я подозреваю, что и многие проводники таких химер тоже так думали, но им очень хотелось получить под них определенные инвестиции, а благодаря инвестициям - рост собственного статуса. Были еще люди, которых очень устраивал очередной идеологический бум. Но были и те, кто искренне верил в эти программы, хотя объективно они очень часто наносили стране колоссальный вред.

Появление несколько безголовых, но агрессивных технократов является важным и в чем-то трагическим моментом нашей истории. Они выдавали себя, как правило, за "спасителей" нашей экономики и все время предлагали технократические решения ее проблем. К примеру, была выдвинута идея создания всеобъемлющих систем связи - гигантских, всесоюзных сетей передачи информации. Это была совершенно шизофреническая идея, но она осуществлялась в широких масштабах. Правда, реальных ресурсов под нее давали очень мало, поэтому она реализовывалась в основном как гигантская бюрократическая и идеологическая фикция. Тем не менее на этой фикции сделал себе карьеру небезызвестный академик Г., да и не только он. Далее, идея оптимизации народного хозяйства - тоже одна из технократических идей. Она реализовывалась на совершенно пустом ресурсном пространстве, но с большой идеологической помпой.

Очень много таких программ осуществлялось в военно-промышленном комплексе. Их вред заключался в том, что они полностью обеспечивались ресурсами, причем лучшими ресурсами страны. Эти программы, собственно говоря, и привели страну к кризису, разорив гражданский сектор экономики.

К числу чисто фиктивных программ, которые обещали спасение страны как бы из ничего, я отношу и всевозможные нововведения, связанные с реформами хозяйственного механизма (это было бесконечное поле для экспериментирования). В основном это были совершенно безумные мероприятия, сопровождавшиеся большой идеологической накачкой. Но надо сказать, что в рамках этой деятельности существовал и некоторый подлинный импульс к реформированию, который, как и в других случаях, странным образом смешивался с фикцией.

Мне кажется, что описанные выше явления отражают какие-то не до конца понятные механизмы функционирования крупных тоталитарных систем, а точнее их управленческого аппарата, стремящегося к созданию иллюзии прогресса. Не имея реального прогресса, аппарат всегда шел по пути предвосхищения будущего прогресса. Можно сказать, что такие программы, как всеобщая химизация или информатизация страны, собирали дивиденды вперед. Когда эти программы обсуждались в средствах массовой информации, создавалась иллюзия реальной жизни, движения, поиска. Так как за всеми этими идеями все-таки стояли некие небольшие реальные проблемы, всегда было и определенное число "истинно верующих". Я уже говорил, что в определенных пределах необходимы были и химизация, и информатизация, и даже кукуруза. Но все это были лишь некие частные потребности, имеющие определенные пределы и весьма ограниченное значение. Тем не менее, в силу не вполне ясных причин, этим проблемам придавался глобальный смысл, раздувалась очередная идеологическая кампания. Это нельзя объяснить чисто экономическими причинами (например, порядком инвестирования), скорее всего это - некие законы управления тоталитарной системы, требующие имитации действий, прогресса, надежды на чудо. Я сожалею, что у нас не сложилась та отрасль знаний, которая могла бы адекватно описывать эти явления. Мне кажется, что подобные эффекты могут проявляться в других обществах, поэтому понять их было бы очень полезно."

Как уже говорилось, текст данного примера приведен с методологической целью, поэтому предметом дальнейшего рассуждения станут не содержательные, а методологические его аспекты. Таких аспектов можно отметить несколько. Во-первых, перед нами, несомненно, не просто фактологическое наблюдение, а концепция. Во-вторых, если поставить вопрос, к какой области

знания относится эта концепция, то такой областью бесспорно, является социология. В-третьих, данная концептуальная схема, конечно, во многом недоработанная, неразвитая, в чем-то недодуманная, но зато яркая, нетривиальная и обладающая большим потенциалом развития⁵⁸. В-четвертых, концепция сформирована в полном противоречии с теми принципами проведения социологических исследований, которые описаны в отечественных учебниках.

Сформулируем основные из этих противоречий.

1. Первое, что бросается в глаза - это то, что указанная концепция сформирована на основе разных источников и типов информации, но в их числе нет формализованных социологических опросов. Думается, что для развития этой концепции было бы полезно провести серию интервью с экспертами, но, конечно же по неформализованной методике. Возможность адекватного применения количественных формализованных опросов к рассматриваемому кругу проблем более чем сомнительна.

Рассмотрим вопрос, на какой информационной базе была создана анализируемая концепция. Согласно объяснениям ее автора, это отчасти количественные данные государственной статистики: объемы капиталовложений, динамика ввода мощностей, динамика выпуска продукции и т.д. Далее, это газетные публикации. Еще один специфичный источник - ведомственные и отраслевые издания (журналы, брошюры и т.п.), содержащие разрозненный, стохастичный, очень сильно разбросанный, но порой уникальный материал. Наконец, это беседы с коллегами-экономистами и работниками экономических ведомств (Госплана и др.). Последний, весьма важный, источник информации сродни неформализованному интервью, осуществляемым в процессе профессионального общения⁵⁹.

Учитывая, что сбор "строительного материала" для рассматриваемой концепции осуществлялся постепенно, на протяжении многих лет, без заранее поставленной цели, а также учитывая, что все названные источники информации содержали в себе лишь разрозненные факты, а не готовый концептуальный сюжет, механизм создания этого сюжета весьма точно соответствует описанным выше принципам формирования гештальт-образа научной теории.

2. Как уже говорилось, центральной проблемой позитивистской концепции социологического исследования является выдвижение и статистическая проверка гипотез. Попытаемся соотнести эту

⁵⁸Примерно с конца 70-х годов проводившиеся разными людьми разрозненные наблюдения за функционированием советской экономики стали приводить к появлению такого рода концепций. Постепенное их развитие и взаимоувязка могли со временем привести к созданию нетривиальных теорий функционирования крупных планово-административных систем. Концептуально мыслящие наблюдатели выдвигались в те годы, как правило, из числа экономистов (Ю.Яременко, В.Константинов и др.), социологов, придерживающихся качественного подхода (Е.Антонова, А.Алексеев, В.Кордонский, В.Широнин), а также политических диссидентов (В.Игрунов и некоторые другие).

⁵⁹Разнородность источников информации иллюстрирует, кстати, один важный тезис, подчеркиваемый авторами многих западных учебников: не пытайтесь получить всю информацию каким-то одним методом.

методическую схему с той реальной концепцией, которая взята в качестве примера. В терминологии В.А.Ядова вся эта концепция должна, по-видимому, рассматриваться как неподтвержденная гипотеза, нуждающаяся в эмпирической проверке. Для осуществления такой проверки укрупненная гипотеза должна быть расчленена на структурные компоненты, или гипотезы-следствия, приведенные к виду фактуальных высказываний. Основной структурной компонентой концепции Ю.В.Яременко является технико-идеологическая программа, осуществляющая народнохозяйственную экспансию. В соответствии с этим гипотеза-следствие, по В.А.Ядову, по-видимому, должна иметь следующий вид: в тоталитарной плановой экономике возникают иррациональные технико-идеологические кампании. Нуждается ли этот факт в доказательстве? По-видимому, нет: факт существования таких кампаний (электрификация, химизация и т.д.) исторически достоверен. Правда, до настоящего времени не все такие кампании попали в поле зрения историков, и при ближайшем рассмотрении их перечень может быть существенно пополнен, но эту работу вряд ли можно рассматривать как верификацию исходной гипотезы, которая достоверна и без нее.

Далее, описывая технико-идеологические кампании, Ю.В.Яременко не ограничивается констатацией их существования, а раскрывает структуру их зарождения и экспансии. Согласно сделанному им описанию, кампания возникает в тех случаях, когда некая реальная, но локальная проблема начинает интенсивно лоббироваться технократическими, ведомственными и идеологическими структурами. Нуждается ли эта схема в эмпирической верификации? Существование неких локальных проблем, могущих стать отправной точкой для зарождения таких программ, вроде бы очевидно. Существование названных лоббистских структур не вызывает сомнений. Правда, сам Ю.В.Яременко выразил определенную неудовлетворенность своей концепцией, сказав, что наряду с лоббированием существуют и какие-то еще, плохо понимаемые им механизмы. Но эти механизмы, коль скоро их существование лишь смутно ощущается исследователем, подлежат выявлению, раскрытию, а отнюдь не верификации. Этот последний аспект иллюстрирует мысль, высказанную в самом начале данной книги: методология выдвижения и эмпирической верификации гипотез, по крайней мере в том виде, в каком она описана в отечественных учебниках, не соответствует реальному процессу научного исследования, и потому приводит к неверной ориентации социологов.

3. Анализируемая концептуальная схема является ценным методологическим примером в том смысле, что она, по крайней мере в изложенном виде, не нуждается в доказательстве, но зато обладает большим потенциалом развития, и именно в этом, а не в достоверности, заключается главная ее ценность.

Направлений потенциального развития рассматриваемой концепции может быть названо несколько.

Во-первых, данная схема, при ее развертывании, способна много объяснить в функционировании плановой экономики. Не анализируя

конкретных направлений, констатируем это как интуитивно очевидный факт, который вряд ли кто будет оспаривать.

Во-вторых, вслед за Ю.В.Яременко, автор данной книги считает, что сходные явления могут возникать и в других типах обществ, экономик и организаций. Это тоже интуитивное предположение, своего рода гипотеза, но поискать аналогии в работах западных специалистов по теории организации, обменяться с ними мнениями и информацией, было бы, безусловно, полезно.

В-третьих, концепция Ю.В.Яременко вызывает концептуальные ассоциации и далеко за пределами теории функционирования экономических и административных систем. В частности, эта концепция может рассматриваться как частный случай интеллектуальных интервенций вообще. Обращает на себя внимание, что описание хозяйственных кампаний, наподобие кукурузной, удивительно напоминает описанную в параграфе 1.1 позитивистскую методологическую интервенцию: зародившись как рефлексия некоторых локальных явлений научной деятельности, она вдруг осуществила всемирную экспансию, сопровождаемую идеологической помпой, причем и за рубежом, и в нашей стране нашлись лоббистские силы, которые активно поддержали эту кампанию (главным образом среди математиков, желающих поддержать свой статус и зарплату)⁶⁰.

4. И последнее замечание. Тот факт, что значимые социологически рефлексии механизмов существования бывшего советского и нынешнего российского общества возникают не в профессиональной среде социологов, а в смежных профессиональных средах, говорит о многом. Если эта тенденция не будет изменена, а без подъема образования и изменения стиля эмпирической работы она не может быть изменена, вся российская социология очень быстро свернется к узкой технической сфере проведения массовых опросов, проводимых по заказам политиков (это, собственно говоря, уже почти произошло).

ГЛАВА 2

ТИПЫ ИНТЕРВЬЮ В СОЦИАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Если в предыдущей главе речь шла о сопоставлении количественных и качественных методов вообще, в данной и последующей главах речь пойдет только об интервью, что соответствует основной теме книги.

Определение термина "фокусированное интервью" и описание его

⁶⁰Еще более яркий пример - экспансия социалистической утопии в XIX и начале XX века, которая тоже отталкивалась от вполне реальных проблем бедности, неравенства, несправедливости, беззакония (см. в качестве иллюстрации: М.Е.Салтыков-Щедрин "Пошехонская старина"). Главной лоббистской школой данной программы стала плохо социализированная часть молодежи из образованных слоев. Низкий иммунитет общества к этой весьма опасной программе есть факт, достойный социологического изучения.

методических свойств целесообразно предварить обзором, какие вообще типы интервью используются в практике социальных исследований.

2.1. Основные типы интервью

Начнем с обзора отечественной методической литературы, а затем перейдем к зарубежной. Для отечественных источников характерно разделять все виды социологического опроса на анкету и интервью [132, с.130; 86, с.408 и др.] и рассматривать отдельно методику и технику применения этих методов. Данное разделение представляется не вполне нелогичным, поскольку методические принципы разработки анкет и формализованных интервью почти идентичны, тогда как между проведением формализованных и неформализованных интервью существуют громадные различия.

Далее, согласно отечественным источникам, все виды интервью разделяются по технике проведения на, с одной стороны, свободные, нестандартизованные, неформализованные (все три слова являются синонимами) и, с другой стороны, "несвободные", стандартизованные, формализованные [132, с.130-131].

Вопросы, как в анкетах, так и в интервью, в зависимости от формы их построения, делятся на открытые и закрытые. К закрытым, согласно общепринятой трактовке, относятся вопросы, в которых респонденту предлагаются заранее разработанные исследователем варианты ответов. Интервью, составленные из закрытых вопросов, называются формализованными, а из открытых - неформализованными¹. Если в интервью имеются вопросы обоих типов, оно называется полужформализованным.

Если говорить о формализованных видах опросов, то в нашей стране как на страницах учебных пособий, так и в особенности на практике доминирующее место занимают анкетные опросы. Это коренным образом противоречит зарубежной практике, где при проведении массовых опросов применяется формализованное интервью.

Основная причина, вынуждающая российских социологов пользоваться анкетами, заключается в скудости финансирования. В целях удешевления опросов отечественные исследователи часто бывают вынуждены делать ставку на раздачу анкет респондентам с последующим бесконтрольным их samozаполнением². Еще одна причина заключалась в существовавшей до последнего времени специфике советской системы организации заработной платы,

¹ Данные термины отечественные авторы обычно применяют только к интервью, априори полагая, что анкеты могут быть только формализованными. В принципе это неверно. К примеру, упоминаемая в советских учебниках марксова "Анкета для рабочих" является как раз неформализованной, так как состоит только из открытых вопросов. Впрочем с указанной априорной посылкой можно согласиться в том смысле, что неформализованные анкеты являются крайне неэффективными, поэтому данный тип анкет в учебниках, как правило, просто не описываются. Условия, при которых помещенные в анкету открытые вопросы могут быть эффективными, рассмотрены ниже.

² Ныне, в 1993 году, ситуация во многом изменилась. Организации, проводящие репрезентативные опросы населения, используют формализованные интервью, а не анкеты. Однако с методической точки зрения способы составления вопросников изменились мало.

делавшей практически невозможным найм внештатных интервьюеров.

К сожалению, проведение анкетных опросов, являющееся по своей сути вынужденной мерой, сделалось в нашей стране настолько привычным и общепринятым, что вопрос о громадных потерях в качестве социологической информации при использовании анкет вместо формализованных интервью практически не ставился в советской методической литературе. Причины снижения качества информации при использовании анкет отчасти проанализированы в книге Э.Ноэль, которая в числе основных недостатков называет смещение выборки и искажения при ответах [74, с.190-192]. При этом Ноэль не разбирает главной причины снижения качества результатов исследования, которая связана со снижением качества самих вопросников.

Образцы вопросников, приведенные в книге Э.Ноэль, отличаются от российских аналогов, во-первых, сложностью структуры и, во-вторых, наличием довольно большого числа открытых вопросов, предусматривающих дословную запись ответов. Объективная причина первого из указанных различий достаточно проста: российские исследователи, ориентированные на раздачу анкет респондентам, просто не могут позволить себе разрабатывать вопросники со сложной структурой, поскольку основная масса респондентов не сможет в них самостоятельно разобраться³. Другая, субъективная, причина заключается в отсутствии традиции тщательной проработки логической структуры анкет, вследствие чего респондентам постоянно задаются вопросы, содержащие те или иные логические пороки, включая неоднозначность смысла, наличие явно несформулированных презумпций и т.д.

Относительно второго отличия, а именно относительно большого числа открытых вопросов в зарубежных вопросниках следует сказать, что, хотя отечественные учебники признают правомочным включение в анкеты открытых вопросов, практика показывает, что в анкетах эти вопросы чрезвычайно плохо срабатывают. По данным В.Э.Шляпентоха, совпадающим с нашим опытом, от ответов на открытые вопросы уклоняются нередко до 2/3 и более всех опрошенных [127, с. 56], тогда как в анкетах Ноэль отказы от ответа на такие вопросы встречаются не чаще, чем на все остальные.

Главной причиной столь значительной разницы в срабатывании открытых вопросов является различие в их логических объемах. Логический объем открытого вопроса в анкетах Ноэль всегда минимален, поэтому он допускает компактный и не вызывающий затруднения от-

³В отечественной методической литературе ни разу не ставился вопрос о том, какие ограничения накладывает на исследовательскую проблематику вынужденная ограниченность структурной сложности вопросника и есть ли возможность обойти эти ограничения. Может быть (этот вопрос требует обсуждения), ограничения структурной сложности следует компенсировать "дроблением" вопросников, т. е. запуском в исследование не одной, а сразу нескольких анкет, разработанных под разные типологические случаи. К примеру, при исследовании проблем семьи следует выдавать разные анкеты состоящим и не состоящим в браке, имеющим и не имеющим детей и т.д. При проведении формализованных интервью все эти типологические случаи могут быть сведены в один вопросник, но при раздаче анкет респондентам их, вероятно, необходимо расчленять.

вет. Такая минимизация логического объема достигается в ходе перевода программного вопроса исследования в операциональные анкетные вопросы [74, с.81]. Обращает на себя внимание, с какой тщательностью работники руководимого Ноэль Института демокопии вычлениают из вопросов большого логического объема те подвопросы, которые поддаются формализованному закрытию. Если в конце этой работы образуется "логический осадок", т.е. вопрос, не поддающийся ни закрытию, ни дальнейшему членению, то в этом, и только в этом случае он формулируется как открытый⁴.

В отличие от зарубежных российские исследователи практически не проводят до конца работу по логическому расчленению вопросов, вследствие чего в анкетах часто появляются вопросы большого объема, не расчлененные на составляющие их элементы. Если такой вопрос делается закрытым, то его логические пороки проецируются на структуру закрытий, порой ставя буквально в тупик заполняющего анкету респондента. Если вопрос большого логического объема ставится как открытый, то это вполне допустимо в тех случаях, когда он включен в состав неструктурированного или полуструктурированного интервью, предусматривающего возможность фиксации (например, с помощью диктофона) длительных и развернутых ответов. Ниже будет показано, что неструктурированные интервью, в противоположность анкетам, как правило, должны состоять из вопросов большого логического объема. Однако задавать такие вопросы в формализованной анкете нецелесообразно по следующим понятным причинам. Во-первых, любому человеку, даже с высоким уровнем образования, письменная речь дается со значительно большим трудом, чем устная. Многие люди вообще плохо владеют письменной речью. Во-вторых, полноценное раскрытие вопроса с большим логическим объемом требует обычно развернутого ответа. Даже при устном опросе длительность таких ответов может составлять десятки минут, а возможно и несколько часов (см. об этом ниже). Объем письменного ответа на такой вопрос может составить десятки страниц, а трудоемкость его составления респондентом - несколько дней, а то и недель. Люди, не привыкшие писать, могут вообще не справиться с этой работой. Интересно отметить, что составители анкет очень часто оставляют для ответа на открытые вопросы с большим логическим объемом очень мало места, буквально две-три строки. Результат - отмеченная выше очень низкая заполняемость таких вопросов и низкая содержательность ответов.

Исходя из вышеизложенного, вновь сформулируем специфику описания методов социологического опроса в отечественной литературе. Во-первых, основополагающее разделение методов опроса на форма-

⁴Описываемый Ноэль процесс перевода программных вопросов в анкетные в значительной мере и является процессом логического членения первых, в результате чего один программный вопрос превращается в анкету, состоящую приблизительно из 70-ти вопросов. По аналогии с математикой, где существуют сложные (делимые) и простые (неделимые) числа, в логике существуют делимые и неделимые вопросы. Задача разработчика анкеты заключается в расчленении всех сложных вопросов до уровня простых, не поддающихся дальнейшему логическому делению.

лизованные и неформализованные подменено в ней разделением на анкеты и интервью. Такая подмена нарушила ясность подачи материала в учебниках. В частности, это нашло отражение в том, что понятие формализованных и неформализованных методов пришлось продублировать понятиями закрытых и открытых вопросов, причем соотношение между этими двумя парами понятий остались непроанализированными. В результате не проанализированы громадные методические различия в построении открытых вопросов в составе формализованных и неформализованных видов опроса. Во-вторых, описанию неформализованных видов опроса в учебниках почти не осталось места, поскольку в разделах, посвященных анкетам, этот вопрос не рассматривается, а в разделах, посвященных интервью, как минимум половина объема посвящается формализованной разновидности этого метода.

Перейдем теперь к описанию того, как характеризуются методы опроса в зарубежной литературе. Во всех изученных нами источниках, включая и переведенную на русский язык книгу Э.Ноэль, анкета вообще не рассматривается как самостоятельный метод опроса. По контексту изложения видно, что анкетой в западных методических источниках называется вопросник, который чаще всего заполняется с помощью интервьюеров, но иногда рассылается по почте либо раздается респондентам для самозаполнения. Общеизвестно, что самозаполнение анкет, как правило, ухудшает качество информации, хотя в некоторых случаях (например, при освещении интимных вопросов) этот метод может быть более предпочтительным [74, с.192].

Основным методом опроса, описываемым в зарубежных методических пособиях, является интервью. Как и в российских источниках, интервью делятся на формализованные и неформализованные. Формализованные интервью называются также структурированными и стандартизованными; как и в нашей стране, эти слова, обычно, являются синонимами. Что же касается неформализованных интервью, то здесь по сравнению с отечественными источниками синонимический ряд является значительно более длинным. Помимо слов неформализованное, неструктурированное и нестандартное этот тип интервью обозначается еще как свободное, открытое, глубинное, интенсивное, исследовательское, качественное [74, с.232; 144; 145 и др.]. Следует оговорить, что перечисленные выше термины не всегда являются синонимами в полном смысле этого слова. Некоторые авторы вкладывают в них определенные смысловые различия, иногда оговариваемые явно, а иногда вытекающие из контекста. Однако, как мы убедились, общепринятых точных определений этих терминов не существует, и каждый автор волен рассматривать их либо как тождественные, либо вносить в них удобные для него смысловые оттенки.

Далее следует отметить, что методические особенности стандартизованного и нестандартного видов интервью описаны в зарубежных источниках более подробно, особенно в той части, которая касается нестандартного их вида. Ниже представлены сравнительные характеристики этих видов интервью, отсутствующие либо недостаточно подробно описанные в отечественной литературе.

Стандартизованное интервью, как уже говорилось, достаточно подробно описано в отечественных учебниках. Оно предназначено для получения однотипной информации от каждого респондента. Ответы всех респондентов должны быть сравнимы и поддаваться классификации. Это означает, что различия и сходство в ответах должны отражать действительные различия и сходство между респондентами, а не различия, вызванные задаваемыми вопросами или тем, как эти вопросы были поняты. Стандартизованное интервью может использоваться для многих целей, включая определение общественного мнения по широкому кругу вопросов, выяснение потребительских предпочтений, стереотипов поведения, распространения психиатрических симптомов, а также множества других целей, включающих получение количественной информации. Стандартизованное интервью может применяться одинажды со многими респондентами или проводиться в несколько заходов с одними и теми же респондентами для определения стабильности либо изменчивости их установок, ценностей, привычек, компонентов образа жизни и т.д.

Нестандартизированные интервью включают в себя широкий круг видов опроса, не отвечающих требованию сопоставимости вопросов и ответов. При использовании нестандартизованного интервью не делается попытки получения одних и тех же видов информации от каждого респондента, и индивид не является в них учетной статистической единицей. Содержание интервью может меняться от респондента к респонденту: каждый респондент сообщает ту информацию или высказывает те мнения, которые он может представить наилучшим образом. В этих условиях использование заранее подготовленного обширного набора вопросов часто бывает только помехой, поэтому в нестандартизованном интервью могут вообще не использоваться вопросники.

Нестандартизованное интервью, в отличие от стандартизованного, не требует в качестве предпосылки для его проведения предварительной проработки всех пунктов информации, которая должна быть получена. В связи с этим оно может быть использовано на всех стадиях исследования. Этот метод способствует достижению интуитивного понимания вопроса или проблемы, а также обнаружению непредвиденных областей релевантности в исследовании. Нестандартизованное интервью может использоваться также для объяснения неожиданных результатов количественных исследований, например, расхождения результатов голосования с предвыборными прогнозами, или для объяснения новых проблем, возникших в ходе исследования.

Различают подготовительный и независимый виды нестандартизованного интервью. Первый проводится для подготовки к стандартизованному. Такое интервью может использоваться для вычленения значимых компонент вопроса или проблемы, на основе которых будет сформирована структура будущего вопросника. Наряду с этим подготовительное интервью используется для изучения словаря респондентов, типов реакции на вопросы, типов противодействий, которые оказывают респонденты при тех или иных вопросах, и многого другого.

Независимое нестандартизованное интервью, в отличие от подготовительного, имеет самостоятельную исследовательскую функцию. Оно

используется в тех случаях, когда нет возможности провести стандартизованное исследование, либо нет необходимости в сравнении множества ответов друг с другом или их суммирования по определенной выборке. Независимое интервью может быть использовано для исследования таких вопросов, как социальные волнения, преступность и теневая экономика, последствия научно-технического прогресса и т.д.

Для стандартизованного интервью процедура составления вопросников, сбора и анализа результатов очень тщательно разработана. Можно сказать, что эта методика доведена до уровня совершенства точного научного прибора.

Методика нестандартизованного интервью более разнообразна, более сложна, ее невозможно представить в виде определенного набора рутинных действий. При проведении нестандартизованного интервью ведущий опрос обладает большой свободой как в формировании конкретных вопросов, так и в формировании общей направленности беседы. При этом интервьюер в значительной мере исходит из имеющегося у него общего взгляда на тему исследования и априорного (точнее, "доисследовательского") знания проблемы. По этим причинам при использовании методики данного типа очень трудно бывает осуществить разделение труда между выполнением задач, которые требуют высокого уровня квалификации, и задач, которые могут быть выполнены менее квалифицированным персоналом с коротким сроком подготовки. В связи с этим нестандартизованное интервью часто проводится самим исследователем, или группой квалифицированных исследователей, придерживающихся близких взглядов на проблему.

Наряду с разделением видов интервью на стандартизованное и нестандартизованное в зарубежной литературе описаны и другие их типологии. Существует два главных подхода к описанию типов процедуры интервьюирования. Первый подход состоит в определении характеристик отдельного вопроса, которое осуществляется в терминах "открытый - закрытый", "нейтральный - наводящий" и т.д. Второй подход оперирует категориями описания общего стиля ведения интервью и осуществляется в таких терминах, как "активное" или "пассивное" поведение интервьюера, "управляемое" или "свободное" поведение респондента. Хотя термины, используемые для описания типов вопросов и стилей интервью различаются, центральным понятием, объединяющим эти типологии, является, по-видимому, характер и степень контроля (направляющего воздействия), осуществляемого исследователем при ведении интервью. Ниже описаны некоторые типологические характеристики, отражающие различные формы такого контроля⁵.

Направленное и ненаправленное интервью. Данная типологическая ось близка к описанной выше оси стандартизованного и нестандартизованного интервью, но не тождественна ей. При проведении

⁵Группа типологий, основанных на различии в степени и форме контроля, не является единственной. Интервью могут классифицироваться по их предметной направленности, месту проведения (дома, на работе или в ином месте) [35, с.98], способу контакта с респондентом (лично или по телефону) [86, с.408] и т.д. Типологии такого рода во множестве описываются в литературе, но в данной работе они анализироваться не будут.

направленного интервью ведущий опрос решает, какие вопросы будут заданы, какие темы освещены, последовательность тем и вопросов, а также планирует всю процедуру в целом. При ненаправленном интервью все или почти все из этих решений принимает сам респондент. Вот описание того, что называется ненаправленным интервью:

"После того, как интервьюер объяснил программу, респонденту разрешается самому выбрать тему. До тех пор, пока респондент говорит спонтанно, интервьюер должен следить за его высказываниями, проявляя к ним действительный интерес. Пока интервьюируемый говорит, не должно быть сделано ни одной попытки перевести разговор на тему, которая кажется интервьюеру более важной. Ему следует внимательно слушать все, что говорит респондент и принимать участие в разговоре только в той степени, в какой это необходимо, чтобы интервьюируемый продолжал говорить. Если он задает вопросы, то они должны быть сформулированы в уклончивом виде и, конечно, не в такой форме, которая предполагает определенный ответ" [172, с. 203].

Таким образом, ненаправленное интервью всегда является нестандартизованным, в то время как направленное может быть и стандартизованным и нестандартизованным. Ясно также, что ненаправленное и направленное интервью являются в данном описании идеальными типами, образующими крайние точки шкалы, в промежутке между которыми находятся виды интервью со средней степенью направленности.

Направленность в интервьюировании в значительной степени несовместима с получением непредвиденных ответов. Прямые вопросы, даже если они не являются "наводящими", заставляют респондента сфокусировать внимание на тех пунктах, на которых он, возможно, не остановился бы по собственной инициативе. Это основной недостаток тех вопросников, которые не дают возможности опрашиваемым выразить отсутствие интереса к задаваемым вопросам.

Интервью с точной и с неточной формулировкой вопроса. Первый тип характеризуется тем, что интервьюер задает вопросы так, как они записаны, и в том порядке, в каком они записаны. Это отнюдь не тождественно процедуре стандартизованного интервью, поскольку закрытия в вопросах могут отсутствовать, а ответы респондентов могут быть сложными и пространными. В интервью с неточной формулировкой вопросы формулируются по усмотрению интервьюера, который приспособливает их к каждому респонденту в зависимости от хода беседы. Вместо вопросников в интервью этого типа часто используется список информации, которую надо получить от каждого респондента.

Вопросы, подготовленные заранее и вопросы по ходу интервью. Здесь противопоставляются вопросы, заранее продуманные исследователем, и те вопросы, которые задаются непосредственно в интервью в виде оперативной реакции на высказывания респондента. В большинстве интервью имеют место как те, так и другие вопросы, но их удельные веса могут существенно различаться. Могут проводиться интервью, которые вообще не содержат заранее продуманных вопросов.

В этом случае интервью должно структурироваться пониманием исследователем своей исследовательской проблемы. Не зная заранее, какой именно релевантной информацией располагает респондент, интервьюер задает вопросы, ориентируясь непосредственно по обстановке.

Вопросы по ходу интервью являются своего рода компенсатором недостаточной проработанности заранее подготовленного вопросника. Оперативное реагирование на высказывания респондента имеет определенные положительные стороны, поскольку благодаря ему исследователь старается не упустить какую-то важную информацию, которую сам респондент мог задать ненароком или косвенно. Вместе с тем оперативный (без продуманного заранее плана) режим ведения интервью может приводить к утрате стратегического плана, "размениванию" на мелкие, не связанные темы. Слишком активное оперативное реагирование "размельчает" интервью, способствуя раздроблению крупных тем на более мелкие. В "оперативном" режиме ведения интервью на интервьюера ложится очень большая умственная нагрузка: зафиксировав новое релевантное высказывание респондента он должен в полном объеме понять его концептуальное значение и задать соответствующий вопрос. Скорость мышления интервьюера не всегда поспевает за этим процессом: часто оказывается, что лишь после окончания интервью исследователь осознает, какие вопросы он должен был задать. Иногда, если это возможно, положение удается исправить повторным интервью. Если же это невозможно, то исследователю остается утешать себя тем, что к разговору со следующим респондентом он эти вопросы обязательно продумает заранее.

Общий и частный вопросы. Данные термины отражают различия в логических объемах вопросов: на одном полюсе вопрос предельно большого, а на другом - предельно малого логического объема. При получении информации по одной и той же теме интервьюер имеет возможность выбора: задать один общий или большое количество частных вопросов. Общий вопрос, задаваемый респонденту, может по логическому объему и по формулировке совпадать с программным вопросом исследования.

Общий вопрос по сравнению с частными обладает двумя важными методическими преимуществами. Во-первых, он может быть использован для получения информации, которая с большей вероятностью будет искажена при использовании частных вопросов. Причина этих искажений заключается в следующем:

- а) список частных вопросов может включать в себя такие вопросы, в которых респондент не компетентен, над которыми он не думал, которые в иных смыслах не свойственны его сознанию. Практика показывает, однако, что если такой вопрос задан, то респондент чаще всего как-то на него отвечает, фантазируя и импровизируя на ходу;
- б) список частных вопросов может не предусматривать важных и релевантных тем, которые имеются в сознании респондента, но отсутствуют в сознании интервьюера. Задавая частные вопросы и жестко контролируя ответы, интервьюер не получит важной для него информации и останется "при своем";

в) при ответе на общие вопросы респонденты практически всегда расставляют ранги значимости освещаемых ими тем. Эти ранги значимости искажаются, смещаются либо вовсе исчезают при ответе на частные вопросы.

Второе преимущество общих вопросов, на которое указывает Горден [152, с.325] и с которым согласуются и собственные наблюдения автора данной книги, заключается в том, что общие вопросы обладают для респондента мотивирующим эффектом, облегчая установление и поддержание контакта в ходе интервью. Источник этой мотивирующей силы заключается, по-видимому, в том, что, отвечая на общий вопрос, респондент воспринимает ситуацию как более осмысленную, в большей степени позволяющую ему проявить свой ум, знания, квалификацию.

Третье преимущество общих вопросов связано с тем, что они могут задаваться в условиях очень низкой информированности исследователя о предмете исследования. Данное свойство особенно важно на первых (разведывательных) этапах исследования.

Интересная формулировка общего вопроса содержится в законодательных принципах ведения допроса свидетелей, которые могут рассматриваться как своего рода следственные интервью. Статья 158 Уголовно-процессуального кодекса РФ гласит: "Допрос по существу дела начинается предложением свидетелю рассказать все ему известное об обстоятельствах, в связи с которыми он вызван на допрос; после рассказа свидетеля следователь может задать ему дополнительные вопросы". Приведенная формулировка закона хорошо отражает тот факт, что начав с необходимых для следствия частных вопросов, следователь может упустить что-то очень важное, о чем он даже и не догадывается.

Иногда для дополнительного расширения объема вопроса интервьюер может использовать вопросы с неправильным грамматическим построением (двусмысленные, неоднозначные по смыслу и т.п.). Хороший пример использования данного приема содержится в фантастической повести братьев Стругацких "Жук в муравейнике", где главный герой, нарочито используя плохое знание чужого языка, задает двусмысленный вопрос и получает в ответ важную для него информацию.

Перечисленные выше достоинства общих вопросов не означают, что частные вопросы не имеют своих преимуществ и своей зоны применимости. Если в интервью требуется получить конкретные факты и мнения, а не представления о сложной структуре отношений, то частный вопрос является более подходящим. Например, если исследователя интересует возраст, национальность и величина доходов респондента, было бы глупо спрашивать: "Расскажите, пожалуйста, о себе". Методические достоинства частных вопросов в целом совпадают с теми аргументами, которые приводят в обоснование целесообразности применения формализованных вопросников.

Полуструктурированный вопрос. Этот термин редко используется в отечественной литературе, но если используется, то как синоним термина полузакрытый вопрос. Последний обозначает такой тип

анкетного вопроса, в котором наряду с несколькими закрытиями предусматривается и открытый вариант ответа, обозначаемый выражениями типа "иное мнение" или "иной ответ".

Иную, не имеющую аналогов в отечественной литературе, трактовку дают термину "полуструктурированный вопрос" Р.Мертон, М.Фиске и П.Кендалл в книге "Фокусированное интервью" [63; 163]. Изложим данный вопрос так, как он описан в указанной книге, а затем прокомментируем от себя.

"В фокусированном интервью неструктурированный вопрос не фиксирует внимание на какой-то конкретной стороне стимульной ситуации⁶ или реакции респондента. Респондент является как бы чистой страницей, которую следует заполнить интервьюируемому. Но в интервью могут использоваться и более структурированные вопросы.

Вот некоторые уровни и способы структуризации, которые могут служить руководством для интервьюера.

1. Неструктурированный вопрос (свободный в отношении и стимула, и реакции):

- Что произвело на Вас наибольшее впечатление в фильме?

Такой тип вопроса направлен на то, чтобы интервьюируемый сам определил фокус своего внимания, причем он может сделать это сразу в двух аспектах: а) он может говорить о любом фрагменте кинофильма или обо всем фильме целиком; б) он может сообщить о любом типе своей реакции, включая любые эмоциональные переживания, почерпнутые из фильма интересные сведения и т.п. Все это подходит под предельно широкое выражение "что произвело наибольшее впечатление".

2. Полуструктурированный вопрос. Этот тип вопроса имеет два подтипа:

А: Структурированный по ответу, свободный по стимулу, например:

- Что Вы узнали из фильма, чего не знали раньше?

Как и в предыдущем вопросе респондент может выбрать для ответа любой фрагмент фильма, однако из всей совокупности своих впечатлений он должен вычленить только элементы нового знания, полученные в результате просмотра.

Б: Структурированный по стимулу, свободный по ответу:

- Каковы Ваши впечатления по поводу той части, где рассказывается об увольнении Джо из армии как психоневротика?

В противоположность предыдущему, в данном вопросе точно указан эпизод фильма, который является предметом рассмотрения, но зато общее слово "впечатление" позволяет респонденту выбрать, о каком именно аспекте своих впечатлений ему следует сообщить.

3. Структурированный вопрос (по стимулу и по ответу). Это, по сути, уже формализованный или закрытый вопрос.

- Исходя из того, что Вы увидели в фильме, как Вы считаете, была ли немецкая техника лучше, на том же уровне или слабее

⁶Под стимульной ситуацией в данном случае подразумевается кинофильм, который был просмотрен респондентами и по поводу которого велось интервью.

американской?

В вопросах этого типа интервьюер осуществляет практически полный контроль над ответом. Он не только отобрал для комментария лишь те фрагменты фильма, в которых содержится показ немецкой техники, но и предопределил тип реакции респондента, которому необходимо только дать оценку немецкой техники в сравнении с американской" [63,с.34].

Приведенный выше отрывок отражает важную методическую проблему, вскрытую авторами цитируемой книги. Общий вопрос, как и любое общее (большого объема) понятие, допускает различные способы или логические основания членения. Следовательно, один вопрос может обладать несколькими различными способами структуризации. Если, к примеру, респонденту задается вопрос о его "впечатлениях", то эти впечатления могут быть эмоциональными или информационными, приятными или неприятными, сильными или слабыми и т.д. Желая увеличить степень конкретизации вопроса, интервьюер должен четко осознавать, по каким из перечисленных логических оснований он будет увеличивать степень конкретности, и какие логические основания он оставит для свободного выбора респондента.

Наводящий и нейтральный вопросы. Первый тип вопроса отличается формулировкой, в той или иной степени предопределяющей ответ респондента, т.е. оказывающей на него своего рода психологическое давление. Второй тип вопроса в идеале не должен иметь такого влияния.

Наводящие вопросы бывают двух типов: а) содержащие явные или неявные логические презумпции и б) содержащие оценочные либо эмоциональные выражения. Вопросы с явной презумпцией часто начинаются с определенной констатации, правильной или ложной, например: "Социалисты всегда выступали за свободную торговлю. Считаете ли Вы, что им следует отменить некоторые из торговых барьеров?" В качестве примера вопроса с неявной презумпцией можно привести знаменитый вопрос греческих софистов: "Потеряли ли Вы рога?". В этом вопросе неявно подразумевается, что человек имеет рога, что время от времени он их теряет, и остается только уточнить, когда это произошло в последний раз⁷.

Примером вопроса оценочного типа может послужить вопрос из учебника Гордена: "Как Вы относитесь к тому, что негры вторгаются в наши места?" (Сравни с оценочно-нейтральной формулировкой: "Каково Ваше отношение к тому, что в этом районе селятся негры?").

Наряду с формулировками вопросов наводящим воздействием могут обладать и некоторые другие действия интервьюера. Например, интервьюер может высказывать постоянные сомнения в правдивости или правильности ответов. Практика интервьюирования показывает, что в этих случаях респондент часто бывает готов сменить свою точку зрения.

Использование в интервью наводящих вопросов и иных средств

⁷Пример заимствован из лекции О.М.Масловой.

психологического давления обычно рассматривается как методическая ошибка⁸, но в некоторых случаях они могут применяться сознательно в качестве специального методического приема. К примеру, известный американский сексолог А.Кинси, задавая вопросы об "отклоняющихся" формах сексуального поведения, рекомендует не спрашивать респондента, имеют ли они место, а внушать ему, что интервьюер не сомневается в том, что респондент выступал в роли нарушителя принятых норм и что его интересуют только детали. Наводящие вопросы часто задают следователи, желая получить от допрашиваемого скрываемую им информацию, хотя закон и запрещает им это делать.

Рассматривая проблему использования наводящих вопросов в интервью, Р.Горден [152, с.334] предлагает различать три типа ситуаций: 1) наводящие вопросы помогают получить больше валидной информации; 2) валидная информация может быть получена вопреки наводящим вопросам; 3) наводящий вопрос искажает ответ. Рассмотрим эти ситуации подробнее.

1. Характерные признаки ситуации первого типа: респондент четко и ясно представляет себе нужную интервьюеру информацию, но склонен утаивать ее либо потому, что сообщение правильного ответа не соответствует требованиям этикета, либо из-за того, что правильный ответ содержит потенциальную угрозу его "я". При этих условиях наводящий вопрос полезен, если он направлен против источника сопротивления и "уравновешивает" его влияние. При этом очень важно: а) правильно понять источник сопротивления и б) правильно "дозировать" степень оказываемого психологического давления, так как при "передозировке" респондент может признаться в том, чего не было.

2. Существуют условия, при которых валидная информация может быть получена вопреки наводящим вопросам. Эти условия таковы:

- а) респондент ясно представляет себе информацию, воспоминания не стерлись, хронологическая и логическая путаница отсутствует;
- б) ни информация, ни отношения между интервьюером и респондентом не содержат угрозы "я";
- в) нет барьера этикета между респондентом и интервьюером;
- г) респондент обладает достаточно устойчивой психикой, чтобы противостоять давлению наводящих вопросов.

Чтобы избежать смещения ответов в результате "безобидного" наводящего вопроса, интервьюер должен помнить, что обычно ему неизвестно заранее, существуют ли необходимые условия для того, чтобы такой вопрос не делался фактором искажения. Лучше избегать наводящих вопросов, чем надеяться на то, что они не повлияют на ответ.

3. Весьма часто, если нет специальных оснований к применению наводящих вопросов, они приносят вред, искажая результаты опроса. Это может происходить по следующим причинам:

- а) респондент не очень хорошо представляет себе информацию из-

⁸В статье 158 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР, регламентирующей порядок допроса свидетелей, записано: "Наводящие вопросы не допускаются".

за плохой памяти, хронологической и логической путаницы, но он очень чувствителен к намекам интервьюера;

б) требуемая информация не важна для респондента, и его мотивация к точному ее представлению слаба;

в) респондент не чувствует себя свободным сказать "я не знаю", если требования этикета таковы, что он должен высказывать почтительное отношение к интервьюеру.

Мягкий и жесткий стили ведения интервью. В "жестком" стиле ведения интервьюеру разрешается грубо перебивать респондента, ловить его на противоречиях, задавать наводящие вопросы, оказывать психологическое давление и т.д. Этот метод ведения интервью во многом сходен с тактикой следователей, ведущих допрос обвиняемых (см. цитированную в разделе 3.2. статью "Психологические приемы допроса обвиняемого"). "Мягкое" интервью предполагает вежливое и сочувственное слушание высказываний респондента. Уточнение замеченных интервьюером противоречий осуществляется с извинениями и в деликатной форме ("Извините, но мне показалось, что...")

"Жесткий" тип интервью применяется для "пробивания" у респондента эмоционально закрытых сфер, связанных с угрозой его "я". В частности, его применял упомянутый выше сексолог А.Кинси для изучения интимных сторон жизни американцев, получив на этом пути многие поразительные результаты. Российский социолог Елена Косалс (г. Новосибирск) сообщила автору данной книги, что она предпочитает "жесткий" стиль при проведении интервью с председателями колхозов и директорами совхозов, так как в противном случае, по ее словам, "они все врут"⁹. Она же предложила определенное усложнение рассматриваемой типологии, представляющее собой следующую типологическую триаду. Интервью может вестись:

а) с позиции респондента ("мягкое", "сочувствующее");

б) с позиции, противоположной позиции респондента ("жесткое", "недоверчивое");

в) с собственной позиции, занимаемой интервьюером (может быть как "мягким", так и "жестким").

В связи с тем, что автор данной книги не имеет личного опыта проведения "жестких" интервью, в дальнейшем этот тип интервью рассматриваться не будет. Описываемые ниже методические принципы интервьюирования относятся к более распространенному "мягкому" его типу.

Интервью, фокусирующееся на предмете и "самофокусирующееся" интервью. Принцип фокусировки интервью на исследуемом (заранее заданном) предмете не требует особых пояснений. В этом типе интервью интервьюер поддерживает все

⁹Здесь следует учитывать специфику отрасли, в которой Е.Косалс проводила опросы. Наш опыт интервьюирования руководителей промышленных предприятий отрасли тяжелой промышленности свидетельствует о том, что в этих отраслях респонденты рассказывали о своих производственных проблемах достаточно откровенно при мягком стиле ведения беседы. (См. в качестве примера интервью с директором завода РТИ и с другими промышленными руководителями [83, вып.2]).

высказывания респондента, относящиеся к исследуемому предмету в той или иной форме и "пресекает" высказывания, не относящиеся к нему.

Тип "самофокусирующегося" интервью удобно проиллюстрировать на примере психоаналитического интервью (по Фрейду). Концепция Фрейда, как известно, заключается в том, что причиной возникновения невротических симптомов (страха, навязчивых состояний и т.п.) у человека является вытеснение из сознания тех или иных осуждаемых его "сверх-Я" эпизодов. Смысл психоаналитического лечения заключается в том, чтобы вернуть эти эпизоды в сознание, что должно повлечь за собой исчезновение невротической симптоматики. Далее Фрейд указывает, что попытка вскрыть (вернуть в сознание) такие бессознательные комплексы влечет за собой безотчетное сопротивление со стороны пациента, которые психоаналитик фиксирует по длительным паузам, умолчаниям и другим признакам. Итак, задача психоаналитика сводится к следующему. Как неоднократно подчеркивал Фрейд, заранее невозможно узнать, какие именно эпизоды биографии подверглись вытеснению. В этом смысле можно сказать, что психоаналитик сам не знает, что ищет, и по этой причине он не может фокусировать беседу на каком-то конкретном предмете. Вместо этого он старается оценить силу защитных барьеров, окружающих вытесненный бессознательный комплекс, предполагая, что вектор его интересов находится там, где эта сила особенно велика. Иными словами, интервьюер-психоаналитик фокусирует интервью, ориентируясь на косвенный признак, а именно на силу сопротивления.

"Самофокусирующийся" принцип психоаналитической беседы подчеркнул сам Фрейд при рассмотрении проблемы трактовки сновидений. Подробно остановившись на вопросе о том, что некоторые элементы сновидений представляют собой символику, поддающуюся априорной трактовке, он затем, отчасти противореча сам себе, добавляет, что даже если психоаналитик допустил ошибку в этой трактовке, в этом нет ничего страшного, поскольку следование принципам психоаналитической беседы само выведет его на искомое бессознательное [117].

Принцип "самофокусировки" может использоваться не только в психоаналитическом, но и во многих других видах неструктурированного интервью. Так, например, фокусировка на концептуальных структурах, содержащихся в сознании респондента (см. раздел 4.2. данной книги) предполагает следование интервьюера за ходом мысли респондента, отражающим логические связи излагаемой им концепции. Поскольку заранее очертить предметную область, покрываемую данной концепцией, можно в лучшем случае весьма приблизительно, более целесообразной тактикой будет фокусировка не на заранее заданном предмете, а на центрах концептуальной структуризации мнений респондента. Таких центров может быть, в принципе, несколько; распознаются они по высокой связности рассказа и, как правило, по определенной степени воодушевления, с которой респондент излагает выношенные им мысли.

Роль интервьюера в последнем случае заключается не в том,

чтобы сфокусировать на чем-то внимание респондента, а в том, чтобы помочь ему самому сфокусировать свои мысли. Именно эту ситуацию мы называем "самофокусировкой".

2.2. Фокусированное интервью

В отечественных методических источниках термин "фокусированное интервью" имеет две основные трактовки. Первая из них заключается в том, что такой тип интервью - это интервью со средней степенью стандартизации. При движении по оси от формализованного к неформализованному фокусированное интервью - это "ступень, ведущая к уменьшению стандартизации поведения интервьюера и опрашиваемого" [35, с. 162]. Данная трактовка представляется не вполне удачной сразу в двух смыслах. Во-первых, рассматриваемый термин заимствован из зарубежных источников. Как будет показано ниже, в этих источниках смысл данного термина неоднозначен, однако описанная выше отечественная трактовка не совпадает ни с одним из них. В принципе любой автор имеет право вносить свой смысл или смысловые оттенки в используемые им понятия, но в этом случае он обязан дифференцировать свою трактовку от общепринятой и указать мотивы внесенного им смыслового изменения. Во-вторых, в рамках рассматриваемой трактовки фокусированное интервью становится понятием, означающим тип интервью, который и без того имеет для своего обозначения целый ряд тождественных по смыслу терминов: полустандартизованное, полуструктурированное, полужформализованное и т.д. Введение в этот ряд дополнительного синонима нарушает принцип "бритвы Оккама" - запрещающий создавать понятия сверх необходимого". Правда, цитированный выше источник можно понять и так, что фокусированное интервью является одной из специфических разновидностей полустандартизованного. Эта трактовка имеет право на существование, но в таком случае авторам следовало сначала подробно разобрать значение термина "полустандартизованное интервью" и рассмотреть входящие в его состав разновидности методик. Такая работа была бы весьма полезна, но, к сожалению, она не проведена.

Вторая трактовка термина "фокусированное интервью" заключается в том, что его цель - "извлечь информацию о реакциях субъекта на заранее заданное воздействие. С его помощью изучают, например, в какой мере человек реагирует на отдельные компоненты информации (из массовой печати, лекции и т.п.). В фокусированном интервью стремятся определить, какие именно смысловые единицы текста оказались в центре внимания опрошенных¹⁰, какие - на периферии и что вовсе не осталось в памяти" [132, с. 131]. Данная трактовка, как будет показано ниже, в целом совпадает с той, которую придали этому термину американские авторы Р.Мертон, М.Фиске и П.Кендалл, однако ее объяснение слишком кратко и поэтому трудно для понимания.

¹⁰Добавим от себя: и почему именно те, а не иные.

Обзор использования термина "фокусированное интервью" в зарубежной литературе следует начать с книги Р.Мертон, М.Фиске и П.Кендалл "Фокусированное интервью. Проблемы и методы", изданной в США в 1956 г. [63; 165]. По глубине методической проработки метода и четкости методологического мышления данная работа, по нашему мнению, намного превосходит все остальные известные нам работы по проблематике интервьюирования. Вместе с тем указанная работа посвящена анализу только одного, весьма специфичного, вида интервью. Вопрос о применимости ее выводов и рассматриваемых в ней методических принципов к другим видам интервью должен решаться в каждом случае отдельно; некоторые выводы и методические принципы могут быть применены к широкому классу интервью, тогда как другие - только к рассматриваемому в указанной работе их виду.

Книга "Фокусированное интервью. Проблемы и методы" написана как методическое осмысление проведенного ее авторами конкретного социологического исследования. Специфика исследования была обусловлена временем его проведения (шла вторая мировая война) и спецификой заказа. Последняя заключалась в том, что Мертону и соавторам было предложено изучить социальные и психологические результаты пропагандистских усилий, направленных на подъем морального духа населения и, в частности, призывников в армию. Основным предметом исследований явилось изучение восприятия фильмов антифашистской направленности. Организовывался коллективный просмотр фильмов, причем кресло каждого зрителя было снабжено двумя кнопками, нажатие одной из которых означало "нравится", а другой - "не нравится" (не нажимая ни одну из них, зритель выражал свое нейтральное отношение). Затем по фрагментам фильма, как отмеченным, так и не отмеченным зрителями, проводились детальные интервью, как индивидуальные, так и групповые. Центральной исследовательской проблемой было изучение эмоциональных реакций, вызываемых отдельными кадрами или элементами фильма. Поскольку создатели фильма стремились к достижению определенного пропагандистского эффекта, включая разъяснение населению справедливости ведущейся Америкой войны, ее необходимости, реальности победы и т.п., то конечной задачей исследования являлось сопоставление "запланированных" авторами фильма реакций зрителей с фактически испытываемыми ими реакциями. К примеру, кадры, изображавшие массированные бомбардировки городов фашистскими самолетами, могли вызвать в сознании зрителей чувство необходимости остановить агрессора, но могли и привести к возникновению чувств пессимизма и упадка перед превосходящей (как могло показаться зрителям) мощью врага. Таким образом, главной целью исследования было выявление объективно испытываемых зрителями эмоций и выдача на этой основе рекомендаций авторам пропагандистских произведений. Следует подчеркнуть, что книга "Фокусированное интервью" представляет собой не отчет об исследовании и его результатах, а осмысление накопленного в ходе его реализации методического опыта, который в принципе мог быть получен в исследованиях на иную тему.

Интервью, проводившиеся членами исследовательской группы по

поводу кадров и эпизодов фильма, авторы книги назвали фокусированным. При этом они не дали строгого компактного определения этого термина, а прибегали вместо этого к перечислению его признаков, совокупность которых, по-видимому, считали эквивалентом определения. Процитируем авторов дословно.

"Фокусированное интервью в некоторых отношениях отличается от других типов исследовательского интервью, хотя, на первый взгляд, они могут оказаться похожими. В широком смысле эти отличительные особенности таковы. Во-первых, интервьюируемые лица должны быть участниками некоторой определенной ситуации: они просмотрели кинофильм, прослушали радиопрограмму, прочитали памфлет, статью или книгу, приняли участие в психологическом эксперименте либо в неконтролируемой, но наблюдаемой социальной ситуации (например, в политическом митинге, каком-либо ритуале или мятже). Во-вторых, гипотетически важные элементы, а также характер, процессы и общая структура этой ситуации предварительно проанализированы социологом. Посредством содержательного или ситуационного анализа социолог выдвигает ряд гипотез, касающихся важности определенных сторон ситуации для тех, кто в ней участвовал. В третьих, на основе этого анализа разрабатывается руководство для проведения интервью, в котором очерчиваются важнейшие области исследования и гипотезы, которые обеспечивают выполнение критериев релевантности для информации, которая должна быть получена в ходе интервью. Наконец, в-четвертых, интервью фокусируется на субъективных переживаниях лиц по поводу заранее проанализированной ситуации в попытке получить от респондентов их определение этой ситуации. Получаемые ответы помогают проверить гипотезы, а также, в той степени, в какой удастся обнаружить непредвиденные реакции, дают толчок к появлению новых гипотез, помогающих проведению более систематического и тщательного исследования" [63, с. 23]. Отметим, что важность последнего аспекта, а именно обнаружения непредвиденных реакций, подчеркивается авторами на протяжении всей книги.

Первые три из перечисленных выше признаков фокусированного интервью можно, по-видимому, сгруппировать в один, который заключается в том, что предметом исследования должна быть некоторая ситуация, которую одновременно и с одинаковой позиции могли наблюдать как респонденты, так и сам социолог. Второй признак заключается в том, что предметом изучения являются субъективные переживания лиц (зрителей или участников). Достаточно очевидно, что оба эти признака вполне автономны, т. е. в практике исследований они могут встречаться как вместе, так и по отдельности. Наличие ситуации, когда определенная группа респондентов и изучающий проблему социолог вместе переживают исследуемую ситуацию, является, безусловно, большой удачей. Было бы странно, если бы социолог не попытался проанализировать свои собственные впечатления (обычно это делается произвольно) и затем проверить, в какой мере реакции остальной части аудитории совпадают или расходятся с ними. Вместе с тем предметом исследования в этом случае вовсе не обязательно должны быть субъективные переживания. Ими могут быть, к примеру, такие проблемы, как восстановление хронологии событий, описание структуры лидерства стихийного или организованного социального действия и многое другое.

С другой стороны, социолог далеко не всегда имеет возможность быть соучастником исследуемой ситуации. Кинофильм можно воспроизвести заново, но события, происходящие в реальной жизни, невозпроизводимы. Социолог при их изучении вынужден бывает ограничиться ретроспекциями или, в терминологии Р.Мертона и

соавторов, "обычным глубинным интервью". Таким образом, в исследовательской практике часто могут возникать ситуации, когда предметом исследования являются субъективные переживания участников события, но сам социолог не входит в число участников.

Соединение двух разнородных и весьма специфичных признаков интервью в одном термине "фокусированное" представляется нам не вполне правомочным и чрезмерно сужает границы применимости данного понятия. Вместе с тем заимствованное из физики слово "фокус" несет в себе важный смысловой оттенок, отражающий концентрацию усилий интервьюера на изучении определенной проблемы. Ни одно из перечисленных в предыдущем разделе наименований интервью (глубинное, качественное и др.) не несет в себе этого смыслового оттенка. Как будет показано ниже, фокусировка интервью может осуществляться разными способами в зависимости от специфики объекта и предмета исследования, а также специфики исследовательских задач. Таким образом, данный термин может быть положен в основу построения содержательной типологии методических принципов ведения интервью, и было бы нецелесообразно отказываться от него только потому, что первоначально использовавшие его авторы чрезмерно сузили его логический объем.

Исходя из вышеизложенных аргументов термин "фокусированное интервью" будет использоваться в данной книге для обозначения интервью целенаправленного, сконцентрированного на определенной проблеме. Правомочность такого определения станет более явной, если учесть, что существуют и нефокусированные разновидности методик опроса, причем среди как формализованных, так и неформализованных их типов. К примеру, формализованный тип интервью, описанный в книге Э.Ноэль, следует охарактеризовать как нефокусированный, поскольку в нем сознательно чередуются вопросы, относящиеся к разным темам и не образующие ни логической последовательности, ни предметного единства. Анкеты российских социологов, предназначенные для самозаполнения респондентами, обычно являются в этом смысле более фокусированными, т. е. содержащими только одну тему и сохраняющими логическую последовательность вопросов, так как в условиях самозаполнения резкое чередование тем раздражающе действует на респондента и снижает качество ответов.

Неформализованное интервью также может быть нефокусированным. В частности, нефокусированные виды неформализованного интервью широко применяются в психологии. К ним относятся различные разновидности ассоциативных опросов и тестов, в ходе которых респонденту предлагают набор не связанных друг с другом вопросов (либо картинок или иных стимулов) и просят сообщать все ассоциации, которые приходят ему в голову, независимо от степени их логичности. В социологии нефокусированные виды свободных интервью применяются редко; их можно рассматривать как специальные и очень специфичные методические приемы. Практически все применяемые в социологических исследованиях нестандартизованные интервью являются фокусированными, однако принципы их

фокусировки могут существенно различаться. Учитывая, что наличие проблемного фокуса является главной характеристикой неструктурированного социологического интервью, термин "фокусированное интервью" был вынесен в заголовок данной книги. Следует указать, что фокусированное интервью не тождественно направленному, поскольку наличие проблемного фокуса - это отнюдь не то же самое, что степень "управления" ответами респондента со стороны интервьюера. Фокусированное интервью может быть как направленным, так и ненаправленным.

Предложенная нами трактовка термина "фокусированное интервью" в целом совпадает с его трактовкой зарубежными авторами, за исключением Р.Мертон и его соавторов. Следует при этом оговорить, что указанный термин сравнительно редко встречается в литературе. К примеру, в просмотренных нами социологических словарях он отсутствует [144; 146; 147; 155]. В учебниках и методических пособиях термин "фокусированное интервью" дается со ссылкой на цитированную выше книгу Мертона и соавторов, что обусловлено, по-видимому, очень высоким научным авторитетом указанных авторов. Вместе с тем в зарубежных учебниках по интервьюированию часто встречаются слова "фокус" и "фокусировка" интервью, значение которых практически совпадает с предложенным нами. В качестве примера приведем некоторые отрывки из учебника Гордена. Эти отрывки не имеют смысловой связи с содержанием данного параграфа, но являются иллюстрацией использования названных выше терминов.

"В ходе интервьюирования полезно представлять себе обсуждаемую область как: а) имеющую центральный фокус и б) периферийную область с более или менее определенными границами" [96, с.48].

"Фокусирование на проблеме. Для каждого исследования полезно предусматривать четыре взаимосвязанных уровня: первое - фокусирование проблемы, второе - принятие решения по поводу необходимой информации, релевантной данной проблеме, третье - формулирование конкретных вопросов, которые следует задать для получения релевантной информации и четвертое - принятие решений по поводу стратегии, тактики и методов, при помощи которых следует получать ответы на вопросы. Часто после предварительного исследования становится ясно, что проблема должна быть сфокусирована более узко на некоторых конкретных аспектах более общей проблемы.

Например, при изучении конфликта между поколениями некоторые исследовательские интервью показали, что большинство конфликтов, на которые указывали и взрослые и дети, происходили внутри семей. Поэтому исследователи решили сфокусироваться на конфликте родителей и детей. Дальнейшее проведение нестандартизованных интервью со студентами колледжей показали, что при отъезде подростков в колледж происходит резкое сокращение конфликтов. Это сузило фокус до школьников старших классов, живущих дома. Более глубокие нестандартизованные интервью показали, что очень трудно получить точную информацию о конфликтах, которые происходили более года назад. Более давние конфликты либо забывались, либо подростки были не в состоянии предоставить полной информации о них или стремились вообще не упоминать о них, говоря, что это были "детские штучки", которые нечего и обсуждать. Таким образом, вопрос сузился до изучения конфликтов, происходящих в течение года. В этом исследовании нестандартизованные интервью были использованы для фокусирования проблемы" [152, с.49].

Автор другого учебника по интервьюированию В.Донохью следующим образом разбирает некоторые ошибочные принципы фокусировки:

"Фокусировка на источнике информации - тенденция некоторых слушателей оценивать источник информации, а не саму информацию. Возможна также ситуация, когда интервьюер чрезмерно фокусирует свое внимание на респонденте, например, в том случае, если последний ему чем-то не нравится" [145, с.156].

"Фокусировка на фактах. Это может вызвать недоумение. Если целью интервью является получение максимального количества информации, то почему фокусировка на фактах может быть ошибкой? Здесь следует иметь в виду, что факты вторичны по отношению к мыслям и идеям. Если интервьюер старается добыть только факты, он рискует закопаться в деталях и не понять, как они между собой связаны" [145, с.157].

Термин "фокусировка" в значении концентрирования обсуждения на исследуемой проблеме применяется и к групповым видам интервью, именуемым также фокус-группами.

Завершая данный параграф, отметим, что исследование, проведенное Р.Мертонем и его коллегами, представляет великолепный образец адекватного методического отклика исследователей на поставленную задачу. Априорно понятно, что специфика объекта, предмета и проблемы исследования должны детерминировать основные черты исследовательской методики с тем, чтобы, во-первых, получаемая информация была адекватной (достоверной, валидной, релевантной) и, во-вторых, чтобы затраты исследовательских ресурсов были минимальны, поскольку использование неадекватных методик может быть отчасти компенсировано "экстенсивным" способом их применения, например, путем увеличения продолжительности исследования, которое позволяет исследователю самообучаться методом проб и ошибок.

Умение гибко модифицировать существующие методики под заданные объект, предмет и проблему - одно из важнейших качеств хорошего исследователя. Это качество, конечно, плохо алгоритмизуется, поэтому трудно дать рекомендации по его выработке. Все же представляется, что разработка разветвленных типологий исследовательских методов, "привязанных" к различным типам возникающих на практике исследовательских задач, может способствовать преодолению той недопустимой ситуации, когда значительная масса исследователей, получив тот или иной заказ, начинает решать его первым оказавшимся под рукой методом, чаще всего формализованной анкетой.

Глава третья

МЕТОДИКА И ТЕХНИКА ИНТЕРВЬЮИРОВАНИЯ

Интервьюирование, как и другие методы опроса, представляет собой своего рода технологию, включающую в себя следующие этапы:

- подготовка интервью, включая общую и конкретную подготовку
- начало
- основная часть
- завершение
- обработка результатов.

Методические принципы интервьюирования можно разделить на

базовые (универсальные) и специфичные. Последние представляют собой модификации этой методики применительно к различным типам исследовательских задач. В данной главе будет подробно описана базовая методика включая все ее этапы: от подготовки интервью до обработки его результатов. В следующих главах будут описаны некоторые модификации данного метода опроса.

3.1. Подготовка интервью (общая)

Подготовку интервью принято разделять на общую и конкретную. Под общей подготовкой понимается подготовка к интервьюированию вообще, а под конкретной подготовкой - подготовительная работа к проведению интервью в ходе конкретного социального исследования.

Общая подготовка к интервьюированию по существу равносильна подготовке квалифицированных интервьюеров. Профессиональные качества интервьюеров, специализирующихся на неструктурированных интервью, в ряде аспектов отличаются от профессиональных качеств интервьюеров, проводящих стандартизованные интервью. Главное отличие заключается в том, что при стандартизованных интервью интервьюеры не должны быть квалифицированными социологами. Образование и профессия интервьюеров в этом случае практически не имеют значения [74, с. 193-197]. Напротив, для проведения нестандартизованных интервью необходимы люди со специальной подготовкой.

3.1.1. Профессиональные качества интервьюеров

Качества хорошего интервьюера складываются из: 1) его индивидуальных способностей, 2) владения методикой, 3) общесоциологической подготовки и 4) подготовки в той предметной области, которая исследуется с применением фокусированных интервью. Названные группы качеств находятся друг с другом в определенной зависимости, взаимно дополняя и усиливая друг друга.

Индивидуальные способности - это набор качеств, врожденных или социально приобретенных, присущих человеку без профессионального обучения методике интервьюирования. Как и в большинстве других* профессий, способности к интервьюированию колеблются в человеческой популяции в очень широких пределах. По наблюдению автора, есть люди, практически неспособные стать хорошими интервьюерами. Обучение методике им помогает мало, так как они, невзирая на полученные теоретические знания, на практике продолжают реализовывать присущие им стили беседы, противоречащие методическим принципам ведения интервью. Наряду с этим есть люди, обладающие высокими способностями к интервьюированию, естественный стиль общения которых оказывается близким к наработанным поколениями социологов методическим принципам интервьюирования.

Существование различий в индивидуальных способностях к интервьюированию ставит задачу разработки тестовых методик профессионального отбора интервьюеров. Принципы разработки таких методик хорошо известны. На первом этапе их создания разрабатывается про-

фессиограмма, т. е. эмпирически верифицированный набор личностных качеств, необходимых для успешного овладения данной профессией. На втором этапе для количественного измерения этих качеств разрабатывается тест. Применительно к интервьюерам в нашей стране, насколько известно, разработкой таких тестов не занимался никто, однако за рубежом профессиональные тесты широко используются для выявления потенциально хороших интервьюеров. Отечественные тесты (для проведения как стандартизованных, так и нестандартизованных интервью) могут быть разработаны путем либо адаптации зарубежных, либо создания собственных методик. Имея некоторый опыт работы с известным тестом ММР1, адаптированным отечественными психологами, автор считает, что на базе названного широкопрофильного теста можно без труда создать профессиональный тест на хорошего интервьюера. В порядке выдвижения гипотез можно сказать, что хороший интервьюер должен занять достаточно высокие позиции по шкалам эмпатии и толерантности и низкие по шкале враждебности. Проверка этих гипотез, определение оптимального профиля и количественная стандартизация профессионального теста потребуют, конечно, специальной работы и финансирования.

В зарубежной литературе описаны различные типы интервьюеров. Хороший интервьюер характеризуется выражением "дать-и-взять", которое означает, что при проведении беседы он должен уметь не только получить от респондента требуемую информацию, но и дать ему взамен чувство морального удовлетворения. Известно, что хорошо проведенное интервью обладает своего рода терапевтическим воздействием на личность опрашиваемого: снимает тревогу, помогает принимать решения, повышает самооценку и т.д. (на этом основано широкое применение интервью в психотерапевтической практике).

Перечень типов плохих интервьюеров, судя по литературе, достаточно обширен. В него включаются: интервьюеры-"миссионеры", стремящиеся вместо получения информации довести до опрашиваемого какую-либо идею; "моралисты"; "ветреники" (несерьезные); властные; тревожные; сентиментальные; действующие по шаблону. Этот список, вероятно, может быть продолжен. Так, по наблюдению автора, есть люди, которые не могут стерпеть, если мнение респондента не совпадает с их собственным. Такие люди смогут вряд ли стать хорошими интервьюерами. Насколько можно судить, перечисленные стили неправильного ведения интервью в большинстве случаев предопределены личностными качествами опрашивающих, и в связи с этим с трудом поддаются корректировке.

Владение методикой, в отличие от индивидуальных способностей, приобретается путем обучения. Роль обучения в подготовке интервьюеров исключительно велика. Это показывают, в частности, результаты проводившегося в США специального эксперимента, суть которого сводилась к следующему. Группе людей, не обладающих специальной подготовкой в области интервьюирования, было предложено провести несколько нестандартизованных интервью на заранее заданные темы. Как и следовало ожидать, качество интервью, проведенных участниками эксперимента, существенно различалось в

соответствии с различиями их индивидуальными способностями. Затем участники эксперимента прошли интенсивный курс обучения методике, после чего им вновь было предложено провести интервью. Результат обучения был таков: качество интервьюирования существенно возросло у всех прошедших обучение, но в наибольшей степени оно повысилось у тех, кто еще до обучения проявил максимальные способности к этой работе. Сказанное означает, что подготовка квалифицированных интервьюеров должна включать в себя профессиональный отбор наиболее способных людей с последующим их обучением.

Подготовка интервьюеров, как и всякая профессиональная подготовка, должна строиться на сочетании теоретического и практического обучения. Для теоретического обучения необходимы учебники, методические пособия и лекционные курсы. К сожалению, данная книга - первое в нашей стране пособие по методике и технике интервьюирования. Тридцатилетний разрыв между появлением в стране первых учебных пособий по разработке стандартизированных вопросников и пособия, посвященного "гибким" методам опроса, есть прямое следствие эпохи застоя, в период которого возникновение в отечественной социологии новых подходов и направлений блокировалось научной и идеологической мафией. Для восполнения этого пробела, наряду с написанием отечественных учебников, требуется перевод и издание зарубежной методической литературы (библиография имеется в конце книги). О методиках практического обучения будет сказано ниже.

Общесоциологическая подготовка важна по меньшей мере в трех отношениях. Во-первых, каждый интервьюер должен хорошо усвоить сформулированный М.Вебером принцип анализа без оценочных суждений. Применительно к практике интервьюирования этот принцип означает оценочную нейтральность слушания. Во-вторых, общесоциологическая (в первую очередь теоретическая) подготовка делает возможным правильное понимание высказываний респондентов, особенно в тех случаях, когда опрашивающий и опрашиваемый принадлежат к различным субкультурам. В-третьих указанная подготовка развивает способность интервьюера к фиксации и развитию релевантных тем, что является одной из главных предпосылок успешного проведения интервью.

Подготовка к предметной области исследования означает, что при проведении интервью в сфере экономики от интервьюера требуется квалификация экономиста, в медицине (например, при сборе детализированных анамнезов) - медика, при отработке технологий - технолога¹, при изучении эмоциональных реакций - психолога и т.д. Особенно часто потребность в предметной квалификации интервьюеров возникает в прикладных и междисциплинарных исследованиях (к последним можно отнести такие области, как экономическая

¹Успех отработки технологий в очень большой степени зависит от успеха в налаживании социальной коммуникации между различными группами работников, в первую очередь между технологами и рабочими. Метод интервью - одно из эффективных средств налаживания такой коммуникации.

социология, социология медицины и др.). Предметная подготовка, как и общесоциологическая, повышает способность интервьюера к правильному пониманию опрашиваемых и к отбору релевантных тем.

Названные выше четыре группы качеств обладают свойством взаимно усиливать друг друга и в то же время являются отчасти взаимозаменяемыми. Наивысшей квалификацией обладают интервьюеры, обладающие всеми четырьмя качествами. В то же время в практической работе достаточно эффективно могут действовать люди, обладающие лишь некоторыми из них. В частности, замечено, что люди с высокой предметной квалификацией в пределах своей области компетенции могут успешно проводить интервью даже без знания методов опроса; общесоциологическая квалификация способствует быстрому усвоению методики свободного интервью. Наконец, профессиональный отбор людей, обладающих способностями к интервьюированию, и их обучение позволяют в относительно короткие сроки (ориентировочно пять-шесть месяцев) подготовить интервьюеров, которые могут удовлетворительно справляться со своими обязанностями. Учитывая, что люди, обладающие высокой социологической или предметной квалификацией относительно редки, формирование из них штата интервьюеров часто является нецелесообразным. В практической работе можно включать в состав исследовательских групп интервьюеров средней квалификации, прошедших курс обучения методике, оставляя за исследователями высшей квалификации общее и методологическое руководство исследованиями, а также проведение наиболее ответственных или сложных в методическом отношении интервью.

3.1.2. Практическое обучение интервьюированию

Процесс практического обучения интервьюированию - это по существу процесс фиксации и осознания ошибок. Хотя число видов ошибок, допускаемых интервьюерами, очень велико, основная их часть может быть сгруппирована по трем типам:

ошибки, нарушающие психологический контакт интервьюера и респондента, в результате которых респондент "замыкается в себе";

ошибки, влекущие за собой искажение сообщаемой респондентом информации, в результате которых респондент сообщает не то, что думает, что-то скрывает и т.п.;

ошибки, влекущие за собой представление нерелевантных (не имеющих отношения к цели интервью) сообщений. Такие сообщения могут быть правдивы, развернуты, значимы для респондента, но они не продвигают интервьюера к цели исследования.

Следует оговорить, что в некоторых случаях перечисленные выше действия интервьюеров бывают сознательными, т. е. введенными в действие с той или иной методической целью. Выше уже упоминался тип "жесткого" интервью, в котором интервьюер, желая получить необходимую информацию, сознательно идет на риск ухудшения психологического климата интервью и возможного его обрыва из-за отказа респондента продолжить беседу. В некоторых случаях бывает целесообразно допустить развитие нерелевантных тем, чтобы респондент

"разговорился". Ошибками, следовательно, следует считать только такие действия, которые, удовлетворяя одному из названных выше критериев, являются незапланированными и не имеют ясно осознаваемой интервьюером методической цели.

Практическое обучение навыкам ведения интервью может быть индивидуальным или групповым. Оба метода могут сочетаться, однако их описание будет дано раздельно.

При индивидуальном обучении источником сведений об ошибках могут быть либо опытный интервьюер, либо респондент. Пробные интервью, проводимые начинающим интервьюером, желательно записывать на магнитофон, после чего они могут стать предметом прослушивания и критического разбора с участием начинающего интервьюера - преподавателя и, возможно, респондента. Опытный интервьюер, как правило, замечает большую часть ошибок, допущенных его начинающим коллегой и, что особенно важно, может дать квалифицированное разъяснение, в чем именно состояла ошибка. Вместе с тем даже опытный интервьюер порой может лишь догадываться о подлинных чувствах и мыслях респондента. Из этого следует, что важным источником сведений об ошибках может являться сам респондент. Трудность здесь заключается в том, что респондент, не обладающий социологической квалификацией, не в состоянии четко осознавать и квалифицированно характеризовать ошибки интервьюера. Один из возможных путей преодоления этой трудности заключается в том, что роль респондента может играть специалист-социолог. Второй путь заключается в совместном прослушивании записи интервью, в котором участвуют все три участника процесса обучения. В ходе прослушивания квалифицированный интервьюер наряду со своими комментариями задает респонденту вопросы, касающиеся его реакций на действия обучающегося интервьюера.

Наряду с пробными интервью целесообразно использование фонетического тренажера, в котором фонограммы интервью, проведенные неопытными исследователями, сопровождались бы параллельным текстом с разбором допущенных ими методических ошибок. Разработка такого тренажера является давно назревшей необходимостью, однако, как известно, в нашей стране на полезное дело трудно найти заказчиков.

По мере того, как обучающийся становится все более чувствителен в слушании, он бывает удивлен, как много он слышит того, чего раньше "не слышал".

Наряду с индивидуальными существуют, как уже было сказано, групповые методы обучения. Некоторые авторы [157] считают их более эффективными, чем индивидуальные. При групповом методе обучение осуществляется в группах численностью 15-20 человек, состоящих из обучающихся и руководителя, который должен быть высококвалифицированным специалистом. Желательно, чтобы в составе обучающихся были как полные новички, так и лица, уже имеющие определенный опыт интервьюирования, но желающие повысить свою квалификацию. После краткого курса лекций обучение навыкам интервьюирования производится путем проведения пробных интервью

между членами группы, критических разборов и дискуссий, наблюдений и практики. Каждому обучающемуся дается возможность практически проводить интервью, рассказывать о своих успехах и неудачах, описывать успехи и неудачи других в такой обстановке, которая обеспечивала бы им чувство психологической безопасности. Обучающийся должен знать, что даже самые неудачные его попытки не будут выглядеть смешными и что его самые грубые ошибки вызовут желание помочь, а не обвинения. Он должен быть уверен, что его понимают и принимают коллеги, как новички, так и корифеи, которые хотят научиться чему-то на основе его опыта и помочь ему приобрести профессиональные навыки.

К числу методов группового обучения относится метод разыгрывания по ролям. При использовании этого метода один из членов группы играет роль респондента, идентифицируя себя с каким-либо конкретным человеком, которого он знает, и отвечает интервьюеру в рамках этой роли. Другой член группы играет роль интервьюера. Остальные наблюдают. Когда разыгранное интервью заканчивается, организуется общая дискуссия и обсуждаются методы, которые использовал интервьюер, его ошибки и методические находки, а также проблемы, вызванные поведением респондента.

Тот, кто исполняет роль интервьюера в учебной группе, более свободен в своем подходе к ситуации. Он в большей степени может наблюдать себя со стороны, чем это было бы в ситуации реального интервью. Но обучающийся много получает и из своего исполнения роли респондента. Как респондент, он воспринимает ошибки интервьюера, который не смог получить информацию там, где это было потенциально возможно, и понимает, в каком месте использование интервьюером тех или иных вопросов поставило его в затруднительное положение или вызвало раздражение. Анализируя свои реакции на то, как их интервьюируют, и непосредственно испытывая влияние различных стилей интервьюирования, обучающиеся повышают чувствительность к реакциям респондентов. Тем временем стажеры-наблюдатели, смотрящие этот "спектакль", могут планировать, как они сами будут избегать ошибок в собственных интервью.

Опишем более детально механизм разыгрывания по ролям в соответствии с рекомендацией Кана и Кеннела [101]. Человек, играющий роль интервьюера, подготавливает свою роль, продумывая цели и результаты, которые он надеется получить во время интервью. Человек, выбранный на роль респондента, получает общий обзор типа ситуации, которая будет разыграна. Затем он покидает группу и обдумывает свою роль в деталях в то время как интервьюер продумывает свою роль. Для того, чтобы придать реализм разыгрываемому интервью, ситуация и роли должны находиться в сфере социального опыта его участников. Роль, которая дается респонденту, должна быть также такой, чтобы он легко мог себя с ней идентифицировать. Остальные члены группы наблюдают: они получают инструкции сконцентрироваться на процессе, отмечать примеры хороших и плохих методов и т.д. Иногда бывает полезно, чтобы некоторые из

наблюдателей особое внимание уделяли респонденту, а другие интервьюеру. Сама сцена должна быть достаточно короткой - 10-15 минут. Это обеспечивает достаточный материал для обсуждения, не перегружая группу. Затем наблюдатели сообщают о своих находках. Респондент сообщает, как он себя чувствовал, где он реагировал негативно, в каких случаях информация, которую он готов был предоставить, не была получена, и почему. Интервьюер объясняет, почему он сделал то или иное действие, когда он чувствовал себя хорошо в своей роли, а в каких моментах он нуждался в помощи.

Функция инструктора в группе достаточно важна. Как более опытный интервьюер, он отмечает те моменты, которые могла пропустить группа, связывает опыт, полученный в ходе разыгрывания по ролям, с общими принципами интервьюирования и воодушевляет участников на исполнение ролей.

Дискуссия должна концентрироваться вокруг следующих вопросов: что думают респондент, интервьюер и наблюдатели об участии каждого, исполняющего роль; почему респондент и интервьюер делали то, что они делали; какие вопросы должен был задать интервьюер, как реагировал на них респондент, каковы были свидетельства, говорящие об искажениях, как они могли бы быть предотвращены.

3.2. Подготовка интервью (конкретная)

Конкретная подготовка интервью включает в себя принятие решений по ряду ключевых вопросов исследования. К числу таких вопросов относятся: выбор респондентов, составление вопросника, определение времени и места интервью, определение способа записи.

3.2.1. Выбор респондентов

Число респондентов в исследовании обычно определяется его целями, а также финансовыми возможностями исследователя. По состоянию на начало 1993 г. стоимость одного интервью, включая его обработку, колеблется в диапазоне от 2 до 5 тысяч рублей "чистыми" (без учета накладных расходов, таких, как командировочные, расходы на АУП, налоги, аренда помещения и др.)². Наличие финансовых ограничений часто заставляет исследователя сокращать до минимума число интервью, в связи с чем должна возрастать точность их "прицела".

В исследованиях, проводящихся методом неструктурированного интервью, обеспечение репрезентативности выборки в общепринятом смысле этого слова является невозможно, поскольку опросить этим методом 2000 человек, как правило, нельзя не только из-за финансовых ограничений, но и потому, что результаты такого опроса будут представлять собой около 50 тыс. стр. машинописного текста. Одно чтение такого массива может занять у исследователя более года (из

²Имеется в виду интервью продолжительностью от 1 до 1,5 часов, проведенное квалифицированным интервьюером с использованием диктофона, полный текст которого напечатан на пишущей машинке.

расчета 100 страниц в день). Обеспечение репрезентативности невозможно также и теоретически, поскольку теория выборки применима к исследованиям, в которых индивид является учетной статистической единицей, характеризующейся стандартным набором признаков. Очевидно, что данному условию соответствуют исследования, проводимые методом анкетного опроса или стандартизированного интервью, но не методом свободного интервью. При проведении свободных интервью отсутствует заранее заданное типологическое пространство, которое делает возможным количественное сопоставление характеристик опрашиваемых индивидов по образующим это пространство аналитическим осям. Создание системы типологических осей является целью, а не исходным пунктом исследований, основанных на использовании качественных методов.

Неприменимость статистических методов формирования выборки требует принятия иной стратегии поиска респондентов. Начнем с количественной стороны данного вопроса. При проведении исследования методом свободного интервью вряд ли целесообразно увеличивать выборку свыше 100 человек, поскольку в этом случае при средней продолжительности интервью один час объем текстовой расшифровки результатов опроса составит около 2500 машинописных страниц. Думается, что такой объем материала образует естественный верхний предел числа охватываемых исследованием респондентов. Относительно минимальной величины выборки следует указать, что в некоторых случаях опрос одного-единственного знающего эксперта может дать настолько исчерпывающую информацию, что последующие интервью с другими респондентами дают лишь минимальные приращения знаний. Продолжительность интервью с такими экспертами может составлять десятки часов, а объем текстовой расшифровки - до нескольких сотен страниц³. Таким образом, величина выборки при проведении свободных интервью может колебаться в диапазоне от одного до ориентировочно ста человек.

В том случае, если совокупность обследуемых индивидов рассматривается как однородная и не образует социальной структуры, наиболее целесообразная численность респондентов составляет около 20 человек. Эта цифра определена из практического опыта различных исследователей, включая и автора данной книги⁴. Названная численность респондентов оказывается вполне достаточной для того, чтобы на основе их ответов сформировать развитую (хотя и неточную с количественной точки зрения) типологическую картину, которая в зависимости от целей исследования может стать либо его конечным результатом, либо отправным пунктом для дальнейшей работы. В качестве примеров исследований, в которых изучаемая совокупность рассматривалась как однородная, можно привести проведенный автором данной книги опрос руководителей угольных шахт с целью

³Примером такого интервью является рассказ В.Игрунова о его работе заводским снабженцем [83, вып.1].

⁴Французский социолог Ален де Вульпон, имеющий тридцатилетний опыт работы с методикой неструктурированного интервью, сообщил в 1989 году на семинаре в ЦЭМИ АН СССР, что при проведении обследований он первоначально опрашивал по 50 человек, но затем убедился, что 20 человек вполне достаточно.

выявления существующих на шахтах производственных проблем [83, вып.2] или осуществленный по коммерческому заказу под руководством И.Минтусова опрос женщин-жительниц Москвы об использовании ими парфюмерных средств и средств личной гигиены.

При обследовании неструктурированной (т.е. не образующей социальной структуры) совокупности индивидов методом неструктурированного интервью могут использоваться различные принципы отбора респондентов, в основном аналогичные методам формирования выборки при проведении анкетных опросов.

1. Простой случайный отбор. Этот метод применяется в тех случаях, когда в опросе необходимо зафиксировать естественный разброс мнений или представлений, отражающий их разброс в генеральной совокупности. При этом ставится задача определения не частоты встречаемости различных систем представлений (хотя в грубом приближении удельные веса видны даже при выборке в 20 человек), а типологическое описание самих этих систем и их внутренней логики. Метод простого случайного отбора применяется также в тех случаях, когда предварительные знания об объекте исследования настолько малы, что нет возможности применить более целенаправленные методы.

2. Метод формирования равных по численности квот (внутри квот сохраняется принцип случайного отбора). Применение этого метода целесообразно в тех случаях, когда известны параметры, которые с высокой степенью вероятности детерминируют значимые для исследования характеристики. Если обратиться к приведенным выше примерам, то применительно к первому из них таким параметром был выбран процент выполнения плана угольными шахтами⁵, а применительно ко второму - возраст и образование опрашиваемых женщин.

3. Метод "снежного кома". Как известно, данный метод применяется в тех случаях, когда необходимо составить выборку для рассредоточенного меньшинства, не обладающего формально фиксируемыми признаками, либо не значащегося ни в каких списках или картотеках. По сути метод представляет собой модификацию социометрического опроса: у респондентов спрашивают, не знают ли они людей, подходящих по тем или иным признакам для включения в выборку. Этот метод эффективен, в частности, при проведении экспертных опросов, когда список экспертов пополняется, исходя из рекомендаций самих опрашиваемых. Он с успехом применялся в области социологии науки для поиска наиболее эффективно работающих ученых [42], в производственной социологии для поиска наиболее компетентных работников, являющихся, как правило, ценными информаторами, и т.д. Возможные формулировки вопросов в этих случаях таковы: "С кем еще Вы посоветуете поговорить?"; "С кем можно поговорить на такую-то тему?"; "Кто является наиболее компетентным специалистом в такой-то области?"

4. Двухступенчатая выборка. Суть этого метода заключается в том, что из первоначально сформированной обширной выборки респон-

⁵Обследование подтвердило, что степень напряженности производственной обстановки на шахте в очень большой степени детерминирует характер ответов респондентов.

пондентов по определенным критериям (которые могут быть выявлены, например, с помощью опроса по формализованной анкете) отбирается подвыборка, которая и является основным объектом исследования. Интересный пример использования двухступенчатой выборки в обследовании, проводившемся методом неструктурированного интервью, содержится в статье Э.Чамоковой и В.Чесноковой. Целью исследования было выявление критериев восприятия и оценки произведений искусства. Основанием для формирования двухступенчатой выборки послужила следующая система гипотез: а) существует несколько типов восприятия произведений искусства; б) число этих типов ограничено, т. е. способы восприятия многих различных людей могут быть сведены к относительно небольшому числу типов; в) среди людей, относящихся к тому или иному типу восприятия, есть те, кто лучше других рефлектирует свои чувства и лучше владеет навыками устной речи. Эти люди были названы "лидерами формулировок", поскольку они высказывают точки зрения, которые разделяются многими, но делают это в наиболее точной и понятной форме. Операционально лидеры формулировок были выявлены на основе того, что "они говорят продуманно, свободно, совершенно не требуя подсказок со стороны интервьюера и даже сопротивляясь им" [122, с.73]. Анализ высказываний лидеров формулировок позволил сконструировать типологию, которая послужила инструментом для анализа интервью, содержащих менее развернутые и менее ясные формулировки.

В тех случаях, когда исследуемый объект представляет собой не бесструктурную массу, а структурированное социальное целое с присущим ему набором взаимодействующих ролевых и статусных позиций⁶, принципы формирования выборки дополнительно усложняются. Как правило, в этом случае увеличивается и объем выборки, зачастую доходя до указанного выше ориентировочного верхнего предела в 100 человек.

Хотя данная книга посвящена описанию методики фокусированного интервью, следует оговорить, что при исследовании сложных социальных объектов не следует стремиться получить всю необходимую информацию именно этим методом. По аналогии с положениями экономической теории можно сказать, что научным методам также присущ принцип "убывающей предельной полезности": при значительном увеличении выборки и связанных с этим финансовых затрат полезная отдача метода начинает снижаться. По мере того, как картина исследуемого объекта начинает наполняться конкретным содержанием, исследователь может подключать к своей работе количественные методы⁷.

Описание принципов отбора при исследовании структурированных социальных объектов целесообразно начать с описания типов

⁶Пример объекта первого типа - аудитория средств массовой информации, второго типа - производственное предприятие или организация. Субкультуры, в которых имеется разделение статусов и ролей, относятся к объектам второго типа.

⁷В западных учебниках принцип сочетания в исследовании различных методов носит название триангуляции. Суть этого принципа заключается в рекомендации: не старайтесь получить всю необходимую информацию каким-то одним методом.

респондентов. Эти типы отражают не личностные различия между ними, а характеризуют те виды информации, которые они могут предоставить. С точки зрения организации исследования Горден выделяет три типа респондентов: ключевые информаторы, специальные респонденты и типичные представители [152, с.169-170].

Ключевые информаторы. Это тип респондента, который предоставляет информацию, касающуюся стратегических проблем исследования. Он не обязательно должен быть членом исследуемой организации, но должен быть хорошо информирован о ее делах. Ключевые информаторы представляют, в частности, общие сведения о структурных аспектах группы, организации или сообщества, помогают в достижении сотрудничества, выявлении и "доставании" респондентов и т.д. Такие люди совершенно необходимы во враждебных и закрытых сообществах. Функция ключевых информаторов - помочь исследователю в достижении общей ориентации на начальных этапах его работы.

Специальные респонденты - это люди, которые предоставляют информацию, непосредственно касающуюся проблемы исследования. Они бывают выбраны потому, что занимают единственные в своем роде ролевые позиции в сообществе, группе или организации. В качестве примера таких респондентов могут быть названы руководители функциональных служб предприятия (планового отдела, отдела труда и зарплаты и т.д.). Поскольку названные должности имеются на предприятии в единственном числе, у исследователя нет возможности составить выборку, и он при любых обстоятельствах должен довольствоваться результатами единичного опроса. Беседы со специальными респондентами дают возможность взглянуть на проблемы организации со специфичных углов зрения, обусловленных их ролевыми позициями. Они могут также дать информацию о своих мыслях и действиях, обусловленных их положением, о своих наблюдениях, о мыслях и действиях других людей с их точки зрения и т.д.

Типичные представители - это представители социальных групп или демографических популяций. Типичного представителя зачисляют в выборку потому, что он - "как другие", т. е. не имеет выраженных отличий от других представителей данной социальной группы. В отличие от предыдущих типов респондентов, занимающих уникальные ролевые позиции, типичные представители выбираются из однородной неструктурированной совокупности. Применительно к производственным организациям такие совокупности образуют представители массовых профессий (рабочие различных специальностей, мастера, технологи и т.д.). Данный тип респондентов опрашивается не в единственном числе. Из них формируют определенную выборку, которая представляла бы диапазон различий во мнениях и представлениях определенной категории людей. В целях обеспечения сопоставимости ответов всем членам выборки должны задаваться одни и те же вопросы. При опросе методом фокусированного интервью объем выборки, как и для других

неструктурированных совокупностей, должен составлять около 20 человек.

Типы респондентов могут выделяться также на основе их ролевых позиций и личностных черт. Описываемые ниже типы не образуют целостной типологии, но помогают исследователю лучше ориентироваться при выборе респондентов [152, с.175].

Высокое или низкое положение в иерархии детерминирует сферу компетенции респондентов и систему их представлений. Респонденты, занимающие высокий пост, могут гораздо лучше, чем люди с более низким служебным положением, предоставить сведения об организации в целом или о ее отношениях с другими организациями. Люди, занимающие более низкое положение, обычно плохо осведомлены об этом, но они имеют преимущество в освещении частных вопросов, касающихся их непосредственной деятельности. Существует ряд аспектов, в которых свидетельства людей, занимающих низкое положение, заслуживают большего доверия, чем мнения их начальников. В частности, если целью исследования является оценка субъективных умонастроений рядового состава, целесообразно опросить хотя бы немногих его представителей, чем пытаться получить всеохватывающую оценку на основе опроса представителей высшего звена управления. Этот факт был зафиксирован во многих различных обследованиях. В частности, в США было проведено исследование, которое показало, что рядовой состав служащих на подводных лодках был гораздо точнее в оценке морального климата, чем офицеры [145, с.183]. Сходные различия неоднократно выявлялись и в отечественных исследованиях.

Существует ряд причин недостаточной информированности людей, занимающих высокое положение. К их числу могут относиться стремление руководителей не замечать свидетельств неудовлетворительного положения дел, эффект сокрытия информации со стороны рядовых работников и т.д.

Противостоящие или конфликтующие ролевые позиции. Во всех сложных организациях либо системах организаций существуют лица или группы лиц, мнения которых о проблемах организации сильно различаются и порой бывают прямо противоположны друг другу. Иногда подобные различия детерминируются индивидуальными различиями в психологии респондентов, но в данном случае речь идет о несовпадении мнений, детерминированных ролевыми позициями в организации. Такие несовпадения или конфликты могут порождаться либо различными положениями в вертикальной иерархии либо различиями функциональных ролей по горизонтали. В частности, опыт проведения интервью в производственных организациях показывает, что опрашиваемые работники обычно достоверно (и даже с некоторым преувеличением) описывают возникающие в их работе трудности, порождаемые недостатками в работе смежных подразделений. Наряду с этим респонденты имеют тенденцию скрывать или преуменьшать недостатки в их собственной работе. В отношении по вертикали в исследованиях конца 70-х годов этот эффект ярко проявлялся в том, что работники вышестоящих звеньев планово-управленческой

системы обычно были склонны описывать недостаточную энергичность и низкое качество работы нижестоящих звеньев, тогда как нижестоящие упрекали вышестоящих в неадекватности, неоперативности и иных недостатках принимаемых ими решений. Аналогично по горизонтали работники функциональных служб и линейные руководители, как правило, находили в работе друг друга серьезные недостатки, порождающие проблемы в их собственных подразделениях. Наличие подобных противоречий ни в коем случае не должно обескураживать исследователя. Напротив, существование такого рода различий позволяет исследователю корректировать информацию, сообщаемую каждым респондентом в отдельности, и на этой основе создавать объективное (сводное) описание изучаемой проблемы.

Активный и пассивный типы респондентов. Тот, кто более активен в делах сообщества, обычно и более сведущ. По этой причине активисты являются хорошими информаторами, особенно на первых этапах исследования. Активисты обычно являются людьми контактными, разговорчивыми, легко воодушевляются беседой. Их преимуществом является также то, что практически не требуется проводить специальную работу по их выявлению. Но следует иметь в виду, что среди людей, внешне пассивных, могут находиться очень проницательные наблюдатели, которые редко участвуют в событиях либо потому, что они посторонние, либо в силу их слабой физической энергетике (астенический тип, пожилые люди и т.п.), либо потому, что не разделяют взглядов активистов. Учитывая, что опрос только активистов может породить определенный сдвиг в получаемой информации, поиск хороших информаторов из числа пассивных членов сообщества является важной задачей исследователя.

Незаурядные люди как особый тип респондентов. Незаурядными людьми в данном случае называются те, кто выделяется из общей массы своим умом и способностями, а также профессиональными достижениями. Незаурядные качества людей могут проявляться в различных сферах, но в данном случае речь идет о ситуациях, когда эти качества по своей направленности совпадают с предметом исследования. В качестве респондентов незаурядные люди обладают следующими важными для исследователя чертами. Во-первых, они обладают значительными рефлексивными способностями и, опираясь на свой практический опыт, могут строить достаточно сложные и развитые концепции, зачастую практически готовые для включения в систему научного знания. Во-вторых, незаурядные качества таких людей часто проявляются в своего рода бесстрашии, т. е. в способности в резкой форме говорить правду и ничего не скрывать. В-третьих, высокая компетентность и готовность вести беседу о своей профессии часто положительно коррелируют между собой. Иными словами, незаурядные люди охотно говорят о сфере приложения своих способностей, не считаясь со временем, что сильно облегчает задачу интервьюера.

Поиск незаурядных людей в практическом исследовании достаточ-

но прост: если они есть, то обычно их хорошо знают в профессиональной среде, сообществе или организации. Опрос незаурядных людей - это практически беспроигрышный ход для исследователя, потому что таким способом он с минимальными затратами может получить обширный и чрезвычайно ценный материал. Вместе с тем следует иметь в виду, что незаурядные люди со свойственным им оригинальным мышлением могут отличаться по своим представлениям от "обычных" коллег, что создает опасность сдвига в получаемой информации.

Члены группы и посторонние. При обследовании группы, сообщества или организации вовсе не обязательно ограничивать опрос только членами этой организации. Ориентация на опрос только членов организации (сообщества, группы) зачастую предопределяет узость и своего рода "ведомственность" исследовательского подхода. Опрос посторонних часто бывает полезен для получения взгляда со стороны. Разумеется, речь идет о "посторонних", в достаточной мере осведомленных либо об организации в целом, либо об отдельных аспектах ее деятельности. Посторонний может быть как беспристрастен, так и враждебен. Мнения последнего могут нуждаться в проверке или коррекции, однако это отнюдь не исключает наличия в его высказываниях ценной информации или наблюдений. Посторонний может быть членом иной организации либо субкультуры. В этом случае он может иметь взгляд на предмет, который никогда не придет в голову "своим"⁸. Член организации ("свой") может быть лучше знаком с деталями, но его взгляд может быть узок или специфичен.

В качестве примера можно указать, что в последнее время (1990-1991 гг.) проводилось много социологических опросов народных депутатов различных уровней. Общей ошибкой этих исследований является, по нашему мнению, то, что в них изучались представления только самих депутатов, и не делалось попыток изучить мнения о них "посторонних", в первую очередь работников исполнительной власти, лиц, обращавшихся к депутатам для решения личных либо общественных проблем, а также экспертов, не являющихся депутатами, но приглашавшихся в депутатские комиссии для обсуждения тех или иных проблем.

Кто доступен. Лица, опрос которых важен для исследования, могут быть труднодоступны либо располагать малым количеством времени. В этом случае целесообразно максимально большое количество информации получить окольным путем, в частности, опрашивая менее качественных, но зато более доступных респондентов. Хотя доступные респонденты могут не располагать всей необходимой для исследования информацией или квалификацией, они могут обладать ими хотя бы частично, благодаря чему исследователь может либо обойтись без встречи с труднодоступным респондентом, либо лучше сфокусировать беседу с ним, сократив тем самым ее продолжительность.

⁸В.Н.Писарева, занимавшаяся исследованием субкультуры "люберов" в 1987-1988 годах, провела, в частности, интервью с хиппи, живущим в Люберцах, который оказался весьма ценным респондентом [16].

В исследованиях, проводящихся методом неструктурированных интервью, уместно и зачастую очень эффективно использовать в качестве доступных информаторов личных знакомых, родственников и т.д.

Кто хочет предоставить информацию. Даже если такие люди значительно относительно низкое положение или кажутся недостаточно осведомленными, добровольная готовность к сотрудничеству является настолько ценным качеством, что исследователю не следует им пренебрегать. Люди, добровольно желающие дать информацию, нередко встречаются даже во враждебных или закрытых сообществах. В качестве примера можно указать на случай, описанный в мемуарах Б.Н.Ельцина, когда к нему, тогда первому секретарю МГК КПСС, пришла на прием работница торговли, чтобы (на протяжении нескольких часов) рассказать ему о существующей в этой сфере системе взяток, поборов, воровства и иных преступных махинаций. Следует, однако, оговорить, что лица, готовые представить информацию, не всегда приходят к исследователю сами. Их отношения к обследованию может быть амбивалентным: стремление поделиться своими знаниями может блокироваться страхом перед возможными последствиями такого шага. В ходе полевой работы исследователь должен предпринимать активные действия для поиска добровольных информаторов и одновременно для обеспечения их безопасности.

Обследование сложных социальных объектов целесообразно проводить в два этапа, первый из которых может быть назван ознакомительным, а второй - систематическим. *Ознакомительный этап* имеет своей целью получение общих сведений об объектах, их структуре, функциональных проблемах. Для получения таких сведений целесообразно провести ряд интервью с ключевыми информаторами, которыми могут быть люди, наиболее легко доступные, охотно идущие на сотрудничество, легко и свободно говорящие. Целесообразно также провести интервью с лидерами и активистами организации, которые находятся на виду и не требуют применения специальных процедур поиска респондентов. Чрезвычайно большую пользу приносят на данном этапе интервью с незаурядными людьми, если таковых удастся обнаружить.

На ознакомительном этапе исследователи обычно имеют лишь примерный план поиска респондентов и не начинают со строгого предварительного отбора. Часто ценные респонденты выявляются лишь в ходе исследования, тогда как некоторые, предварительно выбранные, могут оказаться мало интересными или вовсе неподходящими.

После получения информации о структуре объекта следует переходить к *систематическому этапу* обследования. Этот этап начинается с составления списка всех основных ролевых позиций, образующих структуру объекта. Во многих обследованиях в список ролевых позиций следует включать и элементы структуры сторонних организаций, с которыми исследуемая организация находится в регулярном контакте. Всего значимых для обследования ролевых позиций может набраться от нескольких единиц до приблизительно двух десятков. В ходе обследования этот список может пополняться либо уточняться.

Ролевые позиции, выбранные в качестве значимых для исследования, могут быть единичными (т. е. представленными единственным человеком) или массовыми. Применительно к единичным вопросам о выборе респондентов или формировании выборки не стоит. Массовые ролевые позиции являются, по существу, однородными социальными совокупностями. Принципы формирования выборки при обследовании таких совокупностей были описаны выше. Всего в пределах каждой массовой ролевой позиции следует, в зависимости от возможностей исследователя, опросить от 5 до 20 человек. Цель такого опроса - выявление естественного разброса мнений, существующего в пределах любой однородной совокупности, формирование типологии этих мнений и соответствующей им типологии личности. При этом важно стремиться к тому, чтобы формируемая типология была полной, т.е. охватила все основные типы личностей, характерные для данной совокупности.

Разделение обследуемого объекта сначала по ролевым позициям, а затем по типам личностей внутри ролевых позиций позволяет разделить ролевые детерминанты и детерминанты, связанные с личностными чертами. Пример действия ролевых детерминант был описан выше при рассмотрении типов респондентов, занимающих высокое и низкое положение. Пример различий, детерминированных личностными чертами в пределах одной и той же ролевой позиции, может быть проиллюстрирован типами офицеров, выявленными С.Белановским и С.Марзеевой в исследовании армейской дедовщины (1987-1988 гг.). Первые же несколько интервью выявили наличие среди офицеров по меньшей мере трех типов личностей.

1. В буквальном смысле хорошие офицеры, любящие свое дело и верящие в его нужность для страны. Такие офицеры являются хорошими профессионалами и в случае военных действий они, без сомнения, покажут себя с лучшей стороны. Поначалу тема обследования вызывала интерес у таких офицеров, и они охотно шли на сотрудничество, однако после предъявления им подборки интервью с солдатами, содержащими описание дедовщины и других существующих в армии негативных явлений, в подавляющем большинстве отказывались от дальнейшего сотрудничества, мотивируя это тем, что публикация результатов такого исследования нанесет ущерб армии [подробнее об этом см: 26, с.147].

2. "Посредственные" офицеры, равнодушные к делам службы и рассматривающие ее как источник дохода. Для таких офицеров, по свидетельству солдат, характерно не слишком ревностное отношение к своим обязанностям, зачастую скрытое пьянство, использование своего положения для получения "левых" доходов. Интервью, даваемые такими офицерами, можно охарактеризовать как откровенную демагогию, состоящую из военно-патриотических и газетных штампов. Они категорически отрицали наличие дедовщины в подчиненных им подразделениях и вообще заявляли, что эта проблема надумана и излишне "раздута" прессой. Никакими усилиями реальной информации из таких офицеров получить не удалось.

3. **Офицеры-критики армии.** Такие офицеры резко и многословно критиковали армейские порядки и охотно давали интервью. В подавляющем большинстве они заявляли о своем желании уйти из армии, но по сложившейся практике их почему-то не отпускали. Их готовность к сотрудничеству с интервьюерами объяснялась, по-видимому, смутной надеждой на то, что исследователи каким-то образом смогут воздействовать на армейское начальство и помочь им демобилизоваться.

Сформулированный выше принцип охвата исследованием всех значимых ролевых позиций, а внутри них - типов личности, можно охарактеризовать как принцип системности исследования. Нарушение этого принципа, т. е. проведение опроса в пределах какой-то одной ролевой позиции приносит в исследование определенную систематическую ошибку, порождаемую спецификой угла зрения представителей этой позиции и связанными с этой позицией мотивациями. Одна из наиболее серьезных методических ошибок, которую часто допускают исследователи, заключается в том, что анализ проблемы они строят на основе опроса лиц, занимающих какую-то одну ролевую позицию, а порой и одного типа личности в пределах ролевой позиции. В том случае они невольно становятся "глашатаями" интересов соответствующей социальной группы. Подобную ошибку часто бывает легко совершить по той причине, что представители каждой ролевой позиции говорят о своих проблемах убежденно и искренне, поэтому их мнения, а также претензии к смежникам (как по вертикали, так и по горизонтали) выглядят очень убедительными. Важно отметить, что указанные мнения далеко не всегда бывают намеренной ложью. Гораздо чаще речь должна идти о специфике мотивации и некомплексности подхода, связанной с той или иной ролевой позицией.

Описываемый тип методической ошибки можно проиллюстрировать следующим примером. В 70-е и 80-е годы среди советских экономистов и социологов бытовало мнение, что для проведения экономической реформы следует дать "свободу" государственным предприятиям и избавить их от "диктата" ведомств. Данная точка зрения сформировалась в научном сообществе в значительной мере под воздействием бесед с директорами предприятий, которые настаивали на необходимости предоставления им хозяйственной свободы, не учитывая при этом, что, если предоставить такую свободу одновременно всем предприятиям, то существующая в стране система материально-технического снабжения будет парализована. Необходимо отметить, что эту проблему отлично понимали работники министерств и Госплана СССР [см.83, вып.3], однако научное сообщество сумело убедить власть и общество, что к их мнениям не следует прислушиваться. Не входя в обсуждение проблем экономической реформы, отметим, что систематический опрос работников системы планового управления на всех уровнях от Госплана до производственного участка дал бы возможность сформировать гораздо более сложное и более адекватное описание механизмов функционирования брежневской экономики,

что позволило бы избежать крупных ошибок и возникшего вслед за ними хозяйственного кризиса⁹.

Искажения информации, связанные с ролевой позицией респондентов, могут быть, как уже отмечалось, неосознанными и сознательными. Последние, как правило, вызываются опасениями навлечь на себя санкции или осуждение. Заверения социолога об анонимном характере опроса и о том, что он не намерен давать оценку действиям опрашиваемого, далеко не всегда способствуют снятию барьера недоверия. Очевидно, что искажения, связанные с сознательной неискренностью респондента, более серьезны, чем неосознанные, хотя последние также могут быть значительными. Тем не менее даже сильно искаженное интервью может послужить источником ценной информации, если исследователь сумеет правильно ею воспользоваться. Во-первых, отметим, что опасность получения неверной информации вследствие создания опрашиваемыми ложных версий часто преувеличивается. Об этом свидетельствуют, в частности, материалы опроса следователей, занимающихся расследованиями уголовных дел. По их общему мнению, любая ложная версия всегда вращается вокруг истины, и необходимо только за некоторыми привнесениями лжи увидеть действительные, соответствующие истине данные [115, с.119]. Во-вторых, исследователь не без оснований может надеяться, что при увеличении числа опрашиваемых в пределах данной ролевой позиции в выборку могут попасть более смелые и более искренние люди. Практика показывает, что такие надежды отнюдь не утопичны. Наконец, в-третьих, повышение достоверности данных интервьюирования эффективно достигается путем опроса лиц, занимающих смежные или противостоящие ролевые позиции. Сопоставление двух прямо противоположных точек зрения, отражающих противостоящие друг другу ролевые позиции, может способствовать сознанию объективной картины, не совпадающей полностью ни с одним из полученных в ходе исследования мнений.

При сильном расхождении позиций опрашиваемых по поводу одной и той же проблемы оправдано применение "челночного интервьюирования", при котором несовпадающие точки зрения доводятся до каждого из опрашиваемых с просьбой прокомментировать эти точки зрения и уточнить собственную позицию.

Опрос лиц, занимающих различные ролевые позиции, предполагает различия в вопросниках или в круге охватываемых тем. Сказанное относится не только к неструктурированному интервью, но и к анкетным опросам. К последним это относится даже в большей степени, поскольку при применении формализованных анкет исследователь уже не может надеяться на то, что респондент его в чем-то его "поправит". Необходимость дифференцировать вопросники в зависимости от ролевых позиций респондентов недостаточно разъяснена в оте-

⁹Брежневская экономическая система представляла собой чрезвычайно интересный социальный объект и в определенном смысле можно пожалеть, что ныне она безвозвратно ушла в прошлое, так и не будучи адекватно описанной.

чественной методической литературе. На практике это часто приводит к тому, что опрос проводят по единым для всех вопросникам, неадекватным ни одной из исследуемых ролевых позиций.

3.2.2. Вопросник интервью

Вопросник свободного интервью принципиально отличается от анкеты с закрытыми вопросами. Если структурной единицей анкеты является вопрос или блок вопросов, то структурной единицей неформализованного интервью является ТЕМА. Тема представляет собой связное (обладающее смысловым единством) изложение какого-либо вопроса. Если анкетные вопросы с закрытиями можно охарактеризовать как дискретные, то тему можно охарактеризовать как непрерывную смысловую последовательность. Прибегая к геометрической аналогии анкетный вопрос с закрытыми ответами можно уподобить точке, а тему - линии. Между точками и линией существует своего рода асимметрия: линию легко разбить на точки, однако воссоздание незнакомой линии по точкам является делом чрезвычайно трудоемким и технически не всегда возможным. Аналогично и тема сравнительно легко разбивается на дискретные вопросы, которые могут быть сведены в анкету, однако возможность воссоздания неизвестной заранее темы путем задавания большого числа закрытых вопросов является по меньшей мере проблематичной.

Вопросник неструктурированного интервью представляет собой перечень тем, подлежащих выяснению. Этот перечень не обязательно должен иметь форму вопросительных предложений. Наименования тем могут быть сформулированы в виде как повествовательных, так и вопросительных предложений. Указанные грамматические формы взаимозаменяемы и исследователь может по желанию выбрать любую из них, либо использовать их комбинацию.

Центральной проблемой при составлении вопросников, предназначенных для неструктурированных интервью, является определение последовательности тем и степени их детализации. Эта проблема имеет много аспектов, которые будут описаны ниже в виде последовательности типологий, которые в совокупности определяют все многообразие типов вопросников.

Последовательности тем по характеру смысловых связей. В зависимости от типа смысловой связи между составными частями темы подразделяются на повествования, описания и рассуждения. Данная типология была разработана еще средневековыми логиками, а в русскую научную культуру привнесена М.В.Ломоносовым [68, с.116]

Повествование - это изложение хода событий во времени, или последовательное отображение частей сложного события. Составные части повествования следуют друг за другом в порядке, определяемом связью во времени описываемых в них событий. В методических пособиях по интервьюированию повествование именуется также "хронологической" последовательностью. Разновидностями этой последовательности являются: прямая и обратная хронологии, прямая хронология с отступлениями. Иногда интервью концентрируется

вокруг какого-то центрального события. В этом случае задаются вопросы: что было до того, во время того, после того? Хронологическая последовательность может измеряться в годах, месяцах, днях, часах, минутах. Скорость описания событий в ходе интервью обычно бывает неоднородной: ключевые события могут описываться часами и минутами, а длящиеся процессы - месяцами и годами. Вследствие этого временные рамки повествования в ходе интервью постоянно меняются, то расширяясь, то сужаясь.

Описание - это последовательное отображение составных частей сложного объекта или явления. Связь между компонентами описания может осуществляться на основе пространственных, функциональных или иных отношений. Описание называют также "пространственной" последовательностью, имея в виду, что совокупность формирующих объект составных частей, признаков или функций образуют, говоря языком математиков, признаковое или функциональное пространство. Порядок перечисления элементов описания в идеальном случае должен иметь определенную логическую последовательность. М.В.Ломоносов приводит следующие типы последовательностей: по важности - сначала о важнейших, затем о прочих по их рангу; по месту - о верхних раньше, нежели о нижних, о передних раньше, чем о задних; по достоинству - о золоте, прежде чем о других металлах, и т.п. В интервью при перечислении респондентом факторов, причин или составных частей, естественно, попросить его по возможности выстроить их в порядке значимости или иным образом упорядочить свое изложение.

Описания различаются по месту расположения их общей части (общей характеристики объекта описания). В некоторых случаях эта часть открывает тему, в других она ее завершает. М.В.Ломоносов назвал первый тип описания разделительным (сначала представляется род или объект в целом, а затем виды или составные части), а второй - соединительным (сначала виды или составные части, а затем род или объект в целом).

Рассуждение или причинно-следственная последовательность - это тип смысловой связи, основанной на причинно-следственных отношениях. Рассуждение представляет собой мысль, движущуюся к выводу, например, в форме умозаключения, доказательства, опровержения. Виды рассуждений: от посылок к выводу; от тезиса к аргументам и от них к выводу; от фиксирования изменения к анализу его причин; от элементов к их связям; от установления закона к раскрытию его модификаций; индуктивные и дедуктивные умозаключения, и т.д. [68, с. 118].

Описанные выше последовательности являются идеальными типами в том смысле, что интервью вовсе не обязательно должно реализовывать какую-то одну из них. Напротив, реальные интервью часто состоят из комбинаций этих последовательностей. Важно однако, чтобы при составлении вопросника и подготовке к интервью исследователь умел четко определять, к какому типу относится та или иная интересующая его тема. Это важно, в частности, при проведении работы по детализации вопросника, поскольку такая

детализация должна осуществляться в соответствии с законами членения тем. Непосредственно в ходе интервью знание смысловых последовательностей помогает поддерживать его логической строй.

В качестве примера комбинированного типа последовательности можно привести интервью с работником отдела снабжения машиностроительного завода (В.Игруновым). Респонденту был задан вопрос: "По каким видам материалов Вам удалось добиться существенных успехов, т. е. заметно увеличить фонды Вашего завода?" Ответ был: "По жидкому кислороду, этиловому спирту, льняному шпагату, битумированной бумаге". Далее был задан вопрос: "Расскажите, каким образом Вам это удалось?" В ответ респондент рассказал конкретно, какие действия и в какой последовательности он производил по каждой из названных выше позиций. Таким образом возникла комбинированная описательно-повествовательная последовательность, на первом уровне раскрытия темы ответ был дан в категориях описания, а на втором уровне - в категориях повествования.

При составлении вопросников темы, связанные с рассуждениями, целесообразно ставить в конец интервью, после того, как фактическая сторона дела прояснена в ходе повествования или описания (либо их комбинации).

Вопросы, запланированные заранее, и вопросы по ходу интервью. Вопросы, задаваемые респонденту, подразделяются на те, что подготовлены заранее и сведены в план-вопросник, и те, что задаются непосредственно в ходе беседы и представляют собой оперативную реакцию интервьюера на получаемую информацию. Второй тип вопросов в данной главе не рассматривается, поскольку в ней идет речь только о заранее подготавливаемых планах интервью. Однако для данного раздела важно, что интервью могут различаться по соотношению удельных весов вопросов обоих типов. Исследователь может выбирать, на что он больше будет полагаться: на заранее подготовленные или на оперативно формируемые вопросы.

Количество тем в интервью. План неструктурированного интервью может включать в себя либо одну тему, либо несколько независимых тем. Первый тип интервью можно охарактеризовать как простой, а второй - как составной. Составные неструктурированные интервью сравнительно редко встречаются в социологической практике, поскольку полноценное раскрытие одной темы (или нескольких тесно взаимосвязанных) требует обычно достаточно много времени, как правило, не менее одного-двух часов. Соединение в одном интервью нескольких разнородных тем приведет к тому, что в лучшем случае только одна из них будет полноценно раскрыта. В связи с этим дальнейшее изложение будет в основном ориентироваться на описание правил составления вопросника простого интервью, во-первых, потому, что оно более употребительно, а во-вторых, потому, что составной тип складывается из нескольких простых.

Степень логической детализации вопросника. Это идеально-типическая шкала, на одном полюсе которой находятся вопросники с высокой, а на другом - с низкой степенью детализации.

Если для проведения интервью формируется подробный план, состоящий из многих вопросов, и если эти вопросы представляют собой составные части одной общей темы, то мы имеем дело с вопросником детализированного типа. Поскольку каждая тема может в определенном смысле рассматриваться как понятие, то делить, членить тему на составные части необходимо с соблюдением соответствующих логических правил [68, с. 124]. Деление темы - это логическая операция, посредством которой раскрывается ее объем, т.е. число предметов или явлений, охватываемых темой. В соответствии с общепринятыми логическими правилами деление темы на составные части (подтемы) должно быть:

а) обоснованным, т. е. проводиться только по одному основанию, лежащему в основе видовых различий подтем. Данное правило является основным, и его несоблюдение разрушает весь логический строй интервью, приводя к хаотичному чередованию вопросов.

Допустимо, а порой и необходимо, чтобы в пределах одного вопросника тема членилась по нескольким основаниям (сначала по одному, затем по другому и т.д.), что позволит отразить различные стороны исследуемого предмета. Однако эти основания должны быть четко отреллексированы и разделены исследователем, который не должен допускать их смешивания;

б) соразмерным, т.е. сумма логических объемов подтем должна быть равна логическому объему основной темы. При соблюдении данного правила в интервью уменьшается вероятность пропусков и непоследовательности. При его нарушении сумма объемов подтем оказывается либо меньшей, либо большей, чем основная тема. В первом случае тема оказывается раскрытой не полностью, в ней остаются крупные, заложенные в самом вопроснике, пропуски. Во втором случае ряд вопросов выходит за границы основной темы, и исследователь должен принять решение: либо отбросить лишние (нерелевантные проблеме исследования) вопросы, либо расширить основную тему и начать заново ее членить, не допуская при этом логических пропусков и иных ошибок;

в) взаимоисключающим, т.е. расчленяющим тему на такие части, которые взаимоисключают друг друга. Несоблюдение этого правила приведет к тому, что респондент вынужден будет освещать одни и те же вопросы в различных частях интервью. В ходе интервьюирования такие ситуации довольно часто встречаются, поскольку респонденты в устной речи, как правило, не придерживаются описываемых логических правил, но не следует усугублять этот хаос, нарушая данное логическое правило при составлении вопросника;

г) непрерывным, т.е. основная тема (родовое понятие) должна быть сначала разделена на подтемы, для которых она является ближайшим рядом, а затем уже на более мелкие части (подвиды), для которых каждый вид выступает как род. Иными словами, последовательность род-вид-подвид должна строго соблюдаться. Нарушение этого правила, при котором подвиды ставятся в один ряд с видами (так называемый "скачок в делении"), нарушает логическую стройность изложения и усложняет понимание материала.

Сказанное в особенности верно применительно к интервью, имеющим сложную структуру. Хорошо разработанный вопросник сложного интервью должен иметь вид подробного оглавления книги. Число ступеней деления детализированного интервью может доходить до трех или четырех, напоминая рубрикацию оглавления, включающего части, главы, параграфы, подпараграфы и т.д. Сравнение с оглавлением книги не случайно, поскольку хорошо проведенное и хорошо отредактированное интервью (о редактировании см. ниже) и должно иметь вид логично построенной статьи или книги¹⁰ (см. также приложение к данному параграфу).

Методические принципы построения вопросников структурированного и неструктурированного интервью отличаются друг от друга в одном важном пункте. При составлении вопросников структурированного интервью рекомендуется отделять друг от друга тематически взаимосвязанные вопросы, чередуя их с вопросами на другие темы. Считается, что наличие логических связей между предыдущими и последующими вопросами создает у опрашиваемого определенную установку, предопределяющую его ответы [74, с. 105]. В противоположность этому вопросник неструктурированного интервью должен быть по возможности логичным, чтобы помочь опрашиваемому, да и интервьюеру, не терять нить изложения. Исключения могут составлять некоторые специальные методические случаи (например, когда респондента сознательно провоцируют на противоречивые высказывания), но в данной книге эти случаи не рассматриваются.

В противоположность вопроснику с высокой степенью детализации, часто представляющему собой сложную многоуровневую систему вопросов, вопросник с низкой детализацией может состоять только из одного вопроса или формулировки темы. При этом интервью, состоящее из одного вопроса, вовсе не обязательно должно быть кратким. Вполне возможно, что продолжительность такого интервью составит много часов. Это связано с тем, что единственный вопрос, образующий план интервью, как правило, бывает вопросом большого логического объема.

Вопросник с низкой детализацией может состоять из нескольких самостоятельных, но связанных по смыслу тем, не являющихся составными частями друг друга. Он может содержать также некоторые раскрытия основной темы, что приближает его к типу вопросника с высокой логической детализацией.

Использование вопросника с низкой степенью детализации предпо-

¹⁰Кан и Кеннел проводят другую аналогию. Роль вопросника, по их мнению, сходна с подготовкой конспекта выступления, речи. "Даже опытный оратор, - пишут они, - считает полезным расчлнить предмет выступления на некоторые подтемы, которые он хотел бы обсудить и принять решение о порядке их освещения. Такой тематический подход для оратора аналогичен списку конкретных целей для интервьюера. Они обеспечивают освещение содержания, необходимого для выполнения общей цели интервью, предполагают некоторую последовательность и структуру. Оратор, имея такой план выступления, гораздо более готов к встрече с аудиторией, но он еще не полностью подготовлен. Наиболее опытные ораторы готовят некоторый конспект каждого вопроса, который должен быть обсужден. Он может включать в себя выписывание ключевых слов, предложений или абзацев, чтобы быть уверенным, что основная мысль не будет упущена. Формулирование таких ключевых положений очень похоже на разработку вопросника для интервьюера" [157, с.104].

лагают, что часть вопросов будет сформулирована и задана непосредственно в ходе интервью. Однако число таких вопросов по ходу вовсе не обязательно должно быть большим. Если основная тема ясно сформулирована и понятна респонденту, интервью может превратиться почти в монолог. Вместе с тем, составление детализированного вопросника отнюдь не исключает возможности того, что в ходе интервью исследователю придется задать большое число дополнительных вопросов.

Выбор вопросника с высокой или низкой степенью детализации требует сравнительного описания их преимуществ и недостатков. В отечественной литературе данная проблема практически никем не рассматривалась (единственное исключение [122, с.62-65]). Преимущества детализированных вопросников достаточно очевидны и вытекают из их основных свойств. Глубокое многоступенчатое расчленение тем служит напоминанием интервьюеру и респонденту: первому не забыть задать важный вопрос, а второму не забыть о нем рассказать. Вместе с тем достоинства вопросника данного типа являются одновременно и его недостатками. Создание детализированных вопросников возможно только в том случае, когда исследователем уже заданы основные признаки будущей концепции или типологии. Это, в свою очередь, предполагает наличие у него конкретных знаний или гипотез содержательного характера. Однако выделять типологические признаки без предварительного зондажа по меньшей мере рискованно, поскольку в этом случае, как и в случае с формализованными вопросниками, респонденту может быть навязана чуждая ему логика.

Таким образом, проблема определения целесообразной степени логической детализации интервью является при составлении вопросника одной из центральных. Эта детализация в общем и целом определяется степенью предварительной информированности исследователя. Низкому уровню предварительной информированности должна соответствовать и низкая степень логической детализации. Ни в коем случае не следует стремиться к искусственному, т.е. превышающему пределы предварительной информированности, повышению степени детализации вопросника. С методической точки зрения недостаточная детализация гораздо менее опасна, чем чрезмерная. Начинаящему исследователю часто бывает трудно удержаться от соблазна чрезмерной детализации, поэтому он должен усвоить правило: детализация должна быть минимально необходимой.

Одним из приемов, способствующих преодолению противоречий между преимуществами и недостатками высокой и низкой степени детализации, является поэтапная детализация, при которой ее степень возрастает непосредственно в ходе исследования, от интервью к интервью. Вторым средством, способствующим преодолению указанного противоречия, является составление вопросников с неполной логической структурой, которые ниже выделяются в особый тип.

Отметим, что сама по себе логическая детализация вопросника, даже если она достаточно глубока, не превращает неструктурированное интервью в структурированное. Эти два типа

интервью все равно остаются принципиально различными, поскольку в неструктурированном интервью вопросы не имеют формализованных закрытий и предполагают не краткий однозначный ответ, а раскрытие определенной темы.

Степень логической разветвленности вопросника. Это идеально-типическая шкала характеризует вопросники со сложной логической структурой. План интервью на одном конце шкалы напоминает линию, а на другом - ветвистое дерево. Необходимость составления вопросников типа "дерева" возникает в тех случаях, когда при расчленении темы на составные части встает проблема "логических развилок". Эта проблема возникает при составлении схем как структурированно-го, так и неструктурированного интервью. Логической развилкой в данном случае называется ситуация, когда исследователь прогнозирует, что в зависимости от ответа на определенный вопрос выборка респондентов распадется на несколько существенно различающихся по своим свойствам совокупностей, для каждой из которых требуется составление специфичного вопросника. Поясним сказанное на примере. Предположим, что проводится опрос, направленный на изучение типов восприятия эстрадной песни. Как правило, в таких опросах обнаруживается, что для одной части респондентов более важным является поэтический текст, а для другой - музыка. Поскольку системы критериев и понятийный аппарат оценки словесной и музыкальной составляющих существенно различаются, то вопросник анкеты или интервью должен предусматривать эту развилку, т.е. наличие специфических блоков вопросов для респондентов различных типов¹¹.

Хотя рассмотрение методических проблем структурированных вопросников не входит в задачу данной книги, отметим, что отсутствие предусмотренных в анкете логических развилки - одна из главных черт, отличающих отечественные анкеты от зарубежных. Структура отечественных анкет обычно представляет собой логическую "линию", а зарубежных - "дерево", что отражает громадный разрыв в уровнях методической культуры отечественных и зарубежных исследователей. Образцы анкет, приведенные в качестве примеров в книге Э.Ноэль, изобилуют логическими развилками и хорошо видно, что, если бы они не были предусмотрены, то о получении релевантной информации просто не могло бы быть и речи.

Подобно тому, как это делается при составлении анкет, при составлении тематического плана интервью исследователь также по возможности должен прогнозировать возникновение логических развилки и закладывать их в структуру вопросника. Вопросник приобретает в этом случае сложную структуру, в которой интервьюер должен уметь оперативно ориентироваться. В зарубежной литературе вопросники такого типа называют "путеводителями" (они указывают, по какому пути следует вести интервью в зависимости от характера ответов рес-

¹¹Исходя из целей работы исследователь может принять решение опросить респондентов всех типов по всем блокам вопросов для получения сравнительных данных. Решение по данному вопросу должно приниматься в каждом конкретном обследовании отдельно. Сплошной сопоставительный опрос не всегда бывает целесообразным и не всегда возможным, в частности, из-за экспоненциального возрастания числа комбинаций ответов.

пондента). В целях установления терминологического соответствия укажем, что в зарубежной литературе описанные выше логические развилки принято трактовать как различия в рамках соотношения респондентов¹². Смысл этого термина станет ясным из следующей цитаты из учебника Кана и Кеннела: "Предположим, респондентам задается вопрос: "Что вы думаете о производстве автомобилей в настоящее время?" Более половины респондентов говорят, что производится слишком много машин, 10% - что слишком мало, остальным кажется, что производство находится как раз на нужном уровне. Если же мы спрашиваем людей, почему они думают так или иначе, мы выясняем, что существуют различные рамки соотношения, основанные на различных критериях. Первый критерий - будущее экономики в целом. Люди рассуждают, что, если будет сокращено производство, то это приведет к безработице и т.д. Второй критерий содержит в основе мнение о снижении морали. Говорится о том, что если бы не было столько автомобилей, то люди чаще ходили бы в церковь и не было бы всех этих пикников. Третий критерий - это забытые шоссе. Видимо, это рамки соотношения водителей. Четвертый критерий включает личные чувства владельцев автомобилей, они говорят о том, что слишком часто меняются модели, а они не чувствуют себя в состоянии каждые два года менять автомобиль. Вывод, который должен быть сделан, состоит в том, что точная интерпретация ответов может быть сделана только в том случае, если мы знаем и правильно трактуем рамки соотношения респондента" [157, с.116].

Существование различных рамок соотношения ставит перед исследователем двойственную задачу. Во-первых, необходимо получить информацию, которая проясняет рамку, в которой находится ответ. Во-вторых, следует изучить ход мысли и логику респондента в пределах его собственной рамки соотношения. На ранних этапах исследования, т.е. при опросе самых первых респондентов, это можно сделать, только задавая неподготовленные заранее вопросы по ходу интервью. Однако по мере повышения степени логической детализации вопросника может усложниться и его логическая структура, приближаясь к типу "дерева".

Полнота логической структуры вопросника. Вопросники интервью неструктурированного типа могут иметь полную либо неполную логическую структуру. Полная логическая структура возникает в том случае, когда темы интервью расчленены на подтемы в соответствии с описанными выше четырьмя правилами деления (см. вопросник с высокой степенью логической детализации). Однако реально уровень предварительной осведомленности исследователя далеко не всегда позволяет осуществить такое деление. Часто исследователь располагает лишь общей формулировкой темы и наряду с этим - набором частных вопросов, входящих в данную тему, но не покрывающих ее целиком. Такие ситуации, в частности, возникают в прикладных исследованиях, поскольку заказчиков обычно интересует

¹²В отечественной литературе термин "рамки соотношения" используется, но разъяснения его смысла нигде не дается.

как общее состояние проблемы, так и получение ответов на ряд конкретных вопросов. Иногда заказчик формирует проблему путем составления обширного списка конкретных вопросов. В этом случае исследователь может пойти по формальному пути и составить план интервью исключительно на основе заданного заказчиком перечня вопросов. Этот подход нельзя однако считать профессионально добросовестным, поскольку заказчик, скорее всего, сформулировал лишь часть вопросов, являющихся элементами более общей проблемы. Задача социолога заключается не только в том, чтобы дать ответ на заданные вопросы, но и в том, чтобы попытаться выявить и осветить те вопросы, которые не заданы заказчиком, но релевантны интересующей его проблеме. Сделать это можно только путем включения в вопросник общих вопросов, нацеленных на освещение всей проблематики в целом.

Таким образом, вопросник с неполной логической структурой представляет собой смешанный тип недетализированного и высокодетализированного вопросника, иными словами - комбинацию общих и частных вопросов, логическое пространство между которыми остается незаполненным. Общий вопрос ставится в этом случае перед частными, а частные вопросы задаются только после того, как респондент самостоятельно и полностью раскрыл сформированную в общем вопроснике тему. В ходе ответа на общий вопрос респонденты могут, и это случается довольно часто, осветить некоторые из предусмотренных планом частных вопросов. Необходимость задавать их в таком случае сама собой отпадает.

Постановка и раскрытие общего вопроса до перехода к частным, не устраняя частные вопросы из плана интервью, вместе с тем позволяет выявить:

а) неучтенные логические развилки и принципиально новые направления раскрытия темы. Новый и неожиданный для исследователя поворот темы зачастую обесмысливает всю остальную часть детализированного вопросника, если исследователь поторопился с его составлением;

б) неучтенные основания деления темы, раскрывающие объект с неожиданной стороны;

в) неполноту заданной исследователем типологии, которую респондент может дополнить новыми объектами, явлениями или переменными;

г) ранги значимости элементов тем, составных частей исследуемых объектов или явлений, а также их взаимосвязи в сознании респондента.

Если опрос проводит не сам исследователь, а привлеченные к работе интервьюеры, текст вопросника должен содержать указания, какие вопросы требуют детального и длительного по времени раскрытия, а какие в силу своей конкретности такого раскрытия не требуют. Важным элементом профессиональной подготовки интервьюера является его способность распознавать наличие "логической пустоты" между общими и конкретными вопросами.

Прямая и обратная "воронка". Последовательность вопросов, в

которой каждый последующий имеет меньший логический объем, чем предыдущий, называется последовательностью "прямой воронки". Противоположный тип, в котором общий вопрос расположен после частного, называется "обратной воронкой". Указанные типы последовательности могут характеризовать либо все интервью в целом, либо отдельные его темы или подтемы.

Последовательность "прямой воронки" наиболее употребительна. Можно сказать, что она используется во всех случаях, когда нет специальных методических оснований для принятия противоположного решения. Среди основных преимуществ последовательности "прямой воронки" могут быть названы следующие:

а) если целью интервью является получение детального описания события, ситуации или проблемы, постановка общего вопроса позволяет избежать множества частных. Если, к примеру, темой интервью является воссоздание картины какого-либо необычного события (аварии, преступления или явления НЛО), то респонденту может быть задано очень большое количество частных вопросов, напоминающих известную игру "холодно - горячо". Для прояснения деталей такие вопросы могут быть заданы, но они не заменяют постановки первоначального общего вопроса: "Расскажите по порядку, что произошло?" Этот вопрос не только достаточно широк, в нем уделяется также большое внимание опыту респондента, что позволяет ему высказать собственную версию произошедшего. Этот вопрос также показывает большую заинтересованность интервьюера в опыте респондента, чем при выпрашивании бесконечного множества деталей;

б) последовательность "прямой воронки" позволяет респонденту строить свой ответ более связно и вспоминать детали более эффективно, следуя своему собственному пути ассоциаций. Если задавать респонденту вопросы о десятках конкретных деталей, то это может дезорганизовать ход изложения его мыслей, тем более, что многие детали могут применительно к данному респонденту оказаться незначимыми;

в) начиная интервью с постановки общего вопроса, исследователь страхует себя от привнесения в беседу своего взгляда или своих рамок соотнесения прежде, чем он получит информацию о представлениях респондента. Иными словами, многие конкретные вопросы могут незаметно для исследователя оказаться наводящими. Постановка вначале общего вопроса позволяет задавать частные вопросы, соотнося их с рамками соотнесения респондента;

г) если цель интервью заключается в обнаружении непредвиденных релевантных ответов, методически более правильна постановка общего вопроса, так как частные вопросы этой цели не достигают.

Выше были перечислены основные преимущества последовательности типа "прямой воронки". Ясно, что использование обратного принципа перечеркивает эти преимущества. Тем не менее существуют специальные методические основания, которые могут склонить выбор исследователя к использованию последовательности

"обратной воронки". Таких оснований существует, как минимум, три¹³:

а) отсутствие у респондента достаточно сильных мотиваций для предоставления информации по теме интервью. Такая ситуация может, к примеру, возникнуть в том случае, когда релевантный для исследования опыт респондента представляется ему маловажным и неинтересным, либо он слишком отдален во времени и в значительной степени стерся из памяти. Есть данные, что в таких ситуациях люди легче отвечают на конкретные, чем на общие вопросы. В связи с этим интервью целесообразно начать с частных вопросов, а более общие задать под конец, когда респондент "разговорится". Сходные проблемы возникают в тех случаях, когда тема интервью сложна для респондента и вызывает затруднения в связи либо со своей сложностью, либо с тем, что, по мнению респондента, раскрытие темы займет слишком много времени. Наконец, тема может в том или ином отношении вызывать у респондента отрицательные эмоции (смущение, опасение и т.п.). Эмоционально закрытыми могут быть, например, супружеские проблемы, неприятные воспоминания и т.п. Во всех этих случаях есть веские основания начать интервью с простых и эмоционально нейтральных вопросов, постепенно переходя к более важным для исследователя сложным или эмоционально закрытым проблемам.

Как можно понять, аргументами типа изложенных выше руководствовались авторы известного в западных странах учебника В.Гуда и П.Хэтта, которые считают, что последовательность вопросов в интервью должна отвечать следующим требованиям:

по мере развития опроса интерес опрашиваемого должен расти. Необходимо, чтобы первый вопрос по возможности приковывал внимание, заинтересовывал опрашиваемого, но не был дискуссионным. В противном случае процент лиц, отказывающихся отвечать, гораздо больше, чем тогда, когда дискуссионный вопрос ставится в середине интервью;

более сложные вопросы должны следовать за более простыми. Чем далее опрашиваемый вовлекается в интервью, тем труднее ему отказаться от продолжения ответов на вопросы. Поэтому, если некоторые вопросы требуют размышления, их не рекомендуется ставить слишком рано. Но они не должны идти и слишком поздно, ибо опрашиваемый утомляется;

нельзя слишком поспешно задавать опрашиваемому сугубо интимные вопросы. Лучше прибегать к ним к концу интервью, когда между участниками уже установлен известный контакт [151, с. 136-138];

б) необходимость создания единых рамок соотнесения у различных респондентов. Как отмечалось выше, при постановке общих вопросов респонденты строят свой ответ исходя из собственных рамок соотнесения. При этом, поскольку эти рамки оказываются различными, разными становится и предмет обсуждения. Преимущества такого подхода обсуждались выше; недостаток же в том, что интервью полу-

¹³Следует иметь в виду, что реальные вопросники могут содержать в себе комбинации обоих типов последовательностей на уровне подтем.

чаются несопоставимыми друг с другом. Для исправления недостатка исследователь может использовать последовательность вопросов по типу "обратной воронки", при которой все интервью ведутся по единому плану, где конкретные вопросы по наиболее важным аспектам проблемы поставлены перед общим вопросом. В качестве иллюстрации можно привести последовательность вопросов, направленных на выяснение оценки респондента своей работы. Сначала могут быть заданы конкретные вопросы, касающиеся оплаты труда, отношений с непосредственным начальником, физических условий труда, содержания работы и т.д. Завершающий интервью общий вопрос в этом случае формулируется так: "Имея в виду все сказанное Вами, что Вы думаете о своем месте работы?"

в) в определенном отношении последовательность "обратной воронки" оказывает на интервью примерно то же влияние, что и наводящий вопрос. Как и в случае с наводящим вопросом, смещающее воздействие последовательности "обратной воронки" следует считать нежелательным эффектом во всех случаях, когда оно не имеет веских методических обоснований. Существуют однако специальные случаи, когда заложенное в методику смещающее воздействие служит противовесом искажениям, которые, по мнению исследователя, свойственны восприятию респондентами определенных ситуаций. В качестве примера Горден приводит исследование, посвященное вопросу эффективности проведения спасательных работ в городе во время стихийного бедствия. Поскольку число погибших в целом оказалось невелико, распространилось мнение, что спасательные работы были очень эффективными. Именно так высказывалось большинство респондентов, когда им прямо задавался этот вопрос. Однако при постановке ряда конкретных вопросов многие респонденты оказывались склонны были пересмотреть свое мнение. Такими конкретными вопросами, в частности, были:

Сколько человек раненых или убитых Вы видели?

Сколько времени прошло, прежде чем пострадавших отправили в госпиталь?

Видели ли Вы, чтобы кто-то оказывал пострадавшим первую помощь, делал искусственное дыхание или останавливал кровотечение? Если да, то кто это был?

Далее, Горден указывает, что при постановке общего вопроса об эффективности спасательных работ респондент исходил из того, что, если в городе с населением 3000 человек, где 90% домов были разрушены, погибло всего лишь 50 человек, то это похоже на чудо. Имея это в виду, респонденты отвечали, что работы велись очень эффективно. Однако при постановке конкретных вопросов до респондентов начинало доходить, что это не совсем так. Ответы на эти вопросы показали, что, когда людей откапывали из под обломков, раненые лежали рядами на обочине в ожидании, когда дорога будет расчищена, так как "Скорая помощь" или грузовик не могли проехать. Было холодно и дождливо, иногда проходил час или два, прежде чем человека забирали в госпиталь, и за это время респондент ни разу не видел, чтобы кто-нибудь останавливал кровотечение или оказывал другую помощь. Когда эта картина начала проясняться, респондентам становилось ясно, что многие люди, видимо, умерли из-за потери крови или от шока, лежа под

дождем. Таким образом, постановка обобщающего вопроса после выяснения конкретных приводила к тому, что респонденты строили свое заключение на определенном размышлении, благодаря которому они способны были дать более реалистическую оценку произошедшему [152, с.415-416].

Логика исследователя и логика респондента. До сих пор речь шла в основном о типах последовательностей, отражающих логику исследователя. Однако респондент может иметь свою логику, в которой основные темы интервью могут быть определенным образом связаны. Последовательность тем, соответствующая логике респондентов, называется "естественной" последовательностью. Такая последовательность не может быть априорно задана исследователем; следовательно, она должна быть определена эмпирически в ходе проработки и детализации вопросника. В качестве примера Кан и Кеннел приводят вопросник, на основе которого осуществляются опросы по поводу потребительских расходов населения. Основная цель этих ежегодных опросов - установление годовых доходов респондентов, их модели сбережений и количество средств в различных формах сбережений, крупные покупки за прошедший и планы покупок на предстоящий год и т.д. Структура данного вопросника разрабатывалась очень тщательно на основе большого числа предварительных интервью. Исследователи сознательно ставили своей целью максимальное приближение логики вопросника к типичной логике респондентов. Эти усилия увенчались успехом, поскольку в ходе опросов интервьюеры часто слышали от респондентов: "Я так и знал, что Вы сейчас меня об этом спросите". Нередко также респонденты предвидели логику интервью, отвечая сразу на следующие, еще не заданные вопросы [56, с.162].

Таким образом, чем больше исследователь знает о структурировании темы исследования в сознании респондентов, тем ближе к "естественной" последовательности будет составленный им вопросник. В этом случае план интервью будет отражать такую последовательность, которая является осмысленной для респондента, что в свою очередь ведет к достижению более высокого уровня его мотивации и более полному раскрытию тем.

Специальные виды последовательностей. В эту группу объединены различные типы последовательностей, разработанные для достижения тех или иных специальных целей. Приведем примеры некоторых таких последовательностей.

"Тематическая" последовательность. Она используется в тех случаях, когда цель интервью распадается на ряд параллельных тем. Например, исследуя мнения о кандидатах в президенты, каждого кандидата можно рассматривать как отдельную тему, формируемую из одних и тех же вопросов. Таким образом достигается сопоставимость результатов по каждой теме.

Последовательность "проблема - решение". Предложена американским исследователем Д.Дэрвиллом. Включает в себя 5 следующих вопросов: Что является сутью проблемы? Что является ее причиной? Какие возможны решения? Какое решение наилучшее? Как это

решение может быть реализовано? [145, с. 47].

"Воронка Гэллапа", состоящая из пяти вопросов, которая служит для составления как формализованных, так и неформализованных опросников. Первый вопрос предназначен для того, чтобы выяснить, осведомлен ли опрашиваемый о проблеме вообще и думал ли он о ней. Второй направлен на выяснение того, как опрашиваемый в общем относится к данной проблеме. Третий предназначен для получения ответов по конкретным аспектам проблемы. Четвертый помогает выявить причины взглядов опрашиваемого. Пятый направлен на выяснение силы этих взглядов, их интенсивности [86, с.404].

Язык интервью. Данный аспект проблемы не формирует типологии, но важен при составлении опросников. Основным критерием для выбора языка и синтаксиса вопросника является необходимость обеспечения максимально полного и точного донесения смысла сообщений от интервьюера к респонденту и обратно. Иначе говоря, язык интервьюера должен соответствовать общему словарю интервьюера и респондента. Наличие общего словаря не означает, что интервьюеру следует использовать те же самые народные либо простонародные выражения или говорить с тем же акцентом, что и респондент. Это означает, что язык, на котором говорит интервьюер, должен быть понятен респонденту, даже если респондент выражает ту же мысль каким-то другим способом. Ответы респондента также вовсе не обязательно должны быть сформулированы в терминологии интервьюера, но обязательно должны быть понимаемы им. Словарь и манера выражения должны быть общими в том смысле, чтобы создавать единую основу для понимания [157].

Если общий язык интервьюера и респондента оказывается недостаточен для обсуждения темы интервью, то необходимо расширить словарь той или другой стороны. В отношении респондента это кажется сложным, но как показывает практика, вполне возможно. В качестве примера можно привести исследование, проведенное в конце 70-х годов Е.А.Антоновой (Дальневосточный филиал НИИтруда, г.Владивосток). Антонова изучала предпочтения промышленных рабочих в отношении различных премиальных систем. Первые же пробные интервью показали, что рабочие не понимают языка экономистов (вопросы типа: "Какие показатели премирования Вы предпочитаете?" ставили их буквально в тупик). В связи с этим была применена следующая методика. На протяжении приблизительно 20 мин. исследователь объяснял опрашиваемому, в чем заключается суть различных премиальных систем, добиваясь полного понимания. После этого задавался короткий вопрос, какую из этих систем респондент считает для себя более предпочтительной. Данное исследование можно рассматривать как пример эффективного расширения словаря респондентов непосредственно в ходе интервью.

Противоположный описанному вариант заключается в том, чтобы расширить или, точнее, адаптировать язык интервьюера, сделав его понятным для той категории лиц, которых предполагается опросить. Решение данной задачи может потребовать проведения специальных

зондажных исследований по изучению словаря респондентов, чтобы на основе этого обучить интервьюеров тем словам и выражениям, которые, как можно ожидать, будут использовать респонденты.

Расширение словаря интервьюера не означает, что он должен пытаться имитировать речь респондента. Такие попытки могут привести лишь к нежелательным последствиям. В частности, имитация речи может серьезно обидеть респондента, поскольку ее причины могут быть неправильно истолкованы. Далее, опыт показывает, что, хотя интервьюер и может попытаться приноровиться к языку респондента, эти попытки не эффективны, если сильно противоречат образованию и происхождению интервьюера. Таким образом, изучение и использование словаря респондентов не означает необходимость его имитации. По-видимому, адаптация речи интервьюеров должна быть достаточной для обеспечения коммуникации, но не более того. Интервьюер должен задавать вопросы, понятные респонденту, и правильно понимать его ответы, но при этом сохранять свое собственное "лицо", отражающее его социальный статус.

Наряду с проблемой учета специфики языка респондентов существует проблема уровня сложности вопросов. Степень сложности вопроса должна приблизительно соответствовать уровню понимания респондента. С методической точки зрения нежелательно задавать как слишком сложные, так и слишком упрощенные вопросы. Слишком большое упрощение формулировок вопросов подчеркивает, а не нивелирует социальную дистанцию, нанося тем самым обиду респонденту. Обратная ошибка, а именно постановка вопросов, которые выше уровня понимания респондента, вызывает два очевидных негативных эффекта. Первый - это сложность в общении, когда респондент не понимает, что от него хотят. Вторая проблема - мотивационная. Респондент в этом случае может ощутить большой социальный разрыв между собой и интервьюером, поэтому ему будет казаться, что он разговаривает с человеком, который никогда правильно его не поймет. Если так случается, респондент утрачивает один из основных мотивов общения. Как уже было сказано, язык интервью - это не только средство коммуникации, но и важный атрибут социального статуса интервьюера. Один из основных выводов, который делает для себя респондент уже в самом начале интервью, - является ли интервьюер похожим на него или, наоборот, отличающимся от него человеком. Попытка уравнивать статусы путем имитации языка и атрибутов внешнего вида может быть использована во включенном наблюдении, но для проведения интервью такая тактика обычно бывает нецелесообразной, поскольку, как правило, она по многим причинам не удается¹⁴. Поэтому интервьюеру не остается ничего другого, как оставить при себе свой собственный статус¹⁵. Приняв решение о сохранении своего статуса, интервьюер должен его выдерживать. Применительно к языку это означает, что не-

¹⁴В частности, потому что в случае успешной имитации интервьюер не сможет объяснить респонденту, зачем он делает запись беседы в блокнот или на магнитофон.

¹⁵Возможно, что лишь с некоторым его "повышением" или "понижением" - об этом речь пойдет ниже в разделе 3.3.

которые виды выражений подходят для роли интервьюера, другие же резко из нее выбиваются. К примеру, можно сомневаться, что использование нецензурных выражений будет способствовать улучшению взаимопонимания с респондентом даже в тех случаях, когда такие выражения действительно широко распространены в социальной среде респондента, являются для него привычными, а также, возможно, используются им в ответах.

Образец вопросника с высокой степенью детализации тем.

Вопросник для проведения интервью с главами администрации республик, краев и областей в составе РСФСР (май 1991 г.)

1. Экономическая ситуация в области (крае, республике)
 - 1.1. Экономическая ситуация в целом
 - 1.2. Финансовая ситуация
 - 1.2.1. Соотношения централизованных и собственных источников финансирования
 - 1.3. Продовольственная ситуация
 - 1.3.1. Соотношение централизованных поставок и иных источников поступления
 - 1.4. Социальные проблемы (охарактеризовать наиболее острые из них)
2. Взаимоотношения с правительствами, Верховными Советами СССР и РСФСР (охарактеризовать отдельно по СССР и РСФСР)
 - 2.1. Общая характеристика работы союзных и республиканских органов власти
 - 2.2. Есть ли спорные, нерешенные вопросы? Если есть, то какие?
 - 2.3. Получает ли область (край, республика) помощь от центра (союзного или республиканского)? Если да, то в чем?
 - 2.4. Нуждается ли областной (краевой, республиканский) Совет в дополнительных правах, полномочиях? Если да, то в каких именно?
 - 2.5. Какие решения правительства, Верховных Советов СССР и РСФСР следует оценить позитивно и какие негативно? Разъяснить почему?
 - 2.6. Каково мнение областных (краевых, республиканских) руководителей по поводу опубликованного в прессе проекта Конституции РСФСР? Какой должна быть Российская Конституция?
 - 2.7. Если указанный проект будет принят, то какой статус предпочтет область: федеральной земли или республики?
 - 2.8. Нужен ли области (краю, республике) государственный суверенитет? Если да, то для чего?
3. Каковы взаимоотношения с нижестоящими Советами (районными, городскими, автономных областей и округов)?
 - 3.1. Претендуют ли районы, города и автономии на свой собственный экономический и политический суверенитет?
 - 3.2. Были ли конфликты на этой почве? Удалось ли разрешить эти конфликты? Если да, то каким образом? Если нет, то продолжают ли конфликты донныне?
 - 3.3. Были ли конфликты между районами и городами внутри области (края, республики)?
 - 3.4. Целесообразно ли изменить административно-территориальное деление внутри области (края, республики)? Если да, то как и почему?
4. Каковы взаимоотношения с предприятиями и организациями, с различными государственными органами, находящимися на территории области (края, республики), но не подчиненными областному, краевому, республиканскому Совету?
 - 4.1. Есть ли спорные вопросы с такими предприятиями и организациями? Если да, то какие?
 - 4.2. Какую политику проводит либо собирается проводить областной (краевой, республиканский) Совет по отношению к таким предприятиям и организациям?
 5. Каковы взаимоотношения с другими областями (краями, республиками)?
 - 5.1. Есть ли сотрудничество с другими областями (краями, республиками)?
 - 5.1.1. Каковы направления сотрудничества, с кем?

- 5.1.2. Проводится ли бартерный обмен с другими областями? Если да, то:
- с какими областями идет обмен?
 - что получает область (край, республика) в результате обмена?
 - что поставляет область (край, республика) в ходе обмена?
 - каковы объемы бартерного обмена?
 - где берет область (край, республика) ресурсы для обмена?
 - есть ли возможность расширить обмен? Если да, то как? Каковы планы на этот счет и какие имеются препятствия?
 - занимаются ли бартерными обменами районы, города, автономии в составе области (края, республики)? Каковы объемы этого бартера?
- 5.1.3. В настоящее время многие области, края и республики РСФСР создают региональные объединения. Входит ли данная область (край, республика) в такое объединение? Если да, то каковы его цели и задачи? Если нет, то существуют ли планы создания такого объединения? Что полезного даст создание регионального объединения областей? Каковы препятствия на пути его создания?
- 5.1.4. Существуют ли конфликты, спорные вопросы с другими областями? Если да, то какие (назвать примеры). Удастся ли разрешать спорные вопросы? Если да, то как (привести примеры)?
6. Имеет ли область (край, республика) выход на внешний рынок, контакты с инофирмами? Если да, то какие и с кем? Если нет, то почему?
- 6.1. Имеет ли область (край, республика) статус свободной экономической зоны? Если да, то что это означает реально? Если нет, то почему (что препятствует)? Собирается ли область в будущем получить такой статус? Если да, то с какими целями?
7. Собирается ли область (край, республика) проводить приватизацию? Если да, то каким образом, в каких отраслях? Имеется ли опыт приватизации? Если да, то в чем он заключается? Какой должна быть правильная политика в области приватизации?
8. Какова политическая ситуация в области (крае, республике)? Имеются ли национальные, политические, забастовочные, либо иные движения? Насколько сильны эти движения? Конструктивны они или деструктивны?
- 8.1. Каков политический состав областного (краевого, республиканского) совета? Имеются ли в нем политические, национальные, региональные или иные блоки? Имеются ли конфликты между блоками? Имеется ли в Совете консенсус по ключевым вопросам? Если нет, то по каким вопросам возникают расхождения?
9. Какие можно сделать прогнозы: как будет развиваться ситуация в стране и области (крае, республике) в ближайшие месяцы, годы?
10. Какие планы, намерения имеются у руководства области (края, республики) в хозяйственной и политической областях?
11. Что на сегодняшний день больше всего заботит?
12. С кем из числа депутатов, работников исполкома целесообразно поговорить по данному кругу вопросов?
13. Какова структура областного (краевого, республиканского) исполкома? Перечислить основные управления и отделы

3.2.3. Время, место и способ записи

Время проведения интервью. Относительно оптимального времени проведения интервью существует мало обоснованных рекомендаций. Предпринимались попытки экспериментально определить, когда лучше брать интервью : утром или вечером. Эти попытки не дали определенного результата, из чего следует сделать вывод, что само по себе время начала интервьюирования не играет существенной роли. Более существенным фактором является соотношение времени интервью с обычным распорядком дня респондента. Очень важно, чтобы время интервьюирования по возможности вписывалось в распорядок дня и не слишком сильно его нарушало. Назначать время следует таким образом, чтобы респондент никуда не торопился, иначе интервью полу-

чится скомканным. Данное правило относится также к интервьюеру, который и подавно не должен никуда торопиться. Далее важно, чтобы респондент не был слишком уставшим. Если, к примеру, интервьюер добивается встречи с работником, только что вернувшимся из ночной смены или из длительной командировки, шансы на получение серьезной информации не слишком велики. Поскольку респондент дает согласие на интервью добровольно, окончательный выбор времени всегда остается за ним.

Интервью не должно совмещаться с какими-либо иными занятиями респондента (домашней работой, производственной деятельностью и т.д.), так как качество ответов и глубина раскрытия в этом случае резко снижаются. Результаты эксперимента, посвященного данному вопросу, приведены в книге В.Шляпентоха. Наиболее отрицательно на качестве интервью сказывается намерение уйти (спешка), занятие домашним трудом (уборка помещения и др.), профессиональная деятельность [127, с.70].

Влияние фактора времени на интервью сказывается в отношении не только момента выбора его начала, но и его продолжительности. Типичная продолжительность интервью составляет от 40 мин. до 2 час. Это своего рода "естественная" продолжительность, которая мало зависит от логического объема темы и требуемой глубины ее раскрытия, а определяется балансом между желанием включившегося в интервью респондента продолжить беседу и противостоящим этому желанию возрастающему чувству усталости и беспокойству по поводу других дел, которые из-за интервью остаются незавершенными. Сказанное не означает однако, что логический объем темы вообще не оказывает никакого влияния на продолжительность интервью. Если этот объем мал, то интервью может продлиться 10-15 мин. Такие "короткие" интервью, по-видимому, должны быть выделены в особый тип. Коротким может быть также неудавшееся интервью, в котором исследователю так и не удалось "разговорить" респондента.

Если тема настолько велика, что не укладывается в "естественные" 1-2 часа, а также в тех случаях, когда респондент испытывает сильное добровольное стремление к сотрудничеству (такие респонденты бывают и, как правило, они являются ценной находкой для исследования), интервью может затянуться до трех и даже четырех часов, но не более, поскольку даже самый стойкий респондент (и самый стойкий интервьюер) пожелает сделать перерыв. После перерыва работа может быть продолжена и, как уже отмечалось выше, общая продолжительность интервью может составить в этом случае десятки часов.

Как очень короткие, так и очень длинные интервью являются скорее исключением из правила. В практике полевой работы продолжительность интервью, как правило, укладывается в описанный выше "естественный" интервал.

Объективную продолжительность интервью следует отличать от его субъективной длительности. Последняя представляет собой оценку продолжительности интервью, сделанную респондентом субъективно, без помощи часов. Субъективная длительность может отклоняться от

объективной как в большую, так и в меньшую сторону. Наличие этих отклонений легко установить на практике, задавая респонденту в конце беседы вопрос: "Как Вы думаете, сколько времени длилось интервью?"

Основным фактором, определяющим соотношение объективного и субъективного времени является интерес респондента к проблематике опроса¹⁶. Чем больше интерес, тем меньше субъективное время интервью: увлекаясь беседой, респондент не замечает течения времени. Благодаря этому свойству соотношение объективной и субъективной длительности может служить косвенным индикатором, характеризующим степень успешности интервью. В случае успешного интервью с высокой степенью включенности респондента субъективное время может быть приблизительно вдвое меньше объективного. Случаи, когда субъективное время превышает объективное, в социологической практике довольно редки, поскольку от неинтересного или тягостного интервью респондент, как правило, просто отказывается. Однако в специальных случаях, например, в следственной практике, такой вариант возможен.

Наличие существенных расхождений между объективным и субъективным временем позволяет интервьюеру прибегать к своего рода "хитрости" на стадии установления контакта с респондентом. Известно, и это подтверждено специальными исследованиями, что наиболее часто высказываемым мотивом отказа от интервью является нехватка времени, неважно, реальная или декларируемая. Силу этого отрицательного мотива можно уменьшить, занизив в 1,5-2 раза ожидаемую продолжительность интервью. Так, при ожидаемой продолжительности 1,5-2 часа на вопрос: "Сколько это потребует времени?" можно ответить: "Около одного часа"¹⁷. Применение данной хитрости морально дозволено, поскольку респондент всегда может проконтролировать время и прервать интервью. Если он этого не делает, то добровольно, поскольку интервью его увлекло. При использовании данного приема, однако, важно убедиться, что респондент не имеет жестких ограничений во времени (точно назначенных встреч, деловых совещаний и т.п.), которые вынудят его прервать интервью, несмотря на увлеченность беседой.

Существует еще один аспект, в котором время интервью имеет значение. Речь идет об интервью, темой которого является описание какого-либо события. Достаточно очевидно, что полученная информация будет более качественной, если это событие произошло недавно. Интервьюирование людей непосредственно после события снижает действие таких факторов, как забывчивость и хроническая

¹⁶Интерес респондента к беседе, в свою очередь, во многом предопределяется степенью интереса, проявляемой интервьюером. Замечено, что активность респондента, его готовность серьезно и вдумчиво отвечать на вопросы заметно возрастает, если он видит, что интервьюер с интересом слушает, помнит и понимает его ответы на предыдущие вопросы и т.д.

¹⁷В.Донохью рекомендует, чтобы реальная продолжительность интервью не превышала заявленную более, чем на 50 мин. [145, с.219]. Кроме того, если событие оказало на респондента большое психологическое воздействие, можно ожидать, что его потребность в осмыслении и сочувственном понимании, а, следовательно, и готовность к сотрудничеству будут выше.

путаница.

Место проведения интервью. Эффективность беседы в значительной степени зависит от обстановки, в которой она проводится. Место проведения интервью прежде всего должно быть уединенным. Если в помещении, где проводится интервью, кто-то постоянно входит и выходит, обращается к респонденту с вопросами, раздаются телефонные звонки и возникают другие отвлекающие дела, беседа либо сокращается, либо прерывается вовсе. В связи с этим, договариваясь о встрече, интервьюер с самого начала должен оговорить, что желательна беседа наедине.

Присутствие посторонних в помещении, где проводится интервью, часто порождает искажающий эффект, получивший название эффекта "третьих лиц". Эти лица нередко включаются в беседу, высказывают свои мнения, поправляют респондента, уличают его в неточностях или в том, что он говорит неправду и т.д. Иногда "третьи лица" создают шутивную атмосферу, побуждают респондента к несерьезным ответам. Даже если "третьи лица" не вмешиваются в разговор, их влияние на респондента все равно может быть значительным, так как он невольно соотносит свои ответы с их возможной реакцией [127, с.124]¹⁸.

Таким образом, место интервью по возможности должно быть выбрано так, чтобы минимизировать факторы, препятствующие установлению контакта с интервьюируемым. В частности, этого можно достичь, если увести респондента из той обстановки, которая постоянно напоминает ему о его обязанностях и делах. Интервьюируемые чувствуют себя более раскованно, если сидят в удобных креслах и между ними и интервьюером нет преград в виде столов или конторок. Американский автор В.Донохью считает, что, если стол все же должен быть использован, то интервьюеру и респонденту следует расположиться с угла на угол, а не так, чтобы между ними была вся поверхность стола [145, с.33].

Способ записи интервью. Существуют три способа записи: магнитная звукозапись, запись от руки в процессе интервью и запись по памяти.

Если респондент не возражает против использования диктофона, такой способ записи является наилучшим. Случаи отказа записываться на диктофон, разумеется, бывают, но не так часто, как это думают люди, незнакомые с практикой интервьюирования¹⁹. Согласно имеющемуся опыту при проведении обследований на производственные, семейные, армейские и некоторые другие темы согласие дать интервью практически всегда влекло за собой и согласие на применение звукозаписи. Даже в интервью на темы

¹⁸Польский социолог К.Лютинская провела специальное обследование, в котором установила, что около половины всех интервью проводится в присутствии "третьих лиц". Из общего числа случаев присутствия таких лиц они вмешивались в беседу в 56% случаев. По степени влияния на ответы К.Лютинская выделяет три категории третьих лиц: 1) находящиеся в помещении, но не прислушивающиеся к беседе; 2) слушающие беседу; 3) вмешивающиеся в беседу [127, с.123-124].

¹⁹Подчеркнем, что речь идет не о случаях отказа от интервью, а о случаях отказа от применения звукозаписи при наличии согласия дать интервью.

преступности, теневой экономики и рэкета использовать диктофон удавалось гораздо чаще, чем этого можно было ожидать. Насколько можно судить, согласие дать интервью - более фундаментальное решение, чем решение о дозволении звукозаписи, и если респондент доверяет интервьюеру настолько, чтобы согласиться на первое, то очень часто это доверие распространяется и на второе²⁰.

Помимо повышения вероятности отказа от интервью использование звукозаписи создает также опасность искажений информации, так как не исключено, что при выключенном диктофоне респондент будет говорить более откровенно. Эта опасность тоже реальна, но и она часто преувеличивается людьми, лично не занимавшимися интервьюированием. Практика показывает, что, если респондент увлечен темой интервью, он забывает о диктофоне. Влияние диктофона часто бывает заметно только в первые минуты беседы, когда устанавливается контакт. Иногда респондент просит интервьюера остановить диктофон, чтобы сообщить некую информацию "не для записи". Интервьюер должен пойти навстречу этому требованию, но в нашей практике такие случаи возникали не так уж часто. Разумеется, среди респондентов встречаются "хитрые", неразговорчивые, искажающие или скрывающие информацию²¹. Однако выключение диктофона, как правило, не повышает степень их разговорчивости или откровенности.

При использовании диктофона интервьюер должен:

- привыкнуть к нему настолько, чтобы забыть о его существовании (нервозность опрашивающего передается респонденту);
- безусловно знать технику его использования (путаница в проводах и кнопках воспринимается респондентом как несобранность);
- до начала интервью проверить исправность диктофона и его готовность к работе;
- во время записи внимательно следить за его работой с целью своевременной фиксации остановки движения пленки (это особенно

²⁰В ходе предварительного обсуждения данной работы некоторые социологи, имеющие опыт интервьюирования с диктофоном, не согласились с этим утверждением. Расхождение нашего опыта с опытом некоторых наших коллег можно объяснить двумя причинами. Во-первых, различные темы интервью вызывают различное по силе сопротивление, и различные контингенты респондентов обладают различной психологией. Это означает, что число отказов должно варьировать в зависимости от предмета исследования. Во-вторых, способность уговорить респондента применение диктофона является частью стратегии установления контакта. Индивидуальные способности интервьюеров в этой области сильно различаются, о чем еще будет сказано ниже.

²¹В литературе можно встретить целые типологии "плохих" респондентов, в том или ином смысле дающих некачественную информацию. К числу таких респондентов относятся: тревожные, напряженные, занимающие оборонительную позицию, флегматичные, вялые, несобранные, слишком разговорчивые, чрезмерно старающиеся помочь интервьюеру, упрямые, надменные, враждебные, хитрые. Хороший респондент - это своего рода коллега, обсуждающий с интервьюером проблему исследования. Перед началом интервью респонденту следует разъяснить, что магнитофонная запись нужна только для научной точности; исключены любые формы публичного воспроизведения речи без согласия на то респондента. Включив магнитофон, в целях снятия напряжения можно начать с обсуждения нейтральных тем, не затрагивающих "я" респондента (таковы, впрочем, общие рекомендации для всех видов интервью).

относится к отечественным исследователям, которые, как правило, вынуждены пользоваться изношенной и ненадежно работающей техникой).

В интервью с применением звукозаписи иногда возникают ситуации, когда респондент, в принципе не возражая против использования диктофона, просит до его включения заранее "отрепетировать" интервью. Интервьюер ни в коем случае не должен на это соглашаться. Как отмечает Э.Чамокова, последующее интервью превращается в спектакль, да еще фальшиво сыгранный. Респондент (это неоднократно проверено практикой) не может повторно воспроизвести сказанное им с той же искренностью, увлеченностью и детальностью, которые имели место во время "репетиции". Очевидно, как пишет Чамокова, в этом случае происходит нарушение спонтанности интервью. Если респондент все же настаивает на "репетиции", возможно применение следующей тактики: интервьюер внимательно слушает, запоминает или записывает сказанное, но не проводит работы по конкретизации тем и раскрытию их содержания. Когда магнитофон включен, опрос строится не как повторение сказанного, а как его детализация и уточнение. Респондент в этом случае не воспроизводит сам себя наподобие диктофона, а думает, уточняет, переформулирует. Пример на эту тему из статьи Чамоковой выглядит так:

Интервьюер: Вы сказали, что, оценивая произведения искусства, эксперт должен руководствоваться законами прекрасного. Правильно я Вас воспроизвожу?

Респондент: Да. Да. Именно.

Интервьюер: А теперь давайте уточним. Что Вы понимаете под законами прекрасного?

Высоко оценивая предложенный Чамоковой методический прием, однако отметим, что он, к сожалению, не всегда срабатывает. Порой во время "репетиции" респондент начинает говорить столь подробно и детально, что, во-первых, интервьюер не в состоянии все запомнить, а во-вторых, полнота раскрытия тем такова, что деализировать их дальше уже не имеет смысла. В таком положении интервьюер имеет два выхода. Первый - это отказаться от звукозаписи и сделать ставку на запись от руки. Второй выход - это оборвать интервью, попросив разрешения прийти вновь примерно через неделю. В последнем случае интервьюер должен честно объяснить респонденту мотивы такого решения. Следует сказать примерно следующее: "Поймите, мы делаем пустую работу. Все, что Вы говорите, для нас очень важно, но я не в состоянии это запомнить".

Следующий способ записи интервью - это запись от руки непосредственно в ходе беседы. Идеальным вариантом было бы использование стенографии, однако интервьюеры, как правило, не владеют этим искусством, а использование стенографистов резко удорожает процесс исследования. В связи с этим наиболее типичный вариант заключается в том, что интервьюер сам записывает интервью, не пользуясь методом стенографии. Записать дословно все высказывания респондента в таком случае невозможно. В связи с этим данный способ записи не совсем правильно было бы назвать

записью от руки. Речь должна идти о сочетании записи от руки в процессе интервью с последующим восстановлением полного текста по памяти. Делая записи по ходу интервью, интервьюеру не следует стремиться к воспроизведению полных фраз. Если он пойдет по такому пути, то, записав одну фразу, он пропустит несколько следующих. Поэтому путем записи следует фиксировать не фразы, а скорее ключевые слова и обрывки фраз, которые потом, опираясь на собственную память, интервьюер сможет расшифровать.

Как показывает практика, данным методом можно получить достаточно полные тексты интервью без существенных их искажений. Разумеется, расшифровка должна по возможности скорее следовать за интервью, чтобы его детали не стерлись из памяти. Некоторые авторы считают, что ее обязательно следует делать в тот же вечер. Наш опыт показывает, однако, что сделанные в ходе интервью обрывки записей помогают восстановить текст и через существенно большие промежутки времени, а именно и через одну-две недели, возможно, даже через месяц. Основным недостатком данного метода являются не искажения и сокращения, как думают многие, а то, что к стадии обработки текста интервью невозможно подключить помощников. Записи, сделанные интервьюером, может расшифровать только он сам, и это накладывает очень существенные ограничения на количество материала, которое может быть собрано. Следует еще учитывать, что запись от руки с последующей расшифровкой должен осуществлять только квалифицированный и, главное, сильно мотивированный и заинтересованный в результатах работы интервьюер. При использовании диктофона теоретически можно (хотя и нежелательно) привлекать к работе интервьюеров не очень высокой квалификации; работающих только за деньги, а не за интерес, в надежде на то, что опрашиваемый разговориться сам и диктофон полностью зафиксирует его высказывания. При записи от руки этот вариант не срабатывает, так как не очень заинтересованные интервьюеры в подавляющем большинстве случаев очень сильно (вплоть до обесмысливания) сокращают тексты интервью.

Интервьюирование с использованием записи от руки целесообразно вести тандемом, т.е. вдвоем. Это позволяет ввести разделение труда, при котором один из исследователей преимущественно ведет беседу, делая, возможно, краткие записи, а второй преимущественно записывает, задавая собственные вопросы в конце интервью. Отметим попутно, что интервьюирование тандемом может вестись и при использовании магнитофонной записи, но и в этом случае исследователи должны разделить функции так, чтобы интервью вел кто-то один, а второй приберегал свои вопросы под конец. Несоблюдение этого правила обычно ведет к хаотичной смене и обрывам тем, поскольку у каждого из опрашивающих возникают свои ассоциации и свои вопросы, не связанные с вопросами его коллеги в единую логическую структуру.

Учитывая, что скорость записи от руки намного отстает от скорости устной речи, интервьюер вправе просить опрашиваемого говорить медленнее или делать небольшие паузы. Слова интервьюера:

“Подождите, я записываю” практически во всех случаях воспринимаются респондентом с пониманием и не нарушают хода интервью.

Запись по памяти после интервью используется в случае категорического запрета на какие-либо формы записи со стороны респондента или в том случае, если нет надежды получить разрешение на запись. Недостатки этого метода достаточно очевидны. Прежде всего укажем, что даже очень квалифицированный интервьюер не всегда правильно понимает опрашиваемого в ходе интервью, а порой, при обсуждении сложных вопросов, перестает понимать его вообще. В случае применения магнитной записи в этом нет ничего страшного, поскольку исследователь имеет возможность понять суть обсуждаемого вопроса в ходе обработки интервью. Сложнее это сделать при использовании записи от руки. Что же касается записи по памяти, то здесь восстановление непонятых интервьюером частей невозможно, поскольку то, что непонятно, вообще не сохраняется в памяти. Далее, отсутствие подспорья хотя бы в виде очень отрывочных записей резко сокращает продолжительность сохранения в памяти содержания интервью. Здесь, по-видимому, правомочно настаивать на том, чтобы интервьюер сделал запись немедленно, как только предоставится возможность. Эффективным средством получения более полных и качественных текстов является интервьюирование тандемом, которое из-за отсутствия записи более необходимо, чем в двух предыдущих случаях. Если в беседе участвовали два интервьюера, то, как правило, в памяти у них откладываются разные элементы интервью, которые они могут соединить воедино путем совместной работы. Очень эффективно помогает работе памяти совместное вспоминание, напоминание друг другу высказываний респондента, так как вспоминание одного вызывает ассоциативную связь у другого и наоборот.

Высокая трудоемкость восстановления текстов интервью в случае записи от руки или по памяти может быть сокращена за счет надиктовки на магнитофон с последующей передачей магнитных лент техническим исполнителям для их расшифровки.

3.3. Начало интервью

Под начальной стадией интервью понимается достижение предварительной договоренности с респондентом, если таковое имеет место, и первые минуты непосредственного общения с ним, включая вводную, или вступительную часть беседы и первые вопросы.

Начало интервью выделяется в особый этап в связи с тем, что оно выполняет специфические функции. Эти функции связаны не с получением информации, а с установлением психологического контакта с респондентом. В зарубежных учебниках слово “контакт” часто определяется такими выражениями, как “установление атмосферы открытости и доверия” или “разбивание льда”.

Описание проблемы установления контакта целесообразно начать с характеристики двух специфических видов интервью, в которых

наиболее ярко представлена природа явления, которое может быть охарактеризовано как "психологический контакт". Первый вид - это так называемые клинические или психотерапевтические интервью. Как известно, клиническое интервью используется в психиатрии и медицинской психологии средство для оказания помощи пациенту в осознании им своих внутренних затруднений, конфликтов, скрытых мотивов поведения. При этом решающим фактором эффективности лечебного воздействия является психологический контакт, основанный на взаимном доверии и способности врача к сопереживанию (эмпатии).

Исследования в области психотерапии показали, что индивид способен испытывать положительные эмоции от процесса общения как такового и от личных взаимоотношений, частью которого они являются. Влияние этого фактора возрастает в тех случаях, когда интервьюер предлагает респонденту поговорить на волнующие его темы, особенно если у респондента нет иной адекватной возможности выразить свои мнения или проблемы. Иными словами, практика психотерапии показывает, что респондент получает удовлетворение от разговора с понимающим и чутким человеком.

Интервьюеры, работающие в сфере социологических исследований, часто бывают удивлены, неожиданно встретив такую мотивацию в интервью, которое не предполагает терапевтического воздействия на респондента и вообще не приносит ему никакой "пользы". Тем не менее опыт показывает, что если интервью проводится правильно, то такая внутренняя мотивация обычно присутствует. В подтверждение сказанному Кан и Кеннел описывают следующий эксперимент [157, 47]. Исследовательский центр по проведению опросов в США разослал почтовые анкеты респондентам, которые незадолго до этого были проинтервьюированы по различным проблемам. В анкете задавался вопрос, что больше всего произвело впечатление на респондентов. Анализ ответов показал, что основным фактором установления и поддержания контакта был не сам предмет интервью и не вопросы, которые задавались, а характер взаимоотношений, который устанавливался между интервьюером и респондентом.

Известный американский психотерапевт К.Роджерс определил ряд качеств или характеристик психологической атмосферы, которая помогает интервьюеру добиться установления контакта. Первое - это теплота и отзывчивость со стороны интервьюера, которая выражается в интересе к респонденту и в принятии его как личности. Второе качество характеризуется как позволение выражать свои чувства. Интервьюер принимает утверждения респондента при абсолютном отсутствии какого-либо морализирующего или осуждающего отношения. Придерживаясь такой доверительной установки, пронизывающей всю атмосферу интервью, он добивается того, что респондент понимает: все его чувства и все отношения могут быть высказаны. В этом случае опрашиваемый не испытывает ни агрессивных побуждений, ни слишком большой вины или стыда - все может быть вынесено на обсуждение. Третья характеристика - это свобода от любого типа давления или принуждения. Умелый интервьюер воздерживается от

навязывания своих собственных мнений, суждений или оценок в ситуации интервью.

Основное условие оптимальной коммуникации заключается в том, что респондент должен воспринимать интервьюера как человека, готового понять и принять его самого и все, что он скажет. В психотерапии и в большинстве социологических интервью интервьюер не должен восприниматься как человек, реакции которого могут быть враждебными или неожиданными. Это означает, что респондент должен воспринимать интервьюера как человека, способного понять его точку зрения. Климат интервью в большей степени будет зависеть от поведения интервьюера и от характера отношений, которые он установит, чем от таких внешних факторов, как одежда или внешность, хотя и они могут давать определенные начальные импульсы.

Наряду с терапевтическими интервью проблему установления контакта целесообразно рассмотреть еще на одном примере, который будет заимствован нами из одного интересного, но малоизвестного и, пожалуй, неожиданного источника. Это статья Л.Б.Филонова и В.И.Давыдова "Психологические приемы допроса обвиняемого" [115]. Данная статья представляет интерес сразу в двух отношениях. Во-первых, это исследование было выполнено исключительно на основе метода фокусированного интервью со следователями по уголовным делам. Материал, полученный в результате исследования, демонстрирует силу этого метода и, применительно к данному случаю, полную невозможность получить аналогичную информацию с помощью формализованных анкет. Во-вторых, допрос обвиняемого - это, по сути, интервью, хотя и очень специфичное, поэтому рассмотрение аналогий с социологическим интервью может оказаться полезным.

Один из главных выводов, сделанных исследователями (а точнее, самими опрошенными следователями, поскольку исследователи в данном случае лишь ретранслировали их выводы), заключается в следующем: очень часто успех следствия зависит от того, в какой мере следователю удалось установить контакт с обвиняемым. Под словом "контакт" в данном случае понимается достижение упомянутой выше атмосферы искренности и доверия, во время которой обвиняемый сам рассказывает о совершенном им преступлении, порой даже выражая стремление "излиться в беседе" и "поговорить по душам". Парадоксально при этом, что на основании полученных от обвиняемого сведений следователь оформляет ему уголовное дело и увеличивает срок наказания.

О психологической природе "контакта" исследователям мало что удалось узнать, так как опрашиваемые следователи затруднялись вербализовать свои представления по данному вопросу. Совершенно очевидно, что природа этого явления лежит в области бессознательного, причем мотивационные механизмы установления контакта с разными людьми могут быть различными. Это подтверждается тем, что, по мнению следователей, к каждому обвиняемому нужен специальный подход. Неопытные следователи говорили, что определение нужного подхода - дело сложное и не всегда получается. В противоположность им наиболее опытные

следователи заявляли, что с определениями правильного подхода у них нет никаких проблем. Часто можно определить правильный подход при первом же знакомстве с обвиняемым, даже по тому, как он здоровается, как садится, какие слова произносит первыми и т.п. При этом ни один из опрошенных следователей не смог дать ясного ответа на вопрос, на основе каких критериев они выбирают ту или иную тактику ведения допроса в каждом конкретном случае. Не отвечая на этот вопрос по существу, следователи обычно ссылались на свое "чутье" и на "следственную интуицию" [115, с.121].

Нет нужды повторять, что допрос - это очень специфичное интервью, в котором следователь располагает мощными инструментами давления на психику обвиняемого и принуждения его к даче показаний. В социологическом исследовании такие методы абсолютно неприменимы. Тем не менее описанное выше исследование показывает иррациональную природу контакта, которая явно не сводится к тем или иным соображениям респондента о "выгоде" или "пользе" участия в интервью.

Наличие иррациональных (бессознательных) мотивов к искренней беседе, невзирая на отсутствие от этой беседы какой-либо "пользы" для респондента, позволяет сделать вывод о том, что мотивы, побуждающие к участию в интервью и к отказу от него, по своей природе асимметричны. Данный вывод сродни выводу Ф.Херцберга, занимавшегося изучением трудовых мотиваций, об асимметрии мотивов, формирующих позитивное и негативное отношение к труду. Данное сравнение является, вероятно, чем-то большим, чем простая аналогия²². Думается (это наша гипотеза), что мотивы, порождающие так называемые хотгорнские эффекты, позитивные стимулы к труду Херцберга и мотивы, формирующие позитивное отношение к интервью, имеют сходную психологическую природу, однако этот вопрос требует экспериментальной проработки.

Не располагая собственной типологией позитивных и негативных мотивов к участию в интервью, приведем типологию, предложенную Р.Горденом [152, с.119-155]. По аналогии со сказанным нами выше, Горден указывает, что устанавливая контакт с респондентом, интервьюер сталкивается с наличием в его сознании как "ингибиторов" (т.е. замедлителей, препятствий), так и "помощников" общения. Природа ингибиторов видится в виде барьеров или препятствий к общению, которые должны быть устранены, обойдены или отодвинуты из сознания респондента. Помощники общения - это не просто отсутствие препятствий, но наличие позитивной силы, мотивирующей респондента к общению. На стадии установления контакта с респондентом перед интервьюером стоит задача понять, какие из ингибиторов имеют место в данном случае и какая тактика может быть наиболее эффективна для их обхода.

В первые моменты встречи с респондентом ингибиторы почти все-

²²Классические труды Ф.Херцберга, к сожалению, в СНГ не опубликованы. Реферат работ Херцберга был опубликован в 70-е годы в реферативном сборнике ИНИОН с грифом "Для служебного пользования". Не имея под рукой этого сборника, мы не можем дать более точную ссылку.

гда доминируют. Если "разбивание льда" проходит успешно, их действие постепенно ослабевает, освобождая место для позитивных мотивов. В тех случаях, когда это замещение происходит успешно, контакт устанавливается и интервью начинает набирать темп. Задача интервьюера заключается, таким образом, в минимизации влияния ингибиторов и максимизации действия "помощников".

Горден описывает систему из восьми "помощников" и восьми ингибиторов, оговаривая при этом, что предполагаемая им классификация грешит эклектизмом, но зато выведена практически из анализа сотен интервью.

ПОМОЩНИКИ ОБЩЕНИЯ

1. *Стремление к выполнению ожиданий.* Если на человека воздействуют извне чьи-то ожидания, то он часто, сознательно или бессознательно, стремится на них отреагировать. Горден считает, что стремление к выполнению ожиданий - одна из главных сил в социальном общении. Как отмечают Кан и Кеннел [56, с.48], среди социальных норм, принимаемых большинством людей, существуют и такие простые добродетели, как вежливое обращение с незнакомыми людьми, гостеприимство по отношению к визитерам, ответы на вопросы, правдивость, уважение к людям, выполняющим свои должностные обязанности и т.п. Эти мотивы не настолько сильны, чтобы обеспечить участие респондента в долгом и трудном интервью, но во всяком случае, они дают интервьюеру возможность актуализировать более сильные мотиваторы, которые будут описаны ниже. Наличие указанных норм означает также, что в типичном случае респондент не склонен вести себя, как злоумышленник на допросе. При отсутствии каких-то веских причин к сокрытию информации респонденты склонны отвечать на вопросы, а не отмалчиваться, говорить правду, а не заниматься вымыслами. В тех ситуациях, когда требования интервьюера скромны и потенциальная угроза для респондента сведена к минимуму, эти нормы могут выработать существенные мотивации для достижения цели интервью.

Сказанное означает, что при установлении контакта с респондентом интервьюер должен передавать ему общие ожидания сотрудничества и ответов на конкретные вопросы. Это не столь банально, как кажется. Когда мы говорим о передаче интервьюером своих ожиданий, следует различать вербальный и невербальный аспекты. Неопытный интервьюер, которому не хватает уверенности или который не считает свою задачу важной, часто только на словах просит респондента предоставить информацию, в то время как все его невербальное поведение свидетельствует о наличии сомнения в том, что у него есть право надеяться на ответ. Интервьюер должен сознавать, что его невербальное поведение по отношению к респонденту играет очень большую роль, работая по принципу "эмоциональной индукции". В некоторых случаях негативные ожидания (бессознательный страх) интервьюера мешает ему правильно понимать реакции респондента (позитивные реакции последнего истолковываются как негативные вследствие предубежденного отношения). Если поведение респондента

истолковывается интервьюером негативно, это ощущение ретранслируется обратно к респонденту. Возникает круговая реакция, в которой один аспект усиливает другой, в результате чего интервьюер приходит к выводу, что контакт с респондентом установить невозможно.

2. *Потребность в признании и одобрении.* Как известно, все люди нуждаются в признании и одобрении со стороны других. Опытный интервьюер часто использует это свойство, стараясь при любой возможности высказать респонденту свое искреннее одобрение. В дополнение к прямой похвале существуют и косвенные способы. К примеру, респонденту можно польстить, сказав, что он выбран потому, что компетентен и располагает нужной информацией. Как и в предыдущем случае, важную роль играет невербальное поведение интервьюера. Это поведение должно демонстрировать искренний интерес ко всему, что говорит респондент.

Согласно статье Давыдова и Филонова следователи по уголовным делам используют в своей работе потребность человека в признании и одобрении. Это находит свое отражение в применении ими специального психологического приема, который они называют "использование положительных черт личности". Часто при допросах они апеллируют к смелости допрашиваемого, к его честности, прямоте, бескорыстию. Для достижения той же цели могут упоминаться заслуги обвиняемого в прошлом, его служебное и семейное положение [115, с.115]. Все эти меры способствуют установлению контакта с обвиняемым, а контакт - к достижению признания.

3. *Использование альтруистических мотивов.* У людей существует потребность в служении какой-то высшей цели или делу, выходящих за рамки их непосредственных личных интересов. Поступки, исходящие из этих мотиваций, можно охарактеризовать как альтруистические. Альтруистическая установка - важный мотив к сотрудничеству в социологических, психологических и антропологических исследованиях. На практике нередко респонденты добровольно предоставляют информацию, приносящую им неприятность и боль, если они считают, что это может помочь другим людям или служит иной важной цели.

4. *Потребность в сочувственном понимании.* Данная потребность отличается от потребности в одобрении, которая требует констатации успеха со стороны окружающих. Существуют, по-видимому, два основных мотива, формирующих потребность в сочувственном понимании - это стремление пожаловаться собеседнику на трудности и тяжелую жизнь и стремление к самооправданию в ситуации внутреннего морального конфликта. Обычно люди ищут сочувственного понимания у родных и близких, но оно может быть оказано также врачом или интервьюером. Стремление к сочувственному пониманию помогло, в частности, одному российскому журналисту, писавшему очерк о валютных проститутках. Пробившись сквозь барьер недоверия, он, по его словам, обнаружил у них большую потребность выговориться, благодаря чему и сумел собрать обширный материал.

Многие люди готовы говорить о своих проблемах бесконечно, лишь бы был сочувствующий слушатель. Данное качество превращается

порой из помощника в препятствие к получению информации. Это происходит в тех случаях, когда тема интервью не совпадает с плоскостью проблем, в области которых респондент хотел бы получить сочувственное понимание интервьюера. В этом случае интервьюер должен поддерживать определенный баланс между своим стремлением направить беседу в нужное для исследования русло и стремлением респондента поговорить о своих проблемах. Жесткий обрыв тем, не связанных с проблематикой интервью, и сопутствующий ему отказ в сочувственном понимании может разрушить достигнутую в начале беседы атмосферу искренности и доверия. Следует еще оговорить, что проблемы, о которых хочет говорить сам респондент, могут неожиданно оказаться релевантными для исследования, порой даже более релевантными, чем вопросы, заготовленные исследователем. В связи с этим исследователю следует внимательно отнестись к сообщениям респондента, высказанным им в расчете на сочувственное понимание с его стороны.

5. *Приобретение нового опыта.* Часто интервью становится для людей новым и интересным занятием. Это может являться самостоятельным мотивом к сотрудничеству. Просьба дать интервью может восприниматься респондентом как престижное предложение, повышающее его самооценку.

6. *Катарсис (очищение).* Под катарсисом в данном случае понимается процесс, посредством которого человек получает освобождение от неприятного эмоционального напряжения, выговариваясь. Священники и психотерапевты часто сталкиваются в своей практике с явлением катарсиса как освобождения от чувств вины (сознательной или подсознательной). Следователи, стремящиеся вызвать у обвиняемого упомянутое выше стремление "излиться в беседе" и "поговорить по душам", по сути, также стремятся спровоцировать катарсис.

Катарсис и потребность в сочувственном понимании взаимосвязаны, но это не одно и то же. Возможна ситуация, когда потребность в сочувственном понимании может быть удовлетворена без катарсиса, но невозможно обратное, т.е. сочувственное понимание предшествует катарсису. "Черствому" интервьюеру, у которого нет желания слушать то, что ему кажется несущественной эгоцентрической болтовней, часто не удается получить важного конфиденциального признания.

7. *Потребность в познании смысла.* Это стремление получить ответы на вопросы типа "К чему мы идем?", "Почему все происходит так, а не иначе?" Согласно трактовке Гордена каждое общество и составляющие его субкультуры имеют системы ценностей, объяснений и мифов, упорядочивающих реальность, в которой живут его члены. При изменении социальных условий система представлений индивида оказывается несостоятельной в отношении тех реальных событий, которых невозможно избежать. Социологи хорошо знают, что разрушение привычного образа жизни в результате войн, депрессий и других больших кризисов (наподобие "перестройки") заставляет людей пересматривать свои ориентации и заново искать смысл случившегося.

Индивиды, у которых сломана прежняя система жизненных ориентаций, активно занимаются поиском новых, что усиливает их склонность к социальным контактам и к активному участию в беседах.

Другим источником нарушения социальных ориентаций и необходимости выработки новых являются не общественные изменения, а индивидуальные (личностные) жизненные кризисы, связанные, в частности, со сменой жизненных циклов индивида. Поиск смысла жизни молодежью, разрыв с родителями, отказ от иллюзий, осознание того, что жизнь не вечна и другие аналогичные жизненные кризисы создают сильную мотивацию поговорить на эти темы.

8. *Внешние стимулы.* Эти стимулы связаны не с активизацией внутреннего стремления индивида "поговорить", а со своего рода наймом его для работы респондентом. Основным внешним стимулом является оплата времени, затраченного респондентом. Другим вариантом таких стимулов может быть оказание помощи в решении проблем индивида. Необходимость в использовании внешних стимулов возрастает по мере снижения внутренних мотиваций и по мере роста затраченного времени и усилий респондента. Использовать внешние стимулы целесообразно лишь в тех случаях, когда внутренних стимулов оказывается недостаточно. Это не только вопрос экономии средств исследователя, но и в определенном смысле вопрос исследовательской этики, бережного отношения к ресурсу общества добровольно содействовать социальным исследованиям. Бесконтрольная и зачастую безответственная выплата денежных сумм респондентам закрывает путь для дальнейшего сотрудничества с ними на добровольной основе, иными словами, портит "социологическое поле". В связи с этим при подготовке исследования необходимо взвесить, действительно ли затраты времени и труда респондента столь существенны, а специфика обследования столь мало затрагивает их внутренние мотивации, что использование внешних стимулов становится необходимым.

Описанный выше перечень позитивных стимулов к участию в интервью, по-видимому, не является исчерпывающим, а классификация - не единственно возможной. В литературе можно встретить множество разнообразных рекомендаций и наблюдений, касающихся проблемы "пробуждения" у респондента позитивных мотиваторов к беседе. Эти рекомендации было бы целесообразно систематизировать, но нами такая работа не проводилась.

ИНГИБИТОРЫ ОБЩЕНИЯ

Р.Горден предлагает типологию из восьми "ингибиторов", столько же, сколько и "помощников", однако в данном случае это лишь простое численное совпадение, поскольку перечень ингибиторов не является зеркальным отражением перечня помощников. Четыре из восьми ингибиторов ведут к тому, что респондент не хочет предоставлять информацию, а четыре к тому, что он не может ее предоставить. По нашему мнению, типология ингибиторов Гордена не вполне логична, поскольку часть из них препятствует установлению и поддержанию контакта, а часть - получению нужной информации вне связи с проблемой установления контакта (имеются в виду ограничения памяти и т.п.). В связи с этим в данном разделе будут описаны лишь первые

четыре ингибитора, препятствующие установлению контакта.

1. *Необходимость найти время для интервью.* Респондент колеблется, следует ли ему принять участие в интервью, потому что он может использовать это время как-то по-другому. Дефицит времени следует разделять на абсолютный и относительный. Некоторые респонденты (например, руководители высокого ранга) действительно бывают настолько загружены, что им физически трудно найти время для интервью. Относительный дефицит времени - это скорее нежелание давать интервью в тех случаях, когда респондент считает его ненужным и пустым занятием. На практике исследователи, как правило, встречаются со вторым случаем. Даже очень занятые респонденты, если они убеждены в значимости интервью и добровольно хотят предоставить информацию, находят время для беседы.

Отказ, мотивированный дефицитом времени - это типичный случай ингибитора, действующего по принципу "барьера", который в случае его преодоления перестает играть какую-либо роль. Самое трудное в этом случае - убедить респондента вступить в беседу. Если интервью начато и пошло успешно, ощущение ненужности и скуки исчезает, сменяясь увлечением.

2. *Угроза своему "я".* Этот фактор сопротивления часто является основным и наиболее труднопреодолимым. По понятным причинам респондент склонен скрывать информацию, которая в том или ином смысле может угрожать его "я". Это чувство может варьировать от легкого колебания до безоговорочного отказа в предоставлении информации. Часто бывает, что респондент разрывается между желанием скрыть информацию и желанием выговориться.

Существует три типа угрозы "я" респондента.

а) *Подавление или вытеснение сведений из сферы сознания.* Респондент при этом не просто отказывается предоставить информацию, он скрывает ее от самого себя, чтобы сохранить чувство собственного достоинства или избежать чувства вины. Респондент бывает честен, когда говорит о том, что не знает или не помнит чего-то. Этот уровень угрозы "я" обычно занимает психиатра, психоаналитика и клинического психолога, но он может встречаться и в социологическом интервью.

б) *Психологические факторы угрозы "я", не связанные с подавлением или вытеснением.* В этом случае респондент, хотя и располагает информацией, но не решает ее предоставить, например, из опасения, что интервьюер ее не одобрит. Респондент может также отказываться предоставлять информацию, считая ее интимной и сугубо личной. Иногда респондент боится реакции не столько самого интервьюера, сколько своего окружения в случае "утечки информации". В последнем случае интервьюер должен попытаться убедить респондента в конфиденциальности получаемой от него информации.

в) *Реальная угроза, которой подвергнется респондент в случае "утечки" сообщаемой им информации.* Нередко эта угроза бывает столь серьезной, что респондент, невзирая на заверения об анонимности, просто не желает рисковать, опасаясь, что по случайности или небрежности интервьюера информация все же может дойти до тех

лиц или организаций, от которых исходит угроза. Такова, например, типичная причина уклонения от интервью либо неоткровенности многих хозяйственных руководителей, опасаящихся, что информация о совершаемых ими нарушениях хозяйственного законодательства может повлечь за собой возбуждение против них уголовного дела.

3. *Этикет*. Этот тип ингибиторов является своего рода этическим фильтром, поощряющим передачу информации одного типа и препятствующим передаче информации другого типа. Здесь возможны такие мотивы, как стремление пощадить чувства интервьюера, нежелание разглашать чужие секреты, стремление скрыть негативную либо интимную информацию о лицах, которым респондент чем-то обязан, от которых находится в зависимости, с кем находится в хороших либо, наоборот, в плохих отношениях. Искажающее влияние этикета может также проявиться в предоставлении той информации, которая порадовала бы интервьюера.

4. *Травма*. Данное слово используется для обозначения неприятного опыта, связанного с каким-то критическим событием. Это неприятное чувство переживается вновь, когда человек рассказывает о пережитом. Травму следует отличать от угрозы своему "я", связанную с переживанием чувства вины. В случае травмы респондент не чувствует своей вины в совершившемся, но ему неприятно говорить о том, что произошло.

Как и в случае с мотивами, побуждающими респондента к беседе, предложенная Горденом типология мотивов противодействующего характера не является исчерпывающей. Продолжая их перечень, можно назвать такие: цель интервью кажется респонденту маловажной, содержание - неинтересным; интервьюер представляется респонденту не внушающим доверия человеком; опрашиваемый может не хотеть популярности, опасаться рекламы; мотивом отказа может быть недоверие к "науке", в частности, к социологии (в последнем случае можно услышать фразы типа "Зачем вам это нужно?", "Кто-то диссертацию пишет" и т.п.).

Кан и Кеннел указывают, что в некоторых случаях мотивом отказа от интервью может быть определенный негативный стереотип, накладываемый респондентом на интервьюера. К примеру, если респондент ощущает недостаток образования или разницу в экономическом положении между ним и интервьюером, он может решить, что интервьюер не в состоянии понять его семейные обстоятельства или иные трудности. Другой пример: респондент, придерживающийся радикальных политических взглядов, может воспринимать интервьюера настолько сильно отличающимся от него самого, что терпимость к его точке зрения нежелательна. Когда респондент заключает, что интервьюер находится вне определенных рамок коммуникации, вероятность получения полного и значимого интервью сокращается.

Практический вывод, который должен быть сделан, исходя из рассмотрения системы побуждающих и противодействующих мотивов, заключается в следующем. Приступая к установлению контакта, интервьюер может априори предполагать, что у респондента имеются позитивные мотивы к сотрудничеству, которые необходимо актуализи-

зировать. Существуют также мотивы отказа от сотрудничества, которые необходимо прежде всего правильно понять и, исходя из этого, попытаться преодолеть. В преодолении этих мотивов всегда труден первый шаг. По мере развития интервью актуализируются позитивные мотивы и сопротивление, как правило, идет на убыль.

Установление контакта с респондентом является, по-видимому, наименее методически отрефлексированным этапом интервью. Большую роль в успешном преодолении "барьеров" играют индивидуальные способности интервьюеров. Обучение играет значительно меньшую роль, поскольку рациональные стратегии установления личностного контакта не отработаны. Факты свидетельствуют, что при проведении одного и того же исследования некоторые интервьюеры практически не сталкиваются с отказами респондентов вступить в беседу, тогда как у других интервьюеров число отказов бывает достаточно высоким. Определенную роль при возникновении отказов играют внешние данные интервьюера, например молодость или неряшливый внешний вид. Первое, в отличие от второго не поддается исправлению; тем более примечательно, что некоторые молодые интервьюеры с хорошими способностями, несмотря на их не внушающий доверия внешний вид, оказываются в состоянии не только установить контакт со старшими по возрасту респондентами, но и провести с ними серьезные интервью.

В целях совершенствования системы подготовки интервьюеров было бы полезно провести специальное исследование, подобное тому, какое Л.Филонов и В.Давыдов провели по отношению к следователям. Опросив опытных и успешно работающих интервьюеров (социологов и журналистов), можно получить сведения об используемых ими методах и приемах. В середине 70-х годов в нашей стране такую работу попыталась провести журналист Т.В.Шумилина [128]. Насколько можно судить, Шумилина опросила большое число журналистов, собрав богатый первичный материал. К сожалению, этот материал не был должным образом обработан, и вместо типологии в книге Шумилиной просто приводятся описания различных конкретных случаев в виде прямых цитат из интервью.

Таким образом, в отличие от основного этапа интервью, где накопленный поколениями социологов методический опыт служит существенным подспорьем в овладении искусством интервьюирования, на этапе установления контакта интервьюер по-прежнему в значительной мере вынужден делать ставку на свой опыт, интуицию и "чутье". Сказанное не означает, что методический опыт по проблеме установления контакта вообще отсутствует. Скорее он не подвергся должному осмыслению и поэтому подается в учебниках как недостаточно упорядоченный и отчасти "сырой" материал.

Ниже будет приведено описание способов установления контакта, основанное на литературных источниках и на личном опыте автора данной работы.

Процесс установления контакта с респондентом включает в себя предварительный сбор сведений о нем, достижение договоренности о встрече и, наконец, само начало интервью. Это, так сказать, полная

схема, поскольку на практике первые два элемента по тем или иным причинам не всегда выполняются. Тем не менее целесообразно рассмотреть именно полную схему, которая, в случае ее выполнения, создает наибольшую вероятность успешного установления контакта.

Сбор сведений о респонденте. Этот этап особенно необходим при проведении наиболее важных интервью, в которых избранный респондент является уникальным, т. е. беседа с ним не может быть заменена беседой с другим лицом. Сбор сведений не только способствует установлению контакта, но и повышает качество самого интервью, содействуя лучшей ориентации интервьюера.

Предварительный сбор информации может преследовать две цели. Во-первых, это получение сведений о личных качествах респондента, которые могут способствовать либо препятствовать установлению контакта. Во-вторых, это своего рода предметная подготовка, т. е. подготовка по предмету и основным темам интервью. Такая подготовка проводится в основном в тех случаях, когда предмет интервью связан с профессиональной деятельностью респондента.

Сведения о личностных качествах могут быть получены путем опроса друзей (или недругов) респондента, а также его родственников, знакомых, сослуживцев или бывших сослуживцев. В ходе такого опроса важно выявить "больные места" респондента, т. е. вопросы, которых лучше либо вообще не задавать, либо задавать с осторожностью и не в самом начале интервью. Могут быть также получены сведения о привычках и слабостях респондента, а также о том, как лучше построить тактику установления контакта.

Сбор информации по предмету интервью целесообразно в основном проводить в библиотеке, просматривая учебники или иные общедоступные источники. Это необходимо потому, что респондент, как правило, не хочет давать информацию, которую можно найти в любом другом месте. Особенно это относится к респондентам, сильно загруженным по работе: "ничто так не раздражает занятого человека, чем разговор с неподготовленным интервьюером" [145, с.213]²³. Если опрашиваемый сам публиковался в прессе, целесообразно ознакомиться с его работами, а также с выступлениями и трудами его оппонентов.

Иногда в ходе интервью интервьюер может заметить, что респондент также собирал сведения о нем. Занимающие высокий пост респонденты нередко именно так и поступают. Журналисты, к примеру, часто замечают, что респонденты при встрече с ними показывают, что читали почти все материалы, написанные данным журналистом ко времени интервью.

Выше говорилось, что предварительный сбор сведений необходим

²³Последняя фраза нуждается в уточнении. Плохая подготовка может выражаться не только в слабом знании предмета, но и в несобранности респондента, замедленности его реакции, "тупости" и т. д. Вместе с тем хороший интервьюер, даже будучи совершенно неподготовленным, может иногда не только взять хорошее интервью, но и произвести впечатление знающего человека [128, с.93]. Все же и хорошему интервьюеру не следует пренебрегать предварительной подготовкой: излишняя самоуверенность, как известно, никогда не приносит пользы делу.

при проведении особо важных интервью. В менее ответственных случаях такая работа тоже желательна и полезна, но здесь интервьюер вправе принимать решение, соотнося трудоемкость сбора информации с возможным увеличением степени риска отказа, связанным с невыполнением данной методической рекомендации. В практике полевых исследований интервьюер часто не имеет времени, чтобы столь фундаментально подготовиться и вынужден поэтому идти "напролом", стараясь компенсировать свою неподготовленность высокой интервьюерской квалификацией (мобильностью, артистическими данными, серьезностью отношения к делу и т.д.)

Тезису о необходимости предварительной подготовки по предмету интервью, на первый взгляд, противоречит другой тезис, который гласит, что одна из распространенных ошибок начинающего интервьюера состоит в том, что он поддается искушению произвести на респондента впечатление своим знанием предмета интервью [145, с. 52]. Это противоречие является кажущимся по следующим причинам. Во-первых, очень часто респондент, пытающийся показать свою осведомленность, на самом деле демонстрирует лишь явную некомпетентность. Понятно, что мотивы респондента продолжать интервью в этом случае резко ослабевают. Во-вторых, предварительная осведомленность нужна интервьюеру вовсе не для того, чтобы похвастать ею перед респондентом. Как будет разъяснено ниже, интервьюер в ходе интервью вообще должен как можно больше молчать. Реальная польза от предварительной подготовки заключается в том, что интервьюер будет лучше ориентироваться в высказываниях респондента, правильнее их понимать, задавать более компетентные вопросы (последнее как раз и будет свидетельством для респондента, что интервьюер разбирается в предмете беседы). Интервьюер должен иметь в виду, что сколь бы фундаментально ни готовился он по предмету беседы, он все равно не сможет достичь столь же высокой квалификации, как респондент, посвятивший данной предметной области многие годы или всю свою жизнь. В связи с этим интервьюер имеет право и обязан просить объяснений у респондента в тех случаях, когда высказывания последнего становятся слишком сложными и непонятными. Мотивировка таких просьб должна быть честной: "Вы же знаете, я не специалист в этом вопросе".

Специфичный пример тактики установления контакта, основанной на предварительной подготовке, приводит журналист А.Аграновский в своих воспоминаниях о писателе Александре Беке: "Часто я вспоминаю урок, который преподавал мне, когда я только начинал работать, писатель Александр Бек. Он великолепный "беседчик", профессионал этого дела. Вместе с ним я попал однажды к известному авиаконструктору, ныне покойному. Он принял нас в генеральском мундире, в кабинете, где был его же мраморный бюст. Не скрою, я оробел. Бек же в три минуты заставил конструктора стать самым собой. Он спросил, кивая на бюст:

- Это кто вас делал, Виленский?

(После я узнал: Бек заблаговременно выяснил, что в кабинете есть

бюст и что автор его - скульптор Виленский).

Конструктор подтвердил. Бек посмотрел на него, посмотрел на бюст, сравнивая. Наконец сказал:

- Понимаете, это ведь было трудно. Дать сочетание высокого интеллектуального лба с курносым простонародным носом и безвольным подбородком... В общем получилось.

И конструктор на глазах превратился из генерала в обычного человека, который готов был запросто говорить с нами о жизни" [2, с.9-10]²⁴.

Не отрицая, что "театральные представления", подобные описанному выше, могут быть очень эффективными (кто умеет, пусть пользуется), отметим, что социологи обычно используют в своей работе более деловой стиль установления контакта.

Договоренность о встрече может быть достигнута при личном контакте, по телефону или путем письменного обращения. Все три варианта имеют между собой как общие черты, так и отличия.

Контакт с респондентами очень часто устанавливается именно на стадии достижения договоренности о встрече, поскольку дав согласие и назначив время, люди в редких случаях нарушают данное ими слово. Назначенная встреча может по вине респондента несколько раз откладываться, что обычно представляет собой одну из форм психологического сопротивления, но полный отказ от данного ранее обещания - это не столь часто встречающийся случай. Интервьюер,

²⁴ Многие журналисты говорили автору, что книги А. Аграновского "Суть дела" и "Ради единого слова" явились для них своего рода учебниками, методическими пособиями журналистского дела. Столь высокая оценка производит странное впечатление, так как с точки зрения социолога эти книги представляют собой скорее образец разболтанности журналистского мышления, связанный с отсутствием дисциплины мысли и неумением логически организовать большой по объему и тематически сложный материал. Сказанное не означает, что в указанных книгах отсутствуют интересные методические мысли, но они бессистемно разбросаны по всему тексту и выплывают из отсюда - большая и не очень благодарная работа. Очевидно, что студенты вынуждены учиться по книгам Аграновского из-за отсутствия хороших методических пособий по социологическому и журналистскому интервьюированию.

Дополнение 1993 г.: Приведенная выше критическая оценка книг Аграновского вызвала нарекания и даже обиду у некоторых читателей рукописи данной книги. В качестве аргумента обычно указывали на большие заслуги Аграновского перед отечественной публицистикой. По зрелым размышлениям автор решил сохранить данную сноску и пояснить следующее. Аграновский, бесспорно, был крупным публицистом 60-х годов. По-видимому, его можно считать основателем отечественной школы экономической публицистики, которая в 70-е и 80-е годы создала много сильных работ, прозвучавших на всю страну. Вместе с тем у этой школы были и слабые стороны, которые, возможно, следует трактовать как адаптационные явления применительно к условиям существующей тогда жесткой политической цензуры. К числу таких слабостей следует отнести чрезмерную эмоциональность (своего рода "развинченность") мышления, склонность разбавлять ценные объективные наблюдения собственными высокопарными и часто весьма наивными размышлениями. Можно, наверное, спорить о том, были ли названные книги Аграновского удачными учебными пособиями для журналистов применительно к условиям 60-х и 70-х годов. С нашей точки зрения, они даже для той поры не были удачными. Но в любом случае не следует забывать, что с позиций сегодняшнего дня 60-е, 70-е и даже 80-е годы - это другая эпоха, которая безвозвратно ушла в прошлое. То, что в постсталинское время могло быть новым и полезным, ныне стало анахронизмом. Современные условия жизни страны требуют от журналистов более жесткого, дисциплинированного и трезвого мышления. Думается, что мышление журналистов должно стать более "социологичным". Именно в таком стиле следует писать современные учебники.

проявивший терпение в случае откладывания встречи, как правило, бывает вознагражден хорошей беседой.

В условиях полевой работы интервьюер, добившийся личной встречи с респондентом без предварительного оповещения, часто не знает, будет ли эта встреча началом интервью или всего лишь попыткой договориться о новой встрече. Предложение дать интервью, как уже говорилось, далеко не всегда встречается с энтузиазмом. Наиболее чистая мотивировка отказа - "я слишком занят" - может отражать как действительную занятость респондента, так и формальную мотивировку, прикрывающую иные мотивы нежелания сотрудничества. В этой ситуации интервьюер уже не может настаивать на немедленном начале интервью, но за ним остается право предложить встретиться в другое время. При этом интервьюер должен постараться максимально развить возникший весьма слабый и шаткий контакт, который выразился в том, что респондент, хотя и неохотно, но все же соглашался вступить в переговоры. Обращаясь к респонденту с просьбой о встрече, следует "на том же дыхании" описать тему интервью, его значимость, вероятную продолжительность, дать познакомиться с вопросником либо зачитать из него первый вопрос. Все эти действия помогают преодолеть первоначальное сопротивление и способствовать "потеплению" отношения к интервьюеру.

В условиях, когда спешка или иные условия полевой работы не слишком давят на интервьюера, целесообразно не врываться в кабинет или квартиру опрашиваемого, а достичь с ним договоренности по телефону. Принципы ведения переговоров по телефону в основном те же, что и при личной встрече. Интервьюер или руководитель исследования должен представиться, назвать организацию, которая проводит исследования, его цели, разъяснить, в чем конкретно заключается просьба к респонденту. Иногда интервьюируемые просят показать им список вопросов, на которые им необходимо будет ответить. Если это не противоречит замыслу исследования, следует пойти навстречу этой просьбе.

При наличии предварительной договоренности начало интервью можно рассматривать как продолжение уже достигнутого ранее контакта. В этом случае первый вопрос может быть сформулирован как отсылка к уже состоявшейся беседе: "Когда мы говорили по телефону, мы коснулись того-то и того-то. Не могли бы Вы об этом рассказать?" В большинстве случаев наличие предварительного контакта способствует быстрому установлению дружелюбной атмосферы. Люди чувствуют себя более раскованно, если прежде уже разговаривали с вами.

Как уже было сказано, усилия по установлению контакта не всегда завершаются успехом. В практической работе всегда бывает больший или меньший процент отказов от участия в интервью. Столкнувшись с такими случаями, интервьюер должен иметь в виду, что отказ тоже может дать много информации. Несмотря на то, что респонденты, как правило, мотивируют свой отказ ссылками на занятость или иными нейтральными причинами, подлинные причины нежелания, как правило, прорываются сквозь скрывающие их

формулировки. С целью получения более развернутых мотивировок интервьюер может спровоцировать респондента на разъяснение причин своего негативизма, т.е. дать ему выговориться, хотя бы и в негативном плане. Полученная таким способом информация часто бывает очень ценна, так как по ней исследователь может отыскать путеводную нить к подлинным причинам сопротивления [см. в качестве примера 128, с.147].

Письменное обращение с просьбой об интервью может быть вручено лично, либо отправлено по почте. В первом случае письмо служит лишь дополнением к устным переговорам, во втором - основным средством установления контакта. При отправке по почте письмо должно быть составлено особенно тщательно, поскольку для отказа может быть использована любая "лазейка" в корреспонденции, содержащей просьбу о сотрудничестве. В частности, американские социологи провели следующий эксперимент. Руководителям промышленных компаний посылались два варианта писем. Первый из них содержал просьбу о предоставлении интервью, а второй также еще и список литературы по проблеме исследования. В ответах нескольких компаний отказ предоставить интервью мотивировался отсутствием подходящей литературы [152, с.288]. Хотя такой ответ и нелогичен, он закрывает путь исследователю, так как отказ на верхнем уровне труднее всего обойти. Исходя из этого, цитируемые авторы указывают, что письменное обращение должно содержать только одну просьбу. Если целью является интервью, то письмо должно строиться на этом, а не содержать дополнительных просьб, которые могут быть использованы как повод для отказа. Вообще письма должны быть по возможности короткими. Полезно подчеркнуть практические стороны исследуемой проблемы и, если возможно, связать их с интересами респондента или представляемой им организации.

Начало интервью. Независимо от того, предпринимались ли усилия по установлению предварительной договоренности или нет, решающую роль в установлении контакта с респондентом играет момент личной встречи. Положительный или отрицательный итог этого момента в значительной мере определяется двумя группами факторов: внешними данными интервьюера (имеются в виду пол, возраст и внешний вид) и его поведением.

Хотя для каждого отдельного человека пол и возраст являются константами, в крупных исследованиях существует возможность варьировать эти переменные путем подбора интервьюеров. В странах Запада различными исследователями проводилось очень большое число методических экспериментов, касающихся влияния пола и возраста интервьюера на установление контакта и на ход интервью. Результаты этих экспериментов частично отражены в отечественных учебниках, к которым во избежание дублирования мы и отсылаем [86, с.415; 127, с.119-123; 128, с. 87].

Относительно внешнего вида интервьюера, т.е. его одежды, прически, для женщин - косметики, все исследователи сходятся на том, что этот вид должен быть "деловым" или "служебным". Недопустимы две крайности: с одной стороны - неряшливость,

слишком "вольный" стиль одежды, с другой - чересчур дорогая или модная одежда и прическа. Женщинам-интервьюерам не следует злоупотреблять косметикой и украшениями, хотя умеренное и умелое их использование должно приветствоваться (по данному вопросу см. также источники, указанные в предыдущем абзаце).

Большое значение для установления контакта между интервьюером и опрашиваемым имеет соответствие их социальных статусов. Сильные различия в социальных статусах нарушают установление контакта, в результате чего интервьюируемые либо вообще отказываются от беседы, либо ее результаты оказываются сильно искаженными. Сказанное можно проиллюстрировать данными американских исследователей, которые пишут, что респонденты, принадлежащие к высшим социальным классам, разговаривали с интервьюерами, как с шоферами такси, тогда как респонденты из низших классов, не привыкшие, чтобы люди более высокого статуса беседовали с ними так уважительно, попадали в нетипичную ситуацию, что искажало результаты опроса [128, с.88].

Социальный статус человека определяется большим числом компонент, в состав которых входят упомянутые выше пол, возраст и атрибуты внешнего вида. Нежелание людей среднего и пожилого возраста, а также лиц, занимающих руководящие посты, беседовать с молодыми интервьюерами объясняется, по-видимому, в первую очередь статусными различиями (пример из интервью с заместителем председателя облисполкома: "Я впервые обсуждаю столь серьезные вопросы с такой молодой женщиной".) Требования к одежде и внешнему виду интервьюеров, по-видимому, должны возрастать в случае опроса лиц с высоким статусом (должностным положением) и снижаться при интервьюировании лиц с низким общественным положением. Сказанное не означает, однако, рекомендации копировать одежду респондентов; речь идет лишь о варьировании атрибутов внешнего вида в пределах статуса должностного лица среднего ранга или, как говорят на Западе, представителя "среднего класса"²⁵.

Статус интервьюера определяется также его должностным положением, статусом представляемой им организации и статусом спонсоров. При интервьюировании лиц с высоким должностным положением интервьюер должен по возможности "повысить" свой статус (например, с помощью рекомендательного письма, подписанного высоким начальником). В практике интервьюирования встречались случаи, когда должностные лица высказывали недовольство тем, что беседу с ними ведет "всего лишь" младший научный сотрудник, а не лично заведующий лабораторией.

Вторая группа факторов, влияющих на установление контакта с респондентом, это, как было сказано, стиль поведения интервьюера.

²⁵Копирование атрибутов внешнего вида людей с низким социальным положением требует от интервьюера сокрытия своего реального должностного положения и принятия роли "своего человека" со статусом, равным статусу интервьюируемого. Это очень специфичный вид интервью, близкий по своим характеристикам к включенному наблюдению.

Стиль поведения включает в себя вербальную и невербальную компоненты. Последняя, как показывают эксперименты, очень важна. Многие квалифицированные интервьюеры почти не используют слова для достижения благоприятного климата. При установлении контакта они улыбнутся, пожмут руку, предложат удобное кресло и предпримут иные аналогичные действия, чтобы снять первичное напряжение.

Невербальные способы установления контакта могут быть дополнены вербальными. Некоторые авторы рекомендуют начать разговор о чем-нибудь нейтральном, например, о погоде. Не отрицая возможности использования данного метода, отметим, что невербальные способы установления контакта, по нашему мнению, являются главными, и при умении интервьюера ими пользоваться он может практически сразу переходить к делу. Помимо перечисленных выше невербальные способы включают в себя открытый взгляд, естественную позу, внимание, тон разговора. Очень важны собранность и быстрая реакция, выражающаяся в способности "на лету" схватывать слова и реакции респондента.

Общепризнано, что важным мотивирующим фактором, которым располагает интервьюер, является серьезность его намерений. Американский журналист Х.Шервуд, обобщая свой многолетний опыт, писал: "Покажите, что Вы ставите серьезную задачу, и Вы обязательно увлечете этим интервьюируемого" [173, с.64]. Это подтверждают и высказывания советских журналистов, собранные Т.Шумиловой. В частности, она приводит пример из интервью с журналистом Е.Фадеевым: "Первая встреча с разведчицей Марией Ф. у меня не получилась. Стал думать, почему. И понял, что она посчитала меня мальчишкой, неопытным в жизни, неспособным понять всей сложности ее судьбы. Тогда я попросил разрешения прийти еще раз и принес свои работы - интервью с различными людьми, в том числе с известными общественными деятелями, учеными, военачальниками. Она спросила, зачем. Я говорю: "Мне показалось, что Вы не воспринимаете меня всерьез". Она удивилась, но материалы прочла. После этого беседа пошла совсем по-другому" [128, с.87].

Общепринятая рекомендация интервьюеру при установлении контакта заключается в том, чтобы он вел себя естественно. Естественное поведение человека всегда индивидуально окрашено, поэтому данная рекомендация может быть интерпретирована как совет использовать свои личные умения и достоинства. Начинающие интервьюеры часто боятся использовать свои личные качества. К примеру, они стараются сохранить непроницаемое, чопорное выражение лица. Это ошибка. Респонденту легче раскрыться и поговорить с человеком, который не боится быть самим собой. Если в обычной жизни интервьюер является человеком, обладающим чувством юмора, то эта способность может быть с успехом применена и при установлении контакта. Сказанное относится и к различным другим способностям, например, к умению многих интервьюеров-женщин формировать (путем использования косметики и других средств) располагающий к беседе внешний вид.

В ходе установления и поддержания контакта ни один, даже

самый опытный, интервьюер не застрахован от ошибок. К примеру, может оказаться (хотя такие вещи необходимо проверять заранее), что упоминание имени спонсора вызовет не положительную, а отрицательную реакцию. В связи с этим интервьюер должен уметь внимательно следить за реакциями респондента, прежде всего за его невербальными реакциями, включая мимику и интонацию. Малейшие проявления недовольства должны быть сразу замечены интервьюером и по возможности должна быть понята их причина. Исправление ошибки зависит от способности интервьюера к импровизации, относительно которой трудно дать какие-либо советы. Но наличие эмпатии, т.е. умения мысленно поставить себя на место опрашиваемого, понять его чувства, точку зрения, установки и склонности - необходимое качество хорошего интервьюера.

Хотя установление контакта с респондентом требует от интервьюера определенных усилий, эти усилия не должны быть чрезмерными. Как и во многих других делах, здесь важно не перестараться. В частности, это касается длительности процесса установления контакта. По выражению В.Донохью, интервьюер должен внимательно следить, сколько порций "разбивания льда" хочет принять респондент [145, с.33]. Интервьюируемый в какой-то момент сам подает сигнал (чаще всего невербальный) о том, что контакт установлен и пора переходить к делу. Интервьюер, упустивший этот момент и вынудивший респондента сказать об этом вербально, должен будет отметить про себя, что он, по-видимому, перестарался.

Интервьюер, устанавливающий контакт с респондентом, часто сталкивается с той или иной формой сопротивления. Эти формы сопротивления могут совпадать с истинными мотивами нежелания дать интервью, но могут и маскировать эти мотивы путем выдвижения вежливых формулировок отказа. Ниже приводятся наиболее часто встречающиеся формулировки и описывается возможная реакция на них интервьюера. Общим принципом во всех описываемых ниже случаях является отказ от каких-либо методов оказания психологического давления на респондента.

"Я слишком занят". Эта мотивировка подробно рассматривалась выше. Оптимальным вариантом является предложение со стороны интервьюера назначить встречу в другое время. В.Донохью с присущим ему юмором отмечает, что в ответ на слова "я занят" интервьюеру не следует отвечать "Не похоже, чтобы Вы были заняты чем-то серьезным" [145, с.145].

"Я ничего не знаю по этому поводу". Если темой исследования является не изучение мнений, а получение информации, то следует иметь в виду, что респондент действительно может быть не осведомлен по интересующим интервьюера вопросам. В этом случае необходимо выяснить, правда ли респондент ничего не знает или эти слова являются формой сопротивления. Если респондент настаивает на своем незнании, можно спросить: "Кто мог бы ответить на этот вопрос?"

В случаях, когда методом интервью изучается мнение, ссылку на незнание практически всегда можно рассматривать как форму сопротивления, поскольку мнения и установки могут формироваться в

сознании людей даже при очень низком уровне фактической их информированности. Однако низкая информированность (связанная, например, с незнанием того, что пишут в газетах) может вызвать у респондента опасение, что его ответы будут выглядеть глупыми или неадекватными, что и явится подлинной причиной сопротивления.

"Я не помню". Эта форма сопротивления похожа на предыдущую. Респондент может действительно не помнить о чем-то. В этом случае ему следует дать время подумать и вспомнить. Возможно изменить угол в постановке вопроса, это может оказать помощь. Если это не помогает, лучше временно оставить данный вопрос и вернуться к нему после.

"Почему я должен верить, что это не пойдет мне во вред?" В такой формулировке причину и внешнюю форму сопротивления можно считать тождественными. Единственное, чем может ответить на это интервьюер - это гарантировать сохранение тайны разговора. Горден назвал такую форму сохранения тайны конфиденциальностью (интервьюер знает фамилию респондента, но обещает использовать материал в научных целях) в отличие от анонимности (фамилия опрашиваемого неизвестна) [152, с.158]. Можно, как пишет Э.Чамокова, упомянуть об этой норме вскользь, как о всем известном правиле: "Вы же знаете, социолог не имеет права разглашать содержание разговора". Если респондент попросит рассказать, что говорил по такому-то поводу кто-либо из опрашиваемых, следует продемонстрировать верность профессиональной этике: "Простите, я не имею права рассказывать о содержании интервью" [121, с. 96].

"Слишком много социологов развелось". Это одна из многих возможных формулировок, выражающих недоверие к социологии как науке. В такой ситуации интервьюер должен помнить правило: никогда не вступать в полемику с респондентом. В самых резких высказываниях надо найти то, с чем можно согласиться: "Всеякие бывают социологические исследования. Бывают и не очень нужные, здесь Вы правы". И только после того, как респондент "подобрееет", можно перейти к мягкой защите: "Вопрос, с которым мы к Вам обращаемся, очень важен ..." [121, с. 95].

В случае, когда объектом исследования являются не отдельные лица, а организации, процесс установления контакта приобретает как бы двухступенчатый характер. В иерархических организациях основная проблема заключается в том, чтобы получить согласие на проведение исследования от руководства этих организаций. Сказанное относится также к различного типа закрытым сообществам, возможность проведения исследования в которых зависит от позиции их лидеров. Если есть основания ожидать сопротивление со стороны лидеров организации, целесообразно заранее выработать план, чтобы встретить ее конструктивно. В этом случае необходимо понять (возможно, путем предварительного зондажа) мотивы сопротивления и мотивы "позитивного" типа, к которым можно апеллировать. Практика показывает, что особенно важно при установлении контакта с организацией не личное обаяние интервьюера, а наличие у него связей и спонсоров. Если рекомендующие лица, спонсоры либо

сама проводящая исследование организация обладают достаточной репутацией в глазах руководства организации, то согласие, скорее всего, будет получено.

В переговорах с лидерами организации исследователь должен быть готов быстро ретироваться (временно), если он чувствует, что ему будет дан отрицательный ответ. Насколько возможно, окончательного "нет" следует избегать даже ценой временного отступления, так как отказ на верхнем уровне труднее всего обойти.

В случае, когда в разрешении отказано, следует рассмотреть два нижеследующих вопроса. Во-первых, обязательно ли исследовать именно данную организацию и нельзя ли переместиться в более дружественную? Во-вторых, столь ли велика власть лидеров, что они закрывают все каналы общения с подчиненными, и нельзя ли побеседовать с ними как с отдельными людьми?

Тактика проведения исследования вопреки запрету высшего руководства бывает особенно эффективной в тех случаях, когда среди рядового персонала удастся найти неформальных лидеров, поддержка которых подобно "волшебному ключику" открывает возможность побеседовать практически с любым респондентом в пределах зоны влияния этого лидера. Зоны влияния неформальных лидеров порой бывает весьма широки и дополняются контактами таких лидеров друг с другом, благодаря чему лидеры могут по цепочке "передавать" исследователя друг другу²⁶.

Если высшее руководство организации дало согласие на проведение исследования, следует сразу же приступить к работе, так как первоначальное согласие может перерасти в сопротивление. При этом надо иметь в виду, что разрешение, данное руководством, не всегда избавляет исследователя от трудностей. К примеру, в поляризованных сообществах (начальники - подчиненные) данное административное разрешение может не вызвать энтузиазма среди рядового персонала. Поскольку интервьюер первоначально обращался к руководству организации, респонденты могут воспринимать его как одного из них. Эту трудность можно попытаться преодолеть разъяснением, что исследователь не действует по поручению руководства, а просто должен был получить разрешение. Такое объяснение, как бы ни было оно правдиво и логично, все же не обязательно обеспечивает доверие респондентов. Интервьюер должен своим беспристрастным поведением и искренним интересом к точкам зрения респондентов убедить их, что он не является шпионом правящей верхушки.

При проникновении в организации "сверху", т.е. через руководство, для реализации всей программы исследования целесообразно попросить назначить человека из числа помощников высших руководителей, который содействовал бы выполнению работы и к которому интервьюеры могли бы обращаться в случае возникновения у них трудностей. Опыт показывает, что, если

²⁶Хорошее описание структуры лидерства среди рабочих промышленного предприятия дано в интервью В.Н.Корсетова, который в момент опроса был промышленным рабочим [83, вып.1, с.139].

руководители назначают такого человека, он чаще всего вполне удовлетворяет необходимым требованиям.

3.4. Основная часть интервью

Основная часть интервью начинается с того момента, когда респондент дал свое согласие на интервью, иначе говоря - с момента установления контакта. В основной части все функции разговора с респондентом интервьюер подчиняет одной - информативной. В итоге интервью он должен получить полную и глубокую информацию по проблеме исследования. Все поведение интервьюера определяется этой целью.

Внешне процесс интервьюирования похож на непринужденную беседу двух людей, увлеченных разговором. Такое сравнение отчасти верно, поскольку неподдельный интерес к разговору и "индуцирование" у респондента ответного интереса - профессиональный долг интервьюера. Вместе с тем интервью - это не просто беседа. По крайней мере для одной из сторон - для интервьюера - это исполнение служебной обязанности. За внешней непринужденностью действий хорошего интервьюера всегда скрывается строгая внутренняя дисциплина.

Многие исследователи, осваивающие для своих профессиональных нужд методику неструктурированного интервью, признают, что интервьюирование оказалось более трудным делом, чем они первоначально предполагали. Их можно понять. Работа интервьюера требует постоянной концентрации внимания и быстрой реакции. Интервьюер должен правильно понимать респондента, следить непрерывно за ходом его мысли и одновременно фокусировать беседу на проблеме исследования. Все это требует мастерства, навыков и соблюдения методических принципов интервьюирования.

Методические принципы ведения неформализованных интервью отработывались и рефлексировались несколькими поколениями исследователей. Как уже говорилось, эти принципы во многом отличаются от принципов ведения формализованных интервью и анкетных опросов. Неформализованное интервью не случайно называют свободным. Оно свободно не в смысле произвольности действий интервьюера; а в том смысле, что как бы тщательно не был подготовлен вопросник, процесс интервьюирования требует от опрашиваемого постоянной готовности к импровизации, осуществляемой, однако, по определенным правилам. Слова "импровизация по правилам" отражают, пожалуй, самую суть специфики метода неструктурированного интервью. Ниже эти правила будут систематизированы и описаны.

3.4.1. Раскрытие темы

Целью неструктурированного интервью является не получение от респондентов односложных ответов типа "да" или "нет", а подробное раскрытие предусмотренных вопросником тем. Раскрытие темы - процесс, длящийся во времени и предполагающий спонтанность

речевого потока респондента. Спонтанность речи выражается в том, что респондент, не побуждаемый дополнительными вопросами интервьюера, дает длинные и связные тексты ответов, иначе говоря, раскрывает тему. Показателями нарушения спонтанности являются короткие односложные формулировки ответов, паузы, появляющиеся в беседе, ответы-междометия и т.д. [121; 122].

Необходимость получения от респондента развернутых спонтанных ответов - один из основных методических принципов неструктурированного интервью. Этот принцип не следует понимать как невмешательство интервьюера в речевой поток респондента. Если интервьюер просто пассивно слушает, то респондент спустя некоторое время либо замолкает, либо возникающие в его сознании ассоциативные связи уводят его в сторону от проблем, интересующих интервьюера. Следовательно, позицией интервьюера должно стать так называемое *активное слушание*, направленное на поддержание беседы как таковой и одновременно фокусирующее ее на предмете исследования.

Необходимость полноценного раскрытия тем требует от интервьюера умелого применения инструментария, необходимого для развертывания интервью. В англоязычной литературе этот инструментарий обозначается словом "probing", которое дословно переводится на русский язык как "зондирование". Хотя некоторые авторы используют термин "зондирование" в качестве эквивалента указанному английскому термину [128, с.72], нам этот перевод не кажется удачным. Возможно, более точным по смыслу переводом было бы выражение "нейтральные пробы". Слово "нейтральный" подчеркивает здесь тот аспект, что своими воздействиями интервьюер стремится ни прямо, ни косвенно не влиять на содержание высказываний респондента, а лишь поощрить его к спонтанному расширению ответов по теме исследования.

Для уяснения более точного значения слова "probing" дадим сначала своего рода негативное определение, содержащееся в учебнике Гордена: "Probing - не единственная тактика для достижения необходимого расширения и уточнения релевантной информации. Некоторые интервьюеры используют другую тактику, например, делятся с опрашиваемыми своими соображениями и опытом по обсуждаемому вопросу, чтобы поощрить интервьюируемого к даче полных и искренних ответов. Другие используют тактику рефлексии слов и чувств респондента по тем пунктам, которые требуют развития и уточнения. Эксперименты показали, однако, что probing является наиболее эффективной тактикой" [152, с. 419].

В позитивном смысле слово "probing" объединяет набор методических приемов, направленных главным образом на поддержание спонтанности речевого потока респондента. Как будет видно из дальнейшего, эти приемы неодинаковы по степени своего влияния на содержание высказываний респондента. В известном фантастическом романе Айзека Азимова "Конец вечности" употребляется термин "минимально необходимое воздействие". Данный принцип применим также и к интервьюированию: интервьюер не должен вводить в действие более сильный стимул до

тех пор, пока не исчерпано действие более слабого. Ниже набор приемов, входящих в состав тактики probing, будет расположен в порядке возрастания силы их воздействия, от наиболее слабых к наиболее сильным. Слова "слабый" и "сильный" употребляются в данном случае в условном значении, обозначая различную степень вмешательства интервьюера в естественный ход развития интервью.

1. Пауза, или молчание. Это один из наиболее эффективных приемов поддержания спонтанности речевого потока. Прием заключается в том, что, если респондент умолкает, интервьюер не спешит заполнить возникшую паузу каким-либо вопросом, задерживая свою реакцию. Исследования показали, что использование молчания ведет к спонтанному расширению ответов в 25% случаев. Личный опыт автора данной книги свидетельствует о том, что эта цифра, возможно, даже является заниженной.

Объективные замеры, сделанные с помощью секундомера, показали, что у опытных интервьюеров время задержки реакции составляет от одной до пяти секунд. Верхний предел продолжительности молчания составляет около десяти секунд. Приведенные данные, однако, мало помогают интервьюеру на практике, поскольку в ситуации интервью он не может позволить себе пользоваться секундомером. В связи с этим интервьюер должен полагаться на свое собственное субъективное восприятие времени. Существует граница, за пределами которой молчание превращается в неловкую или недоуменную паузу. Интервьюер должен интуитивно ощущать такую границу и не переступать ее.

Начинающие интервьюеры обычно оставляют очень малое время для пауз. Они боятся молчания и стараются сразу его заполнить. Способность продлить время реакции возрастает по мере роста квалификации интервьюера. Некоторую аналогию можно найти с фразой, которая неоднократно повторяется в романе Сомерсета Моэма "Театр": "Большая актриса - это большая пауза". Также и про интервьюера можно сказать, что хороший интервьюер - это хорошая пятисекундная пауза, сделанная в ключевых (требующих дополнительного раскрытия) моментах интервью.

Использование молчания - один из наиболее сложных аспектов интервьюирования. Оно не должно быть интерпретировано как отсутствие коммуникации. Напротив, это молчание, полное смысла. Оно означает обращенную к респонденту мысленную просьбу: "Скажите еще что-нибудь по данному вопросу". Существует много различий между растерянным молчанием, когда интервьюер или респондент не знают, что говорить, и молчанием, полным смысла и поиском нужных слов для выражения.

2. Подбадривание, или номинальная поддержка. Этот прием включает в себя вербальные и невербальные реакции интервьюера, которые выражают одобрение респонденту за то, что он говорит, поощряя его продолжить высказывания. Невербальный аспект подбадривания включает в себя мимические реакции, выражающие заинтересованность, кивки головой и иные жесты, выражающие внимание и одобрение. Вербальный аспект включает в себя

различные одобрительные возгласы типа: "да-да", "вот как!", "продолжайте, пожалуйста!", "очень интересно" и т.п.

Начинающие интервьюеры порой слишком активно используют тактику подбадривания. Они стараются всеми силами заполнить паузы, и тогда поддержка становится навязчивой. Другая ошибка заключается в том, что с помощью номинальной поддержки интервьюеры пытаются имитировать внимание. Они все время улыбаются, кивают головой в знак согласия, но не включаются полностью в то, что говорит респондент²⁷. Поскольку кивки делаются невпопад, внешне такие интервьюеры выглядят как куклы, которые кивают головой, когда их дергают за веревочку. Иногда имитация внимания поглощает у интервьюера столько усилий, что он оказывается уже не в состоянии слушать и понимать услышанное. Другой негативный аспект заключается в том, что респондент быстро распознает имитацию. Часто имитация обнаруживает себя невпопад заданным вопросом.

3. Отражение, или "эхо". Суть этого приема заключается в повторении с вопросительной интонацией последней фразы респондента. Например:

Респондент: Темы такой художник берет из народной жизни.

Интервьюер: Из народной жизни?

Прием "эха" не должен использоваться слишком часто. Кроме того, его не следует использовать для отражения фраз интервьюируемого, которые не несут в себе большой смысловой или эмоциональной нагрузки. "Эхо" должно отражать ключевые фразы респондента, на которых сделано смысловое ударение. Удачно отраженная "эхом" ключевая фраза часто является эффективным стимулом для расширения ответа.

4. Вопросы-синонимы. Интервьюер может задавать одному и тому же респонденту фактически один и тот же вопрос, слегка меняя его формулировку: В чем это выражено? Как это проявляется? Покажите конкретно, как это представлено? и т.п.

5. Прямая просьба расширить ответ. Это вопросы типа: "Что случилось потом?", "Что Вы имеете в виду?", "Расскажите об этом подробнее...", "Не хотите ли Вы что-нибудь добавить?", "Не могли бы Вы развить вашу мысль?". Подобные вопросы представляют более сильное воздействие на высказывания респондента, поскольку интервьюер прямо указывает, какой именно аспект темы его интересует. Вместе с тем эти вопросы формулируются так, чтобы они не имели конкретного содержания, так как в противном случае они превратятся в наводящие.

Просьба расширить ответ может быть немедленной или ретроспективной. Под ретроспекцией в данном случае понимается возврат к ранее обсуждавшейся в этом же интервью теме. Ретроспективный расширяющий вопрос выглядит примерно так: "Вы говорили то-то. Расскажите об этом подробнее."

²⁷ Иногда это произвольно происходит и у опытных интервьюеров вследствие усталости или плохого самочувствия. Интервьюер должен держать себя в руках, не допуская того, чтобы его мысли отвлеклись от высказываний респондента.

6. **Парафраза.** Вопрос этого типа похож на отражение ("эхо"), но с той разницей, что в нем не используются слова, сказанные интервьюируемым. Парафраза представляет собой упрощенное и переформулированное на языке интервьюера высказывание респондента. Цель парафразы состоит не в том, чтобы заставить респондента расширить ответ, а в том, чтобы прояснить его или убедиться в правильном понимании. Ответ на такой вопрос может быть либо утвердительным, либо отрицательным. В случае отрицательного ответа респондента следует попросить разъяснить, что именно было неправильно понято интервьюером.

Пример парафразы из учебника Донохью [145, с. 134]:

Респондент: Обычная причина моего опоздания на работу состоит в том, что я должна забросить своего сына сначала в детский сад, а он мне хочет показать что-то новое, например, животных из глины. И я не думаю, что была бы хорошей матерью, если бы не проявила интереса к тому, чем мой сын занимался в детском саду.

Интервьюер: Вы опаздываете потому, что ваша семья предъявляет к вам некоторые требования и вы чувствуете за собой определенные обязательства. Так?

Респондент: Да, так.

7. **Суммирующий вопрос.** Это как бы расширенный тип парафразы. Если парафраза представляет собой переформулировку отдельного высказывания, то суммирующий вопрос отображает на языке интервьюера главную мысль какой-либо темы или совокупности высказываний. Суммирующий вопрос начинается со вступительной фразы типа: "Давайте посмотрим, правильно ли я Вас понял". Как и в случае с парафразой, ответ может быть утвердительным или отрицательным. В последнем случае респондента следует попросить дать разъяснения. При утвердительном ответе у респондента можно просить не хочет ли он что-либо дополнить.

При использовании парафразы или суммирующего вопроса существует опасность, что интервьюер неправильно отразит слова или чувства респондента. Американский исследователь Ричардсон в специальном эксперименте установил, что из 43 респондентов только один поправил интервьюера, который нарочно неправильно резюмировал их ответы. Мы думаем, что этот эксперимент был слишком "жестким" в том смысле, что содержания резюме резко расходились со смыслом высказываний респондентов, что приводило к разрушению мотивации к сотрудничеству. В реальных интервью, когда интервьюер искренне пытается понять респондента, процент согласившихся с неточным резюме будет, очевидно, значительно меньше. Тем не менее при использовании суммирующих вопросов интервьюер должен быть очень внимательным и уметь улавливать в утвердительном ответе оттенок сомнения или несогласия.

8. **Прямая просьба разъяснить ответ.** Если в высказываниях респондента имеются неясности или противоречия, уместно напрямик попросить респондента дать разъяснения. В этом случае задаются вопросы: "Можете ли Вы объяснить точнее?", "Я не уверен, что понял Вас правильно ...", "Для меня не совсем ясно...", "Вы говорили

то-то и то-то. Нет ли в этом противоречия?" и т.д. Неясности и противоречия часто бывают следствиями неполноты ответов. Прямая просьба о разъяснении, обращенная к респонденту, нередко вызывает пространные пояснения, способствуя более полному раскрытию темы.

Как и просьба расширить ответ, просьба о разъяснении может быть непосредственной либо ретроспективной, т.е. обращенной к предшествующим частям интервью.

9. Конкретизирующие вопросы. Это, по существу, разновидность расширяющих или разъясняющих вопросов. Они содержат в себе ссылки на конкретные высказывания респондентов, сопровождаемые просьбой об их пояснении. Примеры таких вопросов дает в своей статье Э.Чамокова, которая опрашивала экспертов самодеятельного изобразительного искусства: <<Что Вы имели в виду, говоря о "мыльном" цвете американских художников?>> <<Игрушку в виде "старикашки" Вы назвали "нездоровой стилизацией". Что характерно для нее? Чем отличается "нездоровая стилизация" от следования народным традициям?>> "Вы отметили, что плохо смотрится красный цвет с розовым. Всегда ли?" <<Каковы признаки "милой наивности"?>> и т.д. [121, с.102].

10. "Мутация", или изменение темы. Это постановка вопроса, являющегося введением новой темы, которая не является развитием или уточнением предыдущих ответов. Используя этот прием, интервьюер сам вводит новую тему, а не ждет, когда опрашиваемый перейдет к ней сам по собственной инициативе. По сравнению со всеми предыдущими приемами "мутация" представляет собой наиболее сильное вмешательство в естественный ход высказываний респондента.

Выше был перечислен широкий диапазон методических приемов, позволяющих получить от респондентов развернутые спонтанные формулировки ответов, мотивирующих их продолжить рассказ, но в минимальной степени контролируя выбранный ими путь. Анализ интервью, проведенных начинающими интервьюерами, показывает, что они просто незнакомы или не умеют пользоваться всем диапазоном методов, особенно теми, которые являются наименьшими по силе воздействия (молчание, подбадривание и др.). В результате они используют в основном "мутационные" вопросы, вводя новые темы, не раскрыв предыдущих. Как будет показано ниже, это серьезная методическая ошибка, которая резко сокращает возможность получения релевантной информации.

3.4.2. Переходы в темах.

Переходы в темах не являются неотъемлемым правом интервьюера. Каждая тема обладает своей собственной логикой раскрытия. Если тема релевантна проблеме исследования, в логику ее развития не следует вмешиваться.

Важным элементом квалификации интервьюера является его умение фиксировать момент завершения темы. Завершенную или исчерпанную тему следует отличать от темы оборванной. Обрыв темы

часто происходит по вине неопытного интервьюера, который, не дожидаясь полного раскрытия предыдущей темы, задает респонденту новый вопрос. Поэтому интервьюер должен усвоить правило: не переходить к новой теме до тех пор, пока предыдущая не будет полностью исчерпана.

Противоположная ошибка заключается в чрезмерном затягивании обсуждения темы, которая по сути завершена, т.е. респондент не может добавить ничего существенного. Существует ряд признаков, свидетельствующих об исчерпании темы: повторение респондентом уже сказанного, утрата интереса к беседе, паузы и иные признаки нарушения спонтанности. Таким образом переходить к новой теме нужно после завершения предыдущей: не раньше, но и не позже.

Переход от темы к теме, если он производится по инициативе интервьюера, должен предваряться утверждением, информирующим респондента, что одна тема завершена и начинается другая. Хорошо сделать некоторое заключение, финальное резюме, построенное по типу суммирующего вопроса. Постановка такого вопроса информирует респондента о том, что интервьюер внимательно его слушал, получил исчерпывающую информацию и теперь намерен перейти к другому вопросу. Информирова респондента о завершении темы, целесообразно одновременно предоставить ему возможность что-то добавить или дополнить. Пример из терапевтического интервью: "Ну хорошо, я получил всю информацию относительно Ваших проблем. Теперь давайте перейдем к обсуждению возможных решений, *если Вы уже сказали*".

Переходы в темах должны помогать респондентам следовать логике интервью. По этой причине переход должен содержать в себе определенную связующую мысль между завершающейся и начинаемой темами. Такой переход называется мягким или плавным. Плавные переходы предотвращают перескакивание от темы к теме, что помогает респонденту более последовательно излагать свои мысли. Резкие переходы могут сбивать респондента с толку и нарушать достигнутую атмосферу сотрудничества. Переходы в темах и связующие "мостики" между ними следует по возможности планировать заранее, включая в вопросник основные переходные слова. Вместе с тем интервьюер должен уметь делать плавные переходы, заранее их не планируя. Если последовательность тем хорошо спланирована и соответствует логике респондента, то требуется очень мало переходов. Частые и быстрые переходы нежелательны, так как они могут вызвать потерю информации, еще не высказанной респондентом.

Если тема, начатая респондентом, явно нерелевантна проблеме исследования, интервьюер вправе ее прервать. Делать это следует тактично и по возможности так, чтобы респондент не заметил намерения оборвать тему. Лучший способ обрыва нерелевантной темы - это предложение развить одну из предшествующих. Иными словами, интервьюер должен высказать не отсутствие интереса к данной теме, а повышенный интерес к другой, ранее затронутой, которая не получила полного развития. Примерная формулировка высказывания интервьюера в этом случае такова: "Простите, перед этим Вы говорили то"

то. Это очень важно для нас. Не могли бы Вы уточнить...”

Обрыв темы - это сильное воздействие на речевой поток респондента, и интервьюер должен тщательно взвесить, следует ли на это идти. Часто бывает, что тема, начатая респондентом по собственной инициативе, лишь на первый взгляд нерелевантна, тогда как при зрелом размышлении она оказывается способна высветить новые аспекты исследуемой проблемы.

Обрыв или резкий переход к новой теме может осуществляться по инициативе не только интервьюера, но и респондента. Часто это бывает следствием ассоциативных связей, возникающих в сознании респондента. Под действием той или иной мысли или ассоциации респондент может незаметно для себя перескочить к новой теме, не раскрыв полностью предыдущей. Если обе темы релевантны проблеме исследования, перед интервьюером возникает выбор: либо поощрить развитие новой темы, а затем вернуться к обсуждению старой, либо наоборот. Явление спонтанного перехода к новой теме без завершения старой - довольно распространенная ситуация в интервью. Зная об этом, опытный интервьюер обязательно должен иметь при себе блокнот и авторучку даже в тех случаях, когда интервью полностью записывается на магнитофон. Дело в том, что процесс интервью создает очень высокую нагрузку на внимание интервьюера, практически поглощая его целиком. Через несколько минут интервьюер уже не сможет вспомнить, какая тема осталась незавершенной и в каком месте она оборвалась. По этой причине темы, оставшиеся неразвитыми вследствие спонтанного перескока мысли респондента, должны быть сразу же отмечены интервьюером в блокноте и позднее развиты путем постановки дополнительных вопросов.

Аналогичная проблема возникает в тех случаях, когда по ходу изложения респондент косвенно затрагивает важный для исследователя вопрос. Здесь опять существует выбор: либо временно прервать развивающуюся тему и попросить респондента осветить этот вопрос, а затем вернуться к прерванной теме, либо отсрочить постановку нового вопроса до окончания темы или всего интервью. Оба решения в принципе правомочны, хотя более предпочтительным является второе. Но независимо от того, какое из двух решений примет интервьюер, он обязательно должен сделать пометку в блокноте, чтобы не забыть вернуться к тому моменту интервью, в котором возник новый вопрос.

В некоторых случаях переход к новой теме по инициативе респондента может означать сознательное или полусознанное уклонение от тех вопросов, которые в том или ином отношении несут в себе угрозу его "я". Первоочередная задача интервьюера в этом случае - это понять, что переход в теме является не случайной ассоциативной связью в сознании респондента, а именно формой уклонения от ответа. Если вопрос важен для интервьюера, он может проявить определенную настойчивость в его выяснении. В ином случае, если для интервьюера более важно сохранить атмосферу сотрудничества, он может сознательно увести беседу от тревожащих респондента вопросов.

Иногда в высказываниях респондента возникает явление, которое можно назвать перемешиванием тем. Обычно оно возникает в тех

случаях, когда в сознании респондента имеются конкурирующие мотивы сообщить интервьюеру два или более разнородных сюжета. Примером такого перемешивания может служить интервью, взятое журналистом у одного из очевидцев известных событий в городе Новочеркасске (имеется в виду расстрел властями рабочих демонстраций в 60-х годах). Рассказчик явно хотел довести до сведения интервьюера две мысли: первая - о самих событиях, коих он был свидетелем и участником, и вторая - о том, что с точки зрения классиков марксизма-ленинизма, стрелять в рабочих нельзя: Магнитофонная запись интервью была примерно такой: рассказчик начинал говорить о событиях, к примеру, о возникновении стихийного митинга рабочих на заводском дворе. Затем у него срабатывала ассоциация, и он переходил к изложению по памяти цитат из Маркса, Энгельса и Ленина о том, что рабочие должны иметь право собираться на митинги. Развивая эту тему, респондент переходил также к тому, что рабочие, по мнению Маркса и Ленина, должны иметь право на демонстрации. Здесь вновь срабатывала ассоциативная связь, и рассказчик возвращался к изложению хода событий, но не к тому событию, на котором он сам себя оборвал (митингу на заводском дворе), а к более позднему, когда рабочие уже шли по улице, скандируя: "Дорогу рабочему классу!" Затем последовал новый переход к мысли классиков марксизма о недопустимости разгона рабочих демонстраций, затем вновь к какой-то точке событий и т.д. При прослушивании магнитофонной записи этого интервью у слушателей возникало желание ножницами разрезать на куски магнитную ленту и склеить ее вновь таким образом, чтобы получить последовательное изложение событий. К сожалению, полностью восстановить хронологию событий таким способом было бы невозможно, потому что в ходе изложения были крупные пропуски и последовательность многих событий оставалась неясной. К примеру, демонстрации рабочих были как в первый, так и во второй день восстания, и не всегда было ясно, к какому дню относится тот или иной эпизод.

Очевидно, что для предотвращения перемешивания тем интервьюер должен был предложить респонденту простую вещь: сначала последовательно изложить одну тему (фактическую сторону событий), а затем другую (мнение классиков марксизма о свободе рабочих демонстраций). Вторая тема, возможно, была нерелевантна намерениям интервьюера, в этом случае ее можно было либо отклонить, либо выслушать из вежливости. Если эта тема была релевантна, ее следовало записать, но обязательно отделив от первой. Изложение обеих тем только выиграло бы в том случае, если бы они излагались последовательно одна за другой.

3.4.3. Контроль над темой

Контроль над темой - это одна из центральных методических характеристик неструктурированного интервью. Горден определяет это понятие как степень, в которой интервьюер проявляет инициативу, направляя ход интервью [152, с.48]. Иначе его можно определить как

степень фокусирующего воздействия интервьюера. Степень контроля может быть малой или большой. Соответственно в первом случае интервьюер проявляет мало инициативы, практически не вмешиваясь в естественный ход высказываний респондента, а во втором это вмешательство (направляющее воздействие) может быть значительным.

Вопрос о наиболее целесообразной (оптимальной) степени контроля в методической литературе проработан слабо. К примеру, в учебнике Донохью сказано по этому поводу лишь следующее: "В ходе интервьюирования необходимо контролировать ход беседы. Контроль осуществляется путем задавания вопросов, это в своем роде власть со стороны интервьюера. Не увлекайтесь своей властью и жестким контролем, но и не позволяйте интервьюируемому уходить в сторону. Чересчур активный контроль может создать напряженность, ослабить мотивацию респондента. При постановке вопросов старайтесь подчеркнуть наиболее важную их часть, на которой вы фокусируете внимание. Правильная постановка вопроса также позволяет вам удерживать контроль над содержанием интервью" [145, с.114].

С нашей точки зрения, понятие "контроль под темой" слабо проработано в литературе потому, что оно является сложным понятием, включающим в себя определенный набор разнородных методических приемов. Использование некоторых из этих приемов может привести к нарушению спонтанности речи и ослаблению мотивации. По-видимому, именно этот аспект имеют в виду многие авторы, которые указывают, что контроль сверх необходимого препятствует полноценному раскрытию тем. Однако, с нашей точки зрения, это относится не ко всем приемам, с помощью которых интервьюер контролирует и направляет ход интервью.

Ниже будут рассмотрены следующие методы контроля: усилия по фокусировке, контроль релевантности, контроль полноты, конкретизация тем, логический контроль.

Усилия по фокусировке. В разделе 3.4.1., формулируя принцип "минимально необходимого воздействия", или минимального вмешательства интервьюера в ход интервью, мы подчеркивали своего рода негативную функцию опрашивающего: необходимость не оказывать влияния на то, что говорит респондент. Существует однако и позитивная функция, которую должен выполнять интервьюер: это усилия по фокусировке беседы, которые направляли бы ее таким образом, чтобы были достигнуты основные цели интервью. Иначе говоря, настоящее продуктивное интервью характеризуется не только искренним и свободным общением, но и тем, что общение в нем сфокусировано на достижении основных целей исследования. Постановка лишь общей цели (или проблемы, темы, вопроса) не дает респонденту достаточно информации, чтобы ясно понять, на каком именно содержании должно быть сфокусировано интервью. Следовательно, в процессе раскрытия темы от интервьюера требуются определенные дополнительные усилия по более точной фокусировке высказываний респондента. Как уже говорилось, слушание интервьюером высказываний респондента - это не пассивное, а активное слушание. Каждое сообщение респондента должно вызывать определенную, понятную для

него, реакцию интервьюера. Эти реакции не обязательно должны быть вербальными; напротив, чрезмерная вербализация реакций интервьюером нарушает спонтанность хода мысли у респондента. Основную роль здесь играет мимика лица, выражающего заинтересованность, а также короткие реплики интереса, которые выше были охарактеризованы как "подбадривание". Подбадривание, или своего рода эмоциональное вознаграждение, адресованное респонденту, должно быть избирательным. Интервьюер эмоционально вознаграждает ответы, релевантные целям интервью, и старается не поддерживать те направления беседы, которые нерелевантны этим целям.

Поскольку сама постановка темы или вопроса часто не в полной мере могут объяснить респонденту, какую именно информацию хочет получить от него интервьюер, респондент в ходе беседы нуждается в дополнительных сигналах и указаниях. Процесс интервью можно в определенном смысле охарактеризовать как обучение респондента пониманию того, чего хочет от него интервьюер. Это обучение происходит следующим образом. Интервьюер поощряет полные и релевантные ответы; если же ответ неполон или нерелевантен, интервьюер тактично, но определенно дает понять респонденту, что он не выполнил своей роли. В ходе интервью основным средством дать понять респонденту, что его ответ неадекватен, является прямое вмешательство интервьюера. Формулировка этого вмешательства должна быть примерно такова: "То, что Вы говорите, очень интересно, но мне хотелось бы побольше узнать о другом..." Средство поощрения релевантных ответов должно быть, по возможности, менее явным, заключающемся в одобрительных кивках головой и легких поддакиваниях. По мере развития интервью поощряющие и непоощряющие действия опрашивающего становятся понятными респонденту. В ответ он сознательно или бессознательно стремится помочь интервьюеру, получая за это эмоциональное поощрение. Если респондент обучается вести себя так, это означает, что фокусирующие усилия интервьюера достигли цели.

Обучение респондента реагировать на поощряющие и непоощряющие действия интервьюера может быть эффективным инструментом для достижения целей интервью, но может при некачественном использовании быть также источником существенных искажений. Кан и Кенел пишут по этому поводу: "В интервью должны поощряться полные и завершённые ответы, направленные на раскрытие цели интервью. Не должны поощряться высказывания, не относящиеся к этой цели. Искажения информации возникают, когда поощряющие и расхолаживающие действия интервьюера не ограничиваются этими областями" [157, с.196].

Умение интервьюера правильно направлять беседу зависит от его квалификации, т.е. степени владения методикой интервьюирования, и еще от того, насколько ясно он представляет себе цели интервью. Понимание целей означает, что интервьюер непосредственно в ходе беседы может оперативно принимать решения, какая информация является релевантной, а какая - нерелевантной. Следовательно, в основе усилий по фокусировке должны лежать ясные критерии,

позволяющие контролировать релевантность получаемой информации.

Контроль релевантности. Английское слово "релевантный" означает: значимый для чего-либо, имеющий отношение к делу. Поскольку продуктом научной деятельности является конструирование концепций, применительно к ситуации интервьюирования слово "релевантный" можно перевести как имеющий отношение к формируемой исследователем концепции.

В предыдущих разделах данной книги подчеркивалось, что при проведении неструктурированных интервью функции интервьюера и исследователя, как правило, совпадают. Это связано с тем, что только исследователь, имеющий в своем сознании определенную концепцию, может определить, какая информация релевантна, а какая нет. Если в сознании интервьюера нет такой концепции, слово "релевантный" утрачивает смысл и контроль релевантности не может быть осуществлен. Интервьюер, не имеющий концепции, либо становится пассивным слушателем, либо задает хаотичные, не имеющие общей концептуальной основы вопросы, разрушая этим логический строй интервью, сбивая с толку респондента и ослабляя его мотивацию к сотрудничеству.

Утверждение о том, что в сознании интервьюера должна содержаться концепция, с позиций которой и выслушиваются высказывания респондента, не означает, что эта концепция должна быть полностью отработанной и завершенной. Завершенная концепция не нуждается ни в дополнительных доказательствах, ни в материале для ее дальнейшего формирования. Следовательно, в типичном случае исследователь проводит полевые исследования с незавершенными и зачастую слабо разработанными концептуальными представлениями, для развития которых ему нужен "строительный материал". Таким "строительным материалом" могут быть сообщаемые респондентом факты, типологические случаи, а также наработанные им на основе практического опыта концептуальные представления, созвучные концептуальным представлениям исследователя.

Интервьюер, занятый поиском релевантной информации, должен в ходе беседы быть постоянно настороже, чтобы вовремя сделать замечания, задать дополнительный вопрос или иным образом указать респонденту, какую тему следует развить подробнее. Неспособность выделить важные утверждения, направлять беседу в сторону развития релевантных тем - один из основных факторов, делающих интервью неэффективным. Этот факт может быть проиллюстрирован результатами проведенного в США специального эксперимента, ставившего целью определить наиболее частые ошибки при интервьюировании. В ходе эксперимента четыре опытных эксперта прослушали шестьдесят одно интервью. Выводы были таковы. В 40% случаев, когда интервьюерам следовало бы задать дополнительный вопрос, они этого не делали. Кроме того, из оставшихся 60% случаев одна пятая часть вопросов была задана неправильно. Это означает, что ошибка, связанная с нарушением контроля релевантности, возникла в 52% случаев: в 40% из-за отсутствия вопросов и в 12% из-за неправильно заданного вопроса [139, с.89].

Контроль полноты. Теоретически стремлением к полноте можно назвать стремление интервьюера к получению всей релевантной информации, которая содержится в сознании респондента. Операционально Р.Мертон и его соавторы определили полноту как получение всей информации, которая предусмотрена заранее разработанным вопросником, плюс максимального количества незапланированной, но релевантной целям исследования информации [63, с.55]. Первое определение можно также рассматривать как отчасти операциональное, поскольку существуют описанные выше признаки завершения темы (повторы в высказываниях респондента, снижение мотивации и т.д.), свидетельствующие об исчерпании релевантной информации в сознании респондента.

Разделение Мертоном и соавторами всей релевантной информации на запланированную и незапланированную предполагает два типа контроля за полнотой. Оценить полноту запланированной информации не представляет большой сложности. В ходе интервью опрашивающий постоянно сверяет ответы респондента с вопросником, проверяя степень охвата предусмотренных тем. По мере развертывания беседы интервьюер обнаруживает, что некоторые пункты вопросника не освещены и информация, касающаяся соответствующих тем, не получена. Способность проводить такую последовательную проверку возрастает с опытом. Со временем интервьюер убеждается, что он привычно производит сравнение хода интервью с вопросником без каких-либо дополнительных усилий. Таким образом, в том, что касается запланированных тем, сверка хода интервью с вопросником позволяет достаточно точно оценить степень полноты.

Сложнее обстоит дело с той информацией, которая является релевантной, но заранее непредвиденной. Строго объективного критерия здесь нет. Общее правило в этом случае таково: чем больше, тем лучше. Говоря более точно, интервьюер должен стремиться максимизировать число незапланированных релевантных ответов, так как это превратит интервью в более плодотворный источник для новых гипотез. Конечно, невозможно сказать заранее, какое число непредвиденных ответов можно будет получить в ходе интервью. Тем не менее принцип, согласно которому интервьюер должен стремиться к получению как можно большего числа непредвиденных ответов, представляет нечто большее, чем благое пожелание. Если интервьюер заранее осознает важность получения такой информации, то он с большей вероятностью сфокусирует свои усилия на развитии тех намеков, которые указывают на ее существование. Соблюдение этого принципа особенно важно для начинающих интервьюеров, которые имеют склонность обрывать комментарии интервьюируемых, если они не точно соответствуют запланированным вопросам. Акцент на поиск непредвиденной информации помогает интервьюеру достичь той гибкости в интервью, которая обеспечивает свободный поток высказываний со стороны респондента.

Недостаточная полнота раскрытия тем может возникнуть не только по вине интервьюера из-за незаданного вопроса или чересчур строгого следования составленному заранее тематическому плану.

Иногда она возникает вследствие умолчания со стороны респондента, например, вследствие приближения беседы к эмоционально закрытым зонам. Интервьюеру требуется чувствительность для того, чтобы определить не только значимое замечание, но и значимое умолчание - высказывание, которое не было сделано, хотя логично было бы его ожидать. Конечно, интервьюер не может заставить респондента говорить о том, о чем он не хочет говорить, но он вправе проявить известную настойчивость в своих просьбах. Настойчивую просьбу интервьюер должен мотивировать, например, тем, что получение данной информации передает жизненный опыт респондента и тем самым может помочь другим людям. Опыт показывает, что тактичная настойчивость, сопровождаемая значимой для респондента мотивировкой, приводит к "раскрытию" эмоционально закрытых зон примерно в 70% случаев. Самое трудное, следовательно, заключается не в том, чтобы убедить респондента сообщить закрытую информацию, а в том, чтобы зафиксировать умолчание и направить усилия по фокусировке именно в этом направлении.

Конкретизация тем. Как уже было сказано, под конкретизацией понимается постановка дополнительных вопросов, направленных на развитие или разъяснение высказываний респондента. Хотя Донохью отмечает, что хороший вопрос не только не сбивает респондента, но помогает ему оформить и развить свои мысли, существует некий критический порог, за которым слишком большое число дополнительных вопросов нарушает спонтанность речи и может привести к остановке или "распаду" интервью. По-видимому, именно эту ситуацию имеют в виду многие авторы, говоря о недопустимости чрезмерного контроля над темой. Так, российский социолог Э.Чамокова отмечает, что чрезмерная конкретизация противоречит принципу поддержания спонтанности речи. "Если мы осознаем, - пишет Чамокова, - что одно требование ограничивает другое, то между ними нужно поддерживать равновесие. В связи с этим интервьюер должен решительно сокращать конкретизацию в тех случаях, когда он начинает мешать спонтанности высказываний. Если усиление конкретизации все же является необходимым, следует подождать с ее введением до тех пор, когда респондент снова "разговорится" (т.е. его речь вновь станет спонтанной) [122, с. 66].

По-видимому, все авторы согласны с тем, что не следует проводить конкретизацию сверх необходимого (сохраняется принцип "минимального необходимого воздействия"). Нередко бывает, что работа по конкретизации почти не требуется, поскольку респондент самостоятельно раскрывает тему в нужном для интервьюера направлении. Возможны, однако, случаи, когда конкретизация становится необходимой. Таких случаев можно перечислить несколько:

1. Степень необходимой конкретизации заметно варьирует в зависимости от типа личности опрашиваемого. Беседа с некоторыми респондентами требует лишь формирования общей темы, после чего они самостоятельно ее развертывают, практически не нуждаясь в направляющих усилиях со стороны интервьюера. По-видимому, этот тип респондентов обладает способностью хорошо понимать исследова-

тельные цели интервьюера и сообщать релевантную им информацию. Другой тип респондентов, даже обладая мотивацией к сотрудничеству (проблема отсутствия мотивации здесь не рассматривается), плохо понимают, какая информация является релевантной. Они искренне пытаются помочь интервьюеру, но их попытки не всегда адекватны целям интервью, вследствие чего от интервьюера требуются большие направляющие усилия для получения релевантной информации.

2. Чем дальше продвинулся исследователь в изучении своей проблемы, тем более специфичными становятся вопросы, которые его интересуют. Если использовать слабый контроль, респондент может спонтанно сообщить много релевантной информации, которая однако уже известна исследователю (банальна для него). В этом случае интервьюер вынужден фокусировать беседу на том, что ему неизвестно, на важных для него специфичных деталях. Это может потребовать усиления конкретизации, особенно в тех случаях, когда исследователь имеет дело с типом респондента, плохо понимающим его исследовательские цели.

3. Существуют темы, которые слабо вербализованы или слабо отрефлексированы в сознании респондента. Таковы, например, критерии оценки экспертами произведений изобразительного искусства. Задавая экспертам-художникам вопросы о том, почему они взяли на выставку именно эту картину, а не другую, Э.Чамокова столкнулась с ответами типа: "Я не могу это сказать, я просто чувствую", "Я работаю по методу айсберга, семь восьмых скрыто от меня самого" и т.д. [121, с.101]. Тем не менее настойчивость интервьюера приводила к тому, что такие критерии, по крайней мере частично, раскрывались, например путем сравнений, аналогий и т.п. Таким образом, работа со слабо отрефлексированными темами либо со слабо рефлексирующими респондентами требует усиления работы по конкретизации.

4. Работа с эмоционально закрытыми зонами, обнаруживаемыми, например, вследствие замеченного интервьюером умолчания. Это еще один случай, когда необходимо усиление конкретизации. Проблема эмоционально закрытых зон подробно рассматривалась выше, поэтому здесь достаточно ее назвать.

Логический контроль. Нередко в высказываниях респондентов встречаются разного рода логические противоречия и ошибки. Долг интервьюера в этом случае - выяснить их причину и установить, какая же из точек зрения соответствует подлинному мнению респондента.

Природа логических ошибок может быть различной. В психоаналитических интервью существует презумпция, что оговорки, противоречия и ошибки детерминированы подвергшимися вытеснению бессознательными комплексами. С этой точки зрения случайных ошибок не бывает. Целью интервью как раз и является выявление их подлинных причин. Следует, однако, иметь в виду, что психоаналитические интервью в силу своей специфики концентрируются на эмоционально закрытых зонах. В социологических интервью противоречия и ошибки часто возникают из-за неумения респондента ясно формулировать свою мысль. Следуя выражению Дж.С.Милля, такие ошибки можно

рассматривать как "заблуждения от сбивчивости". Противоречия и ошибки часто бывают мнимыми : при просьбе интервьюера их разъяснить респондент дает им вполне удовлетворительные объяснения.

Хотя случаи лжи и сознательного искажения информации встречаются в практике интервьюирования, в типичном случае респондент - не софист, который умышленно пытается ввести интервьюера в заблуждение. В связи с этим логический контроль часто является средством не столько контроля за правдивостью высказываний (хотя он может выполнять эту функцию), сколько более полного раскрытия тем. Фиксация логической ошибки и указание на нее респонденту часто влечет за собой дополнительные разъяснения, релевантные проблеме исследования, а также помогает респонденту упорядочить и структурировать сообщаемую им информацию.

Ниже будут рассмотрены следующие виды логических ошибок: противоречия, ошибки в повествованиях, ошибки в описаниях, ошибки в рассуждениях, ошибки индукции и дедукции.

Противоречия. Данный вид ошибки именуется также нарушением закона тождества. Как уже говорилось, противоречия могут быть, но вовсе не обязательно являются следствием сознательной лжи. Психологический механизм возникновения неосознанных противоречий, по видимому, включает в себя две компоненты. Первая из них - это объективная сложность, многоуровневость сообщаемой респондентом информации. Журналисты и редакторы хорошо знают, что изложение какой-либо сложной темы, состоящей из множества подтем, требует такой организации текстового материала, при которой каждая следующая подтема была бы логически связана с предыдущей, а все вместе они образовывали бы единое целое, называемое композицией. В ситуации интервью респондент сталкивается, по сути, с той же проблемой логической организации материала, однако по сравнению с профессиональными журналистами или редактором его возможности гораздо более ограничены. Во-первых, респондент, как правило, не обладает специальной подготовкой в области компоновки сложных текстов. Во-вторых, респондент излагает свои мысли не в письменной, а в устной форме, причем в виде импровизации, а не заранее подготовленной речи. Все эти факторы резко затрудняют для респондента проблему мысленного "редактирования" своих высказываний. Таким образом, устная речь респондента является, если можно так выразиться, неотредактированной, что и создает предпосылки для возникновения в ней неосознанных противоречий и иных логических ошибок.

Вторая компонента в психологическом механизме возникновения противоречий может быть охарактеризована как субъективная. Она заключается в ограниченности операциональных способностей человеческого интеллекта. По степени развития этих способностей респонденты могут сильно отличаться друг от друга, но в принципе подобная ограниченность присуща каждому человеку. Это свойство проявляется в том, что респондент порой не соотносит свои высказывания друг с другом и заключенные в них несовместимые утверждения не попадают в фокус его логического внимания. Ясно, что чем сложнее и

многоплановее сообщаемый респондентом материал, тем труднее ему поддерживать контроль за совместимостью своих высказываний, и тем более велика вероятность возникновения противоречий.

Противоречия могут быть разделены на контактные и дистантные. К первым относятся такие, стороны которых непосредственно контактируют, являются двумя соседними высказываниями. Ко второй группе следует отнести противоречия, стороны которых разделены во времени и, возможно, включены в состав разных подтем.

Далее, существуют еще две группы противоречий: явные и неявные (имплицитные). В явном противоречии его члены прямо соотносятся друг с другом как некоторое высказывание и его отрицание. В имплицитном противоречии его члены непосредственно не даны, но они следуют (могут быть логически выведены) из других высказываний. Как было сказано, в практике интервью противоречия в высказываниях респондента возникают в основном в тех случаях, когда логический контроль для респондента особенно затруднен. По этой причине дистантные противоречия встречаются чаще, чем контактные, а неявные чаще, чем явные. Фиксация подобных неосознаваемых респондентами противоречий требует от интервьюера большой концентрации внимания и хороших операциональных способностей интеллекта. Возникновение противоречий в высказываниях респондента требует постановки дополнительных вопросов, направленных на их устранение. Примерная формулировка вопроса такова: "В начале интервью Вы сказали то-то, а сейчас говорите то-то. Мне кажется, что здесь есть противоречие. Не могли бы Вы это объяснить?"

Ошибки в повествованиях. Основные ошибки в повествованиях - это пропуски в хронологии и хронологическая путаница. Пропуски в хронологии часто возникают по двум прямо противоположным причинам: либо события, произошедшие в этот период, кажутся неважными респонденту, либо, наоборот, они сильно затрагивают его "я" и поэтому сознательно или бессознательно пропускаются. В любом случае интервьюер должен заметить пропуск в хронологии и попросить респондента его восполнить. При этом следует иметь в виду, что пропуски в хронологии часто бывают неявными: респондент как бы подразумевает, что за определенный период времени не произошло никаких существенных событий.

Насколько можно судить, хорошим "чутьем" на пропуски в хронологии обладают следователи по уголовным делам. В случае образования хронологических пробелов они обязательно задают вопросы типа: "А что Вы делали с такого-то по такое-то время?" Подобное умение должен развивать в себе и интервьюер-социолог.

Существует еще одна возможная причина возникновения хронологических пропусков - это уже описанный выше эффект "конкурирования" в сознании респондента двух разных тем, о каждой из которых он хочет сообщить интервьюеру. В этом случае респондент начинает хаотично перескакивать от темы к теме, нарушая тем самым хронологическую последовательность. Реакция интервьюера должна быть такой, как сказано выше: следует попросить респондента разделить темы, т.е. раскрыть сначала одну из них, а затем другую.

Хронологическая путаница может проявляться в двух видах: респондент описывает события, но он не уверен, что правильно воспроизводит их последовательность; респондент искажает реальную последовательность событий, неправильно предполагая, что одно из них произошло раньше другого.

Первый тип хронологической путаницы связан с ограничениями памяти респондента. Если респондент проявляет неуверенность, ему надо дать время подумать и вспомнить - иногда это приводит к прояснению памяти. Правильная последовательность событий может быть восстановлена на основе сообщений других респондентов или по иным источникам.

Второй тип хронологической путаницы более сложен и требует пояснения. Он часто возникает, когда интервьюер выясняет развитие отношений между людьми, изменения в установках, интерпретации прошлых событий и т.д. В указанных случаях существует тенденция, часто бессознательная, использовать ретроспективный взгляд в трактовке событий прошлого. К примеру, люди часто объясняют свое поведение, основываясь на информации, которой они реально в момент рассматриваемого события еще не располагали. Общих рекомендаций для устранения искажений такого рода не существует. Интервьюер просто должен иметь в виду, что такие эффекты могут иметь место. Если существует возможность, правильность изложения последовательности событий данным респондентом следует проконтролировать путем опроса других респондентов или по иным источникам.

Ошибки в описаниях. Выше объяснялось, что описание представляет собой перечисление составных частей сложного объекта. Описание может быть многоступенчатым: каждая составная часть сама может рассматриваться как сложный объект, требующий перечисления его составных частей.

Наиболее частая ошибка при описаниях - это их неполнота (респондент называет не все составные части или признаки сложного объекта). В связи с этим основной задачей интервьюера является контроль полноты. Прежде чем перейти от описания данного объекта к какой-либо новой теме, интервьюер должен обязательно спросить: "Все ли составные части или признаки Вы перечислили?" Этот вопрос следует повторять до тех пор, пока респондент твердо не скажет, что он перечислил все.

Вторая распространенная ошибка при описаниях - это нарушение их последовательности. Как писал еще Ломоносов, описание должно быть последовательным и в его основе должен лежать какой-то определенный признак. Описания могут строиться по принципу сверху вниз, справа налево, по рангу значимости и т.д. Сохранение последовательности описания часто бывает важно само по себе. К примеру, если описывается какой-то высокий физический объект, его составные части перечислены хаотично, то исследователь имеет возможность восстановить правильную последовательность путем сравнения описания с оригиналом. Сложнее это сделать в том случае, когда перечисляются ранги или факторы значимости, существующие только в сознании респондента и не допускающие возможности

объективной проверки. В связи с этим соблюдение в описании какой-то определенной последовательности очень важно для контроля полноты. Хаотичное перечисление делает невозможным контроль полноты как для интервьюера, так и для самого респондента.

Если респонденту задан вопрос на описание, то он, как правило, сознательно или бессознательно стремится следовать в ответе какому-то принципу, т.е. соблюдать последовательность. Следует, однако, иметь в виду, что эта задача далеко не всегда проста для респондента. Во-первых, в его сознании могут конкурировать различные основания описания, вследствие чего он может неосознанно перескакивать с одного основания на другое. Во-вторых, как уже говорилось, ответы респондента представляют собой не заранее продуманные выступления, а импровизацию, при которой усиливается роль таких факторов, как провалы в памяти, следование случайным ассоциациям и т.д. Задача правильного построения описания в ходе импровизации часто бывает трудной даже для хорошо подготовленного интеллектуала. Иногда респондент прямо говорит интервьюеру: "Я сейчас постараюсь перечислить признаки, но только не в порядке их значимости". Правильная реакция интервьюера на такое вступление будет следующей: сначала дать возможность респонденту сделать перечисление, следуя естественным ассоциативным связям, а затем попросить его установить ранги или иную подходящую к данному случаю систематическую последовательность.

Если респондент строит свой ответ как описание, интервьюер должен постараться понять, какой принцип кладется в его основу и проследить за тем, чтобы этот принцип был реализован последовательно. Если в последовательности возникает сбой, следует понять, связан ли он с провалом в памяти, ограниченностью операциональных способностей интеллекта, либо с принципиально иной причиной - "вторжением" другого, конкурирующего основания. Это конкурирующее основание должно быть понято интервьюером, после чего он сможет помочь респонденту отрефлексировать эту ситуацию с целью выяснения вопроса о том, какие вообще основания перечисления возможны в данном случае, какое из них наиболее "правильно" и т.д.

Ошибки в рассуждениях. Если ответ респондента имеет форму рассуждения, интервьюер должен мысленно придать ему форму силлогизма и проверить, правильно ли он построен. Это нелегкая задача, которая требует от интервьюера хорошего владения логикой. Если силлогизм построен неправильно, респондента можно попросить вновь вернуться к данному рассуждению, указав, в чем заключается логическая ошибка, и попросить построить силлогизм правильно.

В качестве иллюстрации приведем пример, заимствованный, правда, не из учебника по интервьюированию, а из методического пособия по редактированию текстов. Пример этот довольно велик по объему, но зато он детально раскрывает механизм контроля за правильностью построения силлогизмов.

"В контексте авторской речи логическая схема зачастую скрыта: не все звенья налицо, порядок слов свободный, много уточняющих, передающих оттенки смысла слов. Это и создает сложность. Чтобы преодолеть ее, нужна рациональная методика анализа,

нужны выработанные приемы-навыки, которые помогали бы проверять мысль автора логическими правилами и законами.

Покажем это на примере.

В рукописи автор написал:

"Что касается воспроизведения иллюстраций, то наиболее экономичен и производственно удобен порядок, когда текст и иллюстрации включены в одну и ту же печатную форму и печатаются вместе, за один прогон машины. Поэтому и воспроизведение иллюстраций в большей части книжных изданий выполняется способом высокой печати".

С фактической точки зрения текст кажется безупречным. Действительно, удобнее и экономически выгоднее, когда текст и иллюстрации включены в одну и ту же печатную форму и печатаются вместе за один прогон бумажного листа в печатной машине. Действительно, иллюстрации в большинстве книжных изданий воспроизводятся способом высокой печати. Однако ведь тот, кто знает технологию и технику полиграфического производства, усомнится в справедливости вывода из приведенных посылок. Ведь и в других способах печати - офсетной, глубокой - печатная форма включает и текст и иллюстрации, и печатаются они тоже вместе, за один прогон листа бумаги в печатной машине. Так что причина преимущественного воспроизведения иллюстраций способом высокой печати указана явно неточно.

Но ведь редактор не всегда знает некоторые фактические детали. Допустим, ему неизвестно, что в других основных способах печати иллюстрации и текст тоже включены в одну печатную форму и печатаются вместе за один прогон бумажного листа. Смог ли бы он в этом случае углыдеть неправомерность сделанного автором вывода?

Да, смог бы, но при одном условии - если бы он обнажил логическую схему рассматриваемого текста, схематизировал и определил логическую его форму и, зная логические правила, проверил бы ее ими.

Какова же логическая схема цитированного текста?

На первый взгляд, она очень проста. Однако, если вдуматься, из посылки (наиболее экономичен и производственно удобен способ воспроизведения иллюстраций, при котором текст и иллюстрации включены в одну и ту же печатную форму и печатаются вместе, за один прогон машины) непосредственно не следует, что поэтому иллюстрации в большей части книжных изданий воспроизводятся способом высокой печати. Не следует хотя бы потому, что о высокой печати в тексте, предшествующем выводу, не было сказано ни слова. Значит, этот вывод сделан опосредовано, путем умозаключения, в котором очевидные - с точки зрения автора - суждения опущены.

Не восстановив весь путь от посылок к выводу, мы не сможем судить, придерживался ли автор в ходе рассуждения логических законов и правил или отклонялся от них. Повидимому (текст наталкивает на это), вывод появился как результат цепи из двух умозаключений.

Умозаключение N 1

Первая посылка: В наиболее экономичном и производственно удобном способе печати иллюстрации включены в одну печатную форму с текстом и печатаются вместе за один прогон машины.

Вторая посылка (в тексте опущена): В способе высокой печати иллюстрации включены в одну печатную форму с текстом и печатаются за один прогон машины.

Заключение (в тексте опущено): Способ высокой печати наиболее экономичен и производственно удобен.

Умозаключение N 2

Первая посылка (в тексте опущена): Способ высокой печати наиболее экономичен и производственно удобен (исходным пунктом служит вывод умозаключения N 1).

Вторая посылка (в тексте опущена): Наиболее экономичный и производственно удобный способ воспроизведения иллюстраций используется в большинстве книжных изданий.

Заключение: В большинстве книжных изданий иллюстрации воспроизводятся способом высокой печати.

Правильны ли эти умозаключения? Восстановив все опущенные звенья, мы можем определить логическую форму, с которой имеем дело. Перед нами два простых

категорических силлогизма, т.е. умозаключения, в которых вывод делается из двух суждений-посылок, связанных общим понятием, так называемым средним термином (в первом силлогизме - это "иллюстрации включены в одну форму...", во втором - "наиболее экономичный и производственно удобный способ"). Зная же логическую форму, мы можем проверить ее теми правилами, которым она должна подчиняться, т.е. в нашем случае правилами силлогизма. Одна группа этих правил касается распределенности терминов, т.е. того, в каком объеме (полном или частично) должны быть взяты термины (субъекты и предикаты суждений), чтобы заключение (вывод) было логически верным. Первое правило этой группы гласит: средний термин должен быть распределен (взят в полном объеме) хотя бы в одной из посылок. Если средний термин в обеих посылках распределен (взят в неполном объеме), силлогизм неверен.

В нашем первом силлогизме обе посылки - утвердительные суждения, в которых средний термин является предикатом. В утвердительных же суждениях, согласно логике, предикат не бывает распределенным. Значит, автор нарушил одно из правил силлогизма, и его заключение ошибочно.

В самом деле, из первой посылки следует лишь то, что, если способ является наиболее экономичным и производственно удобным, то в нем непременно иллюстрации будут включены в одну печатную форму с текстом и печататься вместе с ним. Но из этого никак не вытекает, что в способе, который не является наиболее экономичным и производственно удобным, иллюстрации не могут быть включены в одну форму с текстом и печататься вместе с ним за один прогон листа. Или иначе: у нас нет оснований утверждать, что все способы печати, в которых иллюстрации включены в одну форму с текстом и печатаются вместе с ним за один прогон машины, являются наиболее экономичными и производственно удобными. У нас есть лишь основание утверждать, что в наиболее экономичном и производственно удобном способе печати не может быть иначе - и только.

Но, значит, этого признака недостаточно, чтобы признать способ наиболее экономичным и производственно удобным. Этого признака достаточно лишь для того, чтобы прийти к выводу, что данный способ может быть наиболее экономичным и производственно удобным, поскольку наиболее экономичный и производственно удобный способ обладает таким признаком. Следовательно, вывод из таких посылок возможен лишь предположительный: способ высокой печати может быть наиболее экономичным и производственно удобным. Для категоричного же вывода нет оснований.

В каком же случае было бы такое основание?

Только в одном - если бы в первой посылке утверждалось следующее: всякий способ печати, в котором иллюстрации и текст включены в одну форму и печатаются вместе за один прогон машины, является наиболее экономичным и производственно удобным.

Однако такое утверждение лишено смысла: если всякий способ с таким признаком будет наиболее экономичным и производственно удобным, то ни один из них нельзя считать предпочтительным, т.е. "наиболее экономичным и производственно удобным", а обо всех из них вместе взятых и о каждом в отдельности можно сказать, что они лишь более экономичны и удобны, чем те, что не обладают таким признаком.

Значит, правильным был бы, например, такой силлогизм.

Первая посылка: всякий способ печати, в котором иллюстрации и текст включены в одну форму и печатаются вместе за один прогон машины, является более экономичным и производственно удобным, чем способ печати, в котором иллюстрации и текст не включены в одну печатную форму и печатаются раздельно.

Вторая посылка: в способе высокой печати иллюстрации включены в одну печатную форму с текстом и печатаются вместе с ним за один прогон машины.

Заключение: способ высокой печати относится к числу более экономичных и производственно удобных.

В последнем умозаключении правило силлогизма не нарушено. Однако от вывода умозаключения N 1 нельзя прийти к выводу, который сделал автор.

И в самом деле, если первая посылка в умозаключении будет иной, то иным будет и вывод.

Первая посылка: способ высокой печати относится к числу более экономичных и производственно удобных.

Вторая посылка: более экономичные и производственно удобные способы печати используются при воспроизведении иллюстраций в большинстве книжных изданий.

Заключение: способ высокой печати - один из тех, что используется при воспроизведении иллюстраций в большинстве книжных изданий.

Вывод этот совсем не тот, который хотел сделать автор.

Как же быть редактору? Что ему посоветовать автору?

Поскольку основной вывод - в большинстве книжных изданий иллюстрации воспроизводят способом высокой печати - фактически правилен, надо посоветовать автору заменить обоснование - ведь те посылки, на которые он опирался, не ведут к нужному выводу. Сделать это можно хотя бы так.

Первая посылка: всякий способ печати, в котором иллюстрации и текст включены в одну форму и печатаются вместе за один прогон машины, более экономичен и производственно удобен, чем способы печати, в которых иллюстрации и текст не включены в одну печатную форму и печатаются раздельно.

Вторая посылка: в большинстве книжных изданий текст воспроизводится металлическим набором, т.е. способом высокой печати.

Заключение: Следовательно, в большинстве книжных изданий более экономично и производственно удобнее воспроизводить иллюстрации способом высокой печати. Что и делается.

Конечно, на практике анализ бывает не столь детальным и разернутым. В нашем примере опытный редактор, владеющий логикой, мысленно восстановит в силлогизмах опущенные звенья и выразит первый силлогизм формулой, т.е. полностью схематизирует его:

P есть M : наиболее экономичный и удобный способ обладает таким-то признаком;

S есть M : способ высокой печати обладает этим признаком;

S есть P : способ высокой печати наиболее экономичен и удобен.

(P - это предикат будущего вывода, S - субъект, M - средний термин).

Проделав эту операцию, редактор придет к выводу о логической несостоятельности данного силлогизма (M не распределен в обеих посылках как предикат утвердительного суждения). Этого достаточно, чтобы потребовать от автора исправить текст" [68, с.219-224].

На первый взгляд, кажется невозможным, чтобы интервьюер мог проделать в уме столь сложные рассуждения, чтобы увидеть логическую ошибку. Практика показывает однако, что хорошее владение логикой может перерасти в своего рода логическую интуицию, позволяющую интервьюеру либо распознать и диагностировать логическую ошибку, либо по крайней мере интуитивно почувствовать, что в высказывании респондента что-то не так, и попросить уточнений. Применительно к рассмотренному примеру интервьюер мог бы спросить у респондента: "Но ведь и при других способах печати текст и иллюстрации печатаются за один прогон листа в печатной машине?" Нередко бывает, что логическую ошибку удается обнаружить лишь после проведения интервью при расшифровке текста. В этом случае, если позволяют обстоятельства, можно вновь встретиться с респондентом и попросить его уточнить свою мысль.

Ошибки индукции и дедукции. Хотя данные логические операции представляют собой разновидность рассуждений, их целесообразно рассмотреть отдельно. В ходе интервью некоторые респонденты предпочитают сначала высказать основную идею, а затем подкрепить ее примерами. Это подобно дедуктивному подходу. Другие, наоборот, предпочитают высказать примеры, а затем сделать основной вывод, заключение. Это сходно с индуктивным подходом.

На практике интервьюеры довольно часто сталкиваются с тем, что респонденты делают неправильные шаги вверх и вниз по лестнице абстракции. Даже если память не подводит респондента, в тот момент, когда он начинает интерпретировать, обобщать или объяснять, он может сделать ошибку в выводах.

В индуктивных рассуждениях респондент может сделать три вида ошибок. Во-первых, перечислив ряд конкретных примеров, он может не сделать из них никакого вывода. Точнее, вывод может подразумеваться респондентом, но не быть высказанным им явно. Респондент может испытывать затруднения при формулировании вывода вследствие неумения логически мыслить либо вследствие ограниченности его словарного запаса, в котором могут отсутствовать абстрактные термины. Интервьюер в такой ситуации должен сделать две вещи. Во-первых, ему следует попросить респондента попытаться сделать необходимый вывод. Во-вторых, он должен сам, без помощи респондента, постараться понять, что общего имеют приведенные им примеры. Если респондент испытывает сильные затруднения в формулировке вывода, интервьюер может предпринять усилия к тому, чтобы сделать этот вывод совместно. В любом случае следует добиться того, чтобы индуктивное рассуждение было полным, т.е. содержало как конкретные примеры, так и обобщающее суждение.

Вторая возможная ошибка индукции заключается в том, что не все примеры, приведенные респондентом, соответствуют сделанному им выводу. Здесь возможны два варианта: либо респондент сделал правильный с его точки зрения вывод, но при этом привел неудачный пример, либо вывод должен быть переформулирован таким образом, чтобы ему соответствовали все приведенные примеры. Иногда несовпадение посылок и вывода происходит из-за того, что в сознании респондента конкурируют два разных набора примеров и соответственно два разных вывода.

Третья ошибка индукции заключается в том, что из приведенных респондентом примеров вытекает не тот вывод, который он сделал. Здесь также возможны два варианта: либо респондент при формулировании вывода неточно сформулировал свою мысль, либо сделанный им вывод отражает его подлинное мнение, но должен быть подкреплен другим рядом примеров. В последнем случае также следует помочь респонденту разделить два различных индуктивных суждения и добиться того, чтобы каждое из них было полным, т.е. содержало в себе как посылки, так и вывод.

Ошибки дедукции сродни ошибкам индукции и представляют собой как бы зеркальное их отражение. Первоочередной проблемой является здесь контроль полноты. Если респондент высказывает какое-то обобщающее суждение, следует обязательно попросить его подкрепить это суждение конкретными примерами. Вторая проблема - это контроль соответствия. Примеры должны подкреплять именно данный вывод, а не какой-либо иной. Как и в случае с индукцией, дедуктивные рассуждения порой распадаются на два, если обобщающее суждение и ряд примеров не соответствуют друг другу.

3.4.4. Поддержание мотивации

Хотя основные трудности установления контакта с респондентом обычно возникают в самом начале интервью, проблема поддержания мотивации к сотрудничеству стоит на всем его протяжении. Все авторы учебных пособий по интервьюированию согласны в том, что респонденту легче вообще отказаться от беседы, чем оборвать ее где-то посередине. Тем не менее возможность внезапного ослабления позитивных мотиваций и возрастания сил противодействия реально существует. В некоторых случаях падение мотивации может привести к прекращению интервью по инициативе респондента. В других случаях, даже если интервью не прерывается, незаинтересованность респондента в продолжении беседы проявляется в кратких ответах, нарушениях спонтанности речи, отказе отвечать на отдельные вопросы, прямых просьбах поскорее завершить интервью.

Выше в разделе "Начало интервью" мы разделили мотивации респондента на позитивные и негативные, иными словами, на содействующие и препятствующие общению. В соответствии с этим падение мотивации к сотрудничеству может быть следствием как ослабления позитивных мотиваторов, так и усиления негативных. Как указывает Горден, задача интервьюера в части поддержания мотивации заключается в том, чтобы максимизировать действие "помощников" общения и минимизировать действие "ингибиторов".

Поддержание позитивных мотиваций не возникает само собой, оно зависит от поведения интервьюера и от природы вопросов. В поведении интервьюера основными факторами поддержания позитивных мотиваций являются искренний интерес к высказываниям респондента, который выражается мимикой лица и возгласами одобрения, а также уместные дополнительные вопросы, которые отражают хорошее понимание интервьюером того, что говорит респондент, и помогают последнему полнее раскрыть свою мысль.

Ослабление позитивных мотивов у респондента (без активизации негативных) может принимать форму усталости или скуки. Усталость характеризует исчерпание энергетического запаса опрашиваемого, а скука отражает отсутствие интереса к предмету интервью.

Чувство усталости содержит в себе объективную и субъективную компоненту. Объективная заключается в том, что непрерывно говорить на протяжении полутора и более часов для многих респондентов физически тяжело. В этом смысле чувство усталости объективно. Отметим, что фактором формирования усталости является не только продолжительность интервью, но и степень напряженности работы мысли, которая требуется от респондента. В качестве иллюстрации приведем заключительное высказывание респондента, сказанное им после интервью, которое длилось всего около получаса (темой интервью было определение критериев восприятия песен самодельных авторов). Уже после того, как интервьюер сказал: "Спасибо за интервью", респондент добавил: "Скажу единственное напоследок. Интервью давать необычайно трудно, легче выступать самому, потому что там заранее репетируешь, а здесь надо говорить сразу" [122, с. 70].

Таким образом, объективная компонента усталости определяется продолжительностью интервью и степенью его сложности для респондента.

Субъективная составляющая усталости порождается скукой, т. е. отсутствием интереса к теме интервью или непониманием респондентом того, чего хочет от него добиться интервьюер. Скука сама по себе не только является фактором падения мотивации, но и ускоряет появление у респондента чувства усталости. Еще одним фактором падения интереса, а возможно, и нарастания противодействующих мотиваций, выступит непонимание логики интервью или связи объявленной общей темы с конкретными вопросами. В этом случае респондент мысленно, а порой и вслух задает интервьюеру вопрос: "Зачем Вы меня об этом спрашиваете?" Чтобы избежать возникновения вопросов такого рода, интервьюеру следует постоянно соотносить формулировки вопросов с общей темой интервью, а при переходах в темах давать респонденту краткие разъяснения, почему данный вопрос интересует исследователей.

Существует ряд сигналов, свидетельствующих о нарастании усталости или скуки у респондента. Это расслабленная поза, бегающие глаза, короткие и неорганизованные ответы, длинные паузы. Интервьюер должен уметь улавливать эти сигналы и устанавливать их причину. В случае появления скуки следует ослабить контроль над темой и попытаться "разговорить" респондента, нащупывая вопросы, которые были бы ему интересны. Зачастую интересные для респондента темы оказываются релевантными и для исследователя; таким образом, интерес становится взаимным. В случае усталости респондента имеются две возможности: либо попытаться повысить степень его интереса, который поможет преодолеть усталость, либо предложить сделать перерыв или назначить новую встречу. Первый вариант, конечно, предпочтительнее, но на практике не всегда удается. Назначение новой встречи - вынужденное решение для интервьюера и таит в себе опасность того, что респондент не захочет продолжать беседу.

Чувства усталости или скуки могут формироваться не только у респондента, но и у интервьюера. Эти чувства замечаются респондентом, индуцируя падение мотивации у него самого. Относительно скуки можно сказать, что интервьюер ни при каких обстоятельствах не имеет права испытывать это чувство. Скучающий интервьюер профессионально непригоден для этой работы. Что же касается усталости, то это чувство вполне объективно, и оно явственно дает о себе знать уже после двух или трех проведенных за день полуторачасовых интервью. Выше уже говорилось, что работа интервьюера более трудна и требует большего напряжения, чем это может показаться внешнему наблюдателю. Возникновение усталости ставит вопрос о планировании целесообразной нагрузки интервьюеров. По-видимому, без крайней необходимости интервьюерам не следует планировать более трех продолжительных интервью в день. Проводя четвертое или пятое интервью, интервьюеры явственно отмечают падение внимания и ослабление способности к активному слушанию. Правда, хорошие ин-

тервьюеры, являющиеся одновременно исследователями и поэтому обладающие сильными мотивациями к получению информации, могут усилием воли подавить усталость, но и эта способность небеспредельна. Ослабление внимания вследствие усталости обычно бывает непроизвольным. Порой оно не сразу рефлексивируется интервьюером, поэтому иногда он лишь после прослушивания или расшифровки интервью отмечает снижение его качества.

В отличие от снижения позитивных нарастание противодействующих мотиваций в подавляющем большинстве случаев связано с возникновением угрозы "я" респондента. Эта угроза может возникать в разных формах, которые были описаны выше. В американских учебниках классическим примером вопроса, вызывающим противодействие, является вопрос о личных или семейных доходах респондента. Согласно Кану и Кеннелу, отчеты интервьюеров неизменно показывают, что постановка вопросов о размерах и источниках доходов часто ведет к сомнениям или прерыванию общения со стороны респондента. В России до "перестройки" этот вопрос не вызывал сильного сопротивления, но ныне, в 1993 году, тенденция к сокрытию или занижению сообщаемой величины доходов у высокодоходных групп населения явственно видна. В случае усиления сопротивления у интервьюера есть три возможности. Во-первых, он может напомнить респонденту о конфиденциальности беседы. Во-вторых, интервьюеру следует объяснить, почему этот вопрос важен для исследования и как он связан с общей целью интервью. Понимание исследовательских целей, их важности и осмысленности часто пробуждает у респондента чувства, которые сродни моральному или гражданскому долгу. В-третьих, интервьюер может обратиться к "помощникам" в общении, например, к альтруистическим мотивам.

На всем протяжении интервью интервьюер должен демонстрировать респонденту свою сильную мотивацию, заинтересованность, высокий эмоциональный тонус. Сознание респондента откликается на моральное состояние интервьюера по принципу индукции: скука индуцирует скуку, а эмоциональный подъем индуцирует усиление позитивных мотиваций.

3.4.5. Искажения в интервью

Искажениями мы будем называть те высказывания респондентов, которые не соответствуют их подлинным представлениям. Искажения могут возникать по разным причинам, некоторые из которых будут описаны ниже.

Влияние собственной позиции интервьюера. Это, пожалуй, основной источник искажений, причин сразу в двух смыслах. Во-первых, это один из наиболее частых видов искажений, особенно у неопытных интервьюеров. Во-вторых, этот фактор целиком зависит от поведения интервьюеров и, следовательно, может быть устранен путем более качественной их подготовки.

Предпосылками искажений являются два условия. Во-первых, интервьюер должен иметь свое мнение, не совпадающее с мнением рес-

пондента. Во-вторых, это мнение, т.е. несогласие с респондентом, должно найти какое-то внешнее проявление. Если оба этих условия реализуются, то реакция респондента может быть трех видов: он может либо вступить в спор с интервьюером, либо замолчать и прервать интервью, либо подстроить свои высказывания под мнение интервьюера. В первых двух случаях пострадает в основном полнота интервью²⁸. Третий случай представляет собой чистый вариант искажения.

Источниками несовпадения мнений интервьюера и респондента могут быть ценностные и когнитивные разногласия. Ценностные разногласия имеют в своей основе несовпадения этических позиций. Это несовпадение может быть столь сильным, что интервьюер непроизвольно тем или иным способом может выразить свой протест. Когнитивные разногласия имеют своим источником различия в представлениях о фактической стороне обсуждаемого вопроса. Ответы респондента могут противоречить жизненному опыту интервьюера, его исследовательскому опыту или вынашиваемым им гипотезам.

Поскольку источниками искажения являются как восприятие интервьюером высказываний респондента, так и реакции интервьюера на эти высказывания, интервьюер должен выработать у себя два рода навыков, которые вместе образуют то, что может быть охарактеризовано как нейтральное слушание²⁹. Во-первых, интервьюер должен научиться спокойно воспринимать те точки зрения, которые не совпадают с его собственными. Э.Чамокова пишет по этому поводу: "Интервьюер должен уметь понимать и принимать любую точку зрения: респондент так думает, значит он прав. Интервьюер искренне "разделяет" самые различные позиции, он знает: в каждой из них есть своя логика. В основании любых представлений лежат постулаты, а они не опровергаются. Приняв этот принцип, исследователь приходит к необходимости постоянно контролировать собственную систему представлений, рассматривая ее как частную и индивидуальную. Указанный принцип обязывает интервьюера избегать оценочных определений, любых поспешных выводов относительно высказываний респондента" [122, с.89; 119, с.65].

Итак, одно из основных качеств, необходимых интервьюеру, заключается в том, чтобы уметь "вживаться" и понимать любую точку зрения, как бы ни была далека она от его собственной. Но интервьюер - тоже человек, и порой его реакции могут быть непроизвольными, особенно если затрагиваются основополагающие ценности его личности. В этом случае действует второе правило: интервьюер не должен выдавать вовне свои реакции. Следует оговорить, что опрашиваемый может придавать своему несогласию с респондентом конструктивную и полезную для целей интервью

²⁸ Спор с респондентом, постановка ему так называемых конфронтационных или провоцирующих вопросов может выполнять роль специального методического приема, позволяющего получить информацию, которую респондент хотел бы скрыть или исказить. Спор допустим в тех случаях, когда он сознательно используется как методический прием для достижения определенных целей, но недопустим во всех остальных случаях.

²⁹ Хорошее слушание должно быть одновременно нейтральным и активным. Мертон и соавторы назвали этот тип слушания "беспристрастной заинтересованностью".

форму, например: "Вы сказали то-то. Но многие люди считают иначе (объяснить, как). Что Вы думаете по этому поводу?" Таким образом, контролируемые реакции несогласия разрешены и могут быть полезными. Запрещается, следовательно, выражение произвольных реакций. Вот некоторые из них:

1. Выражение прямого несогласия с респондентом, спор с ним, попытки его убедить или переубедить. При возникновении подобного желания интервьюер должен вспомнить, что исследователя интересуют мнения респондента, а не его собственные.

2. Осуждение взглядов респондента. Эту ошибку очень часто совершают журналисты, хотя в их собственном пособии по интервьюированию прямо указано, что этого делать не следует. Тем не менее журналист Р.Киреев пишет: "Я знаю фельетониста, который, не откладывая дело в долгий ящик, тут же на месте, вершит над героем своего будущего фельетона свой этический суд" [128, с. 90]. Очевидно, что интервьюер должен уметь воздерживаться от вынесения приговора какому-либо человеку или ситуации, не должен показывать свое осуждение. Иными словами, ему необходимо придерживаться строго научного (безоценочного) подхода. Он должен уважать обычаи, ценности и манеру поведения других людей, как бы они ни отличались от его собственных.

3. Ведение интервью с позиций эмоционального "поощрения" и "наказания". Выше уже говорилось, что интервьюер должен поощрять развитие релевантных тем, образующих проблемный фокус интервью, и не поощрять темы нерелевантные. Поощрение и непоощрение с любой другой позиции, например, с позиции идеологических убеждений интервьюера - грубая ошибка. Некоторые респонденты не приемлют подобного идеологического давления, вступают в спор, и интервью превращается в перепалку. Другие, не желая обидеть или огорчить интервьюера, интуитивно уясняют себе суть желаемых им ответов и "отражают" интервьюеру его собственные представления.

4. Мысленный спор. Несогласие интервьюера с респондентом может выражаться не в открытом, а в мысленном споре с ним. Интервьюеры, перебивающие интервьюируемых, часто находятся в состоянии мысленного спора. Другое вероятное последствие мысленного спора - отключение внимания от текущих высказываний респондента, поскольку спор может фиксировать его на каких-то предшествующих моментах интервью. Мысленный спор или несогласие часто произвольно отражаются на мимике лица опрашиваемого, что, как правило, не ускользает от внимания респондента, который в ответ либо замолкает, либо старается "исправить" свои высказывания таким образом, чтобы угодить интервьюеру.

5. Избирательное слушание. Если позиция интервьюера не совпадает с мнениями опрашиваемого, может возникнуть эффект избирательного слушания, при котором интервьюер "слышит" то, что хочет услышать. Менее опасен такой эффект при использовании магнитной записи, поскольку диктофон точно фиксирует высказывания респондента. При записи от руки избирательное

слушание может породить очень значительные искажения, что подтверждено специальными экспериментами. Другой негативный эффект заключается в неадекватном понимании высказываний респондента. Это приводит к постановке неадекватных вопросов и иным неадекватным реакциям, которые замечаются респондентом. Результат, как и в предшествующих случаях, может быть двойным: либо у респондента падает мотивация к сотрудничеству, либо он начинает подстраиваться под мнение интервьюера.

6. Иногда какие-то высказывания респондента совпадают с идеологическими пристрастиями интервьюера. В данном случае часто возникает то, что можно назвать "чрезмерным подбадриванием". Если интервьюер с энтузиазмом восклицает: "Я совершенно согласен с Вами!", то такое оценочное заявление побуждает респондента говорить то, что, как он считает, будет одобрено интервьюером, особенно, если респондент стремится произвести благоприятное впечатление на опрашивающего. Значение этого источника искажений часто недооценивается даже опытными интервьюерами.

Ложь и фантазии со стороны респондента. В отличие от предыдущего этот источник искажений зависит не от интервьюера, а от интервьюируемого, и поэтому плохо поддается корректировке. Ложь со стороны респондента служит защитной реакцией, которая возникает из-за того, что опрашиваемый в том или ином смысле ощущает в вопросах интервьюера угрозу своему "я". При проведении опросов в сфере экономики интервьюерам следует иметь в виду, что в ряде отраслей народного хозяйства (торговля, сельское хозяйство, "предпринимательский" сектор) сложилась своего рода привычная ложь, которая внешне выглядит логичной и убедительной. Ложь можно встретить также при постановке вопросов, затрагивающих самолюбие людей, интимные стороны их жизни и т.д. Одна из рекомендаций, которая может быть предложена для преодоления лжи, - поиск респондентов, добровольно желающих сотрудничать с интервьюером. Второй возможный путь выяснения истины состоит в опросе лиц, занимающих противоположные или смежные ролевые позиции, либо просто осведомленных о том, как обстоит дело в действительности.

Часто респонденты не лгут явно, но скрывают (затемняют) правду, либо делают заявления, имеющие целью выставить самих себя в лучшем свете. Если интервьюер чувствует, что в высказываниях респондента необходимо что-то исправить или уточнить, делать это следует осторожно. При постановке прямого вопроса респондент может занять оборонительную позицию и совсем замолчать. Неясности, связанные с возможным сокрытием или искажением информации респондентом, лучше выяснять в конце интервью.

Фантазии, как и ложь, служат защитной реакцией, но не от внешнего слушателя или наблюдателя, а от своего собственного "я". К фантазиям часто бывают склонны лица с неблагоприятной личной жизнью, неудачники, алкоголики. Медицинские психологи считают, что женщины больше подвержены фантазиям, чем мужчины. С массовыми проявлениями фантазий, представляющими собой своего рода реконструированные автобиографии, исследователь может

встретиться при опросе социально неблагополучных слоев общества. Фантазии могут быть самостоятельным объектом исследования, но их не следует путать с реальной реконструкцией прошлого.

Искажения в процессе коммуникации. Эти искажения являются следствием непонимания респондентом интервьюера или наоборот. Если вопрос непонятен респонденту, интервьюер должен заметить его изумленный взгляд и спросить, понятен ли вопрос. Если этого не сделать, респондент может начать фантазировать или отвечать на какой-то иной вопрос сообразно тому, как он сумел его осмыслить. Обратная ситуация возникает, когда интервьюер, пытаясь понять респондента, задает ему неадекватно сформулированный суммирующий вопрос. Во многих случаях респонденту легче согласиться с интервьюером, чем вступать с ним в спор или повторять свои разъяснения заново. Если респондент все же предпринимает попытку вновь объяснить интервьюеру свою точку зрения, неопытный интервьюер порой начинает настаивать на своей трактовке. В этом случае между ними порой возникает своего рода перепалка по вопросу о том, что же в действительности сказал респондент. В "жестком" или конфронтационном типе интервью такие споры могут применяться сознательно как методический прием. Но если причиной спора является неправильное понимание интервьюером высказывания респондента, то конфронтация не способствует адекватному уяснению вопроса. Более разумной тактикой является просьба к респонденту повторить сказанное заново или попросить разъяснений.

Искажения, основанные на стереотипах восприятия. Интервьюер и респондент могут воспринимать друг друга с позиций тех или иных стереотипов, результатом чего может быть искажение информации. Один из возможных случаев заключается в том, что интервьюер воспринимает респондента как человека малообразованного и плохой информированного. Этот стереотип может выразиться в наводящей формулировке вопроса: "Я полагаю, Вы не читали последних материалов, касающихся налогов?" Представление респондента об интервьюере как о человеке более осведомленном может сыграть свою роль и, завершая уже подготовленное искажение, респондент независимо от степени своей реальной информированности может ответить: "Да, не читал". Восприятие респондента как человека малоинформированного может породить также вопросы типа: "Я полагаю, это все, что Вы можете сказать по данному вопросу?"

Не менее грубые ошибки совершают интервьюеры, которые считают, что могут приблизить ответ, который, как им кажется, готов дать респондент. Очень распространено в таких случаях предварение вопроса фразами типа: "Я полагаю, Вы согласитесь, что...", или "Я полагаю, Вы почувствуете, что..." Наличие у респондента стремления не возражать интервьюеру, особенно если последний обладает более высоким статусом, делает вероятным получение искаженной информации. Если у интервьюера создалось впечатление, что ответ респондента на определенный вопрос будет отрицательным, он неосознанно может сформулировать его таким образом, что респонденту будет легче ответить на него отрицательно.

Респондент также может воспринимать интервьюера с позиций того или иного стереотипа. Это обстоятельство должно учитываться при подборе интервьюеров, выборе их одежды и других атрибутов внешнего вида. В частности, респондент может составить мнение об интервьюере как о человеке слишком молодым, неопытным или несерьезным. Другой возможный стереотип - это идентификация интервьюера с должностным лицом, проводящим ревизию или проверку. Для предотвращения возникновения такого стереотипа интервьюеру следует продумать вопрос о вызывающих доверие спонсорах или рекомендуемых лицах, а также о тактике установления контакта.

Для создания положительного имиджа в глазах респондента интервьюер должен быть искренним. Если респондент расценивает интервьюера как нечестного человека, он старается уклониться от ответов, отвечает неохотно, неискренне. По этой причине интервьюер должен вести себя открыто и как можно более дружелюбно. Вопросы интервьюера могут быть трудными, но они не должны быть "ловушкой". Искренность интервьюера может быть продемонстрирована через открытый взгляд, естественную позу, сконцентрированное внимание, тон разговора. Такое невербальное поведение создает обстановку не только искренности, но и доверия.

Создание дружественной атмосферы беседы не равнозначно имитации дружбы. Неопытные интервьюеры, наслышанные о важности создания дружественных отношений с респондентом, часто понимают это буквально. Если интервьюер пытается имитировать дружбу, реакция респондента может быть двоякой: либо имитация будет распознана, и тогда резко возрастет недоверие, либо "дружба" может быть принята за "чистую монету", что также может привести к искажениям. К примеру, респондент может принять решение не сообщать информацию, которая может чем-либо огорчить его нового друга, ради сохранения дружбы подстраивать свое мнение под мнение интервьюера и т.д.

3.4.6. Ошибки интервьюеров. Некоторые рекомендации

В данном параграфе мы перечислим основные ошибки, допускаемые интервьюерами, а также отдельные полезные рекомендации, не пытаясь привести их в единую систему.

А. Ошибки интервьюеров

1. Высказывание личных мнений интервьюера. Одна из наиболее частых ошибок, которую совершают начинающие исследователи, заключается в том, что интервьюер увлекается беседой и начинает говорить сам, порой произнося обширные монологи. Это большая методическая ошибка, независимо от того, выражает интервьюер в своих монологах согласие или несогласие с респондентом. Во-первых, на произнесение монологов затрачивается полезное время интервью, которое всегда ограничено. Во-вторых, монологи интервьюера могут вносить искажения в интервью или вызвать снижение мотивации у респондента. Роли интервьюера и респондента принципиально различны: интервьюеру должно быть интересно все, что говорит

респондент. Более того, поскольку интервьюер заинтересован в выявлении логики респондента, он, как уже говорилось, искренне "разделяет" самые разные мнения. Наконец, интервьюер заранее готов к тому, что он будет вести беседу с представителем иной социальной или профессиональной субкультуры со своим специфическим языком и специфичными социальными нормами. Все эти требования к ролевой позиции интервьюера отсутствуют у ролевой позиции респондента. Монологи интервьюера вовсе не обязательно должны вызывать у него интерес и согласие. Высказывая свое личное мнение, интервьюер рискует вызвать негативную реакцию респондента, который может быть не согласен с его содержанием либо негативно воспринять манеру изложения этого мнения. Влияние последнего фактора следует подчеркнуть особо: манера изложения мысли и специфика словаря опрашиваемого сразу обнажает различие субкультур интервьюера и респондента. Практика показывает, что реакция на это различие, как правило, бывает негативной.

Исходя из вышеизложенного, начинающим интервьюерам могут быть даны следующие рекомендации:

а) запрещается произносить какие-либо фразы, которые не заканчиваются знаком вопроса. Лишь в некоторых случаях, когда задаваемый вопрос сложен, допускается высказывание нескольких разъясняющих повествовательных предложений, после которых обязательно должно следовать вопросительное;

б) интервьюеру вообще следует стремиться как можно меньше говорить. Запрещается высказывать свое личное мнение, произносить монологи.

2. Чрезмерная активность интервьюера. Она выражается в задавании слишком большого числа вопросов, постоянных прерываниях высказываний респондента. Выше уже говорилось, что новый вопрос не должен быть поставлен прежде, чем предыдущая тема будет исчерпана, причем следует предпринять специальные усилия, чтобы убедиться, что эта тема действительно исчерпана. Слишком частая постановка дополнительных вопросов ведет к обрывам тем и к хаотичному их перемешиванию. Хороший интервьюер старается задавать как можно меньше вопросов, но получить как можно больше информации от респондента.

3. Ограничение ответов. Для интервьюера, особенно работающего по найму, существует искушение ограничить интервью теми областями, которые обозначены в вопроснике, и отказаться от всех сообщений респондента, которые не относятся к этим областям. Сообщения и замечания, которые не попадают в эти заранее определенные области, часто интерпретируются как нерелевантные. Конечно, если эти высказывания действительно не относятся к делу, если они уведут интервью в направлении, не имеющем ничего общего с рассматриваемыми вопросами, то такое отклонение должно быть остановлено. Но часто интервьюер, вооруженный вопросником, слишком поспешно делает вывод о том, что высказывания респондента не относятся к делу только лишь потому, что соответствующие темы не записаны в

вопроснике. Здесь возникает опасность поддаться преждевременному и ложному суждению и приостановить то, что всегда является самым ценным - непредвиденный релевантный ответ.

4. Навязывание тем. Вопросник может явиться причиной неполноты интервью еще и потому, что интервьюер слишком строго придерживается и навязывает респондентам вопросы и темы, которые включены в план интервью, но которые не связаны с действительным опытом опрашиваемых и на которые они просто не могут ответить. Навязывание возникает в том случае, когда интервьюер задает вопрос и настаивает на ответе, не убедившись, что респондент действительно может что-то сказать по этому поводу. Часто интервьюеры следуют такой тактике только потому, что считают себя обязанными осветить все темы из своего вопросника.

Навязывание тем влечет за собой два негативных последствия. Во-первых, не зная, что сказать, респондент начинает импровизировать и фантазировать. Во-вторых, навязанные темы подавляют ту релевантную информацию, которую респондент мог и хотел сообщить, что отрицательно сказывается на полноте интервью.

5. Ошибка, состоящая в быстрых переходах. Желая добиться как можно более полного охвата заранее предусмотренных тем, интервьюер часто удовлетворяется поверхностным их рассмотрением. Стремясь к полноте, он жертвует глубиной. Иногда его подталкивает к этому опасение, что он не успеет в отведенное для интервью время охватить все темы, предусмотренные в вопроснике. Часто такой страх бывает необоснованным, и интервью заканчивается намного раньше намеченного срока. Но даже если вопросник действительно слишком обширен, чтобы уложить интервью в отведенное для него время, ускорение темпа интервью все равно себя не оправдывает. Не много смысла в стремлении номинально охватить широкий круг вопросов, если информация по каждому из них незначительна. Лучше рассмотреть ограниченный круг вопросов, но зато так, чтобы они были раскрыты исчерпывающим образом. Относительно вопросов, оставшихся нерассмотренными, можно попытаться договориться с респондентом о новой встрече.

Сказанное можно проиллюстрировать известным логическим правилом: чем больше объем понятия, тем меньше его содержание. К примеру, в ситуации экономического кризиса мы задаем респонденту вопрос о том, как он живет. Ответ "плохо" будет правильным, но банальным, поскольку о плохом состоянии экономики знает и сам интервьюер. При таком ответе остаются за рамками рассмотрения множество важных вопросов: каковы источники доходов респондента, каков потребительский бюджет его семьи, есть ли в семье запасы продовольствия и т.д. Приведенный пример показывает, что чем глубже раскрывается тема, тем более содержательной и менее банальной становится сообщаемая респондентом информация. Иными словами, глубина раскрытия тем важнее широты их охвата. Поверхностное рассмотрение тем редуцирует интервью к набору банальных суждений.

Б. Некоторые рекомендации

1. Использование личных качеств. В интервьюировании нет едино-

го стиля. Каждый интервьюер использует свой стиль поведения, который является для него естественным. Начинающие интервьюеры часто боятся использовать в интервью свой естественный стиль поведения. Они стараются как бы надеть маску, которая, по их мнению, соответствует профессиональной роли интервьюера. К примеру, они стараются сохранять непроницаемое, чопорное выражение лица. Это ошибка. Респонденту легче раскрыться и откровенно поговорить с человеком, который не боится быть самим собой. Как уже говорилось, уместная шутка может облегчить установление и поддержание атмосферы искренности и доверия. Однако отметим, что здесь, как и во всем, нужна мера. Чрезмерное обилие шуток может настроить респондента на шутливый лад, а это приведет к сильному искажению ответов.

2. Фиксация главной мысли. В ходе интервью очень важно вычленивать основные идеи из ответов респондента. Здесь нужен определенный навык, поскольку респонденты редко подают явные сигналы о том, что сейчас будет высказана главная мысль. Очень редко респонденты говорят прямо: "А вот сейчас я скажу самую главную мысль". Отсутствие явных высказываний такого рода не означает, однако, что респонденты не подают никаких сигналов о том, что является наиболее важным. Сигналами главной мысли могут быть паузы, жесты, усиление голоса, интонации и т.д. Интервьюер должен уметь воспринимать эти сигналы. Кроме того, важно следить за логикой мысли респондента. Интервьюер должен разобраться в том, что является главной мыслью, а что деталями, примерами и другой дополнительной информацией.

3. Рефлексия чувств. Одним из важнейших умений, необходимых для проведения интервью, является рефлексия чувств. Это избирательная форма слушания, при которой интервьюер различает эмоциональные обертоны сообщений и рефлектирует (отражает) их на респондента, не делая при этом попытки дать оценку услышанному. Рефлексия чувств - это способность, которая требует определенной практики. Если интервьюер владеет таким умением и правильно реагирует на высказывания респондента, это дает последнему большую уверенность в способности интервьюера его понять. В результате это помогает перевести разговор к тем проблемам, которые являются для респондента источником беспокойства.

4. Комментарии не для записи. Иногда респонденты готовы дать разъяснения или расширенные комментарии лишь в том случае, если их ответ не будет записан. Если интервьюеру не удастся убедить респондента изменить свое решение, следует закрыть блокнот или выключить магнитофон. После окончания интервью можно восстановить сказанное респондентом по памяти, но использовать этот материал следует с особой осторожностью, чтобы не повредить респонденту.

3.5. Завершение интервью

Как и начало интервью, завершение выделяется в особый методический этап в связи с его специфическими функциями. Поскольку к

моменту завершения интервью сбор информации по теме исследования окончен, эти функции в основном не являются информационными.

Оптимальный вариант заключается в том, что завершение интервью должно совпасть с его естественным концом. Решение об окончании в этом случае оказывается как бы обоюдным совместным. Никому из участников интервью не должно показаться, что финал слишком поспешный, но также не должно возникнуть ощущения, что интервью растянуто. По окончании интервью у респондента не должно возникнуть чувство избавления. Интервью должно завершиться, когда все вопросы рассмотрены, но не раньше и не позже.

Завершенное интервью следует отличать от интервью прерванного. Прерывание незавершенного интервью обычно происходит по причине того, что кто-то из участников исчерпал свой лимит времени. Бывает (хотя этого следует всемерно избегать), что лимит времени исчерпывается у самого интервьюера. Если это все же случилось, надо честно сообщить об этом респонденту, сказав, что вы хотели бы продолжить разговор. Тут же следует обсудить с интервьюируемым время и место новой встречи. В некоторых случаях прерывание интервью может вызвать ряд проблем. Если продолжения не последует в скором времени, благоприятный климат общения может нарушиться. По этой причине эффективное интервью прерывать нежелательно.

При приближении к финалу задача интервьюера заключается в том, чтобы сохранить хороший "климат" общения. Завершение должно быть обоюдно приятным. Если интервью прерванное, то такой финал необходим для успешного установления контакта при новой встрече. Если же интервью полностью закончено, требование сохранения хорошего "климата" из методического превращается в этическое. Респондент не должен почувствовать, что его "отжали" и выбросили, как ненужную вещь. Атмосфера доверия и дружбы, достигнутая в основной части интервью, должна проявиться в его финале.

По концовке интервью можно судить о степени его успеха. Выше мы сообщали о различиях в объективном и субъективном времени интервью, отмечая, что соотношение между ними может быть своего рода тестом его успешности. Другим таким тестом может быть выражение эмоций искренности и дружбы в финальной части интервью. Выражение таких чувств, может быть, и не свидетельствует о том, что интервьюер получил всю необходимую информацию, но во всяком случае оно свидетельствует о том, что респондент сделал все, что мог. Образцом такого финала может служить рассказ интервьюера о завершении интервью с председателем исполкома одного из краев Российской Федерации (1991 год). Несмотря на чрезвычайную занятость, этот руководитель не пожалел времени для длительной беседы по экономическим и социальным проблемам края, а в конце достал из шкафа бутылку коньяка, разлил по рюмкам и сказал: "Благодарю Вас за хорошую беседу". Конечно, в жизни не каждое интервью заканчивается рюмкой коньяка и выражением благодарности. В некоторых случаях

интервьюеру следует "потрудиться" над созданием соответствующей атмосферы. К примеру, у многих респондентов, особенно с низким уровнем образования, могут возникнуть сомнения, хорошо ли они справились с ролью респондента. В связи с этим обязательной частью финала должно быть не только выражение благодарности интервьюера, но и его заверения в том, что интервью было очень ценным. По выражению Донохью, даже "твердолобые" респонденты улыбнутся, если им сказать, что они предоставили очень хорошее интервью.

Методические пособия рекомендуют интервьюеру начать думать о завершении интервью за 5-10 мин. до его окончания. Это особенно важно в тех случаях, когда время окончания интервью жестко зафиксировано. Существует ряд способов подготовить респондента к завершению интервью, которые могут применяться как в случае исчерпания лимита времени, так и в том случае, если попался "слишком" разговорчивый респондент. Это в основном фразы типа: "В то короткое время, которое у нас осталось..." или "Прежде, чем закончить...", и т.д. Указанные фразы могут в необходимых случаях как сократить продолжительность интервью, так и увеличить его в том случае, если респондент проявляет нервозность в отношении слишком большой, по его мнению, продолжительности беседы. В последнем случае указанные фразы дают ему понять, что беседа близится к завершению, но вместе с тем содержат тактичную просьбу ответить еще на один-два вопроса.

Хорошей формой завершения интервью является финальное резюме, которое, в частности нередко позволяет получить какую-то дополнительную информацию или сделать обобщения. Резюме может быть высказано либо респондентом по просьбе интервьюера, либо самим интервьюером с просьбой к респонденту его прокомментировать, ответить на вопросы, правильно ли оно, верно ли в нем расставлены акценты, не упущено ли что-либо существенное и т.п.

Работа интервьюера не заканчивается в момент выключения диктофона. Об этом хорошо пишет Э.Чамокова, которую следует процитировать полностью:

"Конец интервью - очень ответственная часть. К этому времени интервьюер обычно утомляется. После того, как выключен магнитофон, он считает, что его работа закончена, а для респондента часто это сигнал к откровенной долгой беседе по волнующей его теме. Созданная атмосфера раскованности, проявляемый интерес к собеседнику вызывают доверие к интервьюеру. Респондент легко переходит на личные проблемы, иногда он готов обсуждать их часами³⁰. В этих случаях интервьюер должен преодолеть усталость

³⁰Иногда в этом разговоре возникают темы, релевантные тематике опроса. В связи с этим интервьюеру следует дать совет не торопиться убирать диктофон после его выключения и быть готовым (с разрешения респондента) снова его включить. "Момент выключения диктофона - отмечает Т.Шумилина, - психологически интересен тем, что респондент расслабляется, напряжение спадает, он чувствует себя свободнее. Именно в этот момент он может припомнить что-то важное, обронить какие-то интересные замечания, дополнить свой рассказ. Опытные интервьюеры используют этот момент, чтобы получить сведения, отличающиеся "неформальным" характером" [128, с. 115].

(да, что делать, у него такая непростая профессия). Надо пойти навстречу собеседнику. К этому обязывает долг благодарности - на него только что честно работали. Следует помнить: интервью должно закончиться так, чтобы всегда можно было вернуться к этому человеку как респонденту" [121, с. 105].

После обработки текст интервью целесообразно давать респондентам для уточнения. Это желательно как с этической точки зрения, так и с точки зрения уточнения полученной информации. Практика показывает, что иногда уточнения и дополнения респондентов бывают весьма существенными. Вот пример комментария респондента к своему собственному интервью:

"Вопрос: Вы ознакомились с текстом Вашего предыдущего интервью. Что Вы можете сказать по этому поводу?"

Ответ: Да, я прочитал этот текст и могу отметить некоторое несоответствие тому, что я в действительности хотел сказать. Во-первых, это несоответствие связано с тем, что Ваши вопросы были для меня неожиданными, и я не всегда успевал продумать ответ. Во-вторых, я должен отметить в этом тексте некоторые "перегибы". По-видимому, они возникли из-за того, что я хотел показать, где и как возникают недостатки, поэтому и акцентировал свое внимание на той стороне деятельности, где этим недостаткам легче всего проявиться. Многие в планировании материально-технического снабжения жестче и строже, чем это показано в тексте предыдущего интервью. Но общее впечатление таково, что в целом картина получилась верная, а искажения касаются лишь деталей" [83, вып.1, с. 32]. Отметим, что, хотя респондент назвал недостатки предыдущего интервью лишь деталями, их подробный анализ составил еще одно интервью, по объему превышающее первое. Лишь после этого действительная картина функционирования материально-технического снабжения делалась более или менее ясной.

Публикация текста интервью в печати должна стать предметом отдельного разговора с респондентом. Недопустимо публиковать интервью без разрешения, так как это в том или ином отношении может нанести ущерб респонденту. Иногда респонденты дают согласие на анонимную публикацию. В этом случае интервьюер вместе с респондентом должны вместе тщательно изучить текст, чтобы исключить из него те детали, которые могут способствовать "опознанию" респондента. Это очень важный и обязательный этап подготовки к публикации, поскольку многие детали, нейтральные и "невинные" с точки зрения интервьюера, в действительности могут привести к раскрытию личности респондента. Запрет респондента на публикацию ни при каких условиях не должен нарушаться.

3.6. Обработка материалов интервью

Независимо от способа записи интервью, первым этапом его обработки является составление по возможности дословного текста (стенограммы) высказываний респондента. Опыт проведения обследований показывает, что как магнитные записи, так и записи от руки, сделан-

ные по ходу интервью, не могут быть использованы в качестве первичного материала для их осмысления и обработки. Работа с фонограммами или с неразборчивыми записями затруднена до такой степени, что становится практически невозможной. В связи с этим дешевле, проще и результативнее затратить усилия или часть финансовых средств исследователя на изготовление отпечатанных на машинке стенограмм³¹.

Изготовление стенограмм на основе магнитных записей - дело довольно трудоемкое. Расшифровка одного часа магнитной записи требует приблизительно десяти часов интенсивного труда. Одному часу магнитной записи соответствует приблизительно 25 страниц машинописного текста, отпечатанного через 2 интервала (28 строк на лист). Рыночная цена обработки одного часа магнитной записи на начало 1993 года составляла около 1000 рублей. К обработке магнитных записей удобнее всего привлекать женщин с высшим образованием, заинтересованных в домашнем труде. Очень хорошо справляются с обработкой студентки журналистских факультетов, имеющие практику подобной работы по своей основной специальности (однако контроль полноты делаемых ими расшифровок является обязательным, так как некоторые обработчицы, даже будучи предупрежденными, все же делают в тексте существенные сокращения).

3.6.1. Проблема редактирования

Спорным является вопрос о целесообразности редактирования стенограмм интервью. Противники редактирования выдвигают общеизвестные аргументы, связанные с тем, что в процессе редактирования и "олитературивания" текста в него могут вноситься значительные искажения. В учебных пособиях по интервьюированию данная точка зрения преобладает. Практика, однако, показывает иное. Все известные нам научные работы, выполненные на основе метода свободного интервьюирования, и содержащиеся в тексте фрагменты из интервью, показывают, что эти фрагменты были подвергнуты значительной литературной редакции. В качестве примера приведем два отрывка из интервью, опубликованные в книге Дж.Гилберта и М.Малкея.

1. "Интервьюер: Считаете ли Вы свое нынешнее исследование проверкой модели чередующихся участков или уточнением ее деталей?"

Лимэн: Вовсе нет. Возможно, мы получили дополнительные данные в пользу идеи чередующихся участков. Но в основном мы ставим целью просто исследовать каталитический участок, а не подвергнуть модель дальнейшей проверке" [24, с. 72].

2. "Он упрямец. Он пытается приспособить данные, не укладывающиеся в его представления, и с этой целью выстраивает сложнейшие объяснения. Думаю, пора ему кончать с этим, ведь тут он, видимо, заблуждается. Не в том беда, что, сталкиваясь с фактами, которые противоречат его идеям, он пытается найти им объяснение. Это не так уж плохо, и я не за это его критикую. Беда, что его объяснения столь сложны, что впрямую отказать от них и начать все сначала" [24, с. 72].

Для каждого, кто занимался интервьюированием и расшифровкой

³¹ Некоторые исследователи и журналисты не составляют тексты интервью, а сразу пишут аналитический материал, опираясь на свою память и записи в блокноте. Такой метод работы в принципе возможен, его преимуществом является мобильность и дешевизна, но автор данной книги предпочитает иметь дело с отпечатанными текстами.

стенограмм интервью очевидно, что перед нами образцы отредактированного текста. Устная речь, буквально переведенная на бумагу, выглядит совершенно иначе: в ней много незаконченных фраз, неточно выраженных мыслей, различных неточностей типа оговорок, пропусков мыслей, которые были восполнены незафиксированными магнитофоном жестами, междометий и т.п. Буквально записанные тексты интервью плохо читаются и трудны для восприятия. Для публикации в широкой печати такие тексты, как правило, бывают абсолютно непригодны. Отметим здесь же, что вариант "нулевого редактирования" в определенном смысле просто нереализуем, поскольку превращение устной речи в письменную требует расстановки знаков препинания и расстановки абзацев, которые в устной речи как таковые отсутствуют.

По-видимому, наиболее приемлемым компромиссом между точками зрения сторонников и противников редактирования было бы сохранение в архиве организации всех трех вариантов интервью: устного (в виде фонограммы), письменного неотредактированного и письменного отредактированного. К сожалению, ресурсные возможности многих российских исследователей столь низки, что они просто не могут позволить себе подобную "роскошь".

Думается, что решение о редактировании или нередактировании текстов интервью должно быть принято, исходя из двух групп факторов. Первая группа - это характер целей интервьюирования. Если тексты интервью предполагается давать для ознакомления определенному кругу лиц или публиковать, то это является аргументом в пользу их редактирования. Если же исследователь хочет подвергнуть эти тексты количественной обработке методом контент-анализа, то их, пожалуй, лучше оставить такими, как они есть. Вторая группа факторов зависит от направленности интервью и от личностных черт респондентов. Если предмет интервью таков, что вызывает у респондентов трудности в вербализации (выше в качестве примера было упомянуто интервьюирование Э.Чамоковой экспертов изобразительного искусства), то лучше, наверное, не рисковать и перенести текст на бумагу в виде неотредактированной стенограммы. Это связано с тем, что в таких интервью респонденты очень часто выражаются неясно или неточно. В этом случае действует правило: лучше оставить неясные куски текста такими, как они есть, чем необоснованно "прояснять" их в ходе редактирования. Существует, однако, и противоположный случай, когда респондент выражает свои мысли ясно и связно, и у исследователя не возникает сомнения в правильности их понимания. В случае, если интервью предназначено для прочтения другими людьми, редактирование текстов представляется вполне оправданным.

Поскольку вариант "нулевого редактирования" не требует каких-либо специальных методических приемов, дальнейшая часть данного параграфа будет посвящена описанию методических принципов "максимального" редактирования, т. е. принципов превращения устной речи в стилистически грамотную письменную речь. Указанные принципы не являются изобретением автора данной книги. Они

заимствованы им из источников, хорошо известных журналистам и редакторам, но плохо знакомых социологам. Немаловажно отметить, что в отечественной литературе имеется несколько учебников по стилистике очень высокого качества, среди которых выделим три [20; 96; 68]. Поскольку, согласно этим же источникам, все виды ошибок в текстах подразделяются на грамматические, стилистические и логические, укажем, что первый из названных источников имеет предметом рассмотрения стилистику на стыке с грамматикой, второй, пожалуй, собственно стилистику, и третий - стилистику на стыке с логикой. В связи со всеобщей низкой логической грамотностью, третий источник особенно может быть рекомендован для прочтения, в первую очередь, его главы "Композиция" и "Рубрикация"³².

Стилистику часто путают с "олитературиванием", "беллетризацией" и иными искажениями, которые вносятся при редактировании в исходные тексты. Такая трактовка имеет право на существование, если судить о стилистике по практической деятельности редакторов бывших советских журналов и издательств (эта практика отчасти не преодолена до сих пор). На самом деле задачей стилистики является не внесение искажений, а их исправление благодаря более точному использованию имеющихся в языке средств выражения.

Ниже в данном параграфе будут рассмотрены три аспекта редактирования: 1) стилистическая обработка фраз и их сочетаний (своего рода "микроуровень" редактирования); 2) логический контроль; 3) формирование текстовой композиции (последнее может быть охарактеризовано как "макроуровень" редактирования).

Стилистическая обработка фраз. Специфика редактирования текстов интервью состоит в том, что исходные высказывания респондентов делаются в устной форме. Эти устные высказывания в результате редактирования должны превратиться в стилистически грамотную письменную речь.

Психологи и лингвисты различают понятия *внутренней, устной и письменной речи*, отмечая, что каждому из видов речи присущи свои особые закономерности. С точки зрения этой классификации процесс редактирования интервью - это процесс превращения устной речи в письменную. Однако для правильного понимания данного процесса следует отступить на шаг назад и обратиться к процессу интервьюирования, который для респондента означает превращение внутренней речи в устную. Устная речь становится, таким образом, своего рода промежуточным продуктом, сочетающим в себе элементы двух смежных видов речи.

³²В данном параграфе автор опирается только на отечественные источники, которые написаны для редакторов, то есть являются учебниками по редактированию письменных текстов. Учебников, которые описывали бы специфику редактирования устной речи в процессе превращения ее в письменную, в нашей стране, по-видимому, не существует (во всяком случае автору не удалось их найти). В зарубежной литературе имеются работы, в которых делаются попытки систематически описать редакционные правила записи текстов социологических интервью. В частности, в них предлагается использовать разные типы шрифтов для передачи интонаций голоса респондента. Изучением этого важного вопроса занимался российский социолог Вадим Журавлев.

Внутренняя речь тождественна процессу молчаливого мышления человека. Она в какой-то мере напоминает бытовой диалог двух очень близких между собой людей. Внутренняя речь полна сокращенных и условных выражений, ясных только для того, кто ею пользуется. В бытовом диалоге то, о чем идет разговор, известно собеседникам с самого начала. Поэтому в ней многие элементы мыслей и предложений могут быть опущены, поскольку они и так ясны из контекста. В еще большей степени такие пропуски характерны для внутренней речи, в которой нет законченных фраз с подлежащим и сказуемым, а мелькают лишь отдельные, наиболее важные опорные слова, вбирающие в себя для мыслящего все необходимое содержание. Существенная особенность внутренней речи заключается также в том, что слова в ней часто приобретают особый, расширительный смысл, связанный с опытом говорящего и его взглядами на жизнь. Как отмечает Л.С.Выготский, внутренняя речь очень часто протекает таким образом, что говорящий высказывает целые фразы, произнося про себя только одно подлежащее. К примеру, ожидая на трамвайной остановке и видя приближающийся трамвай, человек может отреагировать на это произнесением про себя короткого подлежащего "Б", что в развернутой формулировке означало бы: "трамвай "Б", которого я ожидаю, чтобы туда-то поехать, наконец пришел". Здесь необходимым и достаточным оказалось только подлежащее. Сказуемое и другие элементы предложения остались в уме, подобно тому, как школьник оставляет в уме при сложении переходящие за десяток остатки.

Естественно, что передавая это "Б" в письменной речи, надо объяснить всю приведенную здесь ситуацию, воссоздать ее. Это требует от человека определенной работы, умственных усилий. Переход от внутренней речи к "внешней" всегда труден. Легче он происходит при переходе к устной, значительно труднее - при переходе к литературной письменной речи.

Устная речь, как было сказано, во многом напоминает внутреннюю, точнее, несет в себе заметные ее следы. В бытовой речи, особенно, если говорят люди, близкие между собой, понимающие друг друга с полуслова, противоречие между словом и предметом снимается наличием окружающей обстановки (предмета разговора), а также близостью внутренней речи людей, имеющих сходный жизненный опыт и принадлежащих к одной субкультуре.

Письменная речь коренным образом отличается от разговорной. Отличия эти следующие: а) отсутствие общей для говорящих житейской обстановки и житейского опыта, облегчающих взаимное понимание; б) отсутствие помощи со стороны жестов, мимики, интонации. В письменной речи это должно быть компенсировано обогащением словаря, преимущественно за счет отвлеченных понятий, и усложнением синтаксиса.

Как указывается в учебниках по литературной стилистике, цель редактирования заключается в том, чтобы *добиться полного совпадения мысли и ее словесного выражения*. Словесное оформление мысли может быть, таким образом, точным или неточным. Неточности,

отклонения в выражении мысли, вызванные неправильным ее "оформлением", носят название стилистической ошибки. Работа, направленная на преодоление стилистических ошибок, или ошибок смысла, связана с сопоставлением трех элементов:

а) самой мысли или изначального ее замысла, выраженного первоначально во внутренней речи автора;

б) фактического словесного оформления этой мысли;

в) нормативных требований языка, придающих высказываниям характер однозначности и способствующих тем самым осуществлению коммуникативных функций языка.

Нормативные требования, или норма языка - это совокупность установленных в данном обществе и в данную эпоху правил общественного пользования языком. Норма языка подпадает под дюркгеймовское определение социального факта. В этом смысле она существует объективно и обладает принудительной (обязательной) силой. Обязательность языковой нормы не исключает определенной ее вариативности, поскольку одна и та же мысль может быть выражена несколькими различными способами. Вместе с тем вариативность нормы не означает наличия произвола и анархии в языке, которые бы снизили или свели до нуля его коммуникативную функцию. Несмотря на некоторую неопределенность и вариативность языковой нормы, каждая мысль и каждое выражение может быть подвергнуто сопоставлению с нормой, в результате чего будет обнаружена правильность либо неправильность его словесного оформления.

В текстах отступления от языковой нормы часто бывают связаны с внутренней речью автора. При перестройке внутренней речи во внешнюю (устную или письменную) всегда остаются следы первой. Эти следы иногда бывают полезными, придающими мысли яркость и выразительность, но чаще вредными. Затемняющими изложение. Иногда отступления от нормы делаются сознательно, например, для достижения юмористического эффекта. Если читателю ясна причина отступления от нормы, смысл высказывания будет им понят, и понят правильно, если же нет, то, даже догадавшись о его смысле, читатель ощутит неправильность, неграмотность сказанного, потребность в корректировке построения фразы.

Выше было сказано, что устная речь ближе к внутренней, чем письменная. Это означает, что норма языка применительно к устной речи является более "либеральной", т.е. допускает большее количество отклонений, причем возникающие нарушения смысловой ясности компенсируются другими выразительными средствами, прежде всего мимикой, жестами, интонацией, наличием общего языкового контекста. С точки зрения критериев письменной речи переложенная на бумагу устная речь содержит в себе множество стилистических нарушений, затрудняющих ее понимание и восприятие.

При чтении легкость понимания текста является кажущейся. То, что хорошо тренированному читателю кажется почти не требующим умственных усилий, на самом деле - результат многообразных умственных операций, протекающих свернуто, а потому им не замечаемых. Текст, если он несложен, понимается как бы сам собой, но в

действительности всегда в процессе мышления, сопутствующего чтению. В простых случаях этот процесс совершается автоматически, а в сложных вынуждает читателя рассуждать, проводить разного рода мысленные операции, без которых смысл текста остается механическим набором слов или словосочетаний. Понимание сообщений, содержащих в себе стилистические ошибки, требует иногда очень значительной работы, направленной на сопоставление отдельных фрагментов сообщения, анализ их логико-грамматических связей и проникновение в основную мысль сообщения. Неточность и иные смысловые ошибки сообщения компенсируются в этом случае мысленной работой читателя. При чрезмерно высокой концентрации стилистических недочетов сообщение делается непонятным либо вследствие его полного смыслового распада, либо вследствие слишком высоких требований к концентрации внимания читающего, ведущих к быстрому утомлению.

В задачу данного раздела не входит подробный анализ и типологизация стилистических ошибок. Попыткам такой типологизации посвящена упомянутая выше специальная литература. Ниже будут приведены лишь некоторые примеры стилистических ошибок, встречающихся в устной, а нередко и в письменной речи.

1. Неточное словоупотребление. Пример: "Во время войны многие дети потеряли родителей. Об одном таком МОМЕНТЕ я сейчас расскажу". В этом примере слово "момент" употреблено в чуждом ему значении. Более точно мысль автора отразили бы слова: "эпизод", "случай".

2. Оговорки очень часто встречаются в устной речи. Часто оговорки связаны с использованием паронимов (слов близких по звучанию, но разных по значению). Другой тип оговорок - контаминации слов, своего рода словесные "гибриды".

3. Тавтологии. Пример: "Молодая, почти юная молодежь".

4. Нагромождение повторяющихся однокоренных слов (в устной речи языковая норма допускает такие повторы, но в письменной они являются стилистической ошибкой).

5. Слова, засоряющие речь: "вот", "значит" и т.п., которые слишком часто употребляются в тексте как вводные слова.

6. Неоконченные мысли, оборванные фразы, иногда сопровождаемые высказыванием: "Ведь Вы меня понимаете?"

7. Грамматические нарушения при построении фраз (ошибки подчиненности и управления слов в предложении).

8. Ошибки, связанные с использованием местоимений. Во избежание путаницы местоимение может замещать только последнее в предложении существительное, однако в устной речи это правило постоянно нарушается.

Приведенный выше список может быть легко дополнен до нескольких десятков позиций, поскольку в данном вопросе рассматриваемая проблема смыкается с литературной стилистикой вообще. В связи с этим за более обстоятельным перечнем видов стилистических ошибок мы отсылаем читателя к указанным выше специальным источникам.

Наряду с исправлением смысловых и стилистических ошибок

процесс редактирования стенограмм интервью включает в себя регулирование степени напряженности изложения. По аналогии с математикой можно сказать, что напряженность изложения может выражаться положительной или отрицательной величиной. В первом случае речь идет о словесной избыточности сообщения, наличии в нем прямых и косвенных повторов, а также лишних, затрудняющих понимание слов. Такое явление иногда встречается в устной речи. Порой оно даже является характерным свойством некоторых респондентов. Свойство словесной избыточности устных сообщений не представляет для нас значительного интереса, во-первых, потому, что оно легко поддается исправлению и, во-вторых, потому, что встречается оно сравнительно редко по сравнению с постоянно присутщей устной речи словесной недостаточностью³³.

Текст, страдающий словесной избыточностью, не создает трудностей для понимания, хотя и может вызвать ощущение утомления, скуки и т.п. Сталкиваясь с таким текстом, читатель научается мысленно пропускать повторы и "лишние" слова, оставляя в сознании основной смысл прочитанного. Иная, намного более трудная задача стоит перед читателем текста со словесной недостаточностью, поскольку в этом случае ему необходимо мысленно восстановить пропущенные, но подразумеваемые слова и мысли. Учitando, что такая работа требует определенного умственного напряжения, словесно недостаточные тексты называются напряженными³⁴.

Источником высокой напряженности текстов интервью является наличие в них следов внутренней и устной речи. Естественно, что внутренней речи свойственна высокая напряженность (словесная недостаточность), поскольку каждое слово несет в себе большую информацию, почти каждое слово является предложением. Высокая напряженность сохраняется и в устной речи. Респондент, всегда имеющий "в уме" многое из того, что неизвестно интервьюеру и последующему читателю, часто не в состоянии поставить себя на их место, учесть особенности их восприятия.

Высокое напряжение в тексте, в частности, создают слова с богатым понятийным содержанием (полисемантические либо с большим логическим объемом); не выраженные словами синтаксические связи (бессоюзные); подразумеваемые мысли, не оформленные в предложения и оставшиеся, так сказать, между строк, и т.д.

В письменной речи высокая напряженность стенограмм интервью должна быть снижена до нормальной за счет ликвидации пропусков слов, логических звеньев, подразумеваемых мыслей и т.д. Это выдвигает редакционное требование, кажущееся парадоксальным: не сокра-

³³Свойства словесной избыточности и недостаточности в устной речи не взаимоисключают друг друга. Сообщение, несущее в себе элементы избыточности, часто является в других отношениях словесно недостаточным.

³⁴Напряженность текста отчасти является субъективной характеристикой, так как зависит от квалификации читателя. Все профессиональные тексты обычно ориентированы на высококвалифицированного читателя, и в связи с этим воспринимаются неспециалистами как очень напряженные.

шать, а *дописывать* текст, не уменьшать, а увеличивать его объем³⁵. Разумеется, увеличение объема текста, т.е. дописывание, ни в коем случае не означает его "олитературирование", включения в него каких-то мыслей "от себя". Речь идет лишь о переводе (ретрансляции) устной речи в письменную в соответствии с существующей применительно к последней языковой нормой. Ретрансляция устной речи в письменную должна идти с помощью языковых средств респондента, иными словами, на основе его собственного словаря.

Приведем текст инструкции обработчикам магнитных лент, используемой в лаборатории социологии ИНП РАН для внештатных обработчиков.

Инструкция обработчикам магнитных лент

1. Запрещается что-либо сокращать в высказываниях опрашиваемых. Обработчики должны иметь в виду, что в целях контроля все пленки будут прослушиваться и сверяться с письменным текстом. В случае обнаружения даже незначительных сокращений выполненная работа оплачиваться не будет.

2. В ходе переписывания магнитных записей на бумагу текст должен редактироваться с целью исправления стилистических неточностей, свойственных устной речи. В частности, пропущенные, но необходимые по смыслу слова и элементы фраз должны дописываться. Неправильно построенные предложения должны исправляться в соответствии с правилами грамматики. Во всех случаях следует стремиться к тому, чтобы придать высказываниям опрашиваемого наиболее ясную форму (но без фантазерства и "отсебятины"). Непонятные обработчику высказывания следует записывать дословно.

3. Обработчик должен расставлять в тексте знаки препинания и разбивать его на абзацы в соответствии со смыслом высказываний опрашиваемого и правилами грамматики.

4. Писать следует крупными буквами, оставляя широкие интервалы между строками (это необходимо для последующего редактирования). Разрешается печатать текст на машинке, через два интервала между строками.

5. Запрещается использовать сокращения слов. Все слова должны быть написаны полностью.

6. Перед вопросами интервьюера должно писаться слово "Вопрос" с двоеточием. Перед ответами опрашиваемого аналогично следует писать слово "Ответ".

Особым случаем высокой напряженности текста является отсутствие в нем ряда служебных слов, сочетаемое с хаотичной подачей материала. В интервью это свойство часто проявляют люди с экспрессивной натурой, говорящие быстро и эмоционально. При редактировании подобных интервью обработчик постоянно сталкивается с такими

³⁵Если к обработке магнитных записей привлекается персонал средней квалификации, не состоящий в штате исследовательской группы, требование "ничего не сокращать" является категоричным и должно быть подкреплено угрозой денежного штрафа, так как в противном случае в интервью очень часто возникают невосполнимые пробелы. Некоторые обработчики, не сдерживаемые жесткими требованиями, ухитрились сократить как "неинтересное" до 60-70% всего текста интервью. Но и в тех случаях, когда обработчиком является сам исследователь, мы не рекомендуем ему что-либо сокращать. В определенном смысле можно сказать, что все сказанное респондентом в интервью является интересным, но для обеспечения восприятия оно должно быть правильно стилистически оформлено.

недостатками, как отход в сторону от темы, слабая связь одной мысли с другой, бессистемное изложение материала, повторение мыслей и формулировок. К трудным для понимания относятся также тексты с логически запутанным изложением (повторами, возвратами и т.п.), с большим количеством микрочастей, плохо поддающихся объединению.

Работая с такими текстами, редактор вынужден докапываться до исходного смысла высказываний, устанавливать внутренние логические связи между отдельными фразами, добиваться такого расположения материала, чтобы каждая фраза опиралась на предыдущую и служила основанием для последующих, иными словами, была вмонтирована в контекст. Часто при этом приходится прибегать к использованию некоторых служебных слов, таких как: "прежде всего", "далее", "затем", "наконец", "во-первых", "во-вторых", "в-третьих", "далее рассмотрим", "проиллюстрируем эту мысль", "коснемся такого вопроса", "таким образом", "итак", "следовательно" и тому подобных, позволяющих придать материалу четкость и стройность. Один из важных принципов редактирования - это выявление соподчиненности, связи, соотношения смысловых групп текста и фиксация этих отношений с помощью вышеназванных служебных слов и иных стилистических средств, имеющихся в распоряжении редактора.

Важным стилистическим средством, позволяющим повысить степень коммуникационной доступности текста, является разбивка его на абзацы. Абзац есть своеобразный сигнал, говорящий о начале новой мысли. Для абзаца, в отличие от предложения или их группы, характерны единая тема, логическая целостность. Абзац есть стилистическая и логическая единица текста, рассчитанная на последовательное восприятие слушателем или читателем всего сообщения по определенному плану. Границами между абзацами в устной речи являются удлиненные паузы. Абзац или красную строку следует считать своего рода знаком препинания, углубляющим предшествующую точку и открывающим новый ход мысли.

Логический контроль. Вопрос логического контроля высказываний респондента был подробно рассмотрен выше в разделе "Контроль над темой". Принципы логического контроля в ходе интервью и в процессе последующего его редактирования одни и те же. Интервьюирование в этом смысле можно охарактеризовать как "редактирование" в процессе устной беседы. Чем более эффективен был логический контроль в процессе интервью, тем меньше логических ошибок будет зафиксировано в ходе редактирования.

Вслед за В.И.Свинцовым подчеркнем, что логическая ошибка не тождественна фактической. При фактической ошибке мы имеем дело просто с ложным утверждением, а при логической - с принципиально (всегда, тождественно) ложной смысловой конструкцией. Хотя о логических ошибках написана обширная литература, применительно к проблеме редактирования текстов это понятие проработано недостаточно. Как отмечает указанный автор, это в определенной мере объясняется особенностями развития логики в период ее "математизации". Понятие логической ошибки в математической

логике как бы снимается изучением строгих схем идеализированного мышления. Однако при анализе устной и письменной речи редактор сталкивается с огромным слоем ошибок семантического характера. Применительно к ним более подходящей представляется позиция традиционной логики, с точки зрения которой под характеристику логических ошибок попадают случаи нечеткого словоупотребления, неправильного использования родовидовых отношений, неправомерные плеонастические конструкции и многое другое. Поэтому в данном случае мы будем исходить из достаточно широкого понимания логических ошибок, в принципе совпадающего с тем, что обычно имеют в виду, говоря об ошибках смысла [95, с. 17].

С точки зрения редактора логические ошибки можно разделить на три вида.

1. Ошибки, исправление которых не требует повторного обращения к респонденту, так как смысл его высказываний достаточно ясен из контекста. Ошибки такого рода исправляются редактором самостоятельно. Подобных ошибок в устной речи бывает довольно много и их исправление не следует рассматривать как искажение или "белетризацию" текста.

2. Ошибки, разъяснение которых требует обращения к респонденту. Такие ошибки и противоречия также встречаются в интервью. Иногда поправки респондента при предъявлении ему этих ошибок бывают краткими. Причиной таких ошибок может быть просто неточное выражение. В других случаях разъяснения респондента могут составить новое интервью, поскольку "снятие" ошибки или противоречия может потребовать раскрытия новой обширной темы.

3. Ошибки и противоречия, имманентно присущие мышлению респондента. Эти ошибки при редактировании не подлежат "снятию" или исправлению, и должны быть оставлены в тексте, как есть. Противоречиям такого рода должна быть дана содержательная психологическая или социологическая трактовка. Хорошие примеры противоречий этого типа имеются в книге Гилберта и Малкея. Вот один из их комментариев: "Говоря, что "если ваша цель - представлять саму науку, тогда не остается места для эмоций", Спендер (ученый-биохимик - С.Б.) как будто игнорирует произнесенные им слова об ученых, которые "видят то, что хотят увидеть", и затем лишь задним числом создают подходящие, лишенные эмоций версии своих действий. Мы вправе заключить, что интерпретационные неувязки в рассуждениях наших собеседников вытекают из социально обусловленного использования ими для описания научной деятельности двух формально несовместимых интерпретационных репертуаров" [24, с. 86-87].

Формирование текстовой композиции. Под композицией понимается построение литературного, научного или иного произведения, объединяющее все его элементы в единое целое. Организующим принципом построения композиции является то или иное логическое основание. К примеру, композиция классического литературного произведения включает в себя следующие составные части: завязка, развитие, кульминация, развязка. Автобиографии (написанные или

выполненные в форме интервью) включают в себя описание детства, отрочества, юности, молодости, зрелого возраста, старости. Могут быть приведены и другие способы построения композиций.

Ответ на вопрос, должно ли интервью иметь четкую логическую композицию, с нашей точки зрения, будет таков: не всегда, но во многих случаях это целесообразно. Наличие композиции облегчает задачу всех ролевых "актеров" процесса интервьюирования: интервьюера, респондента и последующего читателя. Построение композиции начинается на этапе построения вопросника. Логично построенный вопросник, как правило, облегчает респонденту задачу организации своих мыслей. Однако логика вопросника может не совпасть с логикой респондента. В этом случае интервьюер должен отбросить заранее подготовленную последовательность и предоставить респонденту возможность раскрыть тему, следуя своей собственной логике, которая нумеруется в адекватном ей композиционном оформлении.

Следующий этап построения композиции - это собственно процесс интервьюирования. Выше говорилось, что в определенном смысле интервьюирование является как бы "редактированием" текста непосредственно в ходе беседы. Преимущество фокусированного интервью перед другими методами социального исследования заключается в том, что оно позволяет получить целостное, систематическое описание представлений или взглядов респондента по изучаемому вопросу. Однако работа по систематическому изложению своих представлений дается респонденту нелегко. Каждый, кому доводилось писать статьи или книги, знает, что одна из самых трудных проблем - это систематизация отдельных фрагментов, формирование из них логично построенного произведения. С подобной проблемой сталкивается и респондент, желающий изложить интервьюеру свои представления. Он часто не знает, с чего начать и в какой последовательности излагать свои мысли. В его сознании могут конкурировать разные типы последовательностей, в результате чего изложение мыслей становится хаотичным. В связи с этим одна из важных функций интервьюера - помочь респонденту выстроить свои мысли в определенную систему. Эта помощь ни в коей мере не равнозначна постановке наводящих вопросов, разного рода подсказкам и иным искажающим воздействиям. Интервьюер должен помочь респонденту оформить и систематизировать мысли, не внося в них при этом никаких искажений. Это достигается в первую очередь расчленением тем в случае их перемешивания, доведением каждой темы до ее логического конца, напоминаниями о необходимости продолжения тем, ранее по какой-либо причине оборванных, просьбами об освещении новых тем, которые важны с точки зрения формирования композиционного целого.

Если вопросник был хорошо подготовлен, если интервью провел опытный интервьюер и если ему попался логично мыслящий, хорошо владеющий навыками стилистически правильной речи респондент, текст интервью может потребовать лишь незначительной редакции. К сожалению, так бывает не всегда. Часто случается, что респондент излагает свои мысли сегментарно, переходя от одной темы к другой, а

затем вновь возвращаясь к первой. Фрагменты одной и той же темы с частичными повторами оказываются разнесенными в разные части текста. В этом случае перед редактором возникнет вопрос: следует ли собирать эти фрагменты воедино, устраняя при этом повторы? Наша (возможно, небесспорная) точка зрения заключается в том, что такая операция правомочна. Если интервью предназначено для прочтения другими людьми, то следует иметь в виду, что хаотично построенный текст труден для восприятия. Потенциальный читатель вовсе не обязательно должен иметь сильную мотивацию к чтению. Нередко просьба о прочтении интервью исходит от самого исследователя, который заинтересован в получении мнений о нем других респондентов или своих коллег (экспертов). Если исследователь просит о прочтении текста как об одолжении, он должен максимально пойти навстречу читателю и облегчить ему процесс восприятия. Те же аргументы действуют в том случае, если текст интервью предназначен для публикации. Ни одно уважающее себя издание не станет публиковать на своих страницах неотредактированные тексты и, с нашей точки зрения, оно будет право. Другой вопрос, что процесс редактирования не следует отдавать на откуп редакторам-журналистам, которые, не зная критериев релевантности, имеют привычку "подгонять" текст под свои более или менее случайные ассоциативные связи³⁶. Готовить интервью к публикации должен сам исследователь и надо отметить, что это - одно из "узких мест" в трансляции знаний, полученных в ходе интервьюирования.

Если интервью имеет большой объем (несколько десятков или сотен страниц), уместно поставить вопрос о разбивке его на части и создании оглавления. Если интервью удалось провести строго по заранее составленному вопроснику, то главами и параграфами оглавления станут соответственно темы и подтемы вопросника. Если композиция интервью была изменена респондентом, который "не согласился" с предложенной ему логической схемой, названия заголовков следует формировать, исходя из смысла соответствующих частей текста. Именно так поступил в свое время В.Чалидзе: публикуя отрывки из наговоренных на магнитофон воспоминаний Н.Хрущева, он снабдил их своими заголовками и оглавлением. Разбивая текст интервью на главы или параграфы и снабжая их заголовками, следует обязательно указывать в предисловии, что эта работа сделана исследователем, а не самим респондентом. Прочие рекомендации по формированию оглавления смотри в книге А.Мильчина "Методика редактирования текстов", раздел "Рубрикация" [68].

Завершая параграф о редактировании, отметим, что навыки устной речи, умение говорить хорошо развито во всех слоях российского общества, включая и малообразованные. Знаменитое

³⁶Как говорилось, отечественные редакторы имеют в своем распоряжении методические пособия по редактированию довольно высокого качества. Однако практика их работы такова, что они очень часто не соблюдают написанных в этих пособиях правил. При редактировании они постоянно вмешиваются в смысловую часть текста, которая является прерогативой автора, а собственно редакторскую работу делают очень некачественно.

"народ безмолвствует" применительно к интервьюированию абсолютно не соответствует действительности. Если вопрос понятен и если он заинтересовывает респондентов, они начинают говорить ярко и образно, порой удивляя исследователя точностью и выразительностью своих формулировок. Хороший интервьюер умеет видеть и ценить те качества, которыми обладает "великая и могучая" устная речь. Редакционная правка должна не нивелировать, а сохранять и даже подчеркивать стилистические находки респондентов, которые в некоторых интервью встречаются прямотаки в изобилии. Именно это мы отчасти имели в виду, говоря о необходимости использования в ходе редактирования языковых средств респондента. Яркие средства выражения, найденные респондентом, облегчают коммуникационную доступность текста, способствуют хорошему его усвоению и запоминанию читателем. В связи с этим все они, подобно блескам золотого песка, должны быть бережно сохранены.

Отредактированные тексты интервью необходимо дать респондентам, являющимся их авторами, для прочтения, поскольку переписчик или редактор могли невольно внести в текст искажения. Замечания и комментарии опрашиваемых должны быть внесены в текст при его конечном редактировании.

3.6.2. Осмысление результатов

При анкетных опросах или стандартизованных интервью вслед за этапом сбора эмпирической информации следует этап количественной ее обработки, который включает в себя подсчет процентных соотношений, вычисление коэффициентов корреляции и иных цифровых показателей. При проведении неструктурированных интервью подобная количественная обработка в принципе является возможной, но, с нашей точки зрения, не всегда нужной. Теоретически существуют две возможности для количественной обработки неструктурированных интервью. Первая - это включение в него некоторых стандартизованных вопросов. При объеме выборки около 100 человек основные количественные пропорции становятся уже видны. Вторая возможность заключается в проведении контент-анализа текстов. Методика контент-анализа описана в специальных источниках [64; 119; 124], к которым мы и отсылаем, отметив их высокое качество. Третья возможность выходит за рамки собственно неструктурированного интервью и заключается в том, что выявленные с их помощью типологические переменные операционализируются и измеряются с помощью формализованных опросов, статистики и других количественных методов.

Не отрицая, что использование количественных методов может дать существенные научные приращения к выработанным на качественном уровне представлениям, отметим, однако, что использование в научной работе текстов неструктурированных интервью должно характеризоваться не столько термином "обработка", сколько термином "осмысление", которое и внесено в заголовок параграфа. Под

осмыслением в данном случае понимается концептуализация исходного эмпирического материала, формирование на его основе концептуальных представлений³⁷. Ниже будут описаны некоторые методы, которые помогают процессу концептуализации. Эти методы могут сочетаться с количественной обработкой материалов, но сами по себе не являются количественными.

Метод "вторичного" опроса. Он заключается в том, что текст интервью дается для прочтения респондентам или коллегам исследователя (экспертам) с просьбой прочесть его и прокомментировать, причем комментарии представляют собой новые интервью, которые также записываются, расшифровываются и используются в научном анализе. При передаче текстов интервью для прочтения должен, при необходимости, соблюдаться принцип сохранения анонимности опрашиваемого.

Чтение и комментирование респондентами текстов интервью других респондентов может принести пользу исследованию по нескольким причинам. Во-первых, читая тексты чужих интервью, респонденты заново переживают и переосмысливают свой собственный опыт. Во-вторых, они могут зафиксировать сходство и различия своего собственного опыта с опытом тех респондентов, чьи интервью они прочли. В-третьих, они могут осветить новые темы, которые не были освещены в их собственных интервью, но нашли отражение в чужих. Все эти факторы делают "вторичные интервью" с респондентами эффективным методом получения дополнительной релевантной информации.

Передача текстов интервью коллегам-социологам или специалистам тех профессий, к чьей компетенции относится предмет исследования (экономистам, психологам и т.д.) - эффективное средство концептуализации собранного эмпирического материала. Любое интервью, особенно обширное и глубокое, представляет многоплановый материал, вызывающий множество концептуальных ассоциаций. Практика показывает, что эти ассоциации у разных людей всегда различны. Грубо говоря, передавая тексты интервью для прочтения своим коллегам, исследователь получает от них релевантные проблеме идеи и мнения, которые ему самому никогда не пришли бы в голову.

Формирование образа проблемы или явления. Как уже говорилось, наблюдаемая в процессе исследования эмпирическая действительность всегда сложна, противоречива и неполна. Ее интегральное видение никогда не формируется само собой, но всегда в процессе мышления, частично осуществляющегося на

³⁷ Слово "осмысление" настолько прочно выпало из отечественных учебников и сознания социологов, что акцент на нем нередко вызывает недоумение. Это недоумение явно проявилось, в частности, при обсуждении данной книги в Институте социологии РАН 6 января 1993 года. Участники обсуждения категорично настаивали на том, что без методики количественной обработки результатов описание технологии интервьюирования не может считаться полноценным (см. дискуссионные материалы в конце книги). Автору остается лишь вновь подчеркнуть, что концептуальное осмысление текстов интервью важнее их количественной обработки и в любом случае должно ей предшествовать. Осмысление может существовать без обработки, а обработка без осмысления - нет.

бессознательном уровне. Согласно Р.Лоренцу, гештальт-восприятие на бессознательном уровне осуществляет процедуры, сходные с процедурами абстракции и индукции в рациональном мышлении [100, с.163]. Следует оговорить, что слово "индукция" употреблено здесь скорее в иносказательном значении, поскольку речь идет о мысленном воссоздании целостно ненаблюдаемого явления по его отдельным фрагментам, следам и проекциям, а не об экстраполяции конечного числа однотипных наблюдаемых явлений на бесконечное число таких же явлений³⁸.

Создание образа проблемы или явления есть умственный процесс, посредством которого социолог, подобно Ч.Дарвину, пытается на основе разрозненных данных воссоздать логичную и целостную картину. Наличие в этом процессе значительной бессознательной компоненты отмечали многие ученые (среди них известный математик и методолог Ж.Пуанкаре). По-видимому, именно этот процесс складывания образа имел в виду Ю.Воронов, когда писал, что "создание теоретических моделей является самой трудной фазой социологического исследования" [69, с.109].

Концептуальный анализ материалов интервью. Под концептуальным анализом в данном случае понимается фиксация причинно-следственных связей, в явной или неявной форме описанных респондентом.

В качестве примера результатов логической проработки материалов интервьюирования см.рис. 1. Данная схема была сформирована на основе свободного интервью с рабочими основного цеха на предприятии, выпускающем радиоэлектронную аппаратуру (1984 г.). Ошибочные действия администрации цеха при расчете заработной платы рабочих привела к резкому обострению социальной и производственной обстановки, невыполнению планов по производству и значительному росту брака. Причины такой обстановки удалось выявить в результате подробного интервью с несколькими наиболее активными рабочими, которых администрация цеха считала "зачинщиками" конфликта. Характерно, что в ходе интервью опрошенные рабочие смогли достаточно ясно сформулировать свои предложения по изменению системы заработной платы сделав ее более адекватной интересам как производства, так и самих рабочих. Основные элементы этих предложений сводились к следующему. Во-первых, рабочие предлагали разукрупнить комплексные бригады, создав в их составе хозрасчетные звенья. Во-вторых, они настаивали на улучшении работы внутрицеховых участков технического контроля, увеличении числа этих участков (при внедрении оплаты по конечному результату и комплексных бригад часть этих участков была ликвидирована и число контролеров сокращено) и создании у контролеров материальной заинтересованности в качественной работе. В-третьих, они предлагали считать ко-

³⁸Индукция в лоренцовской гештальт-эпистемологии сродни мышлению детектива, т.е. знаменитой "дедукции" Шерлока Холмса. Классическое (позитивистское) определение индукции гласит: "Индукция есть умственный процесс, посредством которого мы выводим, что истинное в каком-то частном случае или частных случаях будет истинным и во всех случаях, сходных с предыдущими" [123, с. 113].

нечной (условно-конечной) продукцией хозрасчетного звена ту продукцию, которая принята соответствующим внутрицеховым участком технического контроля, а не ту, которая принята ОТК на выходе из цеха. "Если участки технического контроля будут работать качественно - сказал в ходе интервью один из рабочих, конечная продукция цеха тоже будет качественной. В этом случае рабочие каждого участка будут ощущать связь между качеством своего труда, величиной брака и своим заработком. Сейчас никто из рабочих в цехе этой связи не ощущает, потому что конечная операция находится слишком далеко".

Схемы, подобные той, что показана на рис. 1, помогают исследователю упорядочить свои представления и одновременно облегчают восприятие читателем сложных концептуальных конструкций.

Выявление значимых концептуальных переменных. Под этим методом понимается переходный этап к созданию более формализованных измерительных методик. Реализация в исследовании таких задач, как верификация гипотез о наличии причинно-следственных связей, определение рангов значимости конкретных факторов и частот распространения исследуемых признаков требуют предварительного выявления набора этих признаков, переменных и факторов. Данное положение можно проиллюстрировать на примере анализа текстов фокусированных интервью в статье Э.Чамоковой и В.Чесноковой, посвященной анализу восприятия самодеятельной песни. Опрос проводился на слете Клуба самодеятельной песни в 1975 г. Авторы пишут, что "для анализа текстов ответов следует воспользоваться методом контент-анализа. Наиболее распространенный вид контент-анализа складывается из двух этапов: выделения каких-либо значимых (для респондентов данного типа, для текстов или проблем и пр.) слов или словосочетаний; затем статистического обсчета текстов и сопоставления их по частотности тех или иных слов-индексов" [122, с.73]. Далее авторы указывают, что из-за малого объема выборки и недостаточно высокого качества самих интервью в данной статье они ставят задачей осуществить лишь первый, неколичественный этап. Следующий отрывок иллюстрирует процедуру вычленения значимых переменных:

"Один из респондентов при ответе на вопрос интервью: "Насколько глубоко затронула Вас самодеятельная песня?", не только ответил, что песня его очень интересует, но и стал обосновывать, почему интересует, и тем самым "выложил" свои требования-ожидания к ней. Приведем в данном случае полностью текст ответа, чтобы видеть весь комплекс, из которого можно выделить критерии оценивания самодеятельной песни: "Она является самостоятельным, интересующим меня явлением в искусстве. Своей непосредственностью, откровенностью, тем, что она отвечает интересам... не то, что самого вкуса (она не всегда бывает на высоте: не всегда на высоте и по содержанию, и по музыкальному оформлению, и по преподнесению с точки зрения вокальных и артистических данных исполнителей), а с точки зрения того, что я являюсь ее, что ли, создателем, я ее понимаю, я ее могу сам испол-

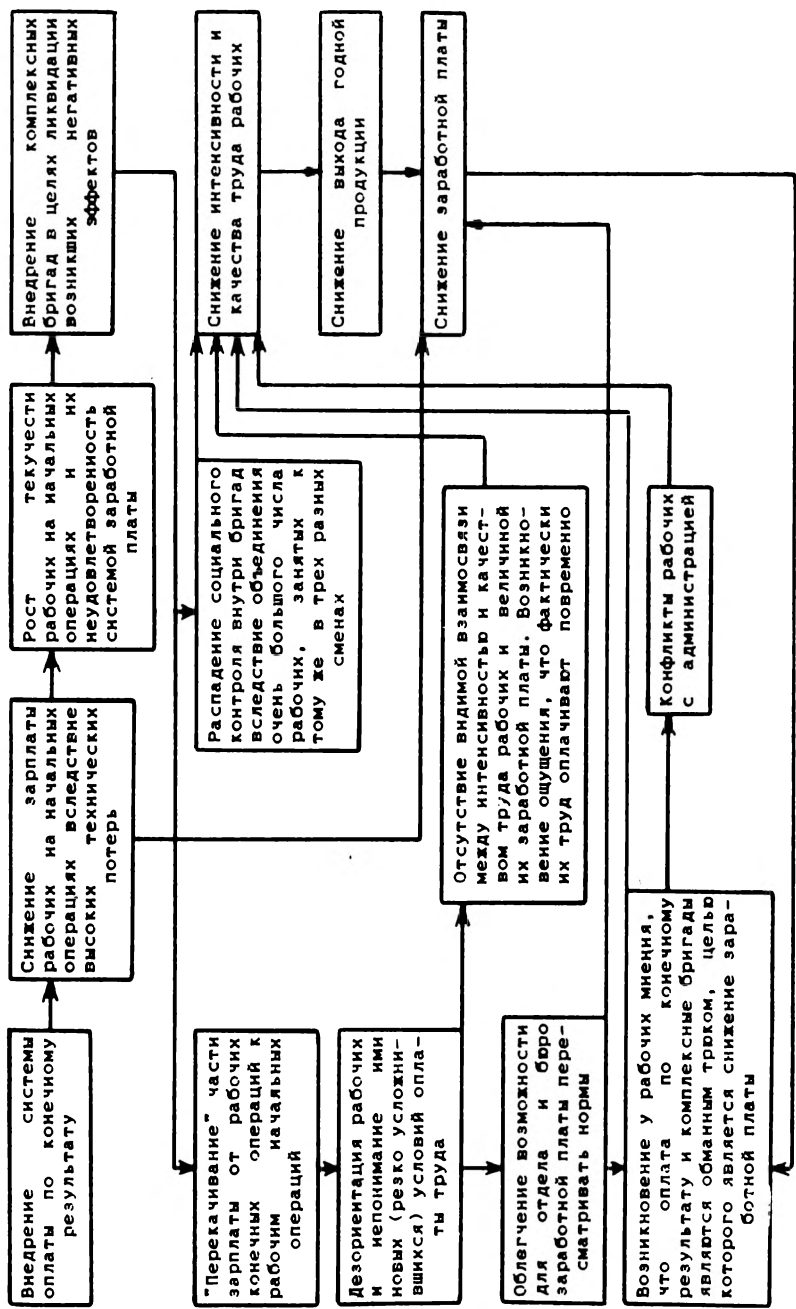


Рис. 1. Последствия изменения системы организации заработной платы (концептуальная схема)

нить. Профессиональные песни - настолько музыкально оформлены, с такой аранжировкой, в таком преподнесении, что даже, если что-то и понравилось, то я могу только мысленно проиграть, но не спую ни куплета, ни строчки. А мне нужна именно моя песня, просто рядового любителя, слушателя. И вот в этом я нахожу ей понимание. Иногда она бывает актуальней, чем песни, исполняемые с эстрады. Она более отвечает той тематике... - ну, много туристских песен по радио звучит? А ведь туристов в СССР десятиллионная армия, если не больше. А кто для нее пишет? А кто для молодежных костров пишет? Поэты и композиторы не уделяют этому внимания, они пишут на темы, которые затрагивают более широкие проблемы нашего народного хозяйства. А ведь нужна песня и для человека, для его настроения, для костра, и для похода, и даже просто посидеть в компании, в домашней обстановке. Самодеятельная песня отвечает этим простым, но необходимым требованиям человека”.

Итак выделим то, чем песня ”глубоко затронула” нашего респондента:

1) непосредственностью,

2) откровенностью,

3) таким соответствием его интересам, как если бы он сам являлся ее создателем.

Конкретизация данного требования: респондент

- понимает данную песню,

- может сам ее исполнить.

Самодеятельная песня

4) иногда бывает актуальней песен большой эстрады,

5) лиричней их,

6) иногда более отвечает тематике, важной для респондента.

Конкретизация указанной тематики:

- песня для туристов,

- для молодежных костров,

- для настроения человека,

- чтобы посидеть в компании, в домашней обстановке.

Получилось шесть критериев (обозначенных цифрами). Два из них - с конкретизацией” [122, с. 74-75].

Типологический анализ. Как известно, понятие идеального типа введено в социологию М.Вебером, который назвал этим термином умозрительную конструкцию, получаемую посредством мысленного выдвигания на первый план определенных элементов действительности. Реально такой мысленный образ в его понятийной чистоте может нигде эмпирически не встречаться (в этом смысле он есть ”утопия”), однако существующие в действительности социальные объекты могут быть описаны путем сопоставления их с идеальным типом. Иными словами, идеальный тип не является изображением действительности, но предоставляет для этого средства выражения [22, с. 389]. В практике научной работы часто бывает удобно (но не обязательно) создавать бинарные идеально-типические конструкции, основанные на их противопоставлении друг другу. Такие конструкции образуют своего рода шкалу, на которой объекты реального мира могут

располагаться между крайними типологическими полюсами. Примерами таких бинарных идеально-типических конструкций являются известные "община и общество" Ф.Тенниса или "первичные и вторичные" группы Ч.Кули. Наложение друг на друга двух или более типологических осей образует своего рода системы координат или типологическое пространство, в рамках которого может быть описано многообразие объектов реального мира.

Создание идеально-типических конструкций на основе материалов интервью или иных неколичественных методов исследования представляет собой разновидность операции индукции, представляющую собой, как было сказано выше, мысленное выдвижение на первый план тех или иных признаков, на основе которых реальные (зафиксированные в исследовании) случаи или объекты могут сравниваться друг с другом.

В качестве примера типологического анализа приведем отрывок из уже цитировавшейся выше статьи Э.Чамоковой и В.Чесноковой. Проанализировав 30 интервью описанным выше способом, авторы делают вывод, что "в данном контингенте опрошенных существует две более или менее выраженные группы, пользующиеся фактически одним и тем же набором критериев оценивания самодетельной песни, но придающие им разный "вес". Если описать их упрощенно, то одна группа слушателей ищет в самодетельной песне "свою песню", соответствующую ее настроениям и взглядам (в разное время разным), доступную по тексту, музыке, так чтобы "ее можно было самому петь". Для нее важен эффект "причастности", критерии разнообразия тематики, а также самостоятельность музыкальной формы. Другая группа пытается через самодетельную песню "общаться с людьми" - выражать свои взгляды и узнавать взгляды других, находить себе сторонников и противников, ощущать реакцию других людей. Для нее в самой песне очень важны критерии искренности и непосредственности в авторстве, в исполнении, а самый главный критерий - "чтобы в песне была мысль", обязательно "свежая", пусть не моя, пусть "неправильная", как выразился один респондент, но такая, в которую кто-то верит, которую кто-то отстаивает. Обе группы достаточно широко представлены в нашем материале. К сожалению, ни третьей, ни четвертой не оказалось. Может быть в интервью были какие-то намеки на существование критериев, непохожих на критерии первых двух группировок, но распознать их не удалось" [122, с. 80].

Глава четвертая

ПРИНЦИПЫ ФОКУСИРОВКИ ИНТЕРВЬЮ

Как уже говорилось, описанные выше методические приемы ведения интервью образуют так называемую базовую методику, то есть усредненный "мягкий" тип интервьюирования. Это связано с тем, что

методика проведения различных видов интервью имеет много общих черт. В данной главе, в противоположность предыдущему, речь пойдет о методических различиях и об их типологизации.

Хотя интервью широко используется в социологической практике и имеет давнюю традицию применения, общая теория интервьюирования (с этим согласны все исследователи) до настоящего времени не создана. Тем не менее, опираясь на накопленный мировой практикой опыт, можно сказать, на какие вопросы должна отвечать такая теория. Наряду с проработкой некоторых вспомогательных проблем (например, установления контакта с респондентами) главной задачей такой теории должна стать разработка типологии исследовательских проблем и "привязка" к этой типологии адекватных им исследовательских методов и их модификаций. Сходную точку зрения высказывает О.Маслова, которая отмечает, что в правилах проведения опроса как бы закодированы те познавательные задачи, для решения которых они могут быть использованы. Разработанные наукой разновидности методик опроса представляют собой по сути примеры адаптации данного метода к специфике различных исследовательских задач. Указанные задачи и используемые для их решения методы часто настолько различаются, что необоснованный перенос методических, организационных и технических правил их проведения из одной сферы в другую порождает нелепые, комические, а порой и стрессовые ситуации [66, с.12,43], бессмысленная при этом результат исследования.

Сказанное относится и к группе неструктурированных методов опроса, методические принципы проведения которых, как отмечалось, проработаны гораздо слабее, чем структурированных. Разработка типологии методов интервьюирования в зависимости от типов исследуемых задач может быть осуществлена посредством сравнительного анализа большого числа конкретных социальных исследований¹. Поскольку систематическая работа в этом направлении до настоящего времени не проводилась, ниже мы ограничимся описанием лишь двух типов фокусировки неструктурированного интервью: на эмоциональных реакциях респондентов и на содержащихся в их сознании когнитивных структурах. Обе эти крупные сферы должны быть, по-видимому, представлены не одной, а многими методическими модификациями, но разработка, разграничение и создание классификационной системы таких модификаций еще ждут своего исследователя.

4.1. Фокусировка на эмоциональных реакциях

Автор настоящего учебника практически не имел личного опыта исследовательской работы в сфере изучения эмоциональных реакций,

¹Выполнение этой работы может быть затруднено тем, что по данным И.В.Журавлевой, основанным на ее анализе большого числа текстов социологических статей, метод неструктурированного интервью, чаще в сочетании с другими методами, используют очень многие исследователи, однако в текстах их публикаций практически отсутствуют описания методических характеристик проводившихся ими интервью. Следует, впрочем, оговорить, что сделанный Журавлевой анализ ограничивался публикациями советских авторов [31].

поэтому этот вопрос будет изложен на основе литературных источников, главным образом по упомянутой выше книге Р.Мертон, П.Фиске и П.Кендалл. Следует подчеркнуть, что в данном разделе не ставится задача изложения содержания указанной книги². Описанный в ней тип фокусированного интервью характеризуется здесь лишь с целью последующего сравнения с другими типами.

В начале книги авторы приводят несколько примеров, в которых применение фокусированного интервью могло бы обладать высокой исследовательской эффективностью. Эти примеры таковы.

1. Исследование Розенталем³ воздействия "прорадикальной" кинопропаганды на социоэкономические установки студентов колледжа дало пример расхождения между ожидаемым и действительным воздействиями. Фильм носил пропагандистский характер, и его авторы ожидали, что после его просмотра число лиц, поддерживающих радикальные взгляды, увеличится. Действительный эффект оказался прямо противоположным. Процент зрителей согласившихся с утверждением, что "радикалы являются врагами общества" после просмотра фильма возрос. Как обычно бывает в ситуации, когда получаются кажущиеся парадоксальными результаты, последовало "объяснение": "Этот отрицательный эффект пропаганды возможно связан с большим количеством сцен с ораторами-радикалами, маршами и демонстрациями". Очевидно, что такая интерпретация является не более, чем предположением, которое можно изучить, подправить и развить при помощи фокусированного интервью. Такие интервью показали бы, как аудитория на самом деле реагировала на ораторов, марши и демонстрации. Предположение авторов получило бы характер гипотезы и было бы либо подтверждено, либо опровергнуто.

2. Похожий эксперимент был проведен Петерсоном и Терстоном, которые обнаружили неожиданно малые изменения в установках старших школьников, просмотревших пацифистский фильм. Исследователи сделали вывод, что фильм, возможно, оказался слишком сложным для старшеклассников. И здесь правдоподобность этой интерпретации могла бы быть выше, а с другой стороны, могли бы появиться совершенно другие гипотезы, если бы было проведено фокусированное интервью. Как дети поняли фильм? На что они реагировали в первую очередь? Что значит слово "сложный" в понимании авторов? Ответы на эти и подобные вопросы дали бы информацию, необходимую для интерпретации неожиданных результатов.

3. Гонселл провел остроумный эксперимент по "стимулированию голосования", в котором экспериментальным группам двенадцати районов Чикаго были разсланы "индивидуальные беспристрастные призывы пройти регистрацию и проголосовать". Приблизительно эквивалентные контрольные группы не получили таких призывов. Оказалось, что в целом в экспериментальных группах процент

²Объем книги Р.Мертон и соавторов "Фокусированное интервью" - около 10 авт. листов. Чтение приводимого в данном параграфе краткого изложения ни в коем случае не заменяет чтения оригинала.

³Во всех примерах речь идет об американских исследователях, библиография работ которых имеется в рассматриваемой книге.

зарегистрировавшихся и проголосовавших был значительно выше. Но что демонстрирует этот результат? Оказали на него влияние беспристрастный характер проспекта, ясные инструкции, которые он содержал, особые символы и обращения, использованные в тексте или что-то еще? Пользуясь высказыванием самого Гонселла, что явилось стимулом, заслуживающим особого внимания и изучения?

В том же исследовании Гонселла были зарегистрированы и отдельные "отклоняющиеся случаи"! Было обнаружено, что в целом большее число граждан зарегистрировалось и проголосовало в ответ на извещение увещательного характера, содержащее рисунок-карикатуру и несколько лозунгов, чем на информационное извещение, в котором уделялось внимание правилам голосования. Но был и ряд исключений, которые привели к появлению гипотез по этому поводу. В избирательном районе с преимущественно немецким населением информационные извещения возымели больший эффект, чем "рисованные", что заставило Гонселла предположить, что слово "slacker" (уклоняющийся от призыва) на рисунке вызвало воспоминания о войне и помешало поднять интерес к голосованию. Сходные эффекты имели место в итальянском и чешском кварталах. Но там Гонселл дал им иные объяснения. Во всех этих случаях, не имея дополнительной информации, исследователь оказался вовлеченным в генерирование собственных предположений вместо того, чтобы получить экспериментально подтвержденные выводы на основе сообщений интервьюируемых о своем собственном опыте.

Перечисленные выше примеры можно дополнить и примером из отечественной практики. Так, вплоть до 1990 г. социологические опросы, проводившиеся различными организациями, показывали устойчивый положительный рейтинг КПСС, несмотря на то, что значительное большинство опрошенных выражали недовольство практически всеми аспектами социально-экономической жизни, а удельный вес лиц, верящих в возможность построения коммунизма, составлял не более 8%. Для объяснения этого противоречия социолог Л.Бызов выдвинул гипотезу, что большинство населения отождествляет с КПСС свое стремление к социальной и экономической стабильности. Как гипотеза такое предположение правомочно, но не более, чем другие гипотезы. Проведение фокусированных интервью могло бы внести ясность в этот вопрос, который доныне так и не получил (и, видимо, уже не получит) эмпирически обоснованного объяснения.

Во всех перечисленных выше примерах ссылка на необходимость проведения фокусированных интервью обосновывается необходимостью получения информации об эмоциональных реакциях респондента. При этом речь идет не об информации, которая требует дополнительных интерпретаций со стороны исследователя, а о получении самих этих интерпретаций от респондентов. Недостаточно узнать, как это бывает в случаях использования анкет с закрытыми вопросами, что респондент расценивает ту или иную ситуацию как "неприятную", "тревожную", "воодушевляющую" и т.д. Такие формулировки служат обобщающими суждениями, за которыми может скрываться масса интерпретаций. Цель состоит в том, чтобы

более точно выяснить, что означает в исследуемом контексте слово "неприятный", какие конкретно чувства испытывал респондент, какие личные ассоциации у него возникали.

Р.Мертон и соавторы указывают, что в сфере изучения эмоциональных реакций существует как минимум четыре направления эффективного использования метода фокусированного интервью:

а) определение эффективных стимулов (рекламы, пропаганды и т.п.);

б) интерпретация расхождений между ожидаемыми и реальными результатами воздействия;

в) интерпретация расхождений между преобладающим типом реакции и несовпадающими с ним типами реакций в отдельных специфичных подгруппах;

г) интерпретация процессов, происходящих в экспериментальных ситуациях.

Добавим от себя, что практика фокусированных интервью, сконцентрированных на изучении эмоциональных реакций, позволила бы резко поднять качество социологической информации, получаемой в ходе опросов общественного мнения, поскольку очень многие получаемые в таких опросах результаты практически не находят адекватных трактовок.

Важной особенностью разработанной Мертоном и соавторами методики является требование воссоздания перед респондентом исследуемых элементов стимульной ситуации. Это воссоздание может осуществляться буквально, т.е. в виде повторного показа кинофильма или отдельных его кадров, либо, к примеру, в виде показа виденной ранее респондентом листовки или рекламного изображения. Если такой показ невозможен или затруднен, авторы считают приемлемой вторую возможность, а именно - напоминание интервьюера, который должен быть знаком с исходной стимульной ситуацией, причем на основе такого знакомства разрабатывается специальный вопросник, которому следует интервьюер. Авторы не дают каких либо рекомендаций на тот случай, если изучаемая стимульная ситуация невоспроизводима, ограничиваясь указанием, что, если сообщение респондента основывается лишь на его собственных воспоминаниях, то вполне вероятно, что степень детализации этих воспоминаний будет неодинаковой: в каких-то местах информация будет более скудной, а в других относительно более обширной. В другом месте авторами указывается, что воспоминания о пережитых чувствах представляют собой искаженное отражение чувств, переживаемых в момент участия в стимульной ситуации. Возврат к элементам стимульной ситуации, если не полностью, то в значительной мере способствует снятию таких искажений. Это достигается тем, что интервьюируемый припоминает свои непосредственные реакции, а не занимается их переосмыслением и выдачей своих теперешних реакций.

Комментируя данный методический принцип, мы можем сказать, что поддерживаем тезис о необходимости прямого возврата к значимым элементам стимульной ситуации во всех случаях, когда это возможно. При известной изобретательности границы применимости это-

го принципа могут быть весьма широкими. Вместе с тем существуют ситуации, вызывающие в психике людей сильные эмоциональные переживания, но принципиально невозпроизводимые. К их числу относятся, например, семейные конфликты, которые обычно не фиксируются на магнитофон или киноленту⁴. Социолог также лишен возможности лично присутствовать при всех стадиях этого процесса. В этих случаях, вероятно, следует по памяти респондентов восстановить хронологический ряд событий, вычлняя из них ключевые моменты и задавая затем вопросы типа: "Что Вы чувствовали до того, во время того, после того?" Выявление эмоционально значимых элементов, концентрация на них внимания респондента, и постоянные просьбы воссоздать в себе те чувства, которые респонденты тогда испытывали, могут заменить хотя бы отчасти заменить непосредственный возврат к стимульной ситуации в тех случаях, когда такой возврат неосуществим.

В качестве примера исследования, основанного исключительно на мысленном возврате респондентов к стимульной ситуации, приведем известное исследование американского социолога Ф.Херцберга, посвященное анализу трудовых мотиваций. В ходе неформализованных интервью Херцберг и его сотрудники задавали респондентам два простых вопроса: "Припомните, при каких обстоятельствах Вам случилось переживать на работе исключительный моральный подъем и при каких - моральный упадок?" После припоминания респондентами таких ситуаций интервью строилось на конкретизации элементов указанных обстоятельств и на чувствах переживавшихся ими.

Обобщая опыт описанных выше двух исследований (Мертон и Херцберга), отметим их общую методическую черту, которая может быть охарактеризована как "двухступенчатое фокусирование": сначала выявляются элементы стимульной ситуации, значимые (или предположительно значимые) для респондента, а затем фокус интервью направляется на изучение его переживаний. Необходимость использования двухступенчатой фокусировки отражает свойства предмета исследования, а именно эмоций и аффектов, которые часто содержатся в психике в латентной, неосознаваемой форме, и актуализуются лишь в момент переживания стимульной ситуации (хотя бы повторно предъявленной или ретроспективно вызванной в памяти). Несоблюдение принципа "двухступенчатости", т.е. ретроспективная беседа о событиях и о чувствах в целом, делает ответы респондентов более общими и менее содержательными. Кроме того, как указывают психологи, анализ нерасчлененной ситуации активизирует действие механизмов психологической защиты и способствует замещению непосредственных реакций позднейшими психологическими наложениями.

Насколько можно судить, в настоящее время за рубежом интервью с фокусировкой на эмоциональных реакциях широко применяется в

⁴В брежневские времена такой фиксацией занимались спецслужбы КГБ по отношению к "диссидентам". Однако фокусированных интервью они, насколько известно, на эти темы не проводили.

политологических исследованиях (например, для изучения эффективности пропагандистских кампаний в ходе выборов, имиджей политических деятелей), в маркетинговых исследованиях, а также в качестве вспомогательного средства при изучении общественного мнения.

4.2. Фокусировка на когнитивных структурах

В отличие от интервью, сфокусированных на эмоциональных реакциях респондентов, методические принципы которых за неимением личного опыта заимствованы нами из зарубежной литературы, принципы ведения интервью, сфокусированных на знаниях, представляют собой собственную разработку автора данной книги, основанную на обобщении его практического опыта. Работая в социологии с 1976 г., автор уже в самом начале своей исследовательской деятельности наряду с анкетными опросами широко использовал метод сфокусированного интервью, следуя в этом совету своего научного руководителя Валентины Федоровны Чесноковой. Основная сфера, в которой делось работать автору - это социология промышленных предприятий, в более широком плане - экономическая социология. Результаты конкретных исследований были опубликованы в книге "Факторы эффективности управленческого труда в промышленности" [14] и в ряде статей [18 и др.]. В методических целях были опубликованы также тексты самих интервью в виде сборников ("Производственные интервью", выпуски 1-4), а также в виде журнальных публикаций [1, 17 и др.].

В 1988 г. совместно с С.Марзеевой автором было проведено исследование армейской "дедовщины", результаты которого были опубликованы в сборнике "Дедовщина в армии" [26], а также в журнальной статье [11].

В данном разделе автор не ставит своей целью изложить результаты, которые описаны в перечисленных выше источниках. Подобно Р.Мертону и его соавторам, наша цель описание методического опыта, накопленного в ходе указанных исследований. В связи с тем, что предметная направленность наших исследований сильно отличалась от направленности исследований Мертона и его коллег, методические принципы ведения интервью также оказались существенно иными.

4.2.1. Структура обыденного сознания

Рассмотренная выше методика интервью, сфокусированного на эмоциональных реакциях, учитывает тот факт, что указанные реакции обычно пребывают за пределами сознания, и для их изучения должен быть найден способ их актуализации. В противоположность этому изучение выработанных сознанием когнитивных структур не ставит задачи их актуализации, но за то выдвигает проблему их поиска и развертывания.

Социолог, ориентированный на изучение тех или иных элементов сознания респондента, обычно имеет дело с так называемым обыденным сознанием (исключение составляют определенные разновидности экспертных опросов, о которых будет сказано ниже). В

соответствии с определением, имеющимся в социологическом словаре, "обыденное сознание отличается от сознания профессионального. Последнее связано с применением полученных особым, более или менее профессиональным образом знаний, навыков и "инструментов" познания действительности (к числу последних могут относиться сознание, присутствующее в науке, идеологии, управлении, профессиональном искусстве, журналистике и т.п.). Обыденное сознание совпадает со спонтанными, непрофессиональными, базирующимися исключительно на непосредственном опыте практической деятельности людей способами освоения мира. Имея дело с будничными, привычными, изо дня в день повторяющимися отношениями между вещами и людьми, ближайшим образом связанное с практикой, и, следовательно, обладая возможностью постоянно проверять свою эффективность, обыденное сознание может обладать значительной познавательной ценностью" [45, с.318].

Как любой сложный объект, обыденное сознание обладает определенной структурой, включая в себя элементы, существенно различающиеся по своим свойствам и происхождению. При этом в зависимости от того, на каких элементах обыденного сознания фокусируется интерес, должны меняться и принципы его фокусировки (сохраняется упомянутый выше принцип отражения в методике свойств объекта и характера познавательных задач). В связи с этим описание методических принципов фокусировки должно быть предварено описанием структуры обыденного сознания. Предлагаемое нами описание не является единственно возможным, но оно заимствовано из опыта и позволяет ввести некоторые методические разграничения.

Прежде всего отметим, что содержание обыденного сознания не исчерпывается существующими в нем элементами знания. Наряду с совокупностью представлений, образующих знание, в сознании человека существуют ценностные и оценочные компоненты. Совокупность последних может быть названа "обыденной онтологией". Эта онтология включает в себя ценностные элементы, заимствованные из традиционной культуры, идеологий, транслируемых через систему обучения и по каналам пропаганды, а также ценности и оценки, выработанные людьми индивидуально либо коллективно в первичных группах или сообществах. Изучение обыденной онтологии методами качественной, а по мере углубления понимания - и количественной социологии представляет очень важную и с научной, и с практической точки зрения задачу. Однако в связи с отсутствием у автора данной монографии эмпирических наработок по этой проблеме данный вопрос в дальнейшем изложении затрагиваться не будет. К изучению этой группы проблем, возможно, применимы методики типа той, что предложена Мертоном, Фиске и Кендалл, однако эти авторы не переводили данный вопрос в такую теоретическую плоскость. В связи с неразработанностью этой проблемы анализ обыденного сознания будет ограничен в дальнейшем анализом структуры обыденного знания.

Насколько можно судить, компоненты обыденного знания могут различаться по степени своей концептуализации. Иными словами, в составе обыденного знания могут быть обнаружены

неконцептуализированные, слабоконцептуализированные и высококонцептуализированные компоненты. В этом заключается одно из его коренных отличий от научного знания, которое, если и не является целиком высококонцептуализированным, то, во всяком случае, стремится к этому идеалу.

За пределами зоны концептуальной проработанности существуют неконцептуализированные элементы знания, составляющие обыденный контекст жизнедеятельности человека. В своем повседневном поведении человек, как правило, руководствуется не концепциями, а своего рода доконцептуальными знаниями и представлениями. К примеру, знание о том, как добраться от дома до работы, за исключением каких-то особых случаев, не требует специальной рефлексии и концептуальной проработки. Повседневный контекст жизнедеятельности человека, неконцептуализируемый в силу своей привычности и "беспроблемности", может служить источником важной информации для социального исследователя, плохо знакомого с конкретными условиями на изучаемом объекте. То, что привычно и почти неосознаваемо для членов определенной социальной среды или субкультуры, для внешнего наблюдателя может быть поразительным и неожиданным. Сказанное относится, в частности, к реально существующим в нашей стране производственным отношениям на микроэкономическом уровне, образующим практически неизученные до сих пор "производственные субкультуры". Неподдельное удивление журналиста, впервые столкнувшегося с обыденными и массово распространенными явлениями в сфере производственных отношений, хорошо выразил А.Левиков в своей очерке "Калужский вариант" [53, с.120-123]. Освоение доконцептуального контекста повседневной деятельности людей на исследуемом социальном объекте и освоение отражающего этот контекст специфического языка является первым этапом "вживания" исследователя в проблемную ситуацию и необходимой предпосылкой взаимодействия с обыденным знанием на более высоком концептуальном уровне. Слабость и неадекватность многих социальных исследований порождается полным незнанием этого контекста в изучаемых субкультурах, а точнее механическим переносом на эти субкультуры контекста собственной жизнедеятельности и заимствованных из прессы нормативно окрашенных неадекватных описаний. Проблема несовпадения вопросов исследователя с общим контекстом жизнедеятельности респондента часто рассматривается как один из основных источников методических ошибок при разработке социологических анкет⁵.

Помимо методических проблем, связанных с пилотированием и отработкой анкет, существуют, по-видимому, такие классы исследовательских проблем, в которых неконцептуализированные

⁵В учебниках по составлению социологических анкет часто упоминается необходимость изучения языка респондентов, образующих ту или иную субкультуру. Думается, однако, что на самом деле речь должна идти не только об изучении языка, но и изучении тех привычных, обыденных явлений, которые обозначаются специфичной для данного языка системой понятий.

элементы обыденного знания могут оказаться в фокусе исследовательской проблематики, что повлечет за собой необходимость разработки сфокусированных на выявлении этих элементов методик. Думается, что это будет весьма специфичная группа методик; к сожалению, это все, что мы можем сказать по данному вопросу. С самого начала исследовательской деятельности нами была сделана ставка на выявление концептуализированных компонент в составе обыденного знания, и именно для выполнения данной задачи были разработаны описываемые ниже методические принципы. В связи с этим в ходе дальнейшего изложения термины "знание" и "обыденное знание" будут употребляться в суженном значении, относящимся только к концептуализированному знанию.

В философии и социологии существуют две различных трактовки термина "знание". Первое из них, которое можно назвать "широким", включает в себя всю совокупность представлений, на основе которых человек осознает окружающий мир и действует в нем, без деления этих представлений на истинные и ложные. Данную широкую трактовку придал этому слову К.Мангейм в рамках созданного им подраздела социологии, который он назвал "социологией знания". Широкая трактовка термина "знание" была сформулирована Мангеймом в противовес идущей от философской традиции более узкой (сциентистской) трактовке, согласно которой знанием могут быть названы лишь те представления, которые по тем или иным критериям считаются истинными, научными, достоверными и т.п.

В социологических исследованиях, зачастую в неявной форме, используется как первая, так и вторая трактовки слова "знание". В частности, исследования общественного мнения опираются на широкую трактовку этого термина. Любые существующие у индивидов системы представлений рассматриваются в рамках этих исследований как "истинные" в том смысле, что люди, являющиеся носителями этих представлений, субъективно считают их истинными и действуют в соответствии с ними. Лаконичная формула подхода найдена российским социологом Б.Грушиным, давшим своей книге название "Мнение о мире и мир мнений".

Описанная выше широкая трактовка термина "знание", по-видимому, доминирует в сознании социологов. Возможно, что такая ситуация является отголоском той поры, когда исследователям общественного мнения приходилось активно доказывать право на существование у людей тех мнений, которые с той или иной точки зрения кажутся "глупыми", "наивными", "ненаучными" или "неправильными". Другой фактор распространенности такого подхода заключается в том, что каждому социологу в ходе его профессионального обучения приходится проделывать трудный путь освоения известного социологического принципа "анализ без оценочных суждений", преодолевая при этом свои собственные, порой глубоко встроенные в личность, оценочные представления.

Вместе с тем важно отметить, что указанная широкая трактовка термина "знание", релевантная в исследованиях общественного

мнения, часто нерелевантна в так называемых отраслевых социологических исследованиях. Под отраслями социологии в данном случае понимаются такие ее направления, как социология производства, науки, семьи, отклоняющегося поведения, военная социология и т.п. Иными словами, отраслевой социологией здесь названа совокупность исследований, направленных на изучение проблем в различных функциональных подсистемах общества. Хотя данный вопрос редко рассматривается в теоретической плоскости, в практике конкретных исследований социологи часто сталкиваются с проблемой разграничения "истинных" и "ложных" (обоснованных и необоснованных, правомочных и неправомочных, заслуживающих и не заслуживающих доверия) высказываний респондентов по критериям, аналогичным критериям, выработанным философской традицией в гносеологии для оценки истинности научных теорий.

Таким образом, при подходе к обыденному знанию как к источнику значимых для науки концептуальных наработок в составе этого знания следует различать "достоверную" и "недостоверную" компоненты. Указанные компоненты, как будет показано ниже, сильно различаются как по своим свойствам, так и по своему происхождению. Методические принципы ведения интервью в пределах каждой из этих компонент существенно отличаются друг от друга. Если "недостоверные" компоненты могут изучаться только как объект исследования (в терминологии Дюркгейма - как социальные факты), то "достоверные" компоненты нередко являются пригодными для непосредственного включения в систему научного знания.

Учитывая наличие существенных различий как в свойствах "достоверных" и "недостоверных" компонент обыденного знания, так и в способах адаптации исследовательских методик к этим специфическим свойствам, принципы фокусировки интервью на этих компонентах должны рассматриваться отдельно.

4.2.2. Обыденное сознание как источник достоверного знания

Получение с помощью интервью достоверного знания об исследуемом социальном объекте требует рассмотрения вопроса о том, что считать достоверным знанием и каковы источники его формирования в сознании респондента. Специфика изучения социальной реальности методом интервью заключается в том, что эта реальность дана исследователю не непосредственно, а опосредована личностью опрашиваемого. С этой точки зрения респондент - это включенный наблюдатель, погруженный в исследуемую социальную среду и нередко располагающий уникальными знаниями о ней. Отсутствие специальной социологической подготовки, а порой и низкий уровень общего образования компенсируются в этом случае многолетним знакомством с той средой, не искаженным никакими социальными или иными барьерами. Респондент в ситуации опроса выступает как "первичный исследователь", изучивший и осмысливший (нередко с удивительной глубиной и точностью) ту социальную действительность, с которой он определенную часть своей жизни находился в непосредственном

контакте. Получение и фиксация добытого таким образом знания является главной целью интервьюера.

Одна из основных трудностей, возникающих при достижении этой цели заключается в том, что респондент зачастую не осознает границ своей компетентности. На практике интервьюер постоянно сталкивается с тем фактом, что люди охотно пускаются в рассуждения не только по тем вопросам, в которых они компетентны, но и по тем, в которых они заведомо некомпетентны. В связи с этим интервьюер должен уметь различать в сознании респондента зону компетентности и зону некомпетентности. *Зона компетентности* - это совокупность представлений опрашиваемого, которая сформировалась под непосредственным влиянием его практической деятельности и личного жизненного опыта. Подчеркнем, что в данном случае речь идет не о профессиональной (инженерной и т.п.) компетентности работника, а о компетентности в описаниях социальных отношений и социальных проблем на исследуемом объекте. *Зона некомпетентности* - это совокупность представлений о предметах, не знакомых респонденту по личному опыту и сформировавшихся под влиянием средств массовой коммуникации и контактов с другими людьми, которые обычно в той или иной мере дополняются личными домыслами и фантазиями⁶. Как показывает опыт интервьюирования, в пределах зоны компетентности опрашиваемый нередко оказывается способным формулировать и обосновывать оригинальные и неожиданные суждения, порой не имеющие аналогов даже в специальной литературе, спорить и подвергать развернутой критике распространенные мнения, включая высказываемые в печати, сообщать информацию, обладающую принципиальной новизной для исследователя. Характерной особенностью компетентного респондента-практика является его способность формулировать выводы, по смыслу и даже по формулировкам близкие к тем, которые были сделаны известными социологами и социальными психологами в ходе проводившихся им исследований. В качестве примера может быть приведена выдержка из интервью с заместителем начальника цеха машиностроительного завода. Будучи заведомо незнаком с работами Ф.Херцберга и других индустриальных психологов, опрашиваемый сумел на основе своего практического опыта сформулировать нижеследующие мнения:

" Вопрос: Вы говорите, что смена руководителя отрицательно сказывается на работе цеха?

Ответ: Да, конечно. В процессе работы у людей устанавливаются определенные отношения. Когда руководитель долгое время контактирует с людьми, он этих людей постепенно изучает. Если же приходит новый руководитель, то он, может быть, и разбирается в производстве, но наладить контакт с людьми ему трудно. Надо еще понимать, что сам по себе человек (работник) не настолько организован, чтобы полностью отдавать себя производственной деятельности. Его нужно суметь как-то мобилизовать. А новый руководитель обычно не знает, как это можно сделать, с какой

⁶Ю.А.Левада предложил автору данной книги наряду с понятием "зона компетентности" использовать и такие теоретические конструкции, как "зона относительной компетентности", "зона банальности", "зона интереса", "зона тревоги", "зона неуверенности" и т.д. Данное предложение является интересным, но нами оно проработано не было.

стороны подойти к этой проблеме. Пока руководитель набирается опыта, производство лучше работать не станет. Может быть, при благоприятном стечении обстоятельств оно не будет работать хуже, но и улучшить его тоже не удастся. Как правило, при смене руководителя цех начинает работать хуже.

Вопрос: В чем проявляется недостаток опыта руководителя в работе с людьми?

Ответ: Я вот сам думал над этим вопросом. Мне кажется, здесь сказывается то, что работнику необходимо дать определенный эмоциональный заряд. Чтобы человек хорошо работал, необходимо воодушевить его внутренне, а не то чтобы, скажем, накричать. Если человека воодушевить, он сделает гораздо больше. А новый руководитель обычно не знает, как ему повлиять на людей. Прежний начальник, который долго проработал, имеет необходимый опыт. Он знает, как обращаться с работниками, как подать личный пример и т.д. Поэтому я считаю, что для руководителя самое важное - опыт и умение работать с людьми".

Описанная выше способность респондентов формулировать компетентные мнения относительно окружающей их социальной действительности характерна не только для работников отраслей материального производства, но и практически для всех сфер человеческой деятельности. Так, молодая женщина, работавшая воспитателем детского сада, сказала автору данной книги в ходе неформальной беседы: "Принято считать, что отношения между детьми являются чистыми и непосредственными. Их рассматривают как образец отношений между людьми. Эти представления возникают из-за незнания, потому что на самом деле детский коллектив по своей природе жесток. Мы стараемся не допустить проявлений этой жестокости, но это не всегда у нас получается".

Описанные выше механизмы формирования достоверного обыденного знания родственны процессам формирования научных концепций. Данную точку зрения разделял, в частности, К.Поппер, который писал, что "рост научного знания можно считать ростом обычного человеческого знания, выраженного в ясной и отчетливой форме... Научное знание есть как бы ясно выраженное обыденное знание" [82, с.326, 344]. Однако в сравнении с научным знанием процессы формирования достоверного обыденного знания характеризуются отсутствием или слабым развитием имеющихся в науке институциональных механизмов, обеспечивающих их накопление и аккумуляцию. Наиболее важными из этих механизмов являются следующие.

1. Институциональные механизмы передачи накопленного знания (обучения новичков). В науке данную функцию выполняют системы образования, обучения, издание научной литературы и т.п.

2. Институциональные механизмы обмена концептуальными наработками и эмпирическими данными на переднем крае научных исследований и механизмы их критического обсуждения. Имеются в виду "невидимые колледжи" в рамках профессиональных научных сообществ, а также научные журналы, конференции и т.п.

3. Существование методологических принципов формирования концептуализированного знания и методических принципов получения эмпирических данных в сочетании с механизмом социального контроля за соблюдением этих принципов со стороны научного сообщества.

Наличие институциональных механизмов формирования научного

знания обуславливает его коллективный характер. Индивидуальные достижения обеспечивают лишь приращения к этому коллективному знанию, причем благодаря институциональным механизмам эти приращения сами в короткий срок становятся коллективным достоянием. В противоположность этому неинституциональное происхождение достоверного обыденного знания обуславливает в основном его индивидуальный характер. Сказанное означает, что достоверное обыденное знание в значительно большей степени каждый раз создается заново на основе жизненного опыта отдельного человека. Оговорим, что в обществе могут существовать трансляции данного типа знания по неформальным каналам. Однако процесс стихийной передачи достоверного обыденного знания затруднен его сложностью, специализированностью, отсутствием широкой воспринимающей аудитории и рядом других факторов. Лишь в пределах однородных и достаточно интегрированных неформальных сообществ (субкультур, профессиональных групп, дружеских и родственных связей) процессы передачи и воспроизводства обыденного достоверного знания могут становиться значимыми факторами его формирования в сознании отдельного индивида⁷.

Отсутствие институциональных механизмов формирования и воспроизводства достоверного обыденного знания предопределяет его изначальную слабость по отношению к развитому научному знанию. По отношению к естественным наукам с их многовековой историей, развитым концептуальным и методическим аппаратом, обыденное знание не только неконкурентоспособно, но и само находится в большой зависимости от выработанных этими науками концептуальных представлений, транслируемых через систему образования. Принципиально иная ситуация существует в социальной науке, в особенности отечественной, которая во многих отношениях недалеко продвинулась от своего "старта" и к тому же засорена оставшимися со времен застоя псевдонаучными концепциями с их неадекватным понятийным аппаратом.

Превосходство обыденных представлений над их научными аналогами в социальных науках может возникать по трем основным причинам. Во-первых, относительная (в сравнении со зрелыми научными концепциями) неразвитость обыденных концептуальных представлений компенсируется в буквальном смысле их достоверностью, по-

⁷В качестве примера успешной трансляции обыденного знания можно привести выдержку из интервью 1988 г. с начальником главка крупного строительного министерства. "Когда после окончания института в конце 50-х годов я по распределению попал на крупную стройку в должности начальника участка, - рассказывал респондент, - мне очень повезло в том смысле, что заместитель начальника треста, которому я подчинялся, был замечательный человек. Я могу в полном смысле назвать его моим учителем и наставником. Помню, был случай, когда по моей вине рабочим своевременно не была выплачена зарплата. Тот день сложился у меня очень тяжелый, мне сорвали сроки поставки оборудования для монтажа, и я поехал разбираться с этим вопросом. А в этот момент банк по каким-то причинам не выдал кассиру деньги. Не помню, что там стряслось, не хватало какой-то подписи. Был крупный скандал, и зарплату выплатили только на второй день. Так вот, по этому поводу меня вызвал заместитель начальника треста, и закрыв дверь, сказал мне один на один: "Запомни, ты можешь сорвать все, что угодно, но зарплату рабочим ты должен платить вовремя".

сколькx в данном случае речь идет о тех представлениях, которые человек лично выработал, исходя из своего жизненного опыта. Во-вторых, слабость отечественной социальной науки выражается не только в неразвитости и методологических пороках многих созданных ею работ, но и в узком охвате изучавшихся социальных явлений. Существование обширных сфер жизнедеятельности общества, где "не ступала нога социального исследователя", делает обыденное сознание единственным источником концептуализированной информации об этих сферах. В-третьих, следует также учесть, что естественные науки занимаются изучением неизменного физического мира, в то время как социальные науки изучают меняющееся общество с меняющимся набором социальных проблем. Отставание науки от происходящих в обществе изменений - еще один довод в пользу необходимости взаимодействия с обыденным сознанием, которое во многих случаях быстрее улавливает социальные перемены.

Таким образом, в социальных исследованиях достоверные компоненты обыденного знания могут выступать не только как объект изучения, но и как равноправный партнер научного знания, т. е. как источник не только фактологических сведений, но и конструктивной критики научных концепций, а также концептуальных разработок, прямо или косвенно подлежащих включению в систему научного знания. Представляется, что в отечественной (а возможно и в мировой) социологии сложилось неоправданное пренебрежение к такому способу взаимодействия с обыденным знанием. В ходе своей практической научной работы автор данной монографии часто убеждался, что обыденное сознание (при правильной методической организации взаимодействия с ним) может служить источником чрезвычайно ценных для социолога сведений и идей.

Наряду с получением новых и важных для исследователя знаний контакт с обыденным сознанием может выполнять также функцию очищения сознания исследователя от различного рода "мифов", домыслов и иных недостоверных представлений, сформировавшихся в его собственной зоне некомпетентности, т.е. под влиянием средств массовой информации, из общения с неосведомленными людьми и т.д. Сознание исследователя на ранних этапах разработки проблемы очень часто бывает гораздо более "мифологизированным", чем сознание практических работников. Одна из наиболее важных функций интервью заключается в том, что исследователь с их помощью избавляется от собственных мифов, которые в случае применения формализованных методов могут предопределить результаты его работы.

4.2.3. Ведение интервью в пределах зоны компетентности

Выше зона компетентности была определена как совокупность представлений опрашиваемого, которая сформировалась под непосредственным влиянием его практической деятельности и личного жизненного опыта; в некоторых случаях существенную роль в формировании таких представлений может играть своего рода

наставничество со стороны старших по возрасту или более опытных людей. В принципе в зону компетентности в зависимости от сферы деятельности респондента могут попадать навыки, умения и представления из различных отраслей знания, но нас, как социологов, интересуют в первую очередь социологические компоненты этих представлений, т.е. наблюдения (порой обладающие высокой степенью обобщения) о поведении людей и их мотивах, а также об особенностях функционирования социального объекта, в рамках которого респондент осуществлял свое наблюдение.

Одна из главных задач интервьюера, ориентированного на заимствование знаний из зоны компетентности респондента, заключается в том, чтобы очертить ее границы, фиксировать каждый случай выхода за пределы этой зоны и уметь направлять беседу в центральные ее области. При выполнении этой задачи следует иметь в виду, что многие лица вообще не обладают зоной компетентности по интересующему исследователя вопросу. Следовательно, первым шагом в исследовании должен быть правильный выбор респондентов.

Принципы выбора респондентов в исследованиях, ориентированных на получение достоверного знания, кардинально отличаются от более привычных социологам методов отбора респондентов для выяснения мнений⁸. Какую бы социальную проблему мы ни взяли (неэффективность производства, распад семей, преступность молодежи и т.д.), *мнением* по этим вопросам обладает практически каждый член общества, что и предопределяет принцип случайной выборки респондентов. Что же касается *знания* респондентов о причинах этих явлений, то ими могут располагать лишь лица, обладающие личным социальным опытом в указанных сферах, т.е. лично работавшие на производстве, пережившие либо близко наблюдавшие разводы, или находившиеся в близком контакте с молодежной преступной шайкой. Итак, в исследованиях, ориентированных на получение достоверного знания, респондентами могут быть только те лица, которые лично пережили либо были близкими свидетелями ситуаций, являющихся предметом исследования.

Далее, отвечающие критерию личной включенности респонденты могут отличаться по своему "качеству", т.е. по уровню рефлексии интересующих социолога проблем. Уровень рефлексии зависит, по-видимому, от трех факторов: от индивидуальной способности к рефлексии, от степени мотивационного вовлечения респондента в исследуемую социологом ситуацию (чем более мотивационно значимой для респондента является тема интервью, тем выше оказывается степень его рефлексии по данному вопросу) и от характера взаимодействия респондента с социальной реальностью. Механизм действия третьего фактора, названного здесь характером взаимодействия с реальностью, требует пояснения. По определению известного психолога Курта Левина, реальность есть то, что оказывает сопротивление воле и намерениям человека. В

⁸Как отмечает по этому поводу Р.Мертон, социология до последнего времени занималась в основном изучением общественного мнения, а не знания [99, с.109].

соответствии с этим чем сильнее "сопротивляется" исследуемая реальность, тем больше трудовой энергии и творческих способностей должен проявить человек для того, чтобы успешно справиться с ситуацией. Если в качестве примера взять сферу общественного производства, то чем более сложной и напряженной является трудовая функция работников, тем больше вероятность того, что интервьюер обнаружит среди них значительное число незаурядных по своим деловым и личностным качествам людей. Беседа с подобными людьми часто производит сильное впечатление на исследователя и может способствовать значительному углублению его профессиональных знаний. Обратная картина наблюдается в тех случаях, когда работа опрашиваемого не связана с высокой деловой ответственностью. Зона компетентности большинства работников в этом случае резко сужается, в результате чего интервью делается кратким и неинтересным.

Следует подчеркнуть, что работник, не имеющий интереса к своей работе и обладающий поэтому практически нулевой зоной компетентности по производственным проблемам, может иметь обширные зоны компетентности по каким-то иным глубоко затрагивающим его вопросам. Такими вопросами могут быть, например, различные хобби, увлечения, а также личные, семейные и бытовые проблемы. Автору данной книги однажды довелось убедиться, что пожилая женщина, работавшая на низовой должности в отделе заводоуправления и практически ничего внятного не сказавшая о работе своего подразделения, неожиданно высказала чрезвычайно интересные мысли о причинах широкого распространения разводов среди молодых семей.

В ходе интервью интервьюер должен иметь в виду, что предполагаемая зона компетентности респондента часто не вполне совпадает с фактической. В связи с этим особым этапом или особой проблемой интервью данного типа должно стать очерчивание реально существующей в сознании респондента зоны компетентности. Большой ошибкой будет в этом случае фокусировка интервью на заранее заданном предмете беседы. На стадии фокусированных интервью проблематика исследования всегда должна быть открытой для включения в нее новых релевантных тем. Иногда, как показывает имеющийся опыт, реальная проблематика оказывается шире, чем заранее заданная тема исследования, либо у темы неправильно сформулирован проблемный фокус. В связи с этим основная задача интервьюера заключается не столько в получении ответа на определённый вопрос, сколько в выявлении и очерчивании границ зоны компетентности респондента, многие характеристики которой заранее не известны. Думается, что в решении этой задачи интервьюеру может помочь предлагаемая ниже система понятий, хотя и не строго операциональных, но достаточно ясных по смыслу и способствующих лучшей ориентации.

Глубина компетентности - степень осознания и осмысления респондентом своего практического опыта, его способность четко фиксировать причинно-следственные связи между наблюдаемыми явлениями.

Широта компетентности - широта охвата социальных явлений, относительно которых респондент способен высказывать компетентное мнение.

Описанные качества широты и глубины компетентности во многом зависят от уровня образования опрашиваемого, степени его начитанности, культурного уровня и т.п. Однако в не меньшей, а может быть, и в большей степени формирование указанных качеств определяется важностью для человека той или иной сферы деятельности. Широкие и глубокие зоны компетентности следует искать на пересечении двух линий: с одной стороны, человек должен быть в непосредственном контакте с соответствующей сферой, а с другой - эта сфера должна быть предметом его заботы, интереса или иной сильной мотивации.

Граница компетентности - грань, за которой респондент не может высказывать компетентные мнения и вынужден обычно незаметно для самого себя достраивать свои рассуждения представлениями, заимствованными из зоны некомпетентности. В качестве примера такого достраивания можно привести высказывание работника промышленного министерства относительно причин низкой эффективности отечественного производства (1989 г.): "Если рабочий пьяница и прогульщик, то ему все равно выплачивают среднюю заработную плату, потому что у него, видите-ли, трое детей". Каждый, кто хорошо знал производственную обстановку на советских предприятиях, мог бы подтвердить, что пьяницам и даже прогульщикам действительно нередко выплачивали среднюю заработную плату, но происходило это вовсе не потому, что администрация предприятий жалела детей этого работника. Следует зафиксировать, что интервью в целом было дано работником министерства на высоком профессиональном уровне и содержало немало ценной информации, но в приведенном выше суждении респондент как бы "выскочил" за пределы зоны своей компетентности и высказал довольно расхожее и в то же время неправильное мнение.

Приведенный выше пример интересен еще в одном отношении. Работник министерства, о котором идет речь, сам бывший производственник и, казалось бы, он не должен был высказываться по данному вопросу столь банально. Причина этого противоречия - своего рода эффект забывания собственного предшествующего опыта при смене социальных ролей, о котором будет сказано ниже.

Центры концептуальной структуризации представляют собой наиболее продуманную и логически упорядоченную часть наблюдений респондента. Зачастую такие концепции по своей логической проработке не уступают научным и могут быть непосредственно включены в систему научного знания. В любом случае они представляют большой интерес для исследователя, который должен уметь их распознавать и фиксировать в ходе интервью.

По нашему мнению, заимствование концептуальных наработок обыденного знания явственно прослеживается в работах известных индустриальных социологов (Э.Мэйо, Ф.Херцберга и др.), хотя

трудно сказать в какой мере они сами осознавали этот аспект. Насколько можно судить, элемент такого заимствования очень велик в военной социологии⁹ и, возможно, в ряде других социологических отраслей. Надо еще отметить, что заимствования такого рода не являются исключительной прерогативой социальных наук. Известно, что многие индустриальные технологии берут свое начало от "бытовых", доиндустриальных. Другая близкая аналогия - заимствование и профессиональная обработка многими поэтами и композиторами поэтических и музыкальных элементов фольклора. С нашей точки зрения, в социологии сложилось неоправданное пренебрежение к обыденному знанию, которое рассматривается исключительно как объект исследования. Трансляция компетентного знания из обыденного в научное при этом все равно происходит, но медленно, неэффективно и с искажениями.

Зона наблюдения (в социальном пространстве) - это по сути объект, в ходе наблюдения которого формируется зона компетентности. Широта зоны наблюдения зависит от социального положения респондента и от его личного "любопытства". Если взять в качестве примера промышленных рабочих, то у некоторых из них зона наблюдения ограничивается их производственным участком, другие охватывают значительную часть цеха или весь цех, а некоторые незаурядные рабочие оказываются в состоянии разобраться в методах работы служб заводоуправления, порой доставляя последним немало хлопот.

Мотивация наблюдения может различаться как по интенсивности, так и по направленности. Интенсивность мотивации прямо влияет на широту и глубину зоны компетентности. При слабой мотивированности наблюдения зона компетентности резко сужается. Направленность и интенсивность мотивации наблюдения в очень большой степени детерминированы личностными чертами.

Применительно к промышленным рабочим можно назвать по меньшей мере четыре типа разнонаправленных мотиваций социального наблюдения:

"научную", представляющую собой своего рода бескорыстное любопытство;

"государственную", часто выражаемую афоризмом "за державу обидно", в рамках которой человек сам для себя пытается понять, почему же у нас на производстве царит такой беспорядок;

"корыстную". Носители этой мотивации внимательно следят за возможностями увеличения своего заработка и на этом пути достигают порой удивительно глубокого понимания реальных механизмов планового формирования и распределения фондов заработной платы;

"классово-негативистскую", рассматривающую заводоуправление и начальство всех уровней как классовых врагов (нередко со ссылками

⁹Социальная технология ведения войны отработана с древнейших времен. Все незаурядные полководцы и командиры являются величайшими знатоками "естества человека", что и предопределяет возможность заимствования и научного осмысления накопленных ими знаний.

на Маркса и Ленина) и выискивающую в поведении управленцев дискредитирующие их поступки в качестве подтверждения изначальной негативистской позиции. В интервью позиция таких рабочих выглядит очень предвзятой и наполненной идеологическими штампами, заимствованными (если следовать нашей терминологии) из зоны некомпетентности. Однако и этим людям нельзя отказать в определенной наблюдательности. Выискивая в реальности подтверждения своей концепции, они порой делают весьма интересные наблюдения, которые исследователь может "отдистиллировать" от заштампованных идеологических высказываний.

Сходные (но не идентичные) системы мотиваций наблюдения за производственными проблемами существуют и в среде работников управления, особенно линейных руководителей. Подробно перечислять виды присущих им мотивов наблюдения мы не будем, однако отметим, что одним из наиболее сильных мотивов такого типа является своего рода позитивное честолюбие, т. е. стремление успешно справиться со своей работой, оправдать оказанное доверие и "вытянуть" из прорыва подчиненный им цех, производство или предприятие. Руководство "трудным" производством - это, пожалуй, наиболее чистый тип ситуации, когда реальность упорно "сопротивляется" и работник управления должен мобилизовать весь свой интеллектуальный и энергетический потенциал, чтобы овладеть ситуацией. Прошедшие такую суровую школу управленцы часто бывают хорошими респондентами, отличающимися в пределах зоны своей компетентности исключительно ясным мышлением (за пределами зоны компетентности они часто выглядят как малокультурные и к тому же слишком самоуверенные люди).

Наряду с производственной чрезвычайно большой интерес представляют наблюдения людей за другими сферами общественной жизни, в частности семейно-бытовой сферой. Автору данной книги доводилось в основном заниматься социологическим изучением производства, но можно с уверенностью сказать, что и в других областях существует разветвленная система мотивов социального наблюдения. К числу таких мотивов могут быть отнесены стремления к осмыслению своих и чужих жизненных ошибок, стремление помочь людям их избежать и т.п.

Направление или "фокус" наблюдения предопределен его мотивацией. Это своего рода угол зрения, с которого человек смотрит на мир и, группируя факты, формирует концепции. Хотя мотивации наблюдения часто бывают далеки от научных, порождаемые ими выводы имеют познавательную ценность в том смысле, что они (возможно, лишь частично и с определенной коррекцией) могут быть включены в систему научного знания. Сказанное не отменяет того, что различные мотивации наблюдения могут приводить к разным выводам, поскольку продуктом обыденных наблюдений в подавляющем большинстве случаев являются не готовые научные концепции, а их элементы, типологические случаи, из которых исследователь, как из "кирпичиков", должен построить собственную

концепцию.

Смещение зоны компетентности. Исследователь должен иметь в виду, что зона компетентности респондента "мигрирует", повторяя изгибы его биографии. В подавляющем большинстве случаев зона компетентности отражает лишь ту социальную роль, в которой человек находится в данный момент. Компетентное знание, накопленное им на предыдущих ролях, странным образом забывается. Возможно, это знание может быть актуализовано путем использования специальных методических приемов, но этот вопрос нами не прорабатывался.

Явление забывания своего прошлого социального опыта хорошо видно на примере производственных руководителей, начинавших свою трудовую карьеру с должности рабочего. Сказанное может быть проиллюстрировано выдержкой из интервью с В.Н.Корсетовым: "Интересно отметить такой психологический момент, который я испытал на себе. Возьмем человека, который стал руководителем производства, пройдя путь с самого "низа", т.е. с рабочего. Такой человек прекрасно знает свое производство. Тем не менее, став руководителем, он начинает сомневаться даже в той информации, которую приобрел собственным опытом. Вероятно, так происходит потому, что его информация субъективна, а поступающие со всех сторон данные создают видимость объективности. В результате создается ситуация, при которой начальник цеха, зная, что такой-то участок может пропустить партию пластин за 20 минут, потому что такое уже бывало, тем не менее сомневается в собственной информации и соглашается с другим вариантом - не менее трех часов. В этом он убеждает вышестоящее руководство, с полной убежденностью заявляя, что резервов у него нет, что цех работает на пределе "[83, вып.1, с.247-248]¹⁰."

Как уже отмечалось выше, степень осознания и концептуальной проработанности представлений в составе зоны компетентности могут быть различными. В некоторых случаях эти представления могут быть в буквальном смысле концепциями, хорошо отрефлексированными и пригодными для непосредственного включения в систему научного знания. Чаще однако эти концепции содержатся в сознании респондента как бы латентно, воспроизводясь в приводимых им примерах и фактах. В последнем случае от исследователя требуется дополнительная аналитическая работа по превращению "сырого материала" фактологических сведений в выраженную в отвлеченных понятиях концепцию. Приведем два примера, характеризующие оба описанных случая.

Пример 1. Как уже говорилось выше, упорное на протяжении почти трех десятилетий изучение советскими социологами причин текучести рабочих кадров - хороший пример того, что можно назвать застоем в науке. В связи с этим интересно отметить, что ученые, изучавшие эту проблему, видимо, не считали нужным обсудить ее с

¹⁰Описанный выше эффект "забывания" является, по-видимому, одной из наиболее важных причин загнивания советской отраслевой науки, руководящие кадры которой в эпоху застоя комплектовались в основном бывшими производственниками. В основе этой политики лежала, видимо, гипотеза, что эти люди "знают производство". На самом же деле при таком перемещении производственную квалификацию они утрачивали, а научной не приобретали. В результате "научная" продукция бывших производственников шокировала своим низким качеством их коллег, которые продолжали работать на производственных должностях. Сказанное, вероятно, относится не ко всей отраслевой науке, но в очень многих институтах этот эффект был сильно заметен.

самими рабочими. В ходе проведения интервью автор данной книги не раз убеждался, что в сознании рабочих могут содержаться достаточно развитые концепции причин текучести кадров, не имеющие аналогов в научной литературе. В частности, один из рабочих сформулировал следующую концепцию. По его мнению, все производственные руководители могут быть разделены на две категории: те, кто умеет обеспечивать высокую зарплату своим подчиненным, и те, кто этого делать не умеет. У руководителей, умеющих "делать зарплату" формируется коллектив с устойчивым кадровым составом. Если же этот руководитель уходит (переходит на другое предприятие, повышается в должности и т.п.), а на его место приходит не умеющий "делать зарплату", сразу начинается текучесть кадров и коллектив распадается. Возможно, данную концепцию не следует принимать как окончательную, но ее новизна, логическая завершенность и научная значимость являются несомненными. Во всяком случае она хорошо согласуется с представлениями автора данной книги, который на протяжении ряда лет занимался именно вопросом взаимосвязи текучести кадров и распределения заработной платы. Четкость высказанной рабочим формулировки и ее соответствие реальным механизмам функционирования плановой экономики до сих пор вызывает у автора чувство восхищения.

Пример 2. В качестве примера интервью, содержащего концепцию не в явном, а в латентном виде, возьмем опубликованный текст интервью В.Игрунова [83, вып.1] о его работе заводским снабженцем. Игрунов затруднился дать обобщенный ответ на вопрос, как работает заводской снабженец, но зато привел большое количество конкретных примеров, очевидная общность черт которых открывает возможность для применения классической формы логической индукции.

Значительная часть интервью Игрунова посвящена тому, какими способами он сумел значительно увеличить объемы снабжения завода такими дефицитными материалами, как этиловый спирт, битумированная бумага, льняной шпагат и некоторые другие. Из описанных им примеров выводится общий алгоритм работы снабженца, который сводится примерно к следующему.

В теории (т.е. согласно советским учебникам) механизм материально-технического снабжения выглядит так. Работник отдела снабжения, исходя из номенклатурного плана по производству и установленных плановыми органами норм расхода материалов, составлял обоснованную заявку. Министерство и другие плановые органы контролировали правильность составления этой заявки, и в случае отсутствия в ней нарушений выделяли заводу требуемые количества материалов. Если государство не располагало возможностью полного удовлетворения заявок, то в теории производственная программа предприятия должна была быть скорректирована, чего на практике однако никогда не делалось, потому что реальный механизм распределения был совершенно иной.

Интервью с Игруновым выявило, что приведение в соответствие потребностей предприятия с возможностями государства их удовлетворить осуществлялось путем нескольких итераций. На

первом этапе заводской снабженец ориентировочно, с некоторым запасом, оценивал потребности завода по группе материалов, за которые он отвечал, записывал эти полупроизвольные цифры в заявку и отсылал ее. В плановой экономике все материалы, как известно, делились на дефицитные и недефицитные. Работники вышестоящих планово-управленческих организаций оценивали заявку под этим углом зрения. Если материал недефицитен, они выделяли заводу то количество, которое он просил, и дальнейших споров по таким позициям не возникало. Если был материал дефицитен, они вычеркивали записанную в заявке цифру и вписывали другую, которая отвечала реальным возможностям снабженческой организации. Скорректированная таким образом заявка возвращалась к заводскому снабженцу, который рассматривал ее под своим специфическим углом зрения. С одной стороны, он знал, что у планово-управленческих органов есть резервы. Если очень настаивать и приводить определенные обоснования, то фонд поставок практически по всем скорректированным "сверху" позициям можно увеличить. С другой стороны, ведение таких споров весьма трудоемко и по этой причине все позиции "отспорить" не удастся. Тогда снабженец старался разделить указанные позиции на "необязательные" и "обязательные". Необязательные - это те, по которым завод мог как-нибудь обойтись и уменьшенным количеством материала. Обязательные - это те, из-за нехватки которых должен был возникнуть крупный скандал и неприятности со стороны дирекции (в умении правильно разделить эти позиции и заключался один из аспектов высокой квалификации снабженца). Необязательные позиции снабженец исключал из дальнейшего согласования. Таким образом, после первой же итерации круг позиций, составлявших предмет спора, резко сужался (с нескольких десятков до нескольких единиц). По этим оставшимся единицам снабженец составлял протокол разногласий и отправлял его назад в планово-управленческие органы. Там их рассматривали под углом зрения количества имеющихся резервов, т.е. цикл начинался сначала, но уже по уменьшенному кругу позиций. Высокую эффективность описанного механизма иллюстрирует тот факт, что после трех итераций обычно достигался полный баланс.

4.2.4. К проблеме несогласованности высказываний респондентов

Данный параграф посвящен анализу проблемы несогласованности высказываний разных респондентов по одному и тому же предмету в пределах зоны их компетентности. Несогласованность (разногласия) такого рода часто встречается в практике интервьюирования. Проблема возникновения расхождений в мнениях респондентов, опрашиваемых в пределах "зоны компетентности", может быть проиллюстрирована следующим примером. При интервьюировании производственных руководителей им задавался вопрос: "Иногда говорят, что современные молодые рабочие по сравнению с

предыдущими поколениями стали хуже работать. Справедливо ли это мнение?" Большинство руководителей отделов заводоуправления дали на этот вопрос утвердительный ответ, однако их мнение следует, по-видимому, рассматривать как некомпетентное, поскольку непосредственного опыта работы с молодыми рабочими они не имеют. Иными словами, согласие с приведенным выше утверждением отражает скорее расхожее в этой среде мнение, чем объективный сдвиг в социальных характеристиках новых поколений. Значительный интерес представляет тот факт, что мнения работающих в цехах линейных руководителей (мастеров, начальников участков, начальников цехов) по данному вопросу *разделились*. Не менее трети опрошенных (выборка нерепрезентативная) отказались согласиться с утверждением, что современная молодежь "плохо работает", причем многие выразили свое несогласие в достаточно резких и эмоциональных выражениях. "Это глупости. Я с этим не согласен. Не знаю, кто сказал Вам такую глупость. Другое дело, что молодежь сейчас грамотная, она требует к себе иного отношения" - так начал свой ответ заместитель начальника цеха одного из заводов в ходе проведения обследования. Вместе с тем многие другие опрошенные руководители согласились с мнением, что "молодежь плохо работает" и привели большое количество конкретных примеров.

Анализ проблемы несогласования мнений респондентов в пределах зоны компетентности представляет значительный интерес, поскольку одинаковые свойства наблюдаемой социальной действительности, казалось бы, должны были приводить к тождеству их мнений. Априори можно было бы предположить, что компетентные высказывания должны отличаться высокой степенью согласованности, а некомпетентные - наоборот. Однако практика интервьюирования показывает, что в действительности картина является скорее противоположной. О свойствах представлений, образующих зону некомпетентности, речь пойдет ниже в специальном параграфе. Что же касается компетентных представлений, то существует довольно большое число причин, которые вместо ожидаемого единогласия часто приводят к появлению "разногласицы". Эти причины образуют как бы несколько слоев, причем элиминирование одного слоя выдвигает на первый план следующий за ним. Основные из указанных причин видятся нам следующими:

1. Обусловленные различными мотивами сознательные искажения респондентами сообщаемых сведений. Существование этих искажений представляет собой серьезную проблему с точки зрения техники интервьюирования, но не требует развернутого теоретического обсуждения.

2. Интервьюер не сумел разграничить компетентные и некомпетентные высказывания. Фиксируемые в этом случае расхождения в мнениях порождаются различным происхождением этих мнений. Вопросы разграничения зоны компетентности и зоны некомпетентности подробно обсуждены выше и в дополнительных комментариях не нуждаются.

3. Различия в мнениях могут быть обусловлены различиями в ролевых позициях респондентов в рамках одного и того же социального объекта. Так, мнения рабочих и руководителей одних и тех же производственных подразделений о причинах производственных неурядиц обычно сильно расходятся. Аналогичным образом часто расходятся мнения разведенных супругов о причинах развода. Основными причинами таких расхождений следует считать различия в детерминированных социальной ролью "зонах наблюдения" и различия в обусловленных ролевой позицией мотивациях, детерминирующих "фокусировку" социальных наблюдений.

4. Важно иметь в виду, что формальное тождество ролевых позиций и сходство параметров окружающей действительности часто бывает кажущимся. К примеру, социальный климат и производственная обстановка на предприятиях с хорошей и плохой организацией труда сильно различаются, и жизненный опыт работников этих предприятий отражает подобные различия. Различия в личностных характеристиках брачных партнеров и иных детерминантах внутрисемейного климата предопределяют различия в осмыслении и концептуализации опыта семейной жизни, и т.д. Выявление этих скрывающихся за кажущимся тождеством объективных различий окружающей действительности является одной из наиболее важных задач исследователя.

5. Как известно из социальной психологии, свойства и особенности личности в значительной мере формируют свойства окружающей ее социальной среды. К примеру, жесткий авторитарный руководитель будет совершенно иначе описывать "свойства" подчиненных ему работников, чем руководитель лидерского типа, и несовпадение их точек зрения будет отражать вполне объективные различия в типах социальных отношений, которые, однако, сформировались под действием субъективных отличий в характеристиках опрашиваемых лиц.

6. Различные жизненные установки респондентов предопределяют различную направленность зон социального наблюдения. Данную группу причин удобно проиллюстрировать на примере типологии научных работников, сформированной Д.Пельцем и Ф.Эндрюсом, которые обнаружили существенные различия в поведении и научной результативности двух типов ученых: ориентированных на науку как таковую и ориентированных на служебную карьеру [78]. Для полноты картины добавим, что названные американские авторы не заметили существование еще одного типа, наверное, редко в Америке, но широко распространенного в России: работника, ориентированного на любую деятельность, не связанную с работой (наиболее распространены два подтипа ориентации: на семью и на сферу досуга). Представляется вполне очевидным, что для изучения проблем, связанных с прогрессом в науке, следует опрашивать ученых первого типа. Однако жизненный опыт ученых второго типа ни в коем случае не следует считать неинтересным; напротив, он может представлять чрезвычайный интерес в том случае, если

интервьюер сумеет правильно распознать этот тип и сфокусировать интервью в зону его компетентности. Изучение жизненного опыта карьеристов, способных грамотно ответить на вопрос: "Как сделать карьеру?", могло бы дать чрезвычайно ценный материал для изучения свойств крупных административных систем и типичного набора возникающих в них дисфункций.

Относительно третьего типа ученых можно сказать, что опрашивать их о работе скорее всего бесполезно, поскольку эта сфера не вызывает у них интереса и не является предметом концентрации усилий. Вместе с тем "ученый", ориентированный на времяпровождение вне работы, может оказаться крупным специалистом в области обустройства дачи, туризма, рок-музыки или секса. (Упоминание о сексе не является шуткой: Кинси в своих исследованиях во многом опирался на респондентов-добровольцев, обладающих большим сексуальным опытом).

7. Причиной несоответствия мнений респондентов могут быть описанные в предыдущем параграфе различия в мотивациях наблюдения. В отличие от мотиваций деятельности, рассмотренных в предыдущем пункте, мотивации наблюдения - это своего рода философия, сквозь призму которой человек смотрит на окружающий социальный мир. К этому классу мотиваций относятся различные психологические установки, а также большая группа личностных черт, связанных с психопатологическими акцентуациями (невротическими, психопатическими, шизоидными и др.)¹¹.

Мотивации наблюдения можно с некоторой долей условности разделить на беспристрастные и предвзятые. К первым относятся существующие в обыденном сознании мотивации бескорыстного интереса к действительности и профессиональные мотивации. Респонденты с мотивациями этого типа обычно бывают очень ценными информаторами. Мотивации, названные предвзятыми, по-видимому, имеют своим источником различные психопатологические акцентуации. Типологию таких мотиваций мы выстроить не готовы. В качестве типичного примера назовем личностное свойство "враждебности", измеряемое одноименной шкалой теста ММРІ. Высокий уровень "враждебности" означает глубоко укоренившееся в личности мироощущение, смысл которого сводится примерно к следующему: "Окружающие меня люди плохие, они способны причинить мне вред, следовательно, и я имею право относиться к ним так же". По наблюдению автора, свойство "враждебности" обладает очень сильным влиянием на восприятие человеком социального мира. В той или иной степени оно проникает во все имеющиеся в его сознании представления, включая и те, которые можно назвать "компетентными".

Влияние предвзятых мотиваций на формирование зоны компетентности является неоднозначным. С одной стороны, наличие в

¹¹Имеются в виду широко распространенные акцентуации в пределах нормы, поскольку чистые случаи психопатологии здесь не рассматриваются. Опыт работы с тестом ММРІ дает автору возможность считать, что акцентуации такого рода существенно влияют на способ видения человеком социального мира.

выборке респондентов лиц с такими мотивациями увеличивает разнообразие фокусировок их наблюдения и в связи с этим обладает эвристической ценностью. С другой стороны, предвзятые мотивации обладают способностью подавлять формирование зоны компетентности, заменяя ее идеологическими представлениями, заимствованными из зоны некомпетентности. В предельном случае человек с сильной искажающей мотивацией "не видит", а точнее не хочет видеть окружающую его действительность, заслоняя ее идеологией. В этом случае интервьюер может столкнуться со специфической ситуацией, когда респондент вообще не обладает зоной компетентности, хотя по всем внешним признакам он должен был бы обладать.

8. Если элиминировать влияние всех перечисленных выше факторов, порождающих различия в мнениях в пределах зоны компетентности, это не обязательно должно привести к полному единству взглядов респондентов. Расхождения во взглядах определяется не только социальными и личностными детерминантами, но неопределенностью самой действительности, допускающей наложение на нее различных концептуальных систем.

Поскольку работу обыденного сознания в пределах зоны компетентности мы уподобляем работе научного сознания, наличие разногласий в компетентных суждениях по одному и тому же предмету можно проиллюстрировать на примере самой науки. Хотя институциональное устройство науки направлено на устранение влияния социальных и личностных факторов на исследовательские выводы, общеизвестен факт постоянных научных споров, ведущихся на "переднем крае" научных исследований. По той же причине расхождения в мнениях могут возникать и в обыденном сознании. Сходную точку зрения высказывает, в частности, Дж.Кэмпбелл, указывая, что "проблемы неоднозначности свидетельств ... близки к общим проблемам научного вывода" [40, с.322].

Перечисленный выше список факторов, порождающих несогласованность высказываний респондентов, внешне выглядит довольно внушительным и способен отпугнуть начинающего исследователя, не имеющего личного опыта интервьюирования. В связи с этим следует сказать, что в действительности все обстоит не столь страшно. Перечисленные выше факторы сравнительно легко распознаются в ходе ведения интервью, причем способность к такому распознаванию быстро возрастает по мере накопления интервьюером практического опыта. С увеличением числа опрошенных респондентов в сознании исследователя начинают прорисовываться две типологии: типов респондентов в исследуемой им социальной совокупности и типов встречающихся в действительности ситуаций. Наложение друг на друга этих двух типологий дает концептуальную схему, в рамках которой зафиксированные противоречия получают свое объяснение.

4.2.5. Фокусированное интервью и экспертные опросы

Данный параграф ставит своей целью соотнести введенные выше

понятия "зона компетентности" и "зона некомпетентности" с общеизвестным понятием "экспертные опросы". Согласно первоначальному смыслу термином "опрос экспертов" принято обозначать разновидность опроса, когда респондентов просят сообщить о круге явлений, относительно которых они хорошо осведомлены по предположению организаторов опроса [66, с.24]. Такое определение представляется близким по смыслу к использованному в предыдущем параграфе термину "опрос в пределах зоны компетентности". Тем не менее ряд вопросов требует уточнения.

Прежде всего при описании метода экспертных опросов, как правило, подразумевается, что речь идет об опросе профессионалов. Вот типичное описание процедуры отбора респондентов для такого опроса: "При проведении экспертного опроса формируется группа лиц, хорошо информированных относительно соответствующего объекта. Как правило, группа экспертов отбирается по признакам их формального профессионального статуса (должностное положение, ученая степень и другие квалификационные признаки, стаж практической или научной работы), а также аттестации со стороны коллег или других заинтересованных лиц, например, специалистов, использующих полученную информацию" [45, с.458-459]. В этом характерном описании не проработан ряд вопросов. Во-первых, не уточнено само слово "профессионал". По смыслу к числу профессионалов в данном случае отнесены как специалисты-социологи, работающие в исследуемой области, так и работники тех отраслей народного хозяйства, которые являются объектом исследования, однако этот вопрос требует уточнения. Во-вторых, не проработано соотношение профессиональных и обыденных компонент в сознании профессионалов. В-третьих, в профессиональном сознании также следует различать зону компетентности, т.е. узкую предметную область, в которой работает эксперт, и зону некомпетентности, составляющую его более широкий профессиональный кругозор. Последний, как правило, бывает несвободен от искажений подобных тем, которые разбирались выше при описании зоны некомпетентности в составе обыденного сознания. Наконец, в-четвертых, при описании процедуры экспертных опросов не ставится вопрос о возможности привлечения в качестве экспертов непрофессионалов. Это важное упущение, поскольку если эксперта-работого еще можно назвать профессионалом, то вряд ли можно назвать профессионалами домохозяйку или ребенка, которые имеют свои зоны социального наблюдения и соответствующие им зоны компетентности, релевантные исследованиям многих социальных проблем¹².

Далее, как и все социологические опросы, экспертные опросы могут быть ориентированы на получение как количественной, так и

¹²Социологические опросы детей довольно сложны, но это отнюдь не означает, что они невозможны. Польские социологи в 70-х годах продемонстрировали ряд блестящих опросов детей дошкольного возраста, посещавших детские сады.

качественной информации. Этот простой факт является очевидным, однако он очень мало отражен в методической литературе. Точнее сказать, нам не удалось обнаружить ни одного литературного источника, в котором описывалась бы методика проведения экспертных опросов, ориентированная на получение качественной информации. В отечественной литературе, с которой автор знаком достаточно хорошо, таких источников, по-видимому, нет. Что касается зарубежных источников, то мы думаем, что там такая литература имеется, но отыскать ее по предметному каталогу очень непросто, потому что работы по "количественным" методам экспертных опросов численно доминируют, а графа "качественные экспертные методы" в рубрикации библиографов отсутствует.

Так или иначе, в подавляющем большинстве случаев термином "опрос экспертов" обозначается количественная разновидность этого метода, чаще всего ориентированная на установление рангов значимости априорно заданного списка факторов.

Таким образом в методической литературе, хотя явно это не оговаривается, термин "опрос экспертов" фактически сужается до значения "опрос профессионалов количественными методами". Такое сужение влечет за собой ряд следствий, снижающих качество обследований, проводимых с использованием данного метода. Во-первых, отбор экспертов по профессиональному признаку, даже если этот признак трактуется достаточно широко, сужает круг компетентных информаторов. Во-вторых, формальный отбор респондентов по данному признаку без предварительного очерчивания зоны их компетентности приводит к тому, что к опросу часто привлекаются некомпетентные люди. В-третьих, часто задаваемые экспертам вопросы "бьют мимо" зоны их компетентности. Порой, особенно при составлении экспертных прогнозов, респондентам задаются такие вопросы, относительно которых можно сказать, что на Земле вообще не существует людей, способных компетентно на них ответить. В-четвертых, экспертные вопросники, ориентированные на получение количественных результатов, обычно страдают всеми теми недостатками, которые свойственны большинству анкет, составленных исходя из априорных представлений исследователя без проведения предварительного исследования качественными методами.

В качестве примера приведем вопросник для опроса экспертов, составленный Л.Гордоном и Э.Чертихиной¹³.

Ваше представление о вероятном изменении времени просмотра телепередач в ближайшие 10 лет

Предположения об изменении времени просмотра телепередач

С таким утверждением согласен

С таким утверждением не согласен

1. В ближайшие 10 лет улучшится качество телевизи-

¹³Источник: Гордон Л.А., Чертихина Э.С. Экспертная оценка гипотез при изучении перспектив развития образа жизни //Социологические исследования. 1983. N2, с. 71.

онных программ, расширится диапазон телевидения. Это обстоятельство, а также рост культурного уровня населения, да и все изменения в социалистическом образе жизни, будут способствовать дальнейшему увеличению интереса к телевизионным передачам. Поэтому время, которое человек будет уделять телевидению, увеличится	001	002
2. В ближайшие 10 лет наряду с расширением возможностей телевидения будут улучшены качество и доступность также и других форм приобщения к культурным ценностям. Поэтому время, которое человек будет уделять телевидению, уменьшится	003	004
3. В ближайшие 10 лет, как и в настоящее время, примерно в равной степени будут действовать как факторы, способствующие повышению интереса к телепередачам, так и факторы, отвлекающие от них. Действие этих факторов более или менее уравновесит друг друга. Поэтому время, которое индивид будет уделять телевидению, практически не изменится	005	006

Относительно этого вопросника можно сказать, что он содержит неявную логическую презумпцию о том, что время, которое человек уделяет телевидению, зависит исключительно от качества телепрограмм и конкурирующих с телевидением способов проведения досуга. Такая постановка вопроса может противоречить мнению опрашиваемых экспертов. В частности, автор данной книги затруднился бы ответить на эти вопросы, так как, с его точки зрения, основным фактором, определяющим время просмотра телепрограмм, является степень напряженности бюджета времени населения. В условиях перехода к рынку реальная продолжительность рабочей недели у большинства населения, без сомнения, увеличится, что должно привести к сокращению возможностей просмотра телепрограмм. В обратном направлении, т.е. в сторону увеличения количества свободного времени у взрослого населения, должно сработать быстрое сокращение рождаемости и связанное с уменьшением числа детей снижение домашней нагрузки. Увеличение в обществе удельного веса пенсионеров увеличит среднее время просмотра телепрограмм, и т.д.

Таким образом, мы видим, что ход мысли эксперта может в корне отличаться от априорных гипотез исследователя, что приводит к обесмысливанию результатов опроса. Не менее важно и то, что отвечая на приведенные выше вопросы, эксперт может попытаться на качественном уровне назвать факторы, которые могут повлиять на время просмотра телепередач в ту или иную сторону, но реалистично оценить их saldo, думается, не под силу ни одному человеку¹⁴.

Таким образом, уточняя первоначальное значение термина "опрос экспертов" как опрос сведущих людей, можно сказать, что экспертный опрос - это опрос, ведущийся в пределах зоны

¹⁴Уместно вспомнить, что еще А.С.Пушкин писал: "Грядущие годы таятся во мгле". Те, кто с этим не согласен, пусть ответят на вопрос, предвидел ли кто-нибудь наступление перестройки в нашей стране и те последствия, к которым она приведет?

компетентности респондентов. Теоретически правомочными являются как количественные (порой весьма остроумные), так и качественные разновидности такого опроса, но в условиях, когда количественные методы непропорционально доминируют, особое методическое внимание должно быть уделено качественным методам.

Процедура опроса экспертов методом фокусированного интервью должна начинаться с отбора респондентов по ролевым позициям, как это описано в параграфе 3.2.1. Иными словами, для получения полноценной и компетентной информации следует сначала определить ролевые позиции, с которых под разными углами зрения наблюдается изучаемый объект или проблема. Далее, внутри каждой ролевой позиции имеются различные типы личностей, различающихся по интенсивности и характеру мотиваций наблюдения, а также по своим способностям к концептуальному упорядочиванию своих наблюдений. Выявив эти типы, следует методом глубинного интервью очертить зоны их компетентности и выявить содержащиеся в них релевантные исследуемой проблеме представления. Существенные расхождения мнений экспертов, которые наверняка будут выявлены при их сопоставлении, должны получить содержательную трактовку и найти свое место в виде типологических случаев в создаваемой исследователем обобщающей концепции. Хотя данная процедура выглядит сложной и трудоемкой, следует учитывать, что экспертные опросы, проводимые по упрощенным методикам, чаще всего дают лишь иллюзию знания.

4.2.6. Свойства представлений в зоне некомпетентности

Представления, образующие зону некомпетентности, радикально отличаются по своим свойствам от представлений в составе зоны компетентности. Из этого следует, что и методики, ориентированные на изучение этих двух типов представлений должны существенно различаться. К сожалению, автор данной книги не располагает личным опытом эмпирического изучения представлений зоны некомпетентности и поэтому не может предложить адаптированный для этой проблемы вариант методики. Тем не менее, поскольку адекватная методика в определенном смысле есть отражение свойств изучаемого объекта, описание специфики образующих зону некомпетентности представлений следует рассматривать как первый шаг на пути к созданию такой методики.

В обыденном языке слово "некомпетентность" имеет определенный негативный оттенок, но это ни в коем случае не должно служить основанием для оценки представлений зоны некомпетентности как чего-то несущественного, с чем можно не считаться. Напротив, указанные представления играют огромную роль в жизненных ориентациях индивидов и их поведении, не только индивидуальном, но и коллективном.

Относительно представлений, находящихся за пределами зоны компетентности в сознании человека можно сказать, что указанные представления лишь в небольшой части выработаны им

самостоятельно.¹⁵ В основном они являются продуктом заимствования существующих в обществе идеологических и мировоззренческих систем. В пределах зоны некомпетентности индивид не столько создает, сколько выбирает подходящую ему систему представлений под действием своих мотиваций и ценностных ориентаций, причем смена мотивации (например, вследствие перемены ролевой позиции) часто влечет за собой и смену идеологии. Сказанное означает, что за кажущимся разнообразием некомпетентных представлений скрывается ограниченное число типов идеологических систем, детерминирующих ценностную и логическую основу этих представлений. Поскольку человек является частичным носителем указанных идеологических систем, основное направление изучения некомпетентных представлений должно, по-видимому, строиться на выяснении вопроса о том, к какому идеологическому целому относится то или иное суждение респондента¹⁶.

Сознание респондента не обязательно детерминировано какой-то одной идеологией. При проведении свободного интервью в пределах зоны некомпетентности часто бывает, что респондент "перескакивает" из одной идеологической системы в другую, не замечая при этом логической несовместимости своих высказываний. В связи с этим при проведении обследований следует ожидать выявления двух типов респондентов, которых условно можно назвать "идеологами" и "эклектиками". Идеологи - это сравнительно редкий тип респондента, последовательно придерживающийся в своих взглядах какой-то одной идеологии. Эклектики - прямо противоположный тип с "кусочным" мировоззрением, перескакивающим из одной идеологической системы в другую в зависимости от того, на какую ценность "нажимает" интервьюер. Крайние эклектики, как и идеологи, по-видимому встречаются редко, но основной массе населения присуща определенная эклектичность их мировоззрения, связанная с неустойчивостью мотивации и наличием конкурирующих мотивов выбора идеологии.

В качестве примера попытки построения типологии идеологических систем можно привести интересную схему (рис.2), предложенную А.Амальриком [8]. Схема изображает набор политических идеологий, сформировавшихся в советском обществе к концу 70-х годов. Идеологии в схеме расположены по кругу, так как, по мнению Амальрика, "правые" идеологии могут переходить в "левые" и наоборот. В полном согласии с нашим положением о наличии в идеологиях когнитивных (концептуальных) и мотивационных компонент Амальрик помещает названные им типы идеологий в промежутке между политическими доктринами

¹⁵Речь идет о концептуализированных представлениях. Логически возможный тип недостоверного и неконцептуализированного знания, по-видимому, реально не существует либо не является социально значимым.

¹⁶Применительно к индивидуальной психологии сходную мысль высказывал Курт Левин, который писал, что любое психическое явление нужно рассматривать в соотношении с тем психологическим (когнитивным и мотивационным) целым, частью которого оно является.

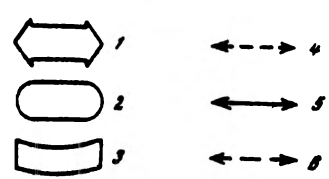
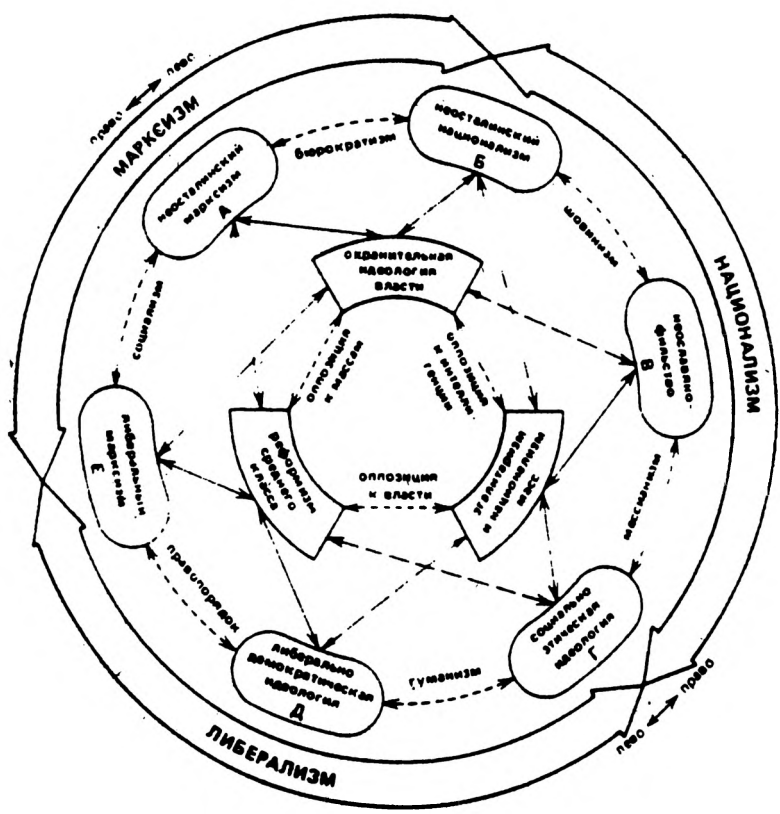


Рис. 2. Схема идеологий в советском обществе 70-х годов (по А.Амальрику)

1 – суперидеологии; 2 – идеологии; 3 – субидеологии; 4 – связующие идеи; 5 – прямое взаимовлияние; 6 – косвенное взаимовлияние

(марксизм, национализм, либерализм - других доктрин, по Амальрику, человечество не придумало) и "социальными чувствами", названными им "субидеологиями".

Схема Амальрика и описанный им динамический процесс "перетекания" сторонников от одной идеологии к другой хорошо иллюстрируют тот факт, что знание идеологий в значительной мере автономно от мотиваций выбора. В определенном смысле можно сказать, что любой живущий в обществе индивид "знает" (хотя и с разной степенью детализации) практически весь существующий в обществе спектр идеологий, но придерживается (выбирает) либо одну из них, либо, чаще, две или три смежные идеологии одновременно, "качаясь" при этом в определенном идеологическом диапазоне.

Предложенную Амальриком схему не следует считать априорной, поскольку она основана на его социальных наблюдениях, причем следует отметить, что Амальрик очень вдумчивым социальным наблюдателем. Вместе с тем ее нельзя назвать и эмпирической, поскольку ее автор не сделал попытки ни операционализировать предложенную им систему понятий, ни создать эмпирическую методику изучения репрезентации идеологий в сознании населения. Следует также отметить, что сформулированное нами понятие "зона некомпетентности" включает в себя не только политические идеологии, но также и большое число "житейских" или "бытовых" мировоззрений, которые, впрочем, могут как-то корреспондировать с политическими пристрастиями индивида.

Идеологии представляют собой концептуальные структуры, существенно отличающиеся по своим свойствам от научных концепций и наработок обыденного сознания в пределах зоны компетентности. Основное отличие идеологий заключается в том, что их принятие и отбор обосновывающих аргументов осуществляется в мощном "мотивационном поле" тех или иных пристрастных мотиваций. Указанные мотивации могут иметь самую разнообразную природу, включая весь возможный набор субъективных мотивов (психологическая защита и т.п.), ролевых и "классовых" интересов, психологических установок, ценностных ориентаций и др. Наличие искажающих мотиваций является частой (но не обязательной) причиной внутренних концептуальных пороков идеологических представлений, сводящихся к следующим двум типам:

1. Отрыв концептуальных представлений от эмпирической основы и наличие в них логических пороков, т.е. формирование концепций на основе различных маловероятных предположений, логических спекуляций, фантазий, непроверенных сведений, неправомочных аналогий и т.п.

2. Несоблюдение принципов "рациональной дискуссии" при защите концепции от опровергающих ее логических или эмпирических аргументов. Принцип рациональной дискуссии заключается в ясной формулировке обсуждаемой проблемы и систематической критике различных ее решений [82, с.36], уважении к нелицеприятной дискуссии и внутреннему авторитету хорошо обоснованных аргументов [112, с.66]. Отказ от корректной дискуссии

может выражаться в бессвязности аргументов либо их логических пороках. Применительно к идеологиям одним из наиболее распространенных пороков аргументации является отсутствие единой логики в выдвигаемых аргументах. Каждый аргумент выдвигается в этом случае вне связи с другими аргументами и не проводится работа по дедуктивному их развертыванию для проверки их логической совместимости. В логике данный вид некорректной аргументации носит название "выдвижение аргументов к данному случаю". В числе других распространенных пороков аргументации следует указать на систематический отбор подтверждающих свидетельств при игнорировании опровергающих, использование для объяснения непроверяемых, неточных, неопределенных, неоперациональных выражений и т.п.

Таким образом, можно назвать три главных различия представлений в зоне компетентности и зоне некомпетентности:

а) по своему происхождению первые являются в основном индивидуальными, а вторые в основном коллективными (общественными)¹⁷;

б) первые в основном являются оценочно-нейтральными, а вторые в основном оценочными, что выдвигает проблему разграничения в них ценностных и когнитивных компонент;

в) представления в зоне компетентности имеют в своей основе четкую логическую структуру, хотя ее существование может затушевываться неумением респондента компактно и логично формулировать свои мысли. В противоположность этому представления в зоне некомпетентности могут иметь очень серьезные логические пороки, которых индивид под действием своих мотиваций стремится не замечать.

Перечисленные выше особенности делают представления в составе зоны некомпетентности интересными и крайне сложными для изучения объектом. Первым шагом к их изучению должна стать логическая реконструкция входящих в них когнитивных структур. Данный этап работы может быть выполнен только методом нестандартизованного интервью, фокусирующемся, по-видимому, сначала на поиске мотиваций выбора идеологии, а затем на ее концептуальном развертывании. Ситуация здесь осложняется несколькими факторами:

а) человек, как уже было сказано, является частичным носителем идеологии. Следовательно, концептуальная структура идеологий должна реконструироваться исследователем из "кусочков", выявленных в сознании разных респондентов;

б) глубинные мотивации выбора одной и той же идеологии у разных людей могут быть различными, что должно повлечь за собой

¹⁷ Речь идет о представлениях в составе обыденного знания. Компетентное профессиональное знание благодаря институционализации является коллективным. Некомпетентного профессионального знания по определению быть не может, но, как уже говорилось, в некоторых чертах широкий профессиональный кругозор, выходящий за рамки узкой специализации профессионала, напоминает зону некомпетентности в обыденном сознании.

возникновение различных модификаций одной и той же идеологии, детерминированных разными мотивациями;

в) под действием конкурирующих мотиваций человек может придерживаться сразу нескольких идеологий, актуализация которых в ходе интервью будет определяться различными ситуационными причинами.

Для изучения объекта, обладающего столь специфичными свойствами, требуется, как уже было сказано, создание специфичного методического аппарата. На первом этапе не количественными методами необходимо логически реконструировать идеологические системы как концептуальные образования. На базе этих реконструкций могут быть созданы диагностирующие тест-вопросы, которые позволят количественно определить распределение влияния идеологических систем или их осколков в сознании населения.

Глава пятая

СПЕЦИАЛЬНЫЕ СЛУЧАИ ПРИМЕНЕНИЯ ИНТЕРВЬЮ

5.1. Интервью с заказчиком в прикладных исследованиях

В период застоя прикладные социологические исследования в нашей стране практически не проводились, а те, что проводились, скорее только именовались прикладными, на деле не имея прикладного значения и не принося никакой практической пользы. Анализ причин такого положения выходит за рамки нашей работы. Для нас важно лишь констатировать, что до конца 80-х годов почти все проводившиеся в СССР социологические исследования были, так сказать, "фундаментальными" или "теоретическими", но не в смысле развития теории, а в смысле полной безответственности финансировавшихся из госбюджета исследований.

Ныне на этапе перехода к рынку ситуация, хотя и медленно, начинает меняться. Появляются реальные рыночные заказчики, требующие от исследователей четкого выполнения своих заказов. Ориентируясь на ситуацию в западных странах, можно прогнозировать, что в России с течением времени удельный вес финансируемых государством фундаментальных исследований в области социологии резко сократится, а удельный вес прикладных соответственно возрастет. При этом выяснится, что существующее в стране социологическое сообщество плохо подготовлено к такому переходу. Эта низкая подготовленность имеет ряд аспектов, включая моральный, психологический, деловой и методический. Первые три не являются предметом нашего рассмотрения. Что же касается методического аспекта, то он представляется нам важным и вполне самостоятельным фактором неготовности российских социологов к выполнению прикладных задач.

Универсальную методику прикладного исследования создать, по-видимому, невозможно. Во всяком случае данная книга на это не претендует. Однако представляется, что все прикладные исследования должны иметь один обязательный этап, называемый беседой с заказчиком или уточнением заказа. Рассмотрению данного методического этапа и посвящаем настоящий параграф.

Проблема построения отношений с заказчиком имеет два аспекта: собственно научный (научно-прикладной) и юридический. Рассмотрим сначала первый, затем кратко коснемся второго, после чего разберем конкретный пример.

Получая заказ на проведение прикладного социологического исследования, исследователь должен иметь в виду, что на момент заключения договора заказчик располагает большей информацией по предмету исследования, чем он сам. Это верно даже в тех типичных на Западе, но редких в нашей стране случаях, когда исследователь на протяжении ряда лет специализировался на выполнении однотипных узкопрофильных заказов. Это тем более верно для отечественной ситуации, в которой рынок социологических заказов еще не сформировался, и хозрасчетные социологические организации получают заказы самого разного типа от самых различных заказчиков.

Наряду с отмеченными выше социально-психологическими и квалификационными качествами отечественных социологов следует охарактеризовать также и специфику отечественных заказчиков. Создается впечатление, что на Западе существует особая (сформированная рынком) культура четкой постановки заказов, которой отечественные административные лица еще не обучились. Программный вопрос, приведенный в качестве примера в книге Э.Ноэль "Почему на севере Германии холодильники покупают хуже, чем на юге?" следует рассматривать как блестящий пример лаконичного и строго операционального заказа. Как показывает практика, отечественный заказчик далеко не всегда способен выразиться столь ясно и лаконично. Это не означает, что отечественный заказчик не имеет проблем. Напротив, он имеет их более, чем достаточно, и обычно никак не может решить, какую же из проблем он хочет сформулировать в виде заказа, постоянно пытаясь втиснуть в один заказ все свои проблемы.

В этих условиях перед социологом-исполнителем возникает довольно трудная задача. Он должен (и это нельзя сделать иначе, как методом интервью) понять совокупность проблем заказчика, отделить их друг от друга, затем определить, какие проблемы из всего (порой длинного) набора он в состоянии изучить, опираясь на имеющийся в его распоряжении комплекс методик и в рамках установленного заказчиком объема финансирования.

Как уже было сказано, заказчик на момент формулирования заказа располагает гораздо большей информацией по предмету исследования, чем исследователь. К сожалению, в отечественной социологии такое соотношение в знаниях очень часто сохраняется и в момент завершения исследования, порождая у заказчика чувство разочарования и озлобления против "бездельников-социологов". Чтобы этого не произошло, социолог должен в отчете дать заказчику

не просто какую-то информацию, а такие сведения, которые он (заказчик) хотел получить и которые обеспечивают определенные приложения к тем знаниям, которыми он располагал до исследования.

Учитывая, что заказчик - это, как правило, опытный и далеко не глупый администратор, социологу следует постараться первым делом понять суть его проблем. Достижение этой цели может потребовать определенного расхода времени, усилий и финансовых средств. Это не должно пугать социолога. Наш опыт однозначно свидетельствует о том, что при проведении прикладных исследований необходимо следовать принципу: в ходе исследования можно сэкономить на чем угодно, но только не на этапе уточнения заказа. По нашему мнению, даже если расход времени и средств на этапе уточнения заказа достигнет 20% производительности и стоимости договора, это не следует считать чрезмерными затратами. Кроме того, нельзя экономить на квалификации. Для работы с заказчиком необходимо направлять самые квалифицированные кадры.

Беседа с заказчиком является, по существу, одной из разновидностей экспертного опроса (опроса в пределах зоны компетентности) и в связи с этим должна проводиться по правилам, изложенным выше применительно к данному типу опроса. Одной встречи для уточнения всех вопросов часто бывает мало. Далее, представителем заказчика, как правило, выступает какое-то одно административное лицо. Беседы с ним могут многое прояснить для берущего подряд социолога, но мы бы не рекомендовали ограничиваться встречами только с ним. В соответствии с классическим принципом проведения экспертных опросов этому лицу следует задать вопрос: "С кем еще Вы посоветуете побеседовать?". Таким образом, уточнение заказа может превратиться в самостоятельное исследование, или, точнее его этап. "Дивиденды" для социолога от проведения этого этапа будут двоякого рода. Во-первых, после ряда бесед социолог ясно поймет суть заказа и сформулирует его в операциональной форме (к обоюдному удовольствию себя и заказчика). Во-вторых, проведя такую работу, социолог, скорее всего, сможет составить список проблем, поддающихся решению социологическими методами, расширив тем самым список потенциальных заказов и потенциальную сумму договора. Дополнительные затраты на проведение экспертного опроса с представителями заказчиков обернутся экономией, поскольку при выполнении последующих заказов для данного заказчика этот этап либо вообще не потребуются, либо потребуются в сильно сокращенном и более дешевом варианте.

Теперь о юридической стороне вопроса. В "Рабочей книге социолога" есть одно интересное место, которое заслуживает того, чтобы его процитировать: "Если цели социологического исследования не вполне ясны ученым и *представителям тех организаций, которые обратились к нам с социальным заказом* (курсив наш - С.Б.), могут возникнуть разногласия по итогам исследования. Чтобы избежать конфликта, в программе должна быть разработана четкая система основных и неосновных задач" [86, с.129]. Для правильного понимания приведенного отрывка следует иметь в виду, что

программа - это документ, подписываемый исполнителем и заказчиком, и рекомендация четко фиксировать задачи - это, по сути, совет социологу составлять программу так, чтобы заказчик ее подписал и потом уже не мог "отвертеться", то есть вынужден был бы принять и оплатить тот отчет, которые представит ему социолог.

В контексте цитируемой "Рабочей книги", несущей в себе элементы откровенной халтуры и низкой квалификации, и во всем социальном контексте процесса ее написания, цитированная рекомендация звучит двусмысленно. Ею с успехом могут пользоваться социологи-халтурщики, которых немало расплодилось на ниве отечественной социологии. Последние тоже проводят с заказчиками своего рода интервью, которые, однако, являются не столько информационными, сколько "убеждающими"¹. Цель такого интервью - убедить заказчика, что неоперациональные, не соответствующие сути заказа, а порой и просто нелепые формулировки, записанные в программе, - это и есть то, что хотел получить заказчик. С сожалением нужно констатировать, что изложенная тактика часто оказывается эффективной. Заказчик может быть очень неглупым человеком, но не будучи специалистом-социологом, он не улавливает разницы между высказанными им пожеланиями и теми малопонятными ему формулировками, которые халтурщик записывает в программу. Используя актерские приемы, такой "социолог" убеждает заказчика, что он просто перевел заказ на непонятный для него "научный" язык, и тем самым добивается того, что инициатор заказа подписывает программу. Если заказчик честен и действительно хотел получить в результате исследования что-то полезное для себя, он при получении отчета, конечно, бывает сильно разочарован, но сделать уже ничего не может. Часто, однако, заказчик брежневских времен довольно безразлично относился к отчету, что и плодило в те годы халтурщиков, подавлявших деятельность честных и квалифицированных социологов².

Разделив методы работы социолога-халтурщика и квалифицированного социолога, мы возвращаемся к последнему. Если такой социолог сотрудничает с серьезным и добросовестным заказчиком, то в этом случае проблема четкой юридической

¹"Убеждающее" интервью не является предметом рассмотрения в данной книге, но такой его тип реально существует в арсенале социально-психологических методик [см., например: 145]. Конечно, социологи-халтурщики, как правило, не изучают этой методики, но свою низкую квалификацию они компенсируют настырностью, хорошими актерскими данными, а также взятками, начиная от мелких (типа совместной выпивки) и кончая крупными, когда часть суммы договора передается заказчику за якобы проявленное им "участие" в работе.

²Психология советского заказчика - это вообще тема для самостоятельного исследования. Вот выдержка из интервью 1990 года с председателем кооператива: "Парадокс, но самым лучшим средством в отношениях с чиновниками является блеф! Почему-то чиновникам очень нравится, когда человек блефует. Возможно, что это признак их собственной системы существования."

Вопрос: В чем проявляется блеф?

Ответ: Можно обещать "золотые горы" и ничего не делать. Они, видимо, к этому привыкли, потому что сами везде все обещают и ничего не делают. Возможно, что в блефующем человеке они видят что-то свое, во всяком случае к блефу относятся уважительно." [17, с.115].

фиксации содержания заказа сохраняет свою актуальность. Заказчик, как уже было сказано, обладает своей зоной компетентности, и опираясь на имеющиеся в этой зоне знания, формирует задачи исследования. К сожалению, формулировки заказчика часто обладают несколькими основными недостатками:

а) не будучи обучен логике и риторике, заказчик излагает свои мысли бессистемно, т.е. формулируемые им пожелания обычно нуждаются в логическом оформлении, что может сделать за заказчика только социолог-исполнитель;

б) заказчик не располагает знаниями о возможностях социологических методик, границах их применимости и т.д. В результате он часто формулирует в одном заказе несколько совершенно различных проблем, различных в том смысле, что они требуют применения разных методик, построения разных выборок, т.е. по сути проведения нескольких самостоятельных исследований. Расчленение заказа на операциональные блоки также является делом социолога;

в) наконец, заказчик не в состоянии правильно оценить затраты, связанные с реализацией того комплекса конкретных исследований, которые вытекают из его заказа. Следовательно, по каждой операциональной части заказа социолог должен составить смету. Если суммарная стоимость всех входящих в заказ обследований превышает выделенный заказчиком лимит финансирования, социолог должен четко разъяснить заказчику проведение какого набора конкретных исследований предполагает его "обобщенный" заказ, какова стоимость каждого исследования и от каких исследований заказчик может отказаться, чтобы привести в соответствие сметную стоимость обследований с выделенным объемом финансирования.

Лишь после того, как вся эта работа проведена и изложена на бумаге в виде программы, можно в соответствии с рекомендациями "Рабочей книги социолога" представить документ на подпись заказчику. Эта процедура в самом деле необходима, так как заказчик, по изложенным выше причинам, может в процессе приемки работы выдвинуть дополнительные требования, которые он "имел в виду" при заключении договора, но которые не были выполнены социологами. Существует еще один практический аспект, который следует иметь в виду. Как видно из вышеизложенного, прием заказа и составление программы представляет собой самостоятельный этап работы, требующий определенных трудовых затрат и финансирования. Специфика этого этапа заключается в том, что программный документ, фиксирующий задачи исследования, перечень работ и смету расходов, может быть составлен лишь после выполнения этапа уточнения заказа. Следовательно, в идеальном случае, хозрасчетная социологическая организация вправе ставить вопрос о предварительном финансировании этого этапа, независимо от того, будет ли впоследствии заключен договор на выполнение самого заказа. К примеру, в ходе этапа уточнения заказа может выясниться, что заказ неоперационален, т.е. в принципе не может быть выполнен, либо он не соответствует профилю (специализации) исполнителя, либо объем требуемых затрат превышает возможности заказчика. Во всех этих случаях договор вообще не будет

заклучен, однако четкое выяснение этих вопросов требует от исполнителя определенных затрат, которые, в принципе, должны быть оплачены. К сожалению, отечественные заказчики не привыкли к такой постановке вопроса, хотя именно она могла бы послужить для них признаком квалифицированного и серьезного подхода к работе со стороны социологического подрядчика.

Затраты, связанные с приемом заказа, его уточнением и разработкой проекта договора в общем невелики. В ценах на начало 1992 года они составляли от 5 до 10 тысяч рублей. Это не противоречит высказанному нами выше суждению о том, что на этапе работы с заказчиком и уточнения заказа не следует экономить, потому что этап приема и проработки заказа и этап экспертной работы с заказчиком не тождественны друг другу. Последний может (и часто должен быть) продолжен и после заключения договора. Иногда в процессе экспертной работы с заказчиком возникают определенные дополнительные уточнения задач исследования. Их целесообразно юридически оформить специальным протоколом, подписываемым заказчиком.

После изложенного выше общего описания приведем конкретный пример. Одна московская хозрасчетная социологическая организация в 1993 году получила от Моссовета заказ на изучение "предпринимательского сознания" в Москве. В результате переговоров заказ был сформулирован в следующем техническом задании (неоперационные формулировки помечены знаком вопроса).

Техническое задание на проведение социологического обследования

Исполнитель обязуется изучить следующие вопросы:

1. Понимание взрослым населением Москвы категории "предпринимательство" (?).
2. Отношение взрослого населения Москвы к риску, связанному с предпринимательской деятельностью. Степень готовности жителей Москвы расстаться с гарантированным доходом в государственных учреждениях.
3. Намерение и возможности жителей Москвы открыть собственное дело или участвовать в коллективных формах предпринимательской деятельности.
4. Основные трудности, стоящие на пути реализации москвичами своего "предпринимательского потенциала" (?).
5. Понимание жителями Москвы назначения и смысла именных приватизационных счетов.
6. Отношение взрослого населения Москвы к возможности привлечения инвестиций из других регионов, участия иностранного капитала в экономике города.
7. Оценка жителями Москвы, как членами трудовых коллективов предприятий, подлежащих приватизации, возможной кризисной ситуации в связи с обретением данным трудовым коллективом статуса юридического лица (проблема разделения на собственников и наемных рабочих).
8. Отношение жителей Москвы, как членов трудовых коллективов предприятия, подлежащих приватизации, к участию иных юридических и физических лиц в приобретении акций данного предприятия и управлению им.

В результате исследования должны быть предложены рекомендации по проведению политики стимулирования развития предпринимательства среди москвичей.

Текст этого технического задания может служить хорошим методическим примером, поскольку социолог (представитель фирмы-подрядчика), по нашему мнению, не вполне квалифицированно провел этап уточнения заказа. В случае, если бы заказчик занял жесткую позицию по отношению к выполнению всех пунктов этого технического задания, фирму подрядчика постигло бы банкротство, поскольку, во-первых, часть требований невыполнима вообще, но при этом подписана подрядчиком, а во-вторых, выделенного объема финансирования (40 тыс. руб. безналичных денег) явно недостаточно для честного и квалифицированного выполнения заказа в полном объеме.

Каковы же недостатки приведенного выше технического задания? Их много. Рассмотрим основные из них. Главный недостаток заключается в том, что в указанном техзадании в одном заказе объединены три независимых друг от друга исследования. Первое исследование - это пункты с 1 по 6 технического задания. По ним требуется проведение репрезентативного опроса взрослого населения Москвы, причем для такого опроса требуется разработка сложной по своей структуре анкеты, а часть вопросов не поддается операционализации. Разработка анкеты потребует нескольких циклов пилотажа, начиная от свободного интервью и кончая отработкой анкетных вопросов и вариантов подсказок-закрываний.

Второе исследование - это пункты 7 и 8 технического задания. Здесь требуется уже не опрос жителей Москвы по случайной выборке, а опрос членов трудовых коллективов приватизируемых предприятий. Здесь также потребуются очень сложная по структуре анкета, а возможно и несколько анкет, поскольку существует большое число типов предприятий, способов приватизации и различий в степени завершенности процесса приватизации. Все эти типы должны быть выявлены на доанкетном этапе исследования методом свободного интервью, заложены в обследование, и результаты должны быть даны дифференцированно по этим типам или их группировкам.

Третье обследование - это резольютивная часть технического задания, странным образом не совпадающая по своему логическому объему и содержанию с основными пунктами этого же самого документа. Вопрос о применимости метода анкетного опроса по отношению к неясно сформулированному в этой части документа вопросу проблематичен. Личное мнение автора данной книги заключается в том, что основным методом здесь должно стать неструктурированное интервью с московскими предпринимателями, а также с лицами, пытавшимися стать таковыми, но отказавшимися от этого намерения в связи со стоявшими перед ними трудностями.

Интересно, что после повторной беседы с заказчиком, в которой исполнитель известил его о своем намерении провести интервью предпринимателями, заказчик отреагировал на это дополнительным перечнем вопросов, которые он хотел бы выяснить в ходе этих интервью. В частности, были названы следующие вопросы: отношение предпринимателей к местным налогам, земельной ренте, лицензированию деятельности предприятий, положению о

приватизации, исключаящем передачу в частную собственность (разрешающем только аренду на 25 лет) нежилых зданий и помещений, и многие другие. Понятно, что выяснение этих вопросов требует иной фокусировки интервью, чем вопрос о трудностях создания предприятий; возможность объединения обоих групп вопросов в одном интервью является проблематичной из-за слишком большого объема рассматриваемых тем.

Недостатки анализируемого технического задания далеко не исчерпываются высказанными выше замечаниями. Большое число возражений вызывают сами вопросы и их формулировки. Авторами технического задания была явно не продумана, а социологами не уточнена проблема разграничения понятий работы самого предпринимателя и работы по найму в "предпринимательском" секторе экономики. Если имелось в виду и то, и другое, то это сразу удвоило бы объем исследования. Далее, под словом "предпринимательство" явно смешивались столь разнородные структуры, как индивидуальная предпринимательская деятельность, кооперативы и малые предприятия и арендные и прочие приватизированные формы госпредприятий, хотя институциональные свойства и поведение на рынке этих трех типов предпринимателей было в 1991 году принципиально различно, причем для приватизировавшихся госпредприятий оно еще различалось и в зависимости от отраслевой принадлежности, что также требовало разработки особой типологии. Ведение анализа отдельно по выделенным типам также по меньшей мере удваивало бы (а то и удесят�еряло) объем исследования.

Наконец, вызывают возражения сами формулировки вопросов. По меньшей мере дважды в них встречаются неоперациональные выражения, требующие разъяснений со стороны заказчика. Вопрос N 4, содержащий такую формулировку, представляется неизучаемым и должен быть либо снят, либо переформулирован. Явно безграмотно сформулирован вопрос N 6. Он отражает реальную проблему, но население будет не в состоянии не только грамотно ответить на него, но и даже понять. Могут, правда, возразить, что это программный вопрос, который при разработке анкеты должен быть расчленен на более частные и понятные респондентам вопросы. На это следует ответить, что, по нашему мнению, данный вопрос поддается членению на более частные, но эти составляющие все равно будут для большинства населения либо непонятны, либо до такой степени прожективны, что потребуют от респондентов своего рода импровизирующего фантазерства. Если автор данной книги, кандидат экономических наук, работающий в академическом институте экономического профиля, затрудняется представить себе сценарий указанных в вопросе процессов и их последствий, то что сможет сказать по этому поводу средний респондент? В лучшем случае - прожективные установки, сформированные под действием средств массовой информации, не отражающие его реального будущего поведения и будущей динамики его мнений.

Перечисленные выше недостатки технического задания могут создать впечатление, что претензии здесь адресуются заказчику. Это

впечатление будет абсолютно неверным, поскольку для сознания заказчика (как и для обыденного сознания вообще) такой стиль мышления является естественным. Элементы знания в нем сочетаются с элементами неосознаваемого незнания. Социолог, желающий честно выполнить свою работу, должен отделить первое от второго и осуществить логическую проработку заказа, подобную той, которую мы провели выше. После этого следует разъяснить заказчику неоперациональность, т.е. нереализуемость, некоторых из его постановок, а относительно операциональных указать на несоответствие между необходимым объемом затрат и выделенным объемом финансирования. Если заказчик не в состоянии увеличить объем финансирования, ему следует назвать наиболее приоритетные темы, затраты на реализацию которых соответствуют его финансовым возможностям.

В заключение следует отметить, что культура работы с заказчиком и культура выполнения прикладных исследований - это необходимая часть квалификации каждого социолога. Думается, что лишь тот социолог имеет право претендовать на выполнение фундаментальных (неприкладных) социологических исследований, кто прошел хорошую школу прикладной работы и обучился в ней ответственно подходить к разработке методик и к выдаче результатов.

5.2. Фокусированное интервью при отработке социологических анкет

Социологам, привыкшим работать с формализованными анкетами, фокусированное интервью может помочь в двух отношениях. Во-первых, его применение поможет осознать социологу границы применимости и ограниченность возможностей анкетного метода. Во-вторых, фокусированное интервью является эффективным средством проверки качества анкет и одновременно средством их доработки. Часто после проведения первых же интервью исследователю становится ясна необходимость радикальной переработки разработанной им анкеты.

Применение фокусированного интервью при отработке социологических анкет является одной из форм пилотажного опроса. В связи с этим целесообразно сделать ряд замечаний относительно пилотажных опросов вообще. В отечественных методических источниках, как правило, указывается на необходимость проведения пилотажных исследований при отработке социологического инструментария, однако, данному вопросу обычно уделяется очень мало места и методические особенности проведения этого важного этапа, как правило, раскрываются недостаточно.

Типичное описание пилотажного исследования в отечественной литературе выглядит так: "Пилотажное исследование в социологии - это пробное исследование преимущественно методической направленности, цель которого - проверка качества инструмента для сбора социологической информации. В процессе пилотажа вырабатывается проект (макет) методики, который затем опробуется в условиях, близких к условиям массового полевого исследования. При этом выясняется мера потерь и искажений информации из-за

различий языкового, психологического и других барьеров и тех обстоятельств в ситуации опроса, которые не были учтены при разработке программы и методик исследования. Обычно при пилотаже считается достаточным опрос 50-100 человек, подобранных так, чтобы в выборку были включены все значимые для целей исследования группы респондентов” [45, с.228; см. также 35, с.89 и 66, с.151].

Приведенное выше описание процитировано не только потому, что оно типично, но и потому, что оно соответствует реально сложившейся в отечественной социологии практике. Эта реальная практика такова³. В зале собирают указанные выше 50-100 человек, раздадут им проект анкеты и предлагают заполнить. Собранные анкеты просматривают и анализируют. При этом, действительно, возникают определенные сигналы о том, что те или иные вопросы плохо срабатывают. К числу таких сигналов относятся:

а) низкая заполняемость некоторых вопросов либо высокий процент ответов типа “не знаю”, “затрудняюсь ответить”. Это, пожалуй, один из основных сигналов о том, что вопрос либо непонятен, либо затрагивает “закрытые зоны” в сознании респондента, либо предъявляет слишком высокие требования к памяти респондента, либо страдает иными аналогичными пороками;

б) в полузакрытых, а порой и закрытых вопросах респонденты вписывают свои варианты ответов, не совпадающие ни с одним из закрытый. Если число таких ответов превышает 5-7%, то это безусловный сигнал к тому, чтобы доработать список закрытый;

в) некоторые респонденты пишут свои пояснения на полях анкеты, порой весьма пространные. Такие записи могут служить источником включения в анкету дополнительных вопросов, изменения ее структуры;

г) некоторые респонденты подходят к проводящим опрос социологам и беседуют с ними. Иногда эти беседы относятся к отдельным вызвавшим затруднения вопросам анкеты, иногда превращаются в обсуждение всей затронутой в анкете проблематики. Беседы такого рода часто оказываются полезными для социологов и влияют на окончательную отработку инструментария, однако сложившаяся практика такова, что эти беседы не являются специально запланированным методическим этапом, проходят без разработанного заранее методического плана и строго не протоколируются (социологи делают лишь пометки “для себя”).

Таким образом можно отметить, что сложившаяся практика проведения пилотажных опросов в принципе дает социологам определенные сигналы о том, как следует доработать анкету. Вместе с тем реальная ценность этих сигналов в общем невелика. Дело в том, что практически работающий социолог, знакомый с имеющейся

³За годы работы в социологии автор был свидетелем и участником многих пилотажных исследований. Все они с незначительными вариациями проходили по описываемой схеме. Исключения если и были, то редко. Часто анкеты запускались в исследование вообще без пилотажа. Это можно понять, поскольку сложившаяся практика пилотажных исследований настолько малорезультативна, что ею можно пренебречь без особого ущерба для качества исследования.

методической литературой и лично принимавший участие в проведении нескольких опросов, приобретает навык не делать грубых ошибок при составлении анкет. Заполнение анкет респондентами при пилотажных обследованиях часто проходит "гладко" в том смысле, что особых затруднений респонденты не испытывают и анкета в результате такого пилотажа претерпевает лишь незначительные изменения. Вместе с тем, как будет показано ниже, "гладкость" заполнения отнюдь не означает высокого качества анкеты.

Прежде чем приступить к описанию наших рекомендаций по проведению пилотажных исследований, следует отметить два аспекта, касающихся их проведения.

1. Существует или, по крайней мере, должно существовать много типов пилотажных исследований. Для отечественных социологов должно стать привычным, что отработка или "доводка" анкет - сложный и многоступенчатый процесс, состоящий, как правило, из 3-5, а то и больше разных "пилотажей"⁴. В частности, пилотироваться может не только вопросник, но и, например, выборка (т.е. проверяться доступность респондентов, реалистичность избранной процедуры их поиска и т.п.), процедура опроса (время, место и способ организации опроса, продолжительность заполнения анкеты) и ряд других параметров обследования. При пилотировании самого вопросника предметом пилотажа могут быть сами вопросы, структура и композиция анкеты, а также, как будет показано ниже, сама проблематика исследования. Рассмотрение всего комплекса этих проблем, т.е. описание различных видов пилотажных исследований, представляется важным, но не это входит в задачу данного параграфа. Его задачей является описание лишь некоторых видов пилотажа, связанных с применением фокусированного интервью.

2. Следует отметить, что тезис о необходимости интенсивного использования "качественных" методов для отработки "количественного" инструментария не является совершенно новым для отечественной литературы. О необходимости проведения специфических пробных интервью с новыми анкетами говорится, в частности, в книге Э.Ноэль [74, с.232]. К сожалению, никаких подробностей об этом важном этапе Ноэль не сообщает.

В первом (1977 г.) издании "Рабочей книги социолога" имеется подраздел, озаглавленный "Пилотажное исследование". В нем говорится: "Для пилотажного исследования составляется подвыборка объемом около 50 человек, в которую должны войти представители всех выделенных групп. С выбранными таким образом людьми *проводится интервью* (курсив наш - С.Б.) по разработанному инструменту. Для проведения этого исследования отбираются наиболее опытные интервьюеры, причём каждую группу опрашивает не один, а несколько интервьюеров"⁵. Далее по тексту содержатся

⁴Следует оговорить, что иногда анкеты могут не требовать пилотажа. Это относится к тем случаям, когда вопросы анкеты либо очень просты, либо методика хорошо отработана. См. об этом в следующем параграфе.

⁵С последним замечанием мы согласны, поскольку наибольшая полнота выявления методических недостатков анкеты обеспечивается за счет наложения друг на друга двух

косвенные свидетельства того, что авторы скорее всего имеют в виду интервью неструктурированного или полуструктурированного типа, хотя точно это не оговаривается. Это видно, например, из следующего отрывка: "Если респондент отвечает "не знаю", "не помню", "не могу сказать точно", интервьюеру необходимо выяснить с помощью дополнительных вопросов причины таких ответов" [86, с.406].

Во втором (1983 г.) издании "Рабочей книги социолога" раздел "Пилотажное исследование" был исключен, а вместо него включен написанный О.М.Масловой раздел "Эмпирическое обоснование методики опроса". В этом разделе вводится интересный термин "интервью об интервью". Маслова так поясняет значение этого термина: "Методические вопросы, выясняющие систему соотнесения опрашиваемых, продумываются заранее при составлении программы пробного исследования и включаются в текст пилотажной анкеты вслед за вопросами, понимание которых они должны уточнить. Таким образом, структура пилотажного варианта вопросника как бы удваивается: кроме содержательных вопросов, она включает своеобразное "интервью об интервью", цель которого - сбор методической информации" [87, с.387].

Ценность и новизна методических рекомендаций О.М.Масловой заключается в том, что она первая из всех российских социологов предложила проводить пилотаж вопросника на некоторой систематической основе. Вместе с тем степень конкретности ее рекомендаций оставляет желать лучшего, поскольку более развернутых соображений о составлении пилотажного вопросника в цитируемом разделе не приводится. В частности остается неясным степень структуризации "интервью об интервью". Судя по контексту, пилотируемый вопросник явно является формализованным, но степень формализации добавленных в него методических вопросов может быть различной. Думается, что по этому поводу могут быть разные мнения; отсутствие ясной позиции самого автора является, с нашей точки зрения, существенным недостатком.

Как уже было отмечено выше, методические вопросы проведения пилотажных исследований недопустимо слабо освещены в отечественной социологической литературе. Цитированные выше отрывки - это почти все, что можно прочесть по данному вопросу в российских источниках. Между тем, как показывает практика, методическая отработка анкет на достаточном этапе исследования, умение создавать инструментарий высокого качества - одна из ключевых проблем эмпирической социологии.

После изложенных выше предварительных замечаний переходим к основной теме данного параграфа - применению фокусированного интервью при обработке анкет. Как уже говорилось в главе первой, при правильной постановке дела качественное исследование всегда должно предшествовать количественному; качественные методы являются автономными от количественных, но количественные в

Стохастических процессов: различий между реакциями респондентов и различий между "методическими ассоциациями" интервьюеров.

подавляющем большинстве случаев находятся в зависимости от качественных. К сожалению, в отечественной социологии сложилась прямо противоположная установка, в соответствии с которой социологи самонадеянно полагают, что можно непосредственно выходить в полевое обследование с формализованной анкетой, минуя качественный этап. Такая анкета либо разрабатывается социологами самостоятельно, на основе их априорных представлений, либо (чаще) формируется на основе имеющихся аналогов. Так или иначе, практика такова, что на начальный момент обследования анкета у социологов, обычно, уже имеется⁶. В качестве лекарства от излишней самонадеянности мы предлагаем немного повременить с выходом в поле и провести по этой анкете фокусированное интервью.

Методика такого интервью может различаться по степени своей формализации. Эти различия могут находиться в диапазоне от свободной беседы до предложенного Масловой близкого к стандартизованному "интервью об интервью". Оба варианта методики не противоречат, а скорее дополняют друг друга. Как уже было отмечено, начав с проведения свободных интервью, по мере накопления опыта, социолог может постепенно увеличивать степень их направленности, а затем, если это возможно, и степень стандартизации. Но самый первый этап любого исследования, включая и пилотажное, мы рекомендуем начинать со свободного интервью.

Наиболее приемлемым применительно к специфике пилотажного исследования мы считаем часто применяемый психологами метод заполнения респондентом теста или вопросника, "рассуждая при этом вслух". Иными словами, респонденту следует предложить ознакомиться с готовым вариантом анкеты и заполнить ее, сообщая при этом интервьюеру все мысли, ассоциации и затруднения, которые приходят в голову. В хорошо отработанной анкете таких сопутствующих мыслей и затруднений будет немного. Вопросы, логическое членение которых доведено до конца и которые понятны респонденту, обычно заполняются сразу и не вызывают никаких устных комментариев. Иначе обстоит дело с разного рода "неадекватными" вопросами. Ответом на один такой вопрос вполне может стать полуторачасовое интервью, которое покажет полное несоответствие анкеты изучаемой проблематике.

После окончания интервью по анкете, т.е. после детального обсуждения с респондентом каждого вопроса, следует провести с ним беседу по всей проблематике анкеты, т.е. по программным вопросам исследования.

Следует отметить, что многие проблемы неадекватности вопросов и вопросников освещены в отечественной литературе. В частности, довольно часто говорится об ограничениях, связанных с памятью респондентов, ограниченности их языковых возможностей

⁶Что бы ни писали в учебниках о том, насколько трудным и ответственным является этап разработки инструментария, "набивший руку" социолог обычно затрачивает на составление анкеты не более двух-трех дней, а порой она делается и за один вечер. Столь низкая трудоемкость составления вопросников говорит сама за себя: качество такого инструментария в принципе не может быть приемлемым.

(связанных, например, с невысоким уровнем образования), личном или интимном характере вопросов⁷ и ряде других факторов. Не отрицая важности этих аспектов, мы хотим сосредоточить внимание на главном, с нашей точки зрения, недостатке отечественных анкет, а именно на своего рода "когнитивных" затруднениях, вызываемых у респондентов неправильно поставленными вопросами. Под "неправильными" вопросами мы, в частности, понимаем:

- сложные вопросы большого логического объема, не "вмещающиеся" в список закрытий, даже если последний содержит 10-15 и более пунктов;

- вопросы, содержащие разного рода логические пороки ("двойной" вопрос, противоречиво сформулированный вопрос, неоднозначный по смыслу и т.п.);

- вопросы, содержащие презумпции, противоречащие знаниям или представлениям респондента;

- вопросы, знания или представления о которых вообще отсутствуют в сознании респондента;

- вопросы, в которых респондент не находит того типологического случая, к которому относится он сам (к примеру, если спросить в анкете, кто в основном занимается ребенком, отец или мать, а реально ребенок живет у бабушки, то респондент, строго говоря, не может ответить на такой вопрос, хотя в действительности он обычно как-то на него отвечает).

Для иллюстрации того, что такое неадекватный вопрос и как он работает, приведем следующую сцену, взятую из реальной социологической жизни (опрашивался директор животноводческой фермы):

"Интервьюер (читает вопрос анкеты): Приходилось ли Вам за последние два месяца внедрять какие-либо инновации?"

Респондент (думает, затем спрашивает): А что такое инновации?

Интервьюер: Ну, это если Вы внедрили у себя что-то новое...

Респондент (думает, затем спрашивает): Вот две недели назад я две проржавевшие оцинкованные ванны выбросил и заменил пластмассовыми. Это инновация?

Интервьюер (думает, затем отвечает): Да, пожалуй, это инновация.

Респондент (думает, затем спрашивает): А еще я в прошлом месяце двух пьяниц уволил. Это инновация?

Интервьюер (думает, затем отвечает): Нет, это не инновация.

Респондент (думает, затем спрашивает): Я сказал, что заменил две ванны. Это одна инновация или две?

Интервьюер (думает, затем отвечает): По-видимому, одна.

Респондент: Ну, тогда пишите, что одна.

Интервьюер: Понятно. Переходим к следующему вопросу..."

Интервью, проводимые по анкете, обычно выявляют "многоуровневость" ее недостатков. Таких уровней можно выделить, как минимум, три. Первый уровень - это возможная неадекватность анкеты всей изучаемой проблематике или самой изучаемой действительности. В этом случае требуется радикальная замена всей анкеты, а также рассмотрение вопроса о том, применим ли вообще метод анкетного опроса к данной (уточненной) проблематике. Пример, иллюстрирую-

⁷Мы согласны с Э.Нозль, которая отмечает, что эта причина упоминается в учебниках чаще всего, но в действительности играет сравнительно небольшую роль [74, с.79].

ший необходимость такой радикальной замены приведен в приложении к данному параграфу. Второй уровень - это состав вопросов и логическая композиция анкеты. В отечественных учебниках, рассматривая проблему композиции анкеты, много пишут о том, что порядок следования вопросов может сильно повлиять на результаты опроса. Это верно, но в данном случае речь идет о другом. Говоря об ошибках композиции, мы имеем в виду следующее. Во-первых, в анкете могут обнаружиться как "лишние" (нерелевантные) блоки вопросов, так и, что еще важнее, отсутствующие, но содержательно необходимые (релевантные) блоки вопросов. Во-вторых, как уже отмечалось в главе второй, анкеты, составленные отечественными социологами, почти всегда грешат недостаточной логической разветвленностью, упуская многие широко распространенные в действительности типологические случаи. Следует подчеркнуть, что первые же несколько интервью, проведенные по априорно составленной анкете, выявляют большое количество "недостающих" вопросов как первого, так и второго типа⁸. Наконец, третий уровень - это уровень самих вопросов и содержащихся в них подсказок-закрытий. Этот уровень можно охарактеризовать как "тонкую" или окончательную доводку анкеты. Перечень возможных пороков формулировок вопросов и закрытий, в общем, описан в отечественной литературе, но несмотря на это недостатки такого рода постоянно воспроизводятся в составляемых отечественными социологами анкетах.

Сопоставление результатов анкетных опросов (как пилотажных, так и массовых) с результатами фокусированного интервью по этим анкетам показывают, что "гладкость" или "легкость" заполнения анкет сидящими в зале респондентами часто бывает кажущейся. Практика показывает, что респонденты в подавляющем большинстве случаев как-то отвечают даже на те вопросы, которые содержат в себе грубые методические пороки. Этот эффект становится понятным, если учесть, что с психоэнергетической точки зрения респонденту легче ответить на вызывающий сомнение вопрос, чем идти и выяснять по этому поводу отношения с лицами, проводящими анкетирование. Лишь свободное интервью, в котором респондента просят сообщать обо всех испытываемых им затруднениях и сопутствующих мыслях, может выявить, насколько неадекватным может быть такой "гладко" заполняемый вопрос.

В качестве примера приведем выдержку из методического интервью, проведенного по просьбе автора Галиной Вохменцевой. Респондент - молодой рабочий, прошедший службу в армии, с десятилетним образованием.

"Респондент (зачитывает вопрос анкеты): ЧТО ТАКОЕ ХОРОШАЯ РАБОТА? ЧТО ОНА ДОЛЖНА ДАВАТЬ ЛЮДЯМ?"

Интервьюер: Понятен вопрос?

Респондент: Да, понятен.

⁸Учитывая существование естественных ограничений на число содержащихся в анкете вопросов, указанные уточнения могут потребовать либо сужения (а лучше сказать более точной фокусировки) исследовательской проблематики, либо расчленения инструментария на несколько параллельно запускаемых анкет.

Интервьюер: Читайте дальше.

Респондент (читает первый вариант закрытия):

1. *Постоянно совершенствоваться.*

После прочтения респондентом этой подсказки магнитофон зафиксировал 40-секундную паузу. Затем респондент трижды пытался начать какую-то фразу, отражающую его мнение по поводу данной формулировки, но эта фраза у него не складывалась. Наконец, он сказал: "Что значит "постоянно совершенствоваться?" Я этого не понимаю. Это квалификацию повышать, что ли? Но тогда так и надо было написать. А так это бессодержательно..."

В завершение данного параграфа следует рассмотреть вопрос о выборке в пилотажных исследованиях. В отечественных источниках указывается, что объем выборки должен составлять от 50 до 100 человек. Наше мнение заключается в том, что существуют разные типы пилотажей, и объем выборки при их проведении должен быть разным. В целом при проведении пилотажных исследований сохраняет силу принцип, согласно которому меньшей степени формализации опроса должен соответствовать и меньший объем выборки. Можно, конечно, провести по анкете и 100 свободных интервью, однако целесообразнее двигаться поэтапно, осуществляя, как уже было сказано, 3-5 пилотажных исследований, и приводя после каждого этапа доработку и коррекцию инструментария. Думается, что для ни разу не пилотировавшейся анкеты достаточно провести по ней свободное интервью с 5-10 респондентами. Как показывает практика, этого числа бесед оказывается более чем достаточно для осознания необходимости существенной ее переработки. Следующие этапы пилотажа могут потребовать опроса большего числа респондентов с целью выявления различных неучтенных анкетой типологических случаев, уже сравнительно редких, но могущих составлять 10 - 15% в выборке. Степень формализации вопросника может при этом, наверное, возрастать, но отрефлексированным методическим опытом по данному вопросу мы не располагаем. С целью снижения трудоемкости исследования по увеличенной выборке может пилотироваться уже не вся анкета, а лишь отдельные ее блоки или вопросы. Выборки для пилотажей должны составляться по типу квотных, чтобы при опросе были учтены различия в ролевых позициях и, по возможности, в типах личности респондентов.

Приложение: Сопоставление результатов обследования методом анкеты и методом фокусированного интервью

Приведем пример неадекватности анкеты на самом первом из названных выше уровней, т.е. на уровне ее полного несоответствия реальной действительности. Речь пойдет об описании поставленного самой жизнью методического эксперимента, в ходе которого одна и та же проблема параллельно изучалась двумя различными методами: анкетой и фокусированным интервью.

Исходный заказ на исследование был сформулирован в конце 70-х годов работниками аппарата Минуглепрома СССР и состоял в том,

чтобы изучить причины очень высокой сменяемости линейных руководителей среднего звена на угольных шахтах. При прохождении по административным инстанциям (от заказчика к руководству института ВНИИуголь, от руководства института - к руководителю социологической лаборатории названного института) суть заказа существенно исказилась. Слово "сменяемость" заменилось на более привычное социологам слово "текучесть", а слово "руководящие работники" - на более привычное "инженерно-технические работники", в число которых входят не только линейные руководители производства, но и большое число работников, занятых в цехах и заводоуправлении на должностях инженеров, техников, экономистов, нормировщиков и др. В итоге название темы стало звучать как "Изучение причин текучести кадров инженерно-технических работников на угольных шахтах".

Руководство института ВНИИуголь поручило разработку этой темы своей собственной социологической лаборатории, в составе которой работал и автор данной книги, и одновременно, на основе договора, группе работников Академии народного хозяйства СССР во главе с М.Дулькиным. В результате выдачи параллельных заданий возникла своего рода "конкуренция" между группой М.Дулькина и автором данной книги.

Группа М.Дулькина пошла по традиционному (анкетному) пути и в определенном смысле сделала это грамотно. Работники этой группы взяли за основу разработанные к тому времени анкеты по изучению причин текучести рабочих кадров. Эти анкеты отличались определенной спецификой, которая заключалась в следующем. В принципе для изучения причин текучести правильнее было бы опрашивать лиц, увольняющихся с предприятия. Однако организовать такой опрос технически сложно, поэтому по традиции, восходящей к работам Е.Антосенкова, советские социологи изучали не причины увольнений, а степень и факторы неудовлетворенности трудом, а также так называемую потенциальную текучесть среди лиц, работающих на предприятии. Возможные недостатки такого подхода здесь обсуждаться не будут. Для нас важно, что группой М.Дулькина была взята за основу именно такая анкета, декларативно направленная на изучение причин текучести кадров, но реально изучавшая причины неудовлетворенности трудом.

Для того, чтобы провести опрос инженерно-технических работников, анкета, приспособленная для опроса рабочих, требовала определенной переделки, учитывающей специфику труда ИТР. С этой задачей группа Дулькина справилась в общем удовлетворительно. В частности, были учтены существенные различия в организации систем оплаты труда рабочих кадров и ИТР. В целом разработанная указанной группой анкета не содержала в себе грубых методических ошибок в том смысле, что достаточно легко заполнялась респондентами и не содержала вопросов, которые ставили бы их в тупик. Опрос был проведен по большой выборке, результаты обработаны на ЭВМ, и главный итог обследования выглядел так: основными причинами текучести кадров ИТР являются

низкая зарплата и плохая обеспеченность жильем. В определенном смысле этот результат можно признать правильным, потому что зарплата многих должностных групп ИТР, включая и руководителей производства, в те годы была ниже, чем у рабочих, и обеспеченность жильем также объективно, была неудовлетворительной (хотя трудно сказать, у кого она была хуже и у кого быстрее продвигалась очередь на жилье: у рабочих или у ИТР. Этот и ряд других вопросов, связанных с жильем остались за рамками рассмотрения)⁹. Так или иначе описанный выше результат внешне выглядел правильным и даже очевидным, но на самом деле представлял собой колоссальную ошибку, принципиально неправильно трактуя процессы сменяемости и текучести кадрового состава изучаемого контингента работников.

Перейдем теперь к описанию той части работы, которая была выполнена автором данной книги. По совету научного руководителя В.Ф.Чесноковой в целях уточнения проблематики была проведена серия фокусированных интервью. Первым шагом явилась беседа с заказчиком - ответственным работником Минуглепрома СССР. Эта беседа помогла уточнить суть заказа и мотивы его выдвижения. Опрашиваемый разъяснил, что министерство обеспокоено высокой сменяемостью и трудностями комплектования кадрового состава руководителей производства на угольных шахтах. В доказательство он показал отпечатанные на ЭВМ сводки, которые действительно показывали рост показателей сменяемости руководителей на протяжении последних лет. Относительно причин этого явления заказчик что-либо сообщить затруднился и сказал, что именно это и необходимо узнать в ходе обследования¹⁰. Важным результатом беседы было выяснение того, что заказчика интересовали проблемы сменяемости только производственных руководителей, а не всех ИТР.

После беседы с заказчиком было проведено пятнадцать интервью с руководителями угольных шахт, в основном с директорами и главными инженерами. Интервью проводились в Институте повышения квалификации при Минуглепроме СССР, куда эти руководители съезжались на полугодовые курсы. После этого автор предпринял ряд поездок на шахты, и общее число интервью было доведено приблизительно до сорока. Магнитофон для исследования выделен не был, поэтому запись осуществлялась от руки в блокнот. Часть собранных тогда интервью в настоящее время опубликована в сборнике "Производственные интервью, вып. 2" [83, с.107].

⁹Описанные выше методика и результаты работы изложены по официальному отчету группы М.Дулькина, состоявшему из двух толстых томов. Публикации участников этой работы нам неизвестны, но скорее всего их можно отыскать в отраслевых журналах Минуглепрома СССР и в изданиях Академии народного хозяйства конца 70-х - начала 80-х годов.

¹⁰Тот факт, что упомянутый работник министерства затруднился назвать причины высокой сменяемости руководителей, очень интересен, поскольку этот работник сам долгое время работал руководителем на шахте и, казалось бы, должен был хорошо понимать складывающуюся там производственную и кадровую обстановку. Думается, что здесь сработал эффект "забывания", о котором упоминалось выше. Следует, впрочем, оговорить, что для автора данной книги это был первый опыт работы методом интервью, и проведено оно было весьма неумело. Обычно беседы с представителями заказчика позволяют узнать намного больше.

Первые же беседы с руководителями шахт поразили автора сложностью, напряженностью производственной обстановки и обилием проблем, которые не были не только описаны, но и даже поставлены отечественными социологами. Интервью сразу же показали, на каком низком уровне находится вся отечественная производственная социология. Далее, интервью прояснили суть сделанного министерством заказа. Речь, безусловно, шла не о текучести кадров. Некоторая текучесть, то есть увольнения по собственному желанию, имели место только в низшей должностной группе руководителей (горных мастеров), но это не очень волновало опрашиваемых. Вместе с тем кадровая ситуация на следующей должностной ступени, а именно должности начальников участков, которая соответствует должности начальника цеха в других отраслях промышленности, была признана чрезвычайно острой почти всеми опрошенными. При этом речь шла не о текучести кадров, так как увольнения по собственному желанию были нехарактерны для данной должностной группы и представляли собой весьма редкие и нетипичные случаи. Высокие показатели сменяемости, отражавшиеся в министерских сводках, порождались так называемой административной сменяемостью, т.е. освобождением руководителей от должности за невыполнение плана, выявленные проверками нарушения техники безопасности и по разным другим причинам. Эта сменяемость действительно была очень высока, на некоторых шахтах она достигала 40 и более процентов в год.

Информация, полученная в ходе проведения фокусированных интервью, выявила основополагающий недостаток проводившегося параллельно анкетного обследования. Это обследование, напомним, было ориентировано на изучение причин текучести инженерно-технических кадров. Интересно, что объективные показатели сменяемости и текучести изучаемых групп работников в обследовании не фигурировали, хотя их можно было получить в министерстве. Главный же порок анкетного исследования заключался в том, что в нем были изучены причины явления, которого в действительности нет. Фокусированные интервью сразу выявили, что вместо текучести существует административная сменяемость, а это принципиально иное явление, порождаемое совершенно иными факторами и отражающее совершенно иной тип социальной дисфункции.

Обнаруженное в ходе исследования новое для отечественной социологии явление административной сменяемости требовало выяснения причин его возникновения и функциональной роли. Понимание этих вопросов пришло не сразу. Первым обратившим на себя внимание сигналом был тот факт, что небольшое число опрашиваемых руководителей (около 10-15%), в отличие от большинства своих коллег, характеризовали производственную и кадровую обстановку на своих шахтах как относительно спокойную. Это послужило основой для выдвижения гипотезы о наличии связи между степенью напряженности плана и сменяемостью кадрового состава руководителей. Дальнейшие исследования, а также изучение литературы (главным образом мемуаров хозяйственных руководителей и министерских работников) позволили сформировать следующую концепцию [подробно она описана

автором в книге: 14; см. также 11].

В плановой экономике существует одна трудно решаемая проблема. Если производственная единица не выполнила план, у вышестоящих органов управления возникает вопрос: произошло это по объективным причинам из-за нехватки ресурсов или вследствие плохого руководства? Понятно, что в первом случае необходимо выделить дополнительные ресурсы, а во втором - сменить руководителя. За 70 лет советской власти все попытки научиться решать этот вопрос объективно, на основе учета производственных мощностей и составляемых на их базе техпромфинпланов, окончились неудачей¹¹. Вместо этого административная система изобрела иной, по своему эффективный, хотя и циничный механизм. Суть его заключается в том, что производству ежегодно методом "от достигнутого" выдачу увеличивающиеся плановые задания. Выдача такого задания подкрепляется угрозой применения санкций по отношению к руководителям предприятий в случае его невыполнения. В сталинские времена такой угрозой могли быть лагерь или расстрел. В последующие десятилетия санкции смягчились, и основной из них стала угроза административного освобождения от должности.

В динамике этот механизм действовал следующим образом. Производственные мощности предприятия не являются постоянной величиной, они растут в результате капитальных вложений и падают вследствие износа оборудования. Наиболее типичный график динамики производственных мощностей завода - это дуга, обладающая восходящей и нисходящей ветвями. Если завод относительно новый или недавно прошел реконструкцию, он обычно обладает определенными реальными резервами увеличения своих производственных мощностей за счет более полной загрузки оборудования, подключения новых единичных мощностей и т.п. Постепенно эти резервы исчерпываются, и кривая, отражающая динамику мощностей, из восходящей переходит в горизонтальную. Затем оборудование начинает изнашиваться и, если вовремя его не обновить, кривая мощностей пойдет вниз.

На этапе роста производственных мощностей практика увеличения планов "от достигнутого", в общем, себя оправдывает, отчасти являясь даже стимулятором роста производства. Проблемы начинают возникать на "горизонтальном" этапе, когда основные резервы увеличения мощностей исчерпаны, но плановые требования продолжают расти. Тем не менее на этом этапе расхождение между динамикой мощностей и динамикой требований еще не столь велико, и на протяжении какого-то времени (нескольких лет) дирекция предприятия может различными правдами и неправдами выходить из положения. Наконец, когда оборудование вступает в стадию износа, кривые мощностей и плановых требований резко расходятся, образуя "ножницы". В этот момент вышестоящие органы планового управления начинают настоящее "избиение" руководящего состава предприятий. Происхо-

¹¹О причинах этих неудач и об условности плановых расчетов производственных мощностей интересно говорит в своем интервью В.Н.Корсетов [83, вып.1, с.237-240].

дит, так сказать, "проверка на вшивость": выясняется вопрос, действительно ли для дальнейшего увеличения производства необходимы дополнительные ресурсы, или можно обойтись увеличением административного давления на руководство, угрозами, сменой руководителей. И лишь после того, как сменяют двух-трех директоров, а производство продолжает работать все хуже и хуже, факт истощения возможностей предприятия начинает считаться доказанным. В этот момент цикл начинается сначала. На предприятие назначают нового (третьего-четвертого по счету) директора, причем стараются найти действительно незаурядного управленца. Одновременно предприятию выделяют дополнительные капиталовложения, увеличивают фонд зарплаты работников и создают иные льготные условия, благодаря которым новый директор может вывести предприятие из кризиса. Спустя определенное время (в зависимости от объема ресурсного вливания этот срок может составить от 5 до 15 лет), производство снова войдет в состояние кризиса, и вновь директору и нижестоящим руководителям придется пережить унижительные и несправедливые обвинения в "неспособности" выполнить государственное задание (в сталинские годы вместо "неспособности" фигурировали слова "саботаж" и "вредительство").

Разумеется, выше описана лишь самая общая схема, которая в реальной действительности могла широко варьировать. В частности, было бы очень интересно изучить те контрстратегии, которые реализовывали руководители для своего выживания. Частично такие механизмы описаны в статье С.Павленко "Неформальные управленческие взаимодействия" [75]. Однако нашу схему не следует считать и чисто условной, потому что в истории советской экономики она много раз реализовывалась буквально. В частности, в сталинское время описанный выше сценарий реализовался в черной металлургии, а возможно и в других отраслях тяжелой промышленности. С 1930 по 1935 г. производственные мощности, планы и объемы производства продукции в черной металлургии быстро росли под действием крупномасштабных закупок оборудования на Западе. Затем закупки были прекращены, оборудование начало стареть, но планы продолжали наращиваться по достигнутому ранее темпу. Рост планового давления вынудил директоров предприятий идти на нарушения технологии, что ускорило износ мощностей. В результате в 1938 г. произошло крупное невыполнение плана, после которого в отрасли было смещено около половины всех директоров, главных инженеров и нижестоящих руководителей производства [57]. Насколько можно понять по цитируемому источнику, а также по книге А.Бека "Новое назначение", большинство из них были арестованы. По сходному сценарию осуществлялись аресты председателей колхозов в конце 40-х и начале 50-х годов [14, с.132].

В последующие годы (сталинские и послесталинские) этот сценарий реализовывался неоднократно в различных отраслях. Мы не располагаем систематическими данными по всему народному хозяйству, однако, несомненно, что в конце 70-х годов в состоянии производственного и кадрового кризиса находилась угольная промышленность,

капиталовложения в которую "срезал" еще Н.Хрущев, а планы по производству Совмин СССР продолжал увеличивать.

Последнюю крупномасштабную попытку увеличить объемы производства за счет увеличения административного давления на заводы предпринял Ю.Андропов. Он добился увеличения сменяемости руководителей приблизительно на 30%, но реальные объемы производства от этого не возросли и в целом проведенная им кампания оказалась скорее отрицательное влияние на народное хозяйство, породив в нем своего рода "внеплановый аврал" со всеми характерными для авралов последствиями. Возможностей осуществить крупные ресурсные вливания в экономику у Андропова не было, а иными рычагами воздействия в рамках административной системы руководство страны просто не располагало. Следует отметить, что описанная выше взаимосвязь между степенью напряженности производственных планов и сменяемостью руководителей обнаруживается и во внутрицеховой структуре заводов, поскольку плановая загрузка цехов, как выяснилось в результате обследования, является крайне неравномерной. На каждом предприятии существуют так называемые трудные цеха, постоянно не выполняющие своих планов. По нашим замерам, сменяемость руководителей в таких цехах в 2-3 раза превосходит сменяемость руководителей в прочих цехах заводов.

Хотя начавшаяся в стране перестройка лишила практической значимости описанные выше результаты, их научная значимость, с нашей точки зрения, сохраняется, поскольку подобные эффекты могут возникать (и, судя по всему, возникают) в любых крупных административных системах, включая, например, крупные корпорации. Думается, что в 70-е годы отечественная социология могла бы успеть совершить много интересных открытий, если бы не надела сама на себя шоры из формализованных анкет. Лучшее понимание механизмов функционирования брежневской экономики, без сомнения, помогло бы избежать тех крупных ошибок, которые были сделаны в период "перестройки".

Методическое значение приведенного выше примера заключается в том, что фокусированное интервью, примененное на начальном этапе исследования, выявило необходимость радикально поменять проблематику исследования, сделав ее более реалистичной. Сказанное, подчеркнем это вновь, вовсе не означает, что автор выступает против использования анкет. Напротив, на последующих этапах автором была применена и анкета, и ряд других количественных методов, включая использование данных государственной статистики, фотографии рабочего дня, статистические замеры и т.д. [см. 14].

Социологи, не имеющие опыта работы с фокусированными интервью, часто высказывают опасения, что отсутствие количественных данных делает результаты исследования недостоверными или, в лучшем случае, бездоказательными. Это неверно по ряду причин, в частности потому, что при наличии у исследователя качественной концепции операционализация основных ее переменных, как правило, не составляет особого труда. В частности, в разработанных автором анке-

тах задавались вопросы о числе полученных за последний год выговоров, о стаже работы в занимаемой должности, о реальной продолжительности рабочего дня и др. Вместе с тем, и это тоже важно отметить, многие концепции включают в себя такие переменные, которые могут быть объективно измерены, но не методом анкетного опроса. Частым недостатком отечественных анкет является то, что с их помощью пытаются получить те или иные количественные данные, корректность и достоверность которых может быть обеспечена только проведением статистических замеров. Это еще один вид нарушения технологии проведения социологических исследований, за счет которого социологи облегчают себе жизнь.

5.3. Фокусированное интервью и опросы общественного мнения

До сих пор в настоящей книге почти ничего не говорилось об опросах общественного мнения. Это связано с тем, что в данной сфере исследований действительно важна репрезентативность получаемых социологических результатов. Сказанное означает, что при проведении опросов общественного мнения анкеты или стандартизированные интервью являются необходимыми инструментами исследования. Вместе с тем, если говорить об отечественной практике проведения опросов общественного мнения, то низкое качество используемого в этих обследованиях инструментария ставит вопрос о диагностировании содержащихся в нем методических недостатков и путях их преодоления.

Рассмотрение вопроса о методических недостатках отечественных исследований общественного мнения следует начать с определения самого предмета этих исследований. Если говорить о зарубежной эмпирической социологии, то в ней более употребительным является термин "демоскопические исследования". Среди отечественных социологов бытует мнение, что эти понятия являются синонимами, однако на самом деле это не вполне верно, поскольку общественное мнение представляет собой определенную предметную область, которая в принципе может изучаться разными методами, тогда как демоскопические исследования - это исследования, проводящиеся специфическим методом стандартизированного интервью в различных предметных областях.

В зарубежной социологии существуют три основных области применения демоскопических опросов. Исторически первой проблемой, для решения которой был применен метод репрезентативного выборочного опроса, была проблема удешевления политических референдумов. Как известно, в странах с демократической формой правления выборы и политические референдумы издавна применялись как средство решения проблем государственного устройства. В 20-е годы нашего века американскими исследователями было осознано, что при грамотном использовании математических принципов построения выборки сплошной опрос (референдум) может быть с успехом заменен выборочным, что приводит к резкому сокращению затрат. Это открытие позволило наладить систему регулярных (ежеквартальных, ежемесяч-

ных) "выборочных референдумов", т.е. опросов общественного мнения по проблемам текущей политики. Данное направление исследований успешно существует и до сих пор, практически не претерпев за прошедшие десятилетия никаких методических изменений. Хорошей иллюстрацией этому может служить известный журнал "Gellup report", издаваемый в США. Просмотрев подшивку такого журнала, легко убедиться, что публикуемые в нем результаты опросов включают в себя регулярно измеряемый индекс популярности президента, прогнозы выборов, а также результаты опроса общественного мнения по конкретным вопросам, дебатированным в конгрессе США. Важно подчеркнуть, что с методической точки зрения эти вопросы очень просты. Анналы истории эмпирической социологии не зафиксировали каких-либо сложностей в разработке вопросников, предназначенных для проведения "выборочных референдумов". Знаменитая ошибка, связанная с неправильным прогнозом президентских выборов в США в 1936 г., произошла не из-за плохой постановки вопроса, а из-за неправильного построения выборки.

Вторая крупная сфера, которая была освоена социологами, использующими метод массовых опросов, - это сфера маркетинговых исследований. Хотя это и не оговаривается явно, описанию именно этого типа исследований посвящена главным образом переведенная на русский язык книга Э.Ноэля. Сравнивая образцы анкет, приведенные в этой книге, с упомянутыми выше отчетами Гэллапа, легко увидеть, какое громадное усложнение претерпела методика при освоении этой новой сферы. Особых проблем с выборкой на этот раз не возникло, потому что эти проблемы были уже отработаны на предыдущем этапе. Зато отработка технологии составления вопросников потребовала от социологов многолетнего упорного труда. Хотя первые попытки проведения маркетинговых исследований относятся еще к довоенному периоду, технология проведения таких опросов была отлажена лишь в 50-е годы, а ее "тонкая доводка" продолжалась и в следующее десятилетие. Таким образом, освоение новой сферы исследований столкнулось с серьезными методическими трудностями, на преодоление которых социологам потребовалось не менее двадцати лет.

Третья сфера, которая была освоена специалистами по демокопическим опросам, - это сфера политологических исследований, предметом которых является изучение имиджей политических деятелей и партий. Российским социологам очень мало известно об этой сфере исследований, так как по нему нет ни одного переведенного на русский язык методического пособия. В отличие от описанной выше методики "выборочных референдумов", которые оперируют вопросами, предполагающими в основном ответы "да" или "нет", политологические исследования ставят перед собой значительно более сложную задачу - объяснить почему, т.е. исходя из каких представлений, мнение избирателей склоняется в ту или иную сторону, и как изменится распределение голосов, если политические лидеры в каком-то вопросе изменят свою позицию. Отработка методик, ориентированных на изучение указанных вопросов, интенсивно велась в конце 60-х и в 70-е годы. Трудно сказать, насколько эту работу в настоящее время можно считать завершенной.

Перечисленные выше три основных сферы эффективного применения массовых опросов¹² не образуют предметного и логического единства. Это просто набор сфер, которые удалось технически освоить, отчасти вследствие относительной (по сравнению со многими другими сферами) простоты содержащихся в них исследовательских проблем, отчасти благодаря наличию мощных источников финансирования именно этих направлений исследований. Будут ли в будущем освоены новые сферы применения массовых опросов, сказать трудно; вероятнее всего, будут, но какие именно и когда - на этот вопрос очень сложно ответить, потому что открытия, как известно, часто бывают непредсказуемыми.

Если перейти к рассмотрению отечественных исследований общественного мнения, то прежде всего следует отметить отсутствие у них ясных предметных границ. Это видно как из практики проведения таких исследований, так и из теоретических описаний. Отечественный социологический словарь определяет термин "общественное мнение" как отношение различных социальных общностей к проблемам, событиям или фактам действительности [45, с.198]. Данное определение в принципе является логичным, поскольку оно сохраняет смысловую преемственность с изначальным значением слова "мнение", которое определяется словарем русского языка как суждение, отражающее оценку чего-либо или отношение к чему-либо. Слово "общественное" следует рассматривать в этом контексте как видовое различие, ограничивающее рассматриваемое понятие от понятия "индивидуальное мнение".

Вместе с тем понятие "общественное мнение" плохо проработано в ином отношении. Без сомнения, оно является частью более широкого понятия "общественное сознание". Последнее определяется словарем как совокупность представлений, идей, ценностей, настроений, стремлений, разделяемых одновременно более или менее широкими множествами людей и имеющими выраженный надиндивидуальный характер [45, с.201]. Здесь не место обсуждать достоинства и недостатки данного определения. Для нас важно, что в нем не проработаны родо-видовые отношения с понятием общественного мнения. Если общественное мнение является частью общественного сознания, то последнее более общее понятие должно быть разделено на составные части в соответствии с общеизвестными правилами соразмерности, взаимоисключения, непрерывности и единства основания. От себя лично автор данной книги предложил бы разделить понятие "общественное сознание" на общественное мнение, общественное знание и общественные мотивации. Возможны, наверно, и другие способы членения, но их обсуждение выходит за

¹²На самом деле таких сфер больше, чем три; выше перечислены лишь наиболее крупные из них. В дополнение можно назвать, например, сферу исследований национальных отношений и предрассудков, базирующуюся на специфичных методиках с косвенными вопросами. Применительно к отечественной социологии более или менее освоенной является группа проблем, связанных с изучением текучести кадров и удовлетворенности трудом.

рамки данной работы. Для нас важно отметить, что те исследования, которые в нашей стране принято называть опросами общественного мнения, на деле далеко выходят за рамки приведенного выше определения этого понятия и охватывают, по сути, всю сферу общественного сознания (примеры будут приведены ниже).

Границы любой области исследований могут быть заданы либо теоретически, либо инструментально. Первый тип определения предметной области предполагает фундаментальную теоретическую проработку, которая логически раскладывает сложный объект на составные части, каждая из которых образует самостоятельную сферу исследований. Второй, инструментальный, тип определения фиксирует границы возможного применения той или иной исследовательской технологии. Западные исследователи, как было показано выше, пошли по второму пути. В 50-е годы ими было осознано, что методы массовых опросов, разработанные применительно к сфере изучения общественного мнения в сфере политики, могут быть использованы также и для маркетинговых исследований. Предметом этих исследований является уже не общественное мнение, а скорее общественное знание и общественные мотивации, предопределяющие поведение людей на рынке. В связи с этим западные исследователи логически последовательно отказались от использования термина изучение общественного мнения" и заменили его инструментальным термином "демоскопические исследования".

Специфика отечественных исследований общественного мнения заключается в том, что их авторы не признают никаких предметных границ - ни теоретических, ни инструментальных. Отсутствие теоретических границ является естественным, поскольку, как указывалось выше, в понятии "общественное мнение" не проработаны даже элементарные родо-видовые отношения, не говоря уже о построении теории. Отсутствие инструментальных границ также легко объяснимо. В западных исследованиях все три описанные выше сферы применения демоскопических опросов изначально были сферами прикладных исследований, хотя в ходе своего развития они внесли существенный вклад и в фундаментальную науку. Прикладные исследования отличаются от фундаментальных высокой ответственностью исследователей за получаемые ими результаты. Именно высокие требования к точности явились причиной того, что трудами нескольких поколений социологов методики массовых опросов были доведены до совершенства, которое может вызывать заслуженное восхищение.

Отечественная эмпирическая социология развивалась путем, принципиально отличным от западного. Прежде всего отличался сам предмет исследований. До конца 60-х годов демоскопические опросы в описанных трех сферах не проводились вовсе, отчасти из-за отсутствия заказчиков, а отчасти из-за прямого идеологического запрета. Вместо этого анкетные опросы, иногда с попыткой на обеспечение репрезентативности, проводились в самых различных предметных областях, включая изучение производственных проблем, форм проведения досуга, семейно-бытовых отношений и многого другого. Все эти исследования, несмотря на субъективную научную добросовестность

многих авторов, в определенном смысле можно охарактеризовать как безответственные, поскольку полученные ими результаты не подвергались и зачастую в принципе не могли быть подвергнуты объективной проверке. Это положение в корне отличается от условий работы зарубежных демокопистов, которым ошибка в несколько процентных пунктов в прогнозе выборов или емкости рынка может стоить научной репутации, а то и финансового банкротства. В определенном смысле можно сказать, что с советской эмпирической социологией произошло то же самое, что и с советским производством: отсутствие контроля со стороны потребителей привело к деградации технологии и дисквалификации обслуживающего ее персонала.

Отсутствие теоретических и инструментальных границ при проведении опросов приводит к своего рода вседозволенности: исследователи считают, что любые проблемы могут быть решены путем опроса общественного мнения. Последствия, к которым это приводит, могут быть проиллюстрированы на следующих двух примерах, взятых из бюллетеня ВЦИОМ "Общественное мнение в цифрах".

Пример 1. Обследование: "Направления развития экономической реформы и препятствия на ее пути" (1989 г.)

Вопрос: Что является, на Ваш взгляд, на сегодняшний день самой острой экономической проблемой нашей страны?	%
1. Высокие цены на продукты питания и промтовары	49,1
2. Нехватка рабочей силы	3,1
3. Нерациональное использование природных ресурсов	39,6
4. Необоснованные привилегии, льготы части населения	25,4
5. Несовершенство планирования	31,4
6. Монопольное положение государственных предприятий, отсутствие конкуренции	27,6
7. невыполнение планов, нарушения производственной дисциплины	16,2
8. Незаинтересованность работников в результатах труда	44,0
9. Нехватка рабочих мест	2,0
10. Распространение кооперативов	19,4
11. Забастовки	15,7
12. Другое	2,1
13. Затрудняюсь ответить	2,3

Первый вопрос, который возникает при рассмотрении данного примера, заключается в следующем: что хотели получить авторы анкеты - мнение или знание?¹³ Если знание, то вопрос направлен не по адресу, поскольку его следует задавать не населению, а профессионалам. В зарубежной социологии наработаны специальные методы проведения опросов членов научных сообществ, которые могли бы быть применены и в этом случае. Однако реально вопрос

¹³Словарь русского языка С.И.Ожегова определяет слово "знание" как "проверенный практикой результат познания действительности, верное ее отражение в мышлении человека". В свете современных гносеологических дискуссий это определение может показаться наивным, но остается фактом, что именно таково первоначальное значение слова "знание". В любом случае ни одна гносеологическая концепция не редуцирует понятие "знание" к простому мнению.

был адресован населению, следовательно, изучалось общественное мнение в буквальном смысле этого слова. Практическая и научная ценность постановки указанных вопросов представляется сомнительной, поскольку население некомпетентно в сложных вопросах экономической теории. Слово "некомпетентно" в данном случае означает, что соответствующие вопросы представления либо вообще отсутствуют в сознании респондентов, либо присутствуют в нем в виде стереотипов, заимствованных (возможно, в переработанном виде) из средств массовой информации. Следовательно, авторы опроса, сами того не осознавая, пытались на примере отношения населения к экономической реформе изучить гораздо более сложную проблему формирования стереотипов в общественном сознании под действием средств массовой информации (либо наоборот: изучая общественное мнение по вопросу об экономической реформе, авторы опроса не осознавали, сколь сложную проблему формирования стереотипов они затрагивают).

В предыдущей главе, рассматривая вопрос о возможности изучения представлений в составе зоны некомпетентности, мы отмечали, что указанные представления являются сложными концептуальными образованиями, обладающими к тому же целым рядом специфических свойств. Эти представления необходимо сначала логически реконструировать, и лишь после этого могут быть предприняты попытки оценить формы и степень их репрезентации в общественном сознании. Эта работа не была проведена авторами опроса, что привело к тому, что сам вопрос и набор подсказок-закрытий были сформулированы на основе их собственных слабо отрефлектированных стереотипов.

Низкая степень отрефлектированности вопроса постановщиками нашла свое отражение, в частности, в следующем. В зависимости от выбора логического основания ответы на вопрос "что является самой острой экономической проблемой страны?" могут быть различными, причем эти различные ответы не взаимоисключают друг друга. Экономическое положение страны может оцениваться с точки зрения уровня жизни населения, степени инвестиционной активности, ресурсного обеспечения экономики, скорости и направленности институциональных преобразований и т.п. В вариантах закрытий рассматриваемого вопроса эти основания перемешаны (типичная ошибка, называемая смешением логических оснований). В частности, можно отметить, что высокие цены на продукты питания и товары - это проблема населения, а нехватка рабочей силы - это проблема производственных руководителей¹⁴, и т.д. На первый взгляд, может показаться, что ошибка совмещения оснований - это просто недоработка исследователей, однако на самом деле причина более глубока. Представляется, что столь сложный объект, как экономические преобразования в стране или совокупность представлений населения об этих преобразованиях, в принципе не может быть "втиснут" в один анкетный вопрос.

¹⁴Удельный вес производственных руководителей в составе взрослого населения страны составляет около 3%. В соответствии с этим 3,1% опрошенных сочли острой проблему нехватки рабочей силы.

Если просмотреть подборку результатов проведенных ВЦИОМ опросов общественного мнения, обращает на себя внимание обилие вопросов, содержащих очень большое число подсказок-закрытий. Их часто бывает более десяти, а порой и более пятнадцати, причем практически во всех случаях они составлены с нарушением всех четырех логических правил деления. Причина появления таких вопросов заключается в неправомерной попытке исследовать сложные и малоизученные концептуальные конструкции (системы представлений) путем прямых анкетных опросов, минуя этап содержательного изучения этих представлений. Изучить эти системы представлений, "втискивая" их в один анкетный вопрос, представляется в принципе невозможным.

Приведем еще один пример результатов проведенного ВЦИОМ опроса общественного мнения, на этот раз из сферы, не связанной с экономикой.

Пример 2. Исследование: "Представления о нормах добрачного сексуального поведения молодежи" (1989 г.)

Вопрос: Как Вы думаете, что привело в последнее время к распространению добрачных сексуальных отношений среди молодежи?	%
1. Упадок морали в обществе в целом, отсутствие нравственного воспитания	41,0
2. Отсутствие религиозного воспитания	13,4
3. Недостаточность полового воспитания молодежи, отсутствие у молодежи представления о последствиях ранних отношений	36,3
4. Изменение представлений о любви, любовь связывается в основном с сексом	17,7
5. Более раннее физическое созревание юношей и девушек	15,5
6. Более раннее приобщение к алкоголю	10,4
7. Подражание западному образу жизни	14,9
8. Стремление молодых самоопределиться, самовыразиться, доказать свою взрослость	11,5
9. Более свободное отношение к сексу, представление о сексе, как части дружеских, приятельских отношений ¹⁵	12,6
10. Другое	2,0
11. Затрудняюсь ответить	8,2

Как и в предыдущем примере, вызывает сомнение сама правомочность постановки проблемы. Авторы опроса изучают не сексуальное поведение молодежи и не нормы его регулирующие, а всего лишь "представления о нормах". В связи с этим возникает вопрос, чем представления о нормах отличаются от самих норм и есть ли смысл эти представления изучать. Подмена изучения социальных норм, являющихся регуляторами поведения, изучением "представлений о нормах", которые являются не ясно чем, произошла по понятной причине: изучение норм требует применения специальных, тщательно отработанных методик, которые не всегда удается адаптировать к услови-

¹⁵Эта формулировка представляется особенно странной, хотя ее и выбрали 12,6% опрошенных.

ям массового опроса [см. об этом 19], а для изучения безответственно сконструированного понятия "представления о нормах" можно составить столь же безответственную методику и без всяких сложностей запустить ее по всероссийской репрезентативной выборке¹⁶.

В заголовок данного параграфа вынесен вопрос о применимости метода фокусированного интервью в исследованиях общественного мнения (или, точнее, в демоскопических исследованиях). Изложенное выше позволяет дать на этот вопрос следующий ответ. В предыдущих разделах уже говорилось, что необходимость применения качественных методов необходима в случаях:

а) изучения *сложных* социальных объектов, включая социальные структуры, а также когнитивные и когнитивно-мотивационные образования в составе общественного сознания;

б) изучение *новых*, т.е. теоретически и методически неосвоенных социальных объектов и типов исследовательских проблем.

Чем в большей степени присущи объекту и проблеме исследования свойства сложности и новизны, тем более необходимым становится применение качественных методов для их содержательного изучения, а также для разработки адекватных им количественных методик.

В соответствии с этим всю сферу применения демоскопических методик можно разделить на три следующие группы:

1. Группа проблем, где применение качественных методов вообще не нужно. Это группа методически несложных проблем, исследовательские методики которых хорошо отработаны. Грубо говоря, это такие вопросы, которые при включении в анкету не требуют пилотажа и могут быть сразу направлены в массовое исследование. Таковы, например, вопросы, направленные на измерение рейтинга политических деятелей и вообще большая часть вопросов, которые выше были названы "выборочными референдумами".

2. Группа проблем, где применение качественных методов, в первую очередь фокусированного интервью, необходимо в качестве вспомогательного средства для отработки количественного инструментария. К этой группе относятся маркетинговые и политологические исследования. Несмотря на то, что эти сферы достаточно хорошо методически отработаны, объекты таких исследований столь сложны, что априорно разработанный количественный инструментарий неизбежно страдает большим числом методических погрешностей. Согласно опыту работы ведущих зарубежных демоскопических центров отработка количественного инструментария применительно к указанным группам проблем ведется с интенсивным применением фокусированных интервью и фокус-групп и часто длится по несколько

¹⁶Возможна и иная трактовка приведенного выше вопроса, заключающаяся в том, что авторы анкеты пытались изучить не "представление о нормах", а представления о причинах и о последствиях либерализации сексуальных отношений в обществе. Представления такого рода, бесспорно, имеются в общественном сознании, причем как в зоне компетентности, так и в зоне некомпетентности. Изучение этих представлений, если бы оно было проведено адекватными методами, могло бы дать интересные и важные научные результаты. То, что реально изучено авторами анкеты, - это всего лишь реакции населения на предъявленный набор подсказок, а отнюдь не мнения по рассматриваемому вопросу.

месяцев.

3. Группа проблем, где качественные методы должны стать основным исследовательским инструментом. К ней относятся все проблемы, находящиеся за пределами сфер, освоенных существующими демокопическими методиками. Применительно к этой группе проблем справедливо уже высказанное выше утверждение, что не во всех случаях создание количественного инструментария должно быть целью качественных исследований. Применительно к некоторым проблемам создание количественных методик является невозможным, применительно к другим оно нецелесообразно вследствие высокой трудоемкости, дороговизны либо очень большой продолжительности работ по созданию такого инструментария. Если создание количественного инструментария является реальным и необходимым, исследователь должен иметь в виду, что на его разработку скорее всего потребуются не месяцы, как в методически освоенной группе проблем, а годы.

Попытки применения демокопических методик к методически неосвоенным группам проблем влекут за собой грубые погрешности инструментария, которые обесмысливают результаты исследований.

Учитывая вышеизложенное, автор рекомендует организациям, занимающимся проведением опросов общественного мнения, наладить регулярные опросы населения методом неструктурированного интервью по репрезентативной выборке 110-20 чел. Если такие опросы проводить ежемесячно, то за год общее количество интервью составит от 20 до 240, т.е. весьма внушительное для данного метода число. Чтение текстов интервью поможет исследователям правильно понять мнение и настроение людей и благодаря этому существенно улучшит качество инструментария. В настоящее время составители анкет очень часто используют политизированный понятийный аппарат, не свойственный населению. Использование такого аппарата приводит к тому, что вопросы работают по типу наводящих, приводя к сильным искажениям результатов. Преодоление этого недостатка без систематического использования "гибких" методов опросов вряд ли возможно.

5.4. О журналистских интервью

Журналистские интервью, которые иногда называют также информационными, методически мало чем отличаются от социологических интервью, сфокусированных на представления в зоне компетентности респондента. Поэтому в данном параграфе речь пойдет не о методической специфике журналистских интервью, а о практике их применения и о допускаемых журналистами типичных ошибках.

Следует отметить, что и в нашей стране, и за рубежом изданы написанные журналистами книги, содержащие обобщение их опыта интервьюирования. Отечественные источники [128; 2 и др.] выглядят, к сожалению, довольно слабыми. Зарубежные работы такого рода [173; 179; 163 и др.] намного более интересны и содержат в себе немало полезных для социологов советов и наблюдений. В теоретическом от-

ношении и в отношении логической упорядоченности излагаемого материала они, как правило, уступают учебникам, написанным социологами. Тем не менее обобщение длительного практического опыта интервьюирования, сделанное сильным в профессиональном отношении журналистом, всегда содержит в себе достаточное число ценных советов, мыслей и наблюдений, достойных быть включенными в арсенал социального исследователя.

В связи с тем, что стиль работы зарубежных журналистов нам практически неизвестен, остановимся на стиле работы отечественных журналистов. Если говорить о так называемой эпохе застоя, следует признать, что журналистика этой эпохи имела определенные достижения. Эти достижения могут быть даже названы довольно существенными, если сравнить их с весьма низкими достижениями социологии той эпохи. Симптоматичен тот факт, что публицистика тех лет в лице ее лучших представителей (В.Селюнин, Ю.Черниченко, Б.Можаяев и другие) по глубине осмысления хозяйственных проблем намного опережала аналогичные социологические публикации. В этом факте мы усматриваем своего рода методическую победу свободного интервью, которыми пользовались публицисты, над анкетами, которыми пользовались социологи.

Вместе с тем, несмотря на указанные достижения, стиль работы отечественных журналистов оставляет желать лучшего. Несомненен тот факт, что очень многие журналисты не умеют интервьюировать, т.е. допускают столь грубые методические ошибки, что практически блокируют процесс коммуникации с респондентом. Неумение брать интервью представляется тем более удивительным, что за плечами у многих журналистов имеется многолетний практический опыт, который, как ни странно, мало чему их обучает.

Среди наиболее частых методических ошибок, допускаемых журналистами, можно назвать следующие. Во-первых, это постановка наводящих вопросов как первого, так и второго типов, т.е. содержащих либо логические, либо оценочные презумпции. Во-вторых, это неумение слушать, которое заключается в том, что журналисты в ходе интервью сами слишком много говорят, задают слишком много вопросов, нарушая этим ход мысли респондента и тематический строй интервью.

Причины широкого распространения среди журналистов методически неправильных стилей ведения интервью можно разделить на очевидные и менее очевидные. К очевидным относится, в частности, низкая методическая квалификация. Это неудивительно, если учесть, что в стране до сих пор не было издано ни одной книги, которая могла бы выполнять функции учебника по интервьюированию. Вследствие этого все отечественные журналисты являются самоучками в этом деле. Далее, менее очевидным, но все же лежащим более или менее на поверхности фактом является слабая предметная специализация журналистов. Складывается впечатление, что на Западе журналисты в большей степени специализированы в различных предметных областях, чем в нашей стране. По не вполне понятным причинам отечественные журналисты не хотят специализироваться в какой-либо узкой

области, а как бы оставляют за собой право писать на любые темы. Низкая предметная квалификация, следствием которой является очень низкая осведомленность о предмете интервью, делает невозможным "концептуальный резонанс" между интервьюером и респондентом. Журналист-интервьюер очень часто плохо схватывает суть объяснений респондента и поэтому не может задавать адекватные дополнительные вопросы.

Хотя названные выше причины представляются достаточно весомыми, они, по нашему мнению, не в полной мере объясняют сложившийся в журналистской среде неправильный стиль ведения интервью. Более глубокая причина лежит, на наш взгляд, в специфике сложившейся в нашей стране журналистской профессиональной субкультуры, которая самовоспроизводится, обучая молодое поколение журналистов свойственному этой субкультуре стилю мышления. По нашим наблюдениям, этот стиль мышления можно охарактеризовать как "развинчивание эмоций", включающий в себя в частности:

а) склонность давать этические оценки всем фактам и событиям социальной действительности;

б) формирование этих оценок на совершенно произвольных и неожиданных основаниях.

Для иллюстрации приведем пример, заимствованный из реальной практики общения с журналистами.

На "круглом столе", организованном в 1988 г. редакцией журнала "Смена" и посвященному проблеме развития профессионально-технического образования в нашей стране, один из журналистов сказал следующее. В целях выяснения складывающейся в ПТУ социальной обстановки он на протяжении года лично проработал учителем в двух ПТУ, т.е., говоря социологическим языком, провел включенное наблюдение. С социологической точки зрения такое вступление выглядело многообещающим, поскольку включенные наблюдения всегда дают интересные результаты. Каковы же были итоги данного наблюдения? Первый факт, сообщенный выступающим, был действительно серьезным. Он сообщил, что посещаемость учащимися занятий в одном ПТУ составляла не более 30%, а в другом около 50%, но и в нем были классы, где посещаемость была на уровне 30%. Из этого факта можно было сделать вывод, сколь большой вред принесла проведенная в конце 70-х и начале 80-х годов кампания по насильственному вытеснению значительных контингентов подростков из средних школ в ПТУ. Какие бы недостатки ни были свойственны советской средней школе, посещаемость занятий в ней все же была близка к 100%. Таким образом, государство насильственно выталкивало подростков из более организованной в менее организованную и более криминальную социальную среду.

Такое начало выступления выглядело многообещающим, и можно было ожидать, что далее докладчик сообщит не менее сенсационные сведения. Действительно, он сказал, что много беседовал с учащимися, и выяснил из этих бесед нечто из ряда вон выходящее: "Вы только подумайте - сказал выступающий - я выяснил, что практически все учащиеся умываются по утрам не холодной, а теплой водой!"

Если докладчик хотел ошеломить слушателей, то можно сказать, что в известной мере ему это удалось. Как могло получиться, что 30-процентная посещаемость, за которой стоит неконтролируемый досуг, преступность и пьянство среди подростков, оказалась по степени социальной опасности в одном ряду с умыванием теплой водой? Это остается загадкой журналистского мышления.

Еще одной особенностью журналистской профессиональной субкультуры, сформировавшейся в советское время, является своего рода стремление к "самовыражению". Суть этого стремления может быть выражена перефразированной поговоркой: "Не людей послушать, а себя показать". Выше уже отмечалось, что журналисты при проведении интервью очень много говорят сами, как правило, невпопад. Будучи озабочены стремлением к выражению собственных, зачастую весьма наивных мыслей, они буквально не слушают то, что им пытаются объяснить респондент.

Из опыта общения с отечественными журналистами автор данной книги вынес впечатление, что практически все они убеждены в своем праве на творческое самовыражение. Такая установка противоречит их основной социальной и профессиональной функции, которая заключается в сборе и ретрансляции информации (в первую очередь - компетентного социального знания) через средства массовой коммуникации. Стремление к самовыражению приводит к тому, что вместо ретрансляции знания журналисты транслируют то, что на их собственном жаргоне принято называть "отсебятиной", забывая каналы массовой информации мусором поверхностных стереотипов или претендующих на оригинальность, но по сути весьма странных идей.

Между тем функция трансляции компетентного социального знания является одной из важнейших для выживания общества¹⁷ и обеспечения эффективности работы его институтов. Игнорирование или подавление компетентных мнений является, по-видимому, одной из наиболее важных причин бюрократического "загнивания" организаций и общества в целом. В современном обществе средства массовой информации являются не единственной, но одной из наиболее важных структур, обеспечивающих трансляцию социального знания, в первую очередь в виде сведений о дисфункциях. В связи с этим большое значение приобретает качество работы журналистов, их способность к выполнению функции ретрансляции. Работа по ретрансляции социального знания отнюдь не проста, она требует высокой квалификации и развития специальных навыков. Именно на создание этих навыков должна работать профессиональная субкультура журналистов. К сожалению, в действительности эта субкультура культивирует у молодых журналистов не столько профессионализм, сколько избыточное самомнение, блокирующее коммуникационный процесс на самом важном его этапе - этапе общения с респондентами.

Справедливости ради надо отметить, что в настоящее время опи-

¹⁷ Согласно А.Тойнби способность общества к выживанию определяется его способностью отвечать на "исторический вызов". Накопление в обществе дисфункций и отсутствие каналов, по которым информация о них могла бы транслироваться к лицам, принимающим решения, блокируют указанную способность.

санные выше недостатки журналистской субкультуры вроде бы начинают преодолеваться¹⁸. Важную роль в этом преодолении играет заимствование стиля работы западной журналистики, которая является более профессиональной, чем отечественная. Этот процесс самовыздоровления можно приветствовать, но важно отметить, что ему можно помочь, улучшив систему профессионального образования журналистов. Представляется несомненным, что усиление социологической подготовки, развитие у журналистов своего рода "социологического слуха" поможет им отвыкнуть от описанных выше вредных привычек и научит правильному слушанию, резонирующему с мыслями респондентов¹⁹.

Глава шестая.

ДРУГИЕ КАЧЕСТВЕННЫЕ МЕТОДЫ

Завершив описание методики и техники интервьюирования, целесообразно охарактеризовать и другие качественные методы: наблюдение, анализ личных документов, групповые интервью (фокус-группы). Описания этих методов по необходимости будут краткими, поскольку и личный опыт их использования, и знакомство с соответствующей литературой у автора данной книги весьма ограничены. Тем не менее автор считает необходимым привлечь внимание социологов к этим методам и призвать к написанию соответствующих учебных пособий, переводу западных учебников и научных работ, а также к рефлексии и обсуждению накопленного методического опыта. Настоящую главу можно рассматривать как первый шаг в этом направлении.

6.1. Наблюдение

Наблюдением называется метод сбора первичной социальной информации путем прямого и непосредственного восприятия исследователем событий и условий, в которых они возникают. В отечественных учебниках этот метод описан довольно подробно [132, с.110-118; 86, с.340-376], но с характерным для них позитивистским уклоном,

¹⁸Написано в 1991 году. Ныне автор оценивает профессиональную деятельность российских журналистов гораздо более скептически.

¹⁹Социологическая подготовка способна повысить профессиональные качества не только журналистов, но и специалистов других профессиональных групп, которые в той или иной форме встроены в процессы социальной коммуникации. В частности, Э.Мэйо указывал в свое время на необходимость обучения навыкам проведения интервью производственных руководителей. В социологической литературе имеются сообщения о целесообразности обучения интервьюированию врачей и специалистов ряда других профессий. По нашему мнению, методику неформализованных опросов, следует рассматривать как общеобразовательную гуманитарную дисциплину, развивающую навыки социального общения.

который выражается как в более систематичной проработке формализованных разновидностей наблюдения, так и в постоянных указаниях на субъективизм и ненадежность наблюдения вообще, в особенности неформализованного. Данный параграф преследует цель отчасти уравнивесить позитивистское влияние названных источников.

Характеристику рассматриваемого метода следует начать с того, что проблемы наблюдения и восприятия (апперцепции) относятся к числу фундаментальных теоретических проблем, далеко выходящих за узкие методические и дисциплинарные рамки. Эти проблемы активно прорабатывались не только в социологии, но и практически во всех гуманитарных науках: психиатрии, различных отраслях психологии, этнографии и культур-антропологии, эпистемологии. На протяжении истории этих наук концептуальные и терминологические достижения в рассматриваемой области каждой из них часто проникали в другие и становились элементами общегуманитарного знания. Хотя общая теория наблюдения до сих пор не создана и имеющиеся в этой области концептуальные наработки сильно дезинтегрированы (что обусловлено, во-первых, сложностью самой проблемы и, во-вторых, теоретической дезинтеграцией гуманитарных наук), изучение проблем апперцепции имеет давнюю традицию с развитым понятийным аппаратом и исключительными по своей глубине научными трудами. Свойственный отечественным социологическим учебникам "количественный" крен в описаниях наблюдения в значительной мере обусловлен слабой освоенностью этой традиции, а также тем, что формализованные методики охарактеризовать проще, чем изложить теорию восприятия.¹

Всю совокупность методов наблюдения в социальных исследованиях можно расположить на широкой идеально-типической шкале, на одном полюсе которой будут высокоформализованные методы, а на другом своего рода "жизненное наблюдение", при котором исследователь не применяет никакого заранее разработанного методического аппарата и которое в определенном смысле осуществляется произвольно, т.е. независимо от наличия сознательной цели наблюдать. Примером наблюдения первого типа может служить применяемый экономистами метод выборочных наблюдений, при котором исследователь, обходя цеха или предприятия по определенному маршруту, фиксирует простои оборудования или работников. Этот и многие другие аналогичные методы, хотя и называются наблюдением, по существу являются разновидностью статистики. Примером противоположного типа наблюдения может служить известная работа А.Токвиля "Демократия в Америке". Ее автор был в 1831-1832 гг. командирован в США для изучения пенитенциарной системы этой страны. Исследование демократии как типа общественного устройства явилось, так сказать, побочным результатом этой командировки. Работа Токвиля представляет собой чистый случай результативного социального наб-

¹Осмысление теоретических проблем наблюдения затрудняется, конечно, огромным дефицитом переводной литературы. Впрочем, не изучаются даже доступные источники в смежных гуманитарных дисциплинах.

людения, не опосредованного никакими специальными методиками. Иными словами, эта работа воплощает в себе идеальный тип прямого взаимодействия концептуального мышления наблюдателя с социологическим "полем".

Объединение в одну группу статистического метода, основанного на визуальном наблюдении состояний объекта, и прямого концептуализирующего наблюдения, может быть, правомочно, но вряд ли целесообразно, поскольку в основе этого объединения лежит не содержательное родство методов, а скорее этимологическое родство их названий, языковая традиция, не дифференцирующая эти принципиально разные виды исследования. В дальнейшем, говоря о наблюдениях, мы будем иметь в виду только его концептуализирующий, а не формализованный (статистический) тип.

Движущей силой и структурообразующим фактором социального наблюдения является, с нашей точки зрения, его мотивация. Автор данной книги не готов рассмотреть этот вопрос подробно, однако считает, что в создании теории наблюдения применительно к социальным наукам проблема мотивации должна стать центральной.

Выше уже говорилось, что первоисточником всех форм наблюдения является сама жизнь социального исследователя. Огромную роль этого источника знания в теоретических и эмпирических работах социологов, экономистов и культур-антропологов принято сильно недооценивать².

В качестве примера опоры исследователя на свои собственные обычные наблюдения можно привести теоретические труды Э.Дюркгейма, которые в ряде аспектов сильно корреспондируют с его личной биографией. Как известно, Э.Дюркгейм родился в 1858 г. в небольшом провинциальном городе Эпинале на северо-востоке Франции и в возрасте около 20 лет переехал в Париж [27, с.533]. Разница в общественных нравах провинциального местечка и столичного мегаполиса его поразила. Именно это удивление является, по-видимому, первоисточником возникновения знаменитого дюркгеймовского понятия аномии и сопутствующего ему шлейфа понятий, таких как коллективное сознание, рассеянная санкция, социальная норма и т.д.³

²В психологии и, по-видимому, эпистемологии сходную и тоже огромную роль играет рефлексия механизмов функционирования собственной психики исследователя.

³Приведенный пример иллюстрирует еще один важный и неоднократно подчеркивавшийся в данной книге аспект, а именно: результат научного наблюдения есть продукт взаимодействия концептуализированных форм мышления с наблюдаемыми явлениями. Дело в том, что аномия крупных городов существовала как социальный факт задолго до Дюркгейма. Аномичность древнего Рима, городов древнего и средневекового Китая не вызывает сомнений; Библия содержит в себе яркие описания аномичности древнего Вавилона. Историки могут, по-видимому, легко продолжить этот список. Таким образом, существование самого явления на протяжении столетий не привело к возникновению его осмыслений в социологических терминах. С другой стороны, во второй половине XIX века целый ряд мыслителей приблизительно одного возраста с Дюркгеймом в разных странах и независимо друг от друга разрабатывали сходную проблематику. Если взять четырех наиболее известных "отцов-основателей" социологии: Ф.Тенниса, Э.Дюркгейма, Ч.Кули и М.Вебера, то все они, невзирая на различия в их взглядах и сферах научных интересов, разрабатывали понятийный аппарат для описания одной и той же типологической оси, выраженной в названии знаменитой книги Тенниса "Община и общество". Интенсивная проработка этой проблематики и быстрое формирование понятийного аппарата во второй половине XIX века свидетельствует о том,

Личный жизненный опыт, несомненно, сыграл также очень большую роль в формировании концепций Ф.Тенниса и, по-видимому, вообще всех социологов-теоретиков первого поколения. Среди экономистов преобладающее влияние жизненного опыта неоспоримо в трудах Д.Рикардо, К. Менгера, Д.Кейнса (на это указывают и их биографы). Выше названы лишь наиболее очевидные случаи, однако имплицитное влияние личной биографии и связанных с ней наблюдений, с нашей точки зрения, можно обнаружить почти во всех трудах по социальным наукам, включая и эмпирические работы, выполненные с использованием количественных методик (выше уже говорилось, что при создании таких методик рефлексия исследователей играет далеко не последнюю роль).

Подчеркивание значимой роли рефлексии "жизненных наблюдений" в создании социологических концепций не означает, конечно, что вся научная деятельность сводится исключительно к ней. Научное знание по своей природе является всеобщим и универсальным (точнее, оно стремится к этому идеалу). Следовательно, оно не может ограничиться чьей-либо частной рефлексией. В связи с этим одна из центральных проблем, стоящих перед социальным исследователем, заключается в том, чтобы выйти за пределы зоны своего непосредственного наблюдения и тем самым скорректировать свои впечатления. В определенном смысле можно сказать, что весь методический аппарат социальных наук, включая и количественные методы, создан для решения этой задачи.

В тех случаях, когда жизненный опыт не может служить базой для концептуальных обобщений, как, например, при изучении чужеродных культур или субкультур, возникает необходимость в проведении осознанного и целенаправленного наблюдения, "вживания", уже не сливающегося с естественной жизнью исследователя. Наиболее яркими примерами таких работ являются труды культур-антропологов, занимающихся изучением неевропейских культур и цивилизаций, а также социологов, занимающихся изучением субкультур (классический пример последнего - известная работа Уильяма Уайта по изучению преступной субкультуры. Содержание этой работы кратко описано в книге В.А.Ядова [132, с.115]). Однако и в таких работах личный жизненный опыт продолжает играть роль источника релевантной информации, формируя базу сравнения или значимый типологический случай, с позиций которого исследователь наблюдает изучаемую им культуру. Это хорошо видно на примере работ М.Мид, которая постоянно сравнивает изучавшиеся ей примитивные культуры с американской [67].

С точки зрения автора данной книги, личный жизненный опыт и опыт "вживания" в изучаемые социальные среды являются первоисточником социологического знания, а точнее, эмпирической его компоненты. Без мобилизации этого ресурса значимое социальное исследование

что общественная мысль той эпохи создала необходимый теоретический задел и в этом смысле была "беременна" социологией.

дование провести, по-видимому, нельзя⁴. Сказанное означает, что все остальные методы, включая и количественные, являются дополнением или, точнее, надстройкой над простым "невооруженным" наблюдением. Иными словами, эти методы служат инструментальными средствами, обеспечивающими "удлинение рук" исследователя и повышение разрешающей способности его взгляда (аналогичную роль играют приборы в физике и других естественных науках).

Необходимость в вооружении наблюдения специальным инструментарием возникает по двум причинам. Во-первых, изучаемый социальный объект может быть недоступен прямому наблюдению (доступны могут быть лишь его фрагменты). Иногда такая ситуация возникает вследствие социальной закрытости объекта, однако этот случай следует отнести скорее к разряду технических трудностей. Принципиальная недоступность социального объекта для прямого наблюдения связана, как правило, с его масштабами⁷. Гетерогенная общность, численность которой превышает несколько тысяч человек, становится уже прямо ненаблюдаемой и поэтому требует для обеспечения полноты охвата применения специальных инструментальных средств. Сходная ситуация возникает в физике при изучении объектов макро- и микромира, а также других объектов, недоступных прямому сенсорному восприятию (электромагнетизма, радиоактивности и т.д.). Во-вторых, как и в других науках, разрешающая способность невооруженного наблюдения исследователя является ограниченной. Этот вопрос обычно хорошо излагается в тех разделах традиционных социологических учебников, которые посвящены описанию измерительных шкал. Социальный исследователь, осуществляющий прямое наблюдение, в известных пределах обладает способностью оперировать дифференцирующими характеристиками типа "больше-меньше", "добрее-злее" и т.п. К примеру, М.Мид, описывая примитивные культуры, часто использует термины типа "мирный-воинственный", не делая попыток дать им количественное воплощение. Однако, как и в других науках, в какой-то момент разрешающая способность таких приближенных оценок становится недостаточной. В этом случае невооруженное наблюдение должно уступить место инструментально-вооруженному.

Нет сомнения, что уже на рубеже XIX и XX века развивающаяся социология столкнулась с нехваткой инструментальных средств, обла-

⁴Исключение, с нашей точки зрения, могут составлять лишь теоретические работы высокого уровня абстракции, наиболее ярким примером которого являются труды Т.Парсонса. Это связано с тем, что "строительным материалом" для таких работ становится уже не эмпирическая действительность, а социологические концепции (их можно назвать концепциями первого порядка). Теоретик высокого уровня "вживается" не в те или иные социальные среды, а в сложные концептуальные системы, созданные его коллегами и предшественниками. В физике, которая давно разорвала связь со своими обыденными корнями, такой стиль работы является единственно возможным, однако социальные науки, по нашему мнению, всегда будут находиться в большой зависимости от обыденного наблюдения.

⁷Другим фактором недоступности является, по-видимому, так называемая "непрозрачность" чужеродных культур и субкультур - проблема, поднятая феноменологами.

дающих более высокой, по сравнению с обыденным наблюдением, разрешающей способностью, и применимых для исследования крупных социальных объектов, вплоть до уровня национальных государств. Нет сомнения также и в том, что без этих инструментальных средств большинство научных достижений последующих десятилетий было бы невозможным. Вместе с тем, наличие развитого аппарата измерительных средств породило в социологии дисфункциональные явления, аналогичные тем, которые в физике названы "гипнозом никелированной панели". Последнее выражение означает механистичное и бездумное проведение измерений, зачастую неадекватное ни объекту, ни проблеме исследования. В физике указанный "гипноз" возникает, очевидно, как следствие плохого усвоения исследователем теоретического багажа своей науки. В социологии, как уже говорилось, решающими факторами, определяющими научную эффективность исследования, являются не только его теоретическая нагруженность, но и непосредственный контакт с социальной действительностью, осуществляемый с помощью наблюдения и иных качественных методов. В связи с этим полное вытеснение невооруженного наблюдения из арсенала методов социологического исследования, скорее всего, никогда не произойдет. Неоднократные попытки такого вытеснения в истории социологии приводили лишь к возникновению периодов ее упадка.

6.2. Личные документы

Личными документами в социологии называют документы, составленные частным лицом по собственной инициативе, а также по просьбе или заказу исследователя. Основными видами личных документов являются автобиографии, письма, дневники. Рассмотрим методическую специфику каждого из них.

6.2.1. Автобиографии

Автобиографии можно разделить на устные, письменные неопубликованные и письменные опубликованные. Устные автобиографии представляют собой по сути, разновидность интервью, проведенного в хронологической последовательности. К нему применимы все описанные выше методические принципы и приемы, поэтому в данном параграфе этот вид автобиографий подробно рассматриваться не будет.

Письменные опубликованные автобиографии - это обычно мемуары различных известных людей. Мотивы издания таких книг связаны, как правило, либо с их литературными достоинствами, либо с исторической ценностью содержащихся в них сведений. Иными словами, эти мотивы являются, так сказать, несоциологическими, и с точки зрения социолога процесс публикации мемуарной литературы можно считать стохастичным. По этой причине никогда нельзя сказать заранее, какую релевантную информацию найдет для себя социальный исследователь в очередном попавшемся ему автобиографическом источнике.

Стохастичность издания мемуарной литературы делает, по-видимому, невозможным ее систематический сбор под какую-то заранее

определенную тему (во всяком случае попытки такого рода нам неизвестны). Тем не менее, с нашей точки зрения, такая литература должна входить в круг профессионального чтения социологов, формируя их научную эрудицию. Как уже сказано, обычно невозможно угадать, что именно интересного может обнаружить социолог в автобиографическом источнике. Нередко бывает, что такой источник вообще не вызывает у него интереса. В таких случаях остается неясным, обусловлено это объективной "несоциологичностью" воспоминаний или субъективной нерелевантностью концептуальных мыслей исследователя содержащимся в воспоминаниях сведениям. Другие автобиографии напротив, могут вызвать у социолога большой интерес, подчас неожиданный для него самого.

Автобиографиям и мемуарам, написанным по инициативе самого мемуариста, свойственна своего рода полифункциональность, т.е. наличие информации, релевантной многим проблемам из различных областей социального знания. Такая полифункциональность присуща, в принципе, всем качественным методам, но при целенаправленном сборе материалов степень выраженности этого свойства снижается (вследствие усиления фокусировки). Следствием полифункциональности является неоднозначность восприятия: у разных читателей один и тот же мемуарный источник часто вызывает разные концептуальные ассоциации, причем обмен впечатлениями и их обсуждение являются весьма продуктивными средствами научного общения. Все сказанное должно, по-видимому, обуславливать высокий интуитивный интерес членов социологического сообщества к чтению мемуаров как к побочному, но весьма ценному источнику социальной информации. Отсутствие такого интереса ставит вопрос, не является ли оно индикатором отсутствия интереса к общественным проблемам вообще.

Приведем в качестве примеров краткие характеристики некоторых опубликованных автобиографий.

1. М.Е.Салтыков-Щедрин. "Пошехонская старина" (воспоминания детства). Книга содержит описание не только хозяйственного и демографического упадка системы позднего крепостничества, но и яркие характеристики процессов личностной адаптации подневольных людей к условиям произвола и несправедливости, причем особо следует отметить описания таких процессов применительно к детской психике. Из описания становятся ясны психологические истоки формирования социалистического и революционного мировоззрения автора воспоминаний.

2. Н.А.Морозов, "Как я стал революционером". Данный источник содержит описание не просто революционной, а молодежной революционной субкультуры. Сходные описания содержатся и в автобиографиях многих других русских революционеров. Большой интерес представляет сравнение описаний русской революционной субкультуры конца XIX - начала XX века с западной леворадикальной студенческой субкультурой 60-х годов нашего века⁸.

⁸В отчете "Субкультура любителей" С.А.Белановский и В.Н.Писарева дают описание

3. Г.Р.Державин, автобиография, издана в сборнике его сочинений "Избранная проза" (М.: Советская Россия, 1984г.). Вопреки тому, что можно было бы ожидать, воспоминания почти не включают в себя сведений о литературной деятельности их автора, но зато содержат поистине удивительное описание системы государственного управления тех лет и царивших в этой системе нравов.

При чтении последнего источника вырисовывается следующая описательная схема. Все чиновники госаппарата, включая как низших, так и высших, делятся на "недобросовестных" и "добросовестных". "Недобросовестные" численно преобладают. Свою должность они рассматривают исключительно как источник материальных благ, которые она им может предоставить. Безнаказанные казнокрадство, незаинтересованность и некомпетентность порождают хозяйственный развал и повреждают общественные нравы, что крайне удручает "добросовестных".

"Добросовестные", находящиеся в явном меньшинстве, обычно люди незаурядных деловых способностей и моральных качеств, болеющие за государственный интерес и отличающиеся личным бескорытием. Не исключено, что это русский национальный тип [39]. Приступив к исполнению той или иной должности, они быстро добиваются впечатляющих успехов, однако эти успехи крайне недолговечны и разваливаются буквально на следующий день после их отставки. Стратификационное положение таких людей в системе управления какое-то странное, промежуточное, причем механизм формирования именно такой стратификации неясен. "Добросовестных" не изгоняют со службы, но уничтожают, не отторгают. Заслуги и моральные качества этих людей ценят, но в высшие этажи управления их не пускают и возможности оказать решающее влияние на ход государственных дел не дают. Жизнь "добросовестных" весьма тяжела: им мешают работать, треплют нервы, им постоянно угрожает опасность без вины попасть под суд или разбирательство, однако когда тучи над ними слишком сгущаются, верховная власть бывает склонна оказать им благоволение и поддержку, избавив от преследования.

Оба названных типа воспроизводятся. "Недобросовестные" тянут след за собой на теплые служебные местечки шлейф родственников и прихлебателей, наподобие грибоедовского Молчалина (не случайна фраза: "Ну как не порадеть родному человечку"). "Добросовестные", будучи глубоко огорчены царящей вокруг безнравственностью и бесхозяйственностью, внимательно смотрят вокруг себя: не найдется ли подающий надежды честный и способный молодой человек, нуждающийся в поддержке? (Не случайна фраза: "Старик Державин нас заметил..."). Обнаружение такого молодого человека всегда большая редкость, но одновременно и большая радость для "добросовестного".

Прямое воспроизводство обоих типов дополняется перекрестным. "Добросовестные" чисто стохастически могут попасть в свиту к "недобросовестным" и какое-то время пользоваться их покровительством. Именно так произошло с самим Державиным, которому в начале его карьеры протезировал пьяница и дезорганизатор генерал Г.А.Потемкин. Бывают и обратные ситуации, когда "добросовестные" покровительствуют "недобросовестным", иногда ошибаясь в человеке, а иногда по тем или иным причинам идя на сделку со своей совестью, о чем вследствие сильно сожалют (примером может служить карьера небезызвестного академика Лысенко, которому протезировал академик Н.Вавилов, ставший впоследствии его жертвой).

Читая автобиографию Г.Р.Державина, трудно отделаться от впечатления, что соотношение численности "недобросовестных" и "добросовестных", а также стратификационное положение последних в госаппарате за прошедшие 200 лет практически не изменились, что свидетельствует об устойчивости свойственных этому

"правых" и "левых" идеологизированных молодежных субкультур, резко различающихся по своей социальной психологии. Примером "правой" являлись сами "люберы". Что касается "левых" субкультур, то из-за фактического отсутствия таковых их характеристики пришлось заимствовать из литературных источников, включая книги Н.Морозова и Р.Мерля. Вопрос о том, каковы предпосылки возникновения экстремистских идеологизированных молодежных субкультур и существуют ли эти предпосылки сейчас в России, исключительно важен, хотя никто им и не занимается.

аппарату и не до конца понятных воспроизводственных механизмов.

Завершая комментарий к данному автобиографическому источнику, следует отметить, что описанная выше схема, конечно же, не является единственно возможной, поскольку текст воспоминаний представляет собой очень богатый и насыщенный материал. Думается, что осмысление результатов державинского "включенного наблюдения" могло бы стать темой серьезного обсуждения специалистов в области теории организации и управления.

Автобиографии написанные, но не опубликованные, разделяются на те, что написаны по внутреннему побуждению человека и те, что написаны по заказу исследователя. В первом случае перед социологом стоит проблема сбора уже написанных текстов. Это нелегкая задача и, насколько известно, до сих пор ни одному исследователю не удавалось собрать достаточное количество однородных (соответствующих изучаемой проблеме) автобиографических материалов. Систематический сбор уже написанных личных документов осуществим, по-видимому, лишь на предельно широкой основе, без привязки к какой-то конкретной теме. Нечто подобное, наверное, пытался осуществить А.Солженицын, основавший в конце 70-х годов Российскойскую мемуарную библиотеку. В объявлении о создании этой библиотеки было сказано, что в нее принимаются все без исключения автобиографии, и всем им гарантируется сохранность, аннотирование, каталогизация и т.д. Итак, при организации широкого сбора уже написанных автобиографий исследователь вряд ли может задать жесткие предметные, временные, тематические или иные рамки. Таким образом, исследователь стоит перед выбором: он может осуществить либо широкомасштабный сбор разнородного материала, либо заняться направленным сбором нужных ему биографических текстов, делая ставку в основном на те работы, которые должны быть написаны по его целевому заказу. Автобиографии, написанные не по заказу, но тем или иным путем попавшие в руки исследователя и удовлетворяющие его требованиям, тоже могут включаться в общий массив, но их число, скорее всего, окажется невелико.

Первыми классическими социологическими исследованиями, выполненными на основе биографических материалов, принято считать работы У.Хили "Преступник" (1915) и "Душевные конфликты и неправильное поведение" (1917) [99, с.36], а также известную работу У.Томаса и Ф.Знанецкого "Польский крестьянин в Европе и Америке"⁹. Активно интересовался в те годы этим методом и Ч.Кули, концепции и научные взгляды которого естественно тяготели именно к таким материалам, и ряд других крупных исследователей: Г.В.Оллпорт, К.Р.Шоу, Э.Г.Сазерленд (последние два автора подчеркивали эффективность биографического метода для

⁹В книге Р.Пэнто и М.Гравитц имеется следующая ремарка: "Реакция на труд Томаса и Знанецкого была столь острой, что привела к созданию своего рода трибунала экспертов, состоящего из психолога (Г.В.Оллпорт), историка (Л.Готшелк), антрополога (К.Клакхон) и социолога (Р.Энжел)". Комментарии этих исследователей составили двухтомный труд. Вывод заключался в том, что при условии корректного применения использование личных документов не только возможно, но и необходимо для получения содержательных результатов [85, с.206].

анализа причин преступности и факторов формирования личности преступника).

Страной, где традиция сбора и изучения автобиографий после появления названных работ получила наибольшее развитие, стала Польша, что во многом обусловлено научным влиянием и авторитетом Ф.Знаецкого. Именно в Польше был отработан и широко использовался механизм сбора биографических материалов, основанный на организации конкурсов.

По сообщению Я.Щепаньского [160], первый конкурс такого рода был организован самим Знаецким, директором Познаньского института социологии. В 1921 г. Знаецкий через газету обратился с соответствующей просьбой к польским рабочим в самой Польше и за ее пределами. За лучшие материалы были назначены премии. Всего на конкурс было прислано 149 биографий. Главный приз получила рукопись И.Войцеховского, которая была очень подробна и насчитывала 438 печатных страниц. Эта автобиография, написанная малограмотным рабочим, является, по мнению социологов, необыкновенным документом. Ее автор с большой наблюдательностью описал те социальные слои, которые составляли его окружение. Рукопись Войцеховского практически идеально удовлетворяла критериям написанной для научных целей автобиографии¹⁰.

После такого успеха сбор автобиографий на длительное время стал одним из основных методов проведения социологических исследований в Польше. Практически все конкурсы осуществлялись с неизменным успехом и приносили по несколько сот рукописей. Тот же Познаньский институт социологии собрал в 1934 г. около 700 биографий жителей Силезии, а в 1938 г. около 400 биографий безработных. Варшавский институт социальной экономики собирал по всему миру автобиографии польских крестьян, рабочих и безработных, а также эмигрантов¹¹. Другие научные институты занимались сбором дневников и автобиографий врачей и учителей. В ходе исследования, посвященного сельской общине, было собрано 404 дневника сельских старост. Некоторые собрания автобиографий были опубликованы (библиографию см. в [160]). Наибольшим успехом в довоенной Польше увенчался конкурс, организованный в 1936 г. журналом "Сельскохозяйственное обучение". Организаторы конкурса обратились к сельской молодежи с просьбой написать автобиографии под названием: "Моя жизнь и планы на будущее". В ответ было получено 1544 рукописи, которые дали И.Халасинскому материал для его четырехтомного труда "Молодое поколение крестьянства" (1938). Работа Халасинского - одна из крупнейших социологических

¹⁰Вызывает интерес ремарка Щепаньского о том, что лучшие из опубликованных автобиографий написаны простыми людьми, переживания которых описывались ими со спонтанной непосредственностью. Не исключено, правда, что такая оценка порождена различиями интеллигентской и рабочей субкультур. Автобиографии интеллигентов могут восприниматься исследователями как нечто знакомое, банальное, в то время как особенности мышления и условия жизни представителей других субкультур, что называется, бьют в глаза. Возможны впрочем, и другие трактовки.

¹¹Ныне актуальной задачей представляется проведение подобной работы применительно к российским эмигрантам.

монографий, посвященная крестьянству, и опирающаяся исключительно на автобиографический материал.

В послевоенной Польше в 50-е и 60-е годы, по оценке Я.Щепаньского, было проведено около 50 конкурсов для получения автобиографических материалов. Собирались биографии и дневники рабочих, солдат, жителей Варшавы, сельской молодежи, учителей, участников движения Сопротивления и т.д. Многие конкурсы были посвящены периоду оккупации, но это не было единственной темой. Наиболее успешным Щепаньский считает конкурс на лучшую автобиографию молодого интеллигента, организованный в 1956 г. журналом "Попросту" совместно с Институтом социологических исследований Польской Академии наук, в ходе которого было получено 746 рукописей.

В 70-е и 80-е годы в Польше сбор автобиографий был существенно потеснен другими методами, однако в то же самое время в мировой социологии, прежде всего в Германии, интерес к биографическому методу сильно возрос благодаря влиянию феноменологической школы. На новом этапе основным методом сбора автобиографий стало интервью, записываемое на диктофон. Тем не менее польский опыт организации конкурсов также заслуживает того, чтобы быть изученным.

Я.Щепаньский называет следующие принципы организации конкурсов:

1. Следует четко определить, к какой совокупности, классу, социальной категории или группе исследователь обращается с призывом, и учесть их социальные особенности. В рамках одного конкурса следует выбирать только такие социальные группы, которые по своему образовательному и интеллектуальному уровню стоят приблизительно на одной ступени. Если объявить конкурс одновременно для интеллигентов и рабочих, то такое сочетание может отпугнуть менее образованную часть авторов, так как они подумают, что у них нет шансов на получение призового места.

2. В объявлении о конкурсе следует разъяснить его назначение, чтобы у потенциальных участников не было оснований подозревать наличие тайных целей (Щепаньский, по-видимому, намекает на то, что в тоталитарной стране многие могут счесть участие в конкурсе небезопасным. Впрочем, разъяснения о назначении конкурса полезно дать в любом случае).

3. В тексте объявления должна быть помещена инструкция или тематический план автобиографии, в котором разъясняется, что именно интересует исследователя и какие темы должны быть освещены. Вместе с тем Щепаньский подчеркивает, что тематический план не должен быть слишком жестким. От потенциальных авторов не следует требовать, чтобы они ограничились только перечисленными темами. Не следует также категорично настаивать на том, чтобы в автобиографии были освещены все указанные в объявлении темы.

4. Победители конкурса должны определяться в зависимости от содержательности и научной ценности их автобиографий, а не исходя

из степени соблюдения ими формальных требований, содержащихся в объявлении.

5. Призыв к участию в конкурсе и текст инструкции должны быть составлены с учетом интеллектуальных возможностей наименее образованной категории лиц, участие которых предполагается.

6. Организаторы конкурса должны определить, к каким мотивам они апеллируют в своем призыве. В Польше наиболее эффективными были экономические мотивы (возможность получения премии) в сочетании с патриотическими. Действенным оказался также мотив содействия научному исследованию, поскольку наука пользовалась у населения определенным авторитетом.

7. Размер премий должен быть указан ясно и четко, так же как и состав жюри, в которое должны входить известные и авторитетные люди.

8. В объявлении должны быть указаны срок отсылки работ, адрес и название проводящего конкурс учреждения, контактный телефон [160, с.559-560].

Помимо объявления широкого конкурса существуют и другие способы получения письменных автобиографий. Так, многими социологами из разных стран неоднократно проверено, что контингентом, который охотно пишет автобиографии, являются заключенные, особенно находящиеся на предварительном заключении, и особенно малолетние. Другим контингентом, обладающим высокой потенциальной отзывчивостью на просьбы социальных исследователей, являются лица, дееспособность которых временно или постоянно ограничена болезнью (но не с детства, если объектом исследования не являются инвалиды детства)¹². Существуют, наверное и другие социальные группы, которые в силу специфики своего положения могут проявить высокую склонность к участию в биографическом исследовании. В частности, по всем имеющимся свидетельствам, старшие школьники с удовольствием пишут сочинения на личные и биографические темы.

Сопоставляя метод сбора написанных автобиографий с биографическими интервью, следует отметить, что эти методы очень близки и, по-видимому, взаимозаменяемы, но не тождественны друг другу. С технической точки зрения написанные автобиографии, поступающие к исследователю "самотеком", несколько удешевляют их сбор и обработку, особенно, если задачи исследования не ограничены узкими территориальными рамками (например, городом). Этой экономии, однако, может не быть, если учесть, что организация

¹²Интервьюеры С.Ганнушкиной, проводившие в незнакомом городе опрос по сложной тестовой методике, сообщали, что только среди пациентов больниц им удалось получить высокий процент возврата заполненных анкет. Учитывая, что в больницы попадают люди всех слоев общества, из них, имея половозрастные и образовательные квоты, легко составить репрезентативную выборку. При этом, поскольку группы заболеваний могут как-то коррелировать с социальными характеристиками респондентов, обследованием следует охватывать разные типы лечебных учреждений (травматические, хирургические, кардиологические и т.д.). Что касается написания автобиографий, то к нему можно привлекать не только пациентов больниц, но и лиц, которые из-за болезни длительное время вынуждены находиться дома.

конкурса тоже требует средств. Все же при планировании исследования следует взвесить, какой способ организации более предпочтителен с точки зрения финансовых затрат.

Далее, написание автобиографии, в отличие от биографического интервью, требует от респондента очень больших расходов времени, физических и моральных сил. В связи с этим далеко не каждый, кто согласится дать интервью, захочет предоставить письменную автобиографию. Однако для некоторых людей просьба о написании автобиографии может оказаться созвучной их внутренним побуждениям - они-то и составляют основной контингент авторов. Налицо, таким образом, очевидный сдвиг выборки: к писательству склонны определенные типы людей, а также люди, находящиеся в определенных психических состояниях. Р.Пэнто и М.Гравитц характеризуют их как лиц с повышенной эмоциональной перегрузкой, стремящихся к психической разрядке [85, с.317].

Насколько серьезна опасность искажения результатов по названной причине? Ответ на этот вопрос следует начать с рассмотрения того, что вообще следует считать искажением. Как указывал еще Ф.Знанецкий, целью анализа биографий является "извлечение" из них содержательных типологий, в первую очередь типов личностей и типов жизненных ситуаций. Теоретически сдвинутая выборка может породить два вида искажения: количественное и качественное. Количественное искажение - это общеизвестный эффект значимого несоответствия частоты встречаемости того или иного типологического случая в выборочной и в генеральной совокупности. Такие искажения применительно к рассматриваемому виду исследования являются несущественными по двум причинам. Во-первых, грамотный исследователь, зная о заведомой непрезентативности автобиографического материала, никогда не станет делать категоричных выводов в отношении количественных пропорций. Во-вторых, при наличии содержательной типологии эмпирическое определение частот встречаемости разных социальных типов представляет собой несложную техническую задачу, решение которой требует в основном финансовых, а не интеллектуальных затрат.

Другой вид искажений, названный качественным, является смещением самой типологии. Здесь необходимо рассмотреть вопрос, что следует считать смещением типологии. Ясно, что наличие того или иного типа даже в очень сильно сдвинутой выборочной совокупности не является смещением: тип, представленный в выборке, существует и в генеральной совокупности, хотя, может быть, и встречается в ней на порядок реже. Искажением типологии является, следовательно, отсутствие в выборке значимого типологического случая, достаточно широко распространенного в генеральной совокупности.

Сказанное позволяет сделать два вывода. Во-первых, сдвиг выборки вовсе не обязательно влечет за собой искажение типологии. Ниже будет показано, что такие искажения возможны и часто даже вероятны при анализе писем, но автобиографии представляют собой

гораздо более развернутый и многоцелевой материал. Это обстоятельство в значительной мере снижает опасность "исчезновения" из достаточно крупной подборки биографий значимых социальных типов. Думается, что именно по этой причине Я.Щепаньский отметил, что ему неизвестны работы, выполненные на основе анализа только писем, но известны работы, выполненные исключительно на основе автобиографий. Во-вторых, сказанное выше позволяет по-новому взглянуть на проблему валидности личных документов. Авторы позитивистски ориентированных социологических учебников занимают по данному вопросу позицию, близкую к следующей: "достоинства личных документов являются большой ценностью в процессе познания социальной действительности, но недостатки подобных материалов не позволяют использовать их как единственную информацию". Далее обычно следует рекомендация совмещать в исследовании личные документы с другими; более надежными методами [86, с.308]. Такая рекомендация не вызывает принципиальных возражений, но требует существенных уточнений, поскольку существование двух разных видов потенциальных искажений вызывает необходимость сочетания личных документов с двумя разными группами других методов. Возможность искажения типологии требует использования в исследовании иных качественных методов, в первую очередь писем и интервью, которые могут помочь выявить типологические случаи, существующие в действительности, но не представленные в автобиографиях (возникновение такой ситуации кажется маловероятным, но теоретически это возможно). Что же касается определения численных пропорций и удельных весов различных типологических случаев, то их определение может быть осуществлено только с помощью количественных репрезентативных методов.

Недостаток автобиографий, связанный с личностной спецификой пишущих их людей, является в то же время и их достоинством. Написание развернутой автобиографии требует от человека определенных способностей, возможно даже таланта. Если человеку есть, что сказать, значит у него есть качества наблюдателя и мыслителя; способность изложить свои мысли на бумаге - признак определенных литературных дарований. Эти качества сближают авторов автобиографий с тем типом респондентов, которые в главе 3 были названы незаурядными людьми. При описании этого типа было показано, что они являются специфичными, но весьма ценными информаторами, и обнаружение таких людей - большая удача для исследователя. При этом, если на компактном социальном объекте (например, на заводе) незаурядные респонденты могут быть обнаружены с помощью социометрии или похожей на нее процедуры, то в рассеянных совокупностях нет, пожалуй, иного выхода, как попросить этих людей самих откликнуться на призыв исследователя. Именно это, по сути, и делает исследователь, обращаясь к аудитории с просьбой о написании автобиографий¹³.

¹³Отметим, что автобиографии не являются единственным видом документа, о

Хорошее (выше среднего для соответствующей социальной группы) владение авторами биографий письменной речью сближает их с еще одним типом респондентов, а именно с "лидерами формулировок", на поиск и интервьюирование которых сделали ставку Э.Чамокова и В.Чеснокова при опросе участников слета самодельной песни ([122]; см. также параграф 3.2.1. данной книги). Напомним, что названные авторы исходили из предположения, что все социальные группы, образуемые разными типами личностей, имеют в своем составе какой-то процент лиц, лучше остальных владеющих навыками устной и письменной речи, и поэтому способные более связно, развернуто и аргументированно изложить свойственные этим типам точки зрения. Иными словами, лидеры формулировок выражают то, что думают и чувствуют многие другие, но в отличие от них они умеют ясно оформлять свои мысли в слова. Разумеется, в разных слоях общества частота встречаемости лидеров формулировок будет сильно варьировать, но Чамокова и Чеснокова считают, что в достаточно больших совокупностях такие лидеры найдутся для всех типов личностей. Поиск лидеров формулировок Чамокова и Чеснокова осуществляли сплошным перебором респондентов, выделяя из них тех, кто говорил развернуто, свободно, активно. Не отрицая возможность применения такой стратегии, особенно на малых совокупностях, укажем, что в некоторых случаях призыв к аудитории прислать письменный текст может оказаться более результативным и менее дорогостоящим (особенно на больших и рассредоточенных совокупностях).

Анализируя различия между неструктурированным интервью и письменными личными документами Р.Пэнто и М.Гравитц, указывают, что высокая спонтанность последних устраняет одну из проблем, возникающих в устном интервью, а именно "рамку соотнесения", т.е. воздействие структуры вопросов на ответы респондентов. Большое преимущество письменного документа, по их мнению, состоит в том, что в них эта проблема снимается [85, с.316]. Из текста неясно, имеют ли в виду названные авторы только те документы, которые написаны по внутреннему побуждению их авторов, или также и те, которые написаны по просьбе исследователя. Разница между ними состоит в том, что в последнем случае организатор исследования обычно дает определенные указания, какую информацию он хотел бы получить, т.е. задает желаемую для него

написании которого можно попросить человека. Можно обратиться с просьбой описать свою работу, свой дом, желаемого брачного партнера и т.п. Можно также попросить написать текст в жанре рассуждения, например, на тему о причинах роста преступности, омоложения браков и др. Вообще, сбор документов, написанных на определенную тему по заказу исследователя, следует, наверное, выделить в особую группу методов, обладающих своими достоинствами по сравнению с интервьюированием. Типология жанров - повествование, описание, рассуждение - совпадают в этом случае с описанными в главе 3 типами смысловых последовательностей. Метод целенаправленного сбора письменных документов имеет свою специфику, нуждающуюся в осмыслении. К сожалению, автор не встречал работ, содержащих такие осмысления. В литературе речь идет обычно об автобиографиях и письмах, причем различия между документами, написанными по просьбе исследователя и по внутренним побуждениям, не анализируются.

"рамку соотнесения". Вместе с тем можно согласиться, что и в этом случае письменный документ является более спонтанным и, по-видимому, более интегрированным, лучше отражающим целостность личности автора. Ф.Знаецкий в предисловии к названной выше работе И.Халасинского писал по этому поводу следующее: "Основная ценность автобиографии как жизненного документа состоит в том, что она объединяет значительное число разнообразных, но связанных друг с другом личных переживаний, которые, дополняя и освещая друг друга, образуют некое целое. Это дает исследователю возможность гораздо лучше понимать, анализировать и контролировать это целое по сравнению с фрагментарными высказываниями в анкетах, интервью или письмах." [160, с.556]. В приведенном высказывании Знаецкого соединены, очевидно, две мысли: во-первых, автобиографии, неважно, устные или письменные, обладают большей внутренней и смысловой интеграцией по сравнению с другими типами высказываний и описаний; во-вторых, обширный написанный документ, являющийся плодом самостоятельного и тщательного обдумывания, является более глубоким, более интегрированным и менее зависимым от внешних влияний по сравнению с устными ответами.

Коротко остановимся на методологических принципах анализа автобиографий, разработанных Ф.Знаецким. Интерес Знаецкого и его последователей к изучению именно автобиографий, а не к качественным методам вообще, обусловлен, по-видимому, спецификой их теоретических взглядов, в которых центральное место отводилось анализу социальных устремлений. Знаецкий так разъясняет свою позицию: "Историк привык к тому, что на автобиографии можно опираться только после сопоставления их с другими источниками и строгой критики. Он считает достоверной только ту сторону автобиографий, где без сознательного намерения их авторов описываются не события и лица, а обычаи, взгляды и среда соответствующей эпохи. В противоположность историку социолог анализирует социальное окружение автора биографического документа исключительно и полностью исходя из его личности. То, что историк рассматривает как источник ошибок, для социолога во всех случаях является материалом для исследования." [160, с. 562].

Подход Знаецкого к анализу автобиографий основывается, таким образом, на различии двух типов высказываний: выражающих фактографические наблюдения автора биографии и выражающих его оценки и устремления. Первые, по Знаецкому, это исторические факты, которые не входят в предмет социологического анализа. Напротив, высказывания, содержащие стремления и оценки, являются не фактами истории, а социальными фактами, поскольку выражают не наблюдения, а активные, нормоустанавливающие выражения воли автора, включающие в себя намерения совершить те или иные действия, чувство определенного долга, стремление навязать норму поведения другим, стремление к осуществлению группового идеала. Исходя из этого Знаецкий считает, что автобиографии являются хотя и не единственным, но особенно

подходящим материалом для понимания социальных устремлений личности, генезиса этих устремлений, а также роли в их формировании социальной среды.

Методологическая позиция Знанецкого, с нашей точки зрения, нуждается в комментарии. Ограничивая предмет социологического исследования изучением оценок и устремлений, он чрезмерно сужает дисциплинарные рамки этой науки. За пределами рассмотрения при таком подходе остается, во-первых, социальное знание как элемент жизненной ориентации индивидов (вспомним так называемый "мотивационный треугольник": мотивация + ситуация = поведение), и, во-вторых, прямые или косвенные наблюдения индивидов за механизмами функционирования социальной системы, которые не тождественны наблюдениям за историческими фактами (хотя сами авторы автобиографий, конечно же, не проводят таких разграничений). Вместе с тем позиция Знанецкого несколько не пострадает, если принять, что не социология как научная дисциплина, а сам исследователь ограничивает рамки своего рассмотрения анализом социальных устремлений как важнейшего функционального элемента личности и социума. При таком понимании разработанные Знанецким методологические принципы социального исследования становятся одним из типов его фокусировки, адекватным специфике предмета исследования. Выше, в главе 4 данной книги, посвященной анализу типов фокусировок, указывалось, что предложенная нами типология весьма неполна, и она должна быть пополнена путем изучения большого числа теоретически значимых эмпирических исследований. Думается, что методология Знанецкого может быть включена в эту типологию в качестве одного из типов фокусировки, однако этот вопрос требует дополнительной проработки.

Содержание биографий и способ подачи в них материала во многом зависят от мотивов их написания. Понимание мотивов важно также для организаторов исследования, желающих собрать достаточно большое количество нужных им материалов. Указанные мотивы могут описываться в терминах внутренних побуждений их авторов, в терминах характеристик самих автобиографий, а такие с точки зрения тех стимулов, которые исследователь может использовать для получения нужного ему массива. Так, Э.Бурджес предложил следующую типологию, основанную на характеристиках автобиографий, за которыми стоят разные системы мотивации: 1. тип хроники, 2. тип защитительной речи, 3. тип признаний, 4. тип самоанализа. Близкую классификацию предложил Е.Крюгер, который различает следующие типы. 1. Автобиография как признание неорганизованной личности, страдающей комплексами неполноценности, которая в изложении своих интимных переименований находит разрешение мучающих ее внутренних конфликтов. Посредством разъяснения особых обстоятельств своих поступков автор такой автобиографии стремится к социальной реинтеграции. 2. Документ, имеющий характер оправдания определенного поведения. 3. Научная автобиография как попытка объективного описания и анализа переживаний и действий

ее автора. 4. "Наивный" документ, написанный малообразованным лицом, не выходящим за пределы традиционных рамок, и сообщающий о себе равнодушным тоном [160, с.557].

Г.В.Оллпорт, проанализировав большой массив материалов, составил следующий обширный список мотивов, побуждающих людей к написанию автобиографий [136, с.69-74].

1. Самозащита или самооправдание в своих собственных глазах или перед окружающими.

2. Экзгибиционизм, эгоистическое стремление показать себя. Классическим примером этого типа автобиографии может служить известная "Исповедь" Ж.Ж.Руссо.

3. Стремление привести в порядок свою жизнь путем записи событий и собственных действий.

4. Поиск эстетического удовлетворения в писательской деятельности, предметом которой служит собственное "Я".

5. Осмысление перспектив собственной жизни, отчет о пройденном пути, начало "новой жизни", рассуждения по поводу своих достоинств и возможностей.

6. Разрядка внутреннего напряжения в период жизненного кризиса, иногда перед самоубийством, стремления показать свои внутренние конфликты.

7. К написанию автобиографий часто прибегают люди, находящиеся на пути возвращения в общество, например преступники, покончившие со своим прошлым. Для них автобиографии - расчет со своей прежней жизнью.

8. Люди могут писать автобиографии, считая, что их записи имеют ценность как исторический источник, психологический или социологический материал.

9. Иногда люди ведут дневники или пишут мемуары, считая, что это их долг перед обществом или будущими поколениями, которым они хотят подать пример или сообщить информацию, имеющую большое моральное значение. Таковы могут быть воспоминания выдающихся политических деятелей или дневники узников концлагерей.

10. Мотивом может быть стремление к бессмертию, увековечиванию собственной личности, протест против забвения.

Наряду с перечисленными десятью внутренними мотивами Оллпорт называет и следующие внешние (их список, возможно, неполон):

1. Желание получить деньги за публикацию или премию за участие в конкурсе. В противоположность расхожему мнению, такой мотив не снижает качество автобиографий, поскольку в процессе их написания у авторов активизируются внутренние мотивы. Лучшие из известных социологам биографий были получены при организации конкурсов с премиями.

2. Поручение написать автобиографию, например с научными целями, для публикации, либо для передачи родственникам, потомкам и т.п. В учебных целях профессор может дать такое поручение своим студентам.

3. Люди, попавшие в беду или страдающие психическими расстройствами, могут писать автобиографии по рекомендации врачей, чтобы помочь им в диагностике и лечении, а также для разрядки внутреннего напряжения.

Как уже сказано, мотивы написания автобиографий очень сильно влияют на их содержание, делая их в определенном смысле несопоставимыми. В тех случаях, когда биографические материалы пишутся по заказу исследователя, этого эффекта можно частично избежать, четко сформулировав пожелания к стилю и форме подачи материала. Даже если не все респонденты выполняют эти требования, степень гомогенности массива, без сомнения, заметно возрастет. Вместе с тем следует указать, что качественный анализ гораздо меньше зависит от степени однородности первичных данных по сравнению с количественным, поскольку исследователь имеет возможность мысленно корректировать поступающие к нему материалы с учетом специфики каждого из них. Исходное разнообразие первичных данных затрудняет, конечно, работу по их концептуальной интеграции, но одновременно страхует от сдвига и искажения общей картины. С другой стороны, малое число единиц первичных описаний при высоком их разнообразии, равно как и очень высокое разнообразие при достаточном числе первичных материалов может привести к тому, что концептуальная интеграция станет невозможной. "Золотую середину" между чрезмерной однородностью первичных материалов и чрезмерным их разнообразием указать трудно - этот вопрос должен решаться самим исследователем применительно к стоящим перед ним конкретным задачам.

Методы интерпретации автобиографических материалов, имеющиеся в литературе, близки к тем, которые указаны в главе 3 данной книги. Приведем для сравнения пять основных методов, описанных в уже цитировавшемся очерке Я.Щепаньского [160, с.563]¹⁴.

1. Конструирующий метод. Он заключается в том, что исследователь прорабатывает возможно большее число автобиографий под углом зрения изучаемой им проблемы. Читая автобиографии, социолог дает им определенную интерпретацию, исходя из какой-либо общей социологической теории. Элементы автобиографических описаний становятся для него "кирпичами", из которых он конструирует картину исследуемых явлений. Понятийный аппарат, с помощью которого осуществляется такое конструирование, берется в основном из общесоциологического понятийного словаря. Автобиографии дают факты для построения общей картины, которые связываются друг с другом согласно следствиям или гипотезам,

¹⁴Перечень этих методов включен в соответствующий раздел "Рабочей книги социолога", однако имеющееся в ней изложение весьма неточно, и выполнено, так сказать, с сильным позитивистским уклоном. В частности, авторы указанной книги неправильно перевели используемый Щепаньским термин "контент-анализ" как "метод анализа содержания", невразумительно пояснив, что "он заключается главным образом в исследовании частоты наступления определенных событий и обстоятельств, в которых эти события происходят." [86, с.308].

вытекающим из общей теории. Содержащиеся в биографиях описания могут также служить средством для выдвижения новых гипотез. В данном методе большую роль играет интуиция исследователя, а также его чутье в отношении факторов, которые значимы для исследуемых явлений. Поэтому и картина, нарисованная исследователем, может оказаться малосодержательной, если его способности или квалификация окажутся недостаточны для проведения такой работы.

2. Метод примеров. Этот метод представляет собой разновидность предыдущего. Он состоит в иллюстрировании и подтверждении определенных тезисов или гипотез выбранными из автобиографий примерами. Гипотезы могут возникать, в частности, в ходе чтения какой-либо одной автобиографии. Применяя метод иллюстраций, исследователь ищет в них подтверждения своих идей. Доказательная сила специально подобранных примеров, по мнению Щепаньского, невелика, но сформированная таким образом концепция может быть справедливой.

3. Типологический анализ. Он состоит в выявлении определенных типов личностей, поведения, схем и образцов жизни в исследуемых социальных группах. Для этого автобиографический материал подвергается определенной каталогизации и классификации, обычно с помощью теоретических понятий, причем все богатство описанной в биографиях действительности редуцируется до нескольких типов. Так, например, описанные Знанецким (1934 г.) типы личности являются результатом работы по такой методике. Многие социологи полагают, что именно конструирование типов является наиболее важным научным результатом, который дают нам автобиографии.

4. Контент-анализ. Этот метод анализа был разработан для исследования прессы, но он может быть применен и к автобиографиям. Зачатки такого анализа применительно к личным документам можно найти в работе польского социолога В.Грабского (1936), который стремился количественно определить значимые для него факторы при изучении проблем жизни деревни. К сожалению, отмечает Щепаньский, метод контент-анализа начал интенсивно развиваться как раз в тот период, когда интерес к личным документам стал падать.

5. Статистическая обработка. Этот вид анализа направлен на установление зависимости различных характеристик авторов автобиографий и их позиций и устремлений, а также зависимости этих характеристик от различных свойств социальных групп (Б.Завадский и П.Лазарсфельд, 1935). Если в распоряжении исследователя имеется несколько сот автобиографий, полученных из одного и того же (более или менее однородного) социального слоя, то возможности такого статистического анализа становится достаточно велики. Статистические методы дают возможность отчасти элиминировать субъективные и интуитивные склонности социолога, который интерпретирует эти автобиографии. Кроме того, эти методы дают возможность выявить определенные зависимости. Такие замеры полезны, в частности, в тех случаях, когда исследователь

сопоставляет результаты изучения автобиографий с результатами, полученными другими методами.

Заключая свой очерк Я.Щепаньский указывает, хотя сбор и изучение биографий никогда не сможет принять характер репрезентативного исследования, коллекции таких документов всегда будут важной составной частью социологических и социально-психологических полевых исследований и одновременно ценным материалом для преподавания социологии, поскольку чтение автобиографий погружает обучающегося социолога в атмосферу различных социологических измерений и позволяет ему в максимальном приближении к действительности принимать конкретные человеческие потребности и устремления.

6.2.2. Письма

Письма отличаются от других личных документов многими параметрами: относительной краткостью, ограниченностью и фрагментарностью затрагиваемых в них тем, большим разнообразием типов, стилей и жанров. Развернутую типологию писем мы дать не готовы, поэтому ограничимся лишь наиболее очевидными констатациями.

В зависимости от типа адресата письма делятся на частные и публичные. К первым относятся те, что адресованы родным, близким, знакомым, иначе говоря - частным лицам, ко вторым - направленные в различные организации, административные инстанции, официальным лицам. Анализ большого числа личных писем осуществили в своей работе У.Томас и Ф.Знанецкий, собравшие для этой работы около 50 комплектов переписки между жителями Польши и польскими эмигрантами в Америке. Сбором личной переписки между советскими гражданами и русскоязычными эмигрантами в США занимался в России в начале 80-х годов политический диссидент И.Мясковский. Научных целей в этой работе он не преследовал, но собирался опубликовать тематически сгруппированные подборки таких писем, желая этим помочь собирающимся покинуть страну советским гражданам более взвешенно подойти к этому вопросу, а в случае принятия решения - лучше подготовиться к новому для них образу жизни в незнакомой стране. Мясковский собрал внушительную по объему подборку писем и приступил к их систематизации, но к сожалению, не закончил эту работу. Между тем, проведение такого исследования остается актуальным и поныне, поскольку содержащиеся в эмигрантских письмах описания трудностей адаптации, с которыми встречались и встречаются бывшие советские граждане, могут (конечно, с коррективами) рассматриваться как модель тех социальных и личностных проблем, с которыми с течением времени будет сталкиваться все российское общество в ходе экономических реформ¹⁵.

¹⁵Учитывая, что "третья волна" эмиграции из России была в основном интеллигентской, на материалах Мяковского можно было бы написать книгу "Русский

Письма в организации и официальные инстанции, существующие, конечно, во всем мире, превратились в Советском Союзе 70-х и 80-х годов в крупное социальное явление, оставшееся, к сожалению, неизученным. О масштабах эпистолярной деятельности советского населения можно судить по тому, что в середине 80-х годов ведущие центральные газеты ("Правда", "Известия") получали в год до миллиона почтовых отправок, а всего, по оценке экономиста В.М.Константинова, "молчащая страна" продуцировала за год несколько десятков миллионов писем, направлявшихся в различные административные инстанции и средства массовой информации. Хотя эти письма представляли собой, в общем, доступный для анализа материал, ни одной попытки их систематического изучения, насколько нам известно, предпринято не было.

Если подходить к письмам как к массовому явлению, в них можно выделить постоянные тематические и адресные потоки, импульсные тематические и адресные потоки и дисперсную переписку.

Постоянные тематические потоки писем возникают в тех случаях, когда: а) существует определенный социальный контингент, мотивированный их писать, и б) существует адресат, которому письма могут быть направлены. Постоянные тематические потоки могут быть как частными (как, например, письма эмигрантов к родным и близким), так и публичными (например, письма из армии и мест заключения, о которых ниже). Появление нового адресата, заинтересованного в получении материалов какой-то определенной тематической направленности может создать устойчивый поток писем в том случае, если в обществе находится соответствующим образом мотивированный контингент.

Импульсные потоки возникают обычно как реакция на какое-то событие или стимул. Очень часто таким стимулом является актуальная или необычная публикация в прессе. В 70-е годы многие отечественные журналисты обращались к читателям с просьбой откликнуться на их публикацию, и делали это с неизменным успехом: на каждую подобную просьбу, помещенную в крупной газете, приходили, как правило, сотни писем. Многие яркие или спорные публикации вызвали потоки писем и без соответствующей просьбы. К сожалению, как сам поступавший эпистолярный материал, так и сопутствующий ему методический опыт в те годы анализировались слабо и исключительно в рамках журналистики, поэтому отрефлексированным опытом провоцирования и изучения импульсных потоков писем мы не располагаем. Нам известна только одна попытка отечественных социологов спровоцировать поток писем и проанализировать их с научной точки зрения. Речь идет о проводившейся в 70-е годы В.Э.Шляпентохом работе по изучению перспектив создания брачных бюро и, в более широком плане, возможностей снижения числа одиноких мужчин и женщин, желающих, но не могущих создать семью. С помощью нескольких публикаций группой Шляпентоха был собран массив в несколько

тысяч писем, однако их обработка, проводившаяся по количественной методике, не была завершена, а сам массив в последующие годы утрачен.

В настоящее время, насколько можно судить, склонность российского общества писать письма снизилась, но все же описанная выше возможность получения массива откликов по интересующей исследователя проблеме остается вполне реальной, по крайней мере в тех случаях, когда эта проблема значима для какого-то контингента людей.

Наряду с постоянными и импульсными потоками в обществе существует, как уже было сказано, дисперсный поток писем, содержащих сообщения разной тематической направленности и предназначенных для разных типов адресатов. Закон больших чисел дает веские основания предполагать, что в общей дисперсной переписке имеются латентные постоянные потоки, часто неосознаваемые обществом, однако их выявление и изучение представляют собой весьма трудную задачу.

Итак, для проведения социологического анализа необходимо собрать однородный массив писем на основе постоянного или импульсного потока. Методологические принципы такого анализа можно описать с помощью следующего сравнения. Если всю социальную действительность или ее фрагмент уподобить географической карте, то поток писем, исходящий из какого-то источника, можно сравнить с увеличительным стеклом, наложенным на соответствующее место этой карты. Аналогия здесь двоякая. Во-первых, представительный, то есть достаточно большой, массив писем позволяет получить весьма детальную информацию о каком-то конкретном социальном явлении или, возможно, об одном из его ракурсов. Очень часто получить столь подробную информацию каким-то другим способом бывает затруднительно или даже невозможно. Эта детализация и есть эффект "увеличительного стекла". Во-вторых, при анализе такого заведомо нерепрезентативного массива исследователь должен правильно соотносить его с другими явлениями, не отраженными в этом массиве, т.е. определить его точные координаты на упомянутой выше "карте". Правильно определив эти социальные координаты (контингент, мотивацию, проблему, ракурс), исследователь получает возможность корректно пользоваться полученной информацией, а проблема нерепрезентативности точек зрения авторов писем снимается сама собой. Географическая аналогия имеет, однако, свои пределы: если увеличительное стекло несложно наложить на любое место на карте, то найти или создать релевантный поток писем возможно, по-видимому, далеко не по каждой проблеме. Спонтанные и достаточно масштабные потоки писем подобны месторождениям полезных ископаемых: заранее трудно сказать, в какой точке "социальной карты" они могут обнаружиться. Создание кратковременных искусственных потоков путем публикации соответствующих просьб расширяет возможности исследователя, однако вопрос, всегда ли можно создать такие потоки, остается открытым из-за отсутствия

систематизированного методического опыта.

Как уже говорилось в предыдущем параграфе, с методической точки зрения письма представляют собой менее самодостаточный материал, чем автобиографии или интервью, поскольку при их анализе возникает опасность не только количественных искажений, но и искажений самой типологии. Занимаясь анализом писем, исследователь должен, по-видимому, изначально придерживаться установки, что содержащиеся в них сведения освещают не просто какую-то проблему, а скорее один из ее ракурсов. В связи с этим анализ писем должен, по-видимому, сочетаться с другими качественными методами по принципу "двухступенчатой типологии": с помощью интервью или иных методов необходимо сформировать общую картину изучаемого объекта или явления, а затем определить, какой частный ракурс высвечивается письмами.

Приведем три примера, иллюстрирующие сказанное.

1. Письма солдат из армии и интервью с бывшими солдатами [26]. Письма из армии, которые уже не один десяток лет непрерывным потоком поступают в газеты и официальные инстанции, пишутся, как правило, солдатами, доведенными до отчаяния, и содержат страшные описания издевательств и унижений. Не имея другой информации, читатель невольно распространяет эту картину на всю армию. Однако сопоставление с интервью показывает, что это было бы ошибкой, и не потому, что таких издевательств в ней происходит мало (их более, чем достаточно: через них проходит около 80% новобранцев), а потому, что "салабоны" и "опущенные" солдаты в своих письмах не высвечивают многих ракурсов сложившейся в солдатской среде довольно сложной социальной структуры. Интервью дают возможность охватить эту структуру системным взглядом, а письма выявляют ряд ее локальных аспектов, которые в интервью хотя и отражены, но с определенным ослаблением, обусловленным, в частности, тем, что демобилизованные солдаты, прослужив год на положении "салабонов", в большинстве сами затем переходили на положение "дедов", что не могло не сказаться на их итоговом восприятии и осмыслении армейского опыта.

2. Письма из мест заключения [79] и интервью с бывшими заключенными [30,55,70,113]. В отличие от писем из армии основная тема этого потока - не издевательства и избиение со стороны других заключенных (таких писем почти нет, хотя сами эти явления, конечно же, есть), а сообщения о несправедливостях и нарушениях закона, допущенных следствием и судом. Задним числом именно такая направленность писем кажется очевидной, но угадать ее априори вряд ли возможно. Не пересказывая выводов авторов данной работы, отметим, что письма рисуют впечатляющую картину функциональной недееспособности органов правосудия, следствием чего является наличие в местах заключения десятков тысяч неправильно осужденных людей¹⁶, у которых практически нет шансов

¹⁶Такова оценка экспертов Московской хельсинкской группы, многие из которых в прошлом были политическими заключенными.

быть реабилитированными.

Вместе с тем, сопоставляя материалы писем и интервью, легко увидеть, что в первых отсутствуют описания очень многих проблем, включая весьма специфичную социальную структуру мест заключения (отличную от армейской и в ряде аспектов похожую на социальную структуру примитивных обществ), психические изменения личности заключенного, "технология власти" со стороны администрации колоний и многое другое. Как и в предыдущем примере, массив писем не дает общей картины изучаемого явления, но содержит сконцентрированное описание важного его аспекта.

3. Письма, содержащие рассказы об отклоняющихся формах сексуального поведения, публикуемые так называемой "Газетой частного интимного письма". Эти порой весьма экзотические письма, несомненно, являются подлинными. Судить по ним о состоянии общественных нравов, конечно, нельзя. Важно, следовательно, определить, кого представляют эти письма. Насколько можно судить, в России еще в 70-е годы сформировалась субкультура свободного секса, масштабы и другие параметры которой остаются неизвестными. Важные социологические вопросы, которые в связи с этим возникают, заключаются в следующем: растет ли эта субкультура, и если да, то с какой скоростью и за счет каких контингентов; каковы личностные последствия для тех, кто попал в эту субкультуру; способен ли человек, прошедший через такую субкультуру, вернуться к традиционному типу семейной жизни, или уже нет; происходит ли в обществе распад института семьи или нет; жизнеспособно ли общество с распавшимся институтом семьи, и если да, то как оно будет выглядеть? Указанные письма, разумеется, не дают ответа на все эти вопросы, но ряд частных ее аспектов они высвечивают (хотя их чтение - не для слабонервных, как, впрочем, и писем двух предыдущих типов).

В заключение приведем пример теоретического обобщения, сделанного исключительно на анализе писем. 2 февраля 1977 г. "Литературная газета" опубликовала письмо 16-летней Лены П., в котором было написано следующее:

"У нас в школе три восьмых класса. А после обеда многие идут в компании - в эти страшные компании! - к кинотеатрам, во дворы, на перекрестки. Девчонки от 13 до 18 и ребята от 14 до 20 - состав компаний. Я сама по вечерам не бываю дома, поэтому знаю всю подноготную этих сборищ. Собравшись, идем в какое-нибудь парадное - все парадные вокруг изучены наизусть. Ребята начинают играть на гитаре, петь. Парни, девочки курят. Вытаскивается бутылка, стакан идет по кругу. Потом наступает "балдеж" - извините, опьянение, - и вот это ужасное времяпровождение нам дороже всего. Нам весело, понимаете, весело! Весело петь под гитару, слушать, как поет наш лучший певец, весело втягивать дым и потягивать вино. А рядом с тобой сидит парень, который называется твоим, и ты называешься его девушкой..."

В ответ на ту публикацию в редакцию поступило около 400 писем, авторы которых выражали свое отношение к ней. Примерно половина

откликов поступила от взрослых в возрасте в основном старше 35 лет, которые в большинстве осуждающе отнеслись к компаниям типа той, что описана Леной П. Вторая крупная часть массива была представлена молодыми людьми в возрасте от 12 до 18 лет, мнение которых разделились примерно поровну: половина авторов заявила о своем осуждении компаний, тогда как вторая половина, если можно так выразиться, осудила осуждающих, и высказала свое положительное отношение к компаниям. Возраст от 19 до 35 лет был представлен в массиве сравнительно небольшим числом писем, в которых, как правило не содержалось резких положительных или отрицательных оценок, и авторы которых склонны были как бы "порассуждать о жизни".

Изучение, а точнее просто чтение писем позволило увидеть определенную схему, по которой развивается в нашем обществе конфликт между поколениями. Общеизвестно, что возрастной период с 12 до 18 лет является периодом интенсивного биологического и социального взросления. Биологическое взросление не требует комментариев. Социальное взросление заключается в радикальном изменении социального статуса: за шестилетний период взрослеющий человек переходит из статусной категории ребенка в статусную категорию взрослого. Это изменение происходит в первую очередь в изменении системы нормативных требований. Пользуясь языком правоведов, можно сказать, что на протяжении указанного периода человек выбывает из-под юрисдикции детской нормативной системы и попадает под юрисдикцию взрослой. Конфликт между поколениями возникает в процессе этого перехода, когда подростки примерно с 14-летнего возраста начинают заявлять о своих притязаниях на полный статус, а взрослые оказывают им сопротивление.

Не претендуя на целостное описание детской и взрослой нормативных систем, охарактеризуем их так, как они видны при чтении писем. Актуальность именно данного списка норм подтверждается тем, что речь о них идет буквально в каждом письме. Для простоты сформулируем нормативные требования в виде запретов разделив на три группы: слабые, средние и сильные.

А. Детская нормативная система

1. Слабые запреты, т.е. нельзя (или нежелательно):

а) модно (или экзотически) одеваться, активно увлекаться рок-музыкой, девочкам пользоваться косметикой и т.д.;

б) дружить с подростками противоположного пола, образовывать "смешанные" компании.

2. Запреты средней силы, т.е. нельзя:

а) курить, употреблять в небольших дозах спиртные напитки, драться, плохо учиться, не выполнять домашние задания, и т.д.;

б) вместе гулять, целоваться, девушкам - позволять себя обнимать (запреты этой группы, за исключением, пожалуй, касающихся учебы, для девушек более сильны, чем для юношей).

3. Сильные (категорические) запреты, т.е. нельзя:

а) совершать уголовно-наказуемые деяния, в т.ч. наносить побои, повлекшие за собой кратковременное расстройство здоровья (статья

112 УК РФ), регулярно употреблять спиртные напитки в больших дозах, а также употреблять наркотики;

б) В юношеском возрасте вступать в добрачные половые сношения.

Б. Взрослая нормативная система

1. Вообще не запреты:

а) модно одеваться, пользоваться косметикой, употреблять спиртные напитки;

б) дружить (общаться) в лицами противоположного пола.

2. Запреты средней силы:

а) напиваться допьяна, регулярно употреблять спиртные напитки в больших дозах, распивать в подворотне и проч.;

б) допускать интимные отношения с лицами противоположного пола, вплоть до внебрачных половых сношений (запрет в большей степени касается семейных).

3. Сильные запреты:

а) совершать уголовно-наказуемые деяния.

Переходный характер юношеского возраста проявляется в том, что основным полем конфликтов между поколениями, судя по материалам писем, являются запреты средней силы, не распространяющиеся на взрослых, но действующие в отношении тех, кто "еще не взрослый". Об особой значимости этой промежуточной области запретов свидетельствовало целое море оттенков в мнениях молодежи о том, что можно, и чего нельзя. Например, многие писали, что можно выпивать в квартире, но нельзя выпивать в подъезде; можно курить юношам, но нельзя курить девушкам; можно краситься в 17 лет, но нельзя краситься в 15 лет; можно выпивать, чтобы потом поговорить о литературе, но нельзя выпивать "просто так"; девушкам можно целоваться, но нельзя выпивать; целоваться можно только в том случае, если любишь, и т.д. Вместе с тем, в редакцию не пришло ни одного письма, в котором оправдывалось бы нарушение сильных норм, хотя известно, что существуют компании, члены которых совершают противозаконные действия, пьянствуют или употребляют наркотики, и т.д. Иными словами, какая-то часть подростков и молодежи могли не осуждать такого рода действия или даже принимать в них участие, но в то же время они не считали для себя возможным морально оправдать такие действия перед обществом в целом, например, отправив письмо в редакцию (пусть даже анонимное).

Сопоставляя высказывания авторов писем с их возрастом можно увидеть наличие определенных, по-видимому, типичных психосоциальных этапов, через которые проходит развивающаяся личность. Таких этапов выявилось пять.

1. Период наивного инфантилизма. Характеризуется удовлетворенностью детским статусом. Типичный возраст 12-14 лет. Мотив вхождения в компанию отсутствует. Формы времяпровождения, описанные Леной П. осуждаются, но без особых эмоций, так как кажутся чем-то далеким, не имеющим отношения к автору письма, представляющему данный этап.

2. Период декларативного осуждения. Характеризуется резким

усилением негативного отношения к компании, что, по Фрейду, является признаком амбивалентности чувств. Авторы писем демонстративно осуждают участников компаний и столь же демонстративно заявляют о своей приверженности детской нормативной системе. Типичный возраст 14-17 лет.

3. Гедонистический период. Характеризуется сламыванием, часто внезапным, негативного отношения к компаниям, сопровождаемым своего рода декларацией о выходе из-под юрисдикции детской нормативной системы. На этом этапе обостряется конфликт с родителями, учителями и другими представителями мира взрослых. В массиве было представлено несколько очень интересных писем, отражающих самый момент перехода от осуждения к принятию гедонистических форм времяпровождения. Типичный возраст участников компаний тот же, что и для предыдущего этапа.

4. Пост-гедонистический период, наступающий обычно в возрастном интервале от 20 до 25 лет. Характеризуется, с одной стороны, окончательным психическим и социальным повзрослением, а с другой - "законным" переходом в статус взрослого, в связи с чем проблема борьбы за взрослые права теряет актуальность. У многих в этот период жизни возникают собственные семьи. В письмах появляется склонность к рефлексии, осмыслению своего прошлого.

5. Период взрослого осуждения. Характеризуется резко негативным отношением к компаниям. Типичный возраст авторов писем - после 40 лет. Обращает на себя внимание сходство лексики, мнений и аргументов с осуждающими письмами подростков.

Проиллюстрируем эти этапы выдержками из писем (для большей сопоставимости взяты только женские письма).

1. Наивный инфантилизм.

Я не пью, не курю и не крашусь. По вечерам делаю уроки, читаю или играю на пианино. Люблю бродить по городу, гулять в Летнем саду, читать стихи. Очень люблю приключения и фантастику, картины Айвазовского и Рембранта, театр, играть в теннис, смотреть на звезды и мечтать.

Ира Ф., 13 лет, г. Ленинград.

2. Декларативное осуждение.

Неужели в этом заключается веселье: сидеть в каком-то парадном, орать песни, курить (и курить даже девочкам!), пить, "лизаться" - извините, целоваться. "Это делают все, но таятся!" Ложь! Ложь! Гадкая, противная ложь. Нам тоже весело, понимаете, весело! Но не от опьянения, не потому, что рядом горланит твой парень. Если у вас осталась хоть капля совести, остановитесь!! Ведь это ужасно, страшно, пошло, вы еще совсем не видели настоящей жизни, а она прекрасна! Все зависит только от тебя, какой путь ты себе избереешь, по какой тропинке будешь идти, с кем свяжешь одной нитью свою судьбу.

Алла Д., Наташа Е., 15 лет, г. Москва.

3. Гедонистический период.

Мы привыкли друг к другу, потребность собраться вместе, поболтать - вот что тянет нас в подъезды, на стройки и в подвалы. Можно сказать, что собраться можно и дома, но дома крутятся эти "предки", извините, но как еще назовешь мамочку и папочку, которые только и делают, что следят за каждым шагом своих детей. Каждый вечер мы снова и снова выворачиваем карманы, и считаем деньги, что остались от обедов. Если не хватает, идем домой и берем у родителей на "кино". Купив одну или несколько бутылок вина (смотря сколько народу), идем подальше от людских глаз, и распиваем. Если мало, посылаем ребят еще. Потом закуриваем, рассказываем анекдоты, смешные истории.

Или просто играем на гитаре, поем песни, слушаем магнитофоны с записями поп-музыки. И так мы развиваемся и совершенствуемся. Среди нас есть много ребят, для которых улица с ее друзьями и подъездами - это все!!! Это для нас на первом плане. А кем ты станешь в будущем - тех, кто еще учится в школе, это не очень волнует.

Гая А., 15 лет, г. Архангельск.

4. Пост-гедонистический период.

Мне было 15 лет, когда я вступила в "балдежную" компанию. Во дворе собирались ребята с гитарами и девочки. В школе я с первого класса считалась на редкость способной, училась не хуже других. Но когда стала по вечерам встречаться с друзьями, школа перестала меня интересовать, хотелось поскорее туда, где весело, перестала делать уроки. Когда в оценках за четверть появились все 2 (кроме 3 по английскому), бросила школу. Зимой мы также пропадали в парадном, правда не пили, да и курили поначалу из девочек немногие. Так же играли на гитарах и пели, но, видно, уж очень мешали жильцам, и нас неоднократно обливали кипятком. За полтора года я очень изменилась, стала грубить маме, которая была против моих таких подруг. Мне из всех наших девочек, можно сказать, больше всех повезло, именно повезло. В 17 лет я познакомилась с одним молодым человеком, в 18 вышла за него замуж. Сейчас у нас растет дочь, которой уже 1,5 года. Дома у нас все очень хорошо, ни с какими "балдежниками" я сейчас не общаюсь. А волнует меня только одно. Смогу ли я со своим "парадным" образованием дать моей дочке все, что нужно? Я не хочу, чтобы в парадном с вином, сигаретами и гитарами ей было веселее, чем дома.

Татьяна А., 22 года, г. Москва.

5. Взрослое осуждение

...Прочитала материал "Трудные сами о себе". Неприятное впечатление. Целую ночь не спала. Меня возмущает это стадное чувство укрываться в подъездах, в каких-то сараях, заколоченных домах. Я считаю, что такие вещи происходят от недостатка воспитания, а воспитывать нужно трудом. Труд вылечивает и не такие серьезные заболевания, как "балдежка". Не умеешь заполнить свой отдых интересным, полезным занятием, заставишь тебя за "балдежкой" - получишь наряд, иди в овощехранилище, перебирай овощи.

Зинаида Антоновна Д., г. Москва

Названные выше и проиллюстрированные выдержками из писем этапы психосоциального развития не исчерпывают, конечно, всего набора типов жизненных путей растущей и взрослеющей личности, однако описание развернутой типологии не входит в данный случай в нашу задачу, поскольку пример приведен с методическими и методологическими целями¹⁷. Ограничимся кратким теоретическим выводом, а затем перейдем к комментариям.

Один из возможных теоретических выводов заключается в следующем. Известно, что во многих примитивных обществах момент перехода подростков во взрослое состояние четко определен во времени и обставлен сложным комплексом обрядов. Преимущество такого правила состоит в том, что благодаря ему в обществе не возникает продолжительного периода неопределенности подросткового статуса. Отсутствие строго определенного порядка перехода от детского ко взрослому статусу в современном обществе порождает в нем довольно длительный (при нормальном развитии - примерно

¹⁷Интересующихся отсылаем к публикации [11], которая, к сожалению, отражает лишь часть проделанной в те годы работы. Массив писем ныне утрачен. С пятнадцатилетним опозданием автор благодарит В.Б.Ольшанского и Л.Б.Филонова, которые высоко оценили эту работу и приложили много усилий к тому, чтобы она могла быть продолжена в каком-либо научном институте (не их вина, что эти усилия не увенчались успехом). Хотя ныне в это трудно поверить, в 70-е годы публикации о делинквентных молодежных компаниях наталкивались на сильное противодействие цензуры. Статья [11] смогла выйти в свет лишь в 1985 году, спустя семь лет после ее написания.

четырёх- или пятилетний) период девиации, в течение которого подростки отвоевывают себе взрослые права. Этот порядок социализации порождает два типа дисфункций. С одной стороны, подростковая и юношеская девиация очень часто переходит допустимые границы, если таковыми считать описанные выше запреты средней силы. Это порождает не только подростковую преступность, но и долгосрочные личностные последствия для самого девианта. С другой стороны, продление периода наивного инфантилизма до полного физического и социального повзросления тоже не является приемлемой альтернативой, поскольку создает впоследствии синдром личностной дезадаптации (в частности, на стадии образования семьи). Второй тип дисфункций меньше бросается в глаза, однако психологи и психиатры очень хорошо о нем осведомлены. Подростки в современном обществе поставлены, таким образом, в очень сложное положение. Для завершения своей социализации они, подобно канатоходцам, должны пройти через этап некой умеренной девиации, избежав при этом обеих названных выше опасностей. Наличие в современном обществе большого числа социальных и личностных дисфункций в очень большой степени связано с объективной трудностью этой задачи, усугубляемой тем, что подросток вынужден проходить указанный этап без какой-либо конструктивной помощи со стороны взрослых, поскольку принятие им предлагаемой взрослыми детской нормативной системы не является конструктивным выходом¹⁸.

С методической точки зрения приведенный пример замечателен тем, что исходная публикация послужила чрезвычайно эффективным стимулом. Можно с уверенностью сказать, что опубликованный исследователем список интересующих его тем или вопросов, может быть, спровоцировал бы поток писем не меньшего объема, но сами письма были бы, скорее всего, более прожективными, меньше затрагивающими функциональный "нерв" проблемы. Это ставит вопрос о том, что стимульные публикации, предназначенные для получения потока писем, могут отличаться от аналогичных публикаций, цель которых состоит в получении автобиографий: последние, по Я.Щепаньскому, должны содержать перечень наиболее важных тем, тогда как первые, по крайней мере в некоторых случаях, целесообразно облекать в форму острой проблемной или провоцирующей публикации.

С методологической точки зрения приведенный пример интересует нас прежде всего, с точки зрения оценки степени его соответствия позитивистским принципам проведения социологических исследований. Основной вопрос, который вытекает из позитивистской доктрины заключается в следующем: является описанный выше вывод о причинах сопутствующей взрослению подростковой девиации гипотезой, т.е. эмпирически недоказанной теорией, или теорией, т.е.

¹⁸Большое число своего рода логических противоречий культур, являющихся источниками существующих в них хронических дисфункций, описано культур-антропологами на примерах самых разнообразных обществ [51, 67 и др.].

эмпирически доказанной гипотезой? С нашей точки зрения, эта позитивистская дихотомия является надуманной, поскольку она противоречит реальным принципам проведения социальных исследований, которые мы в главе 1 назвали обыденной методологией, а И.Лакатос - обыденной научной мудростью [106, с. 263], все еще идущей впереди эпистемологической рефлексии.

Рассмотрение данного вопроса следует начать с того, что в той версии позитивистской методологии, которая заложена в российские социологические учебники, отсутствует понятие логического доказательства. Между тем, концепция подростковой девиации, основанная на анализе несовпадения детской и взрослой нормативных систем, может быть выведена чисто логически, без проведения проверяющих ее эмпирических исследований. В самом деле, факт существования биологически предопределенных различий в статусах детей и взрослых очевиден и не требует доказательств. Выявление конкретного содержания детской и взрослой нормативных систем, особенно с дифференциацией по возрастам и иным значимым факторам, требует, конечно, проведения серьезных эмпирических исследований, однако для получения указанного вывода эта информация нерелевантна, поскольку вполне достаточной является очевидная констатация, что детская нормативная система включает в себя больше запретов по сравнению со взрослой, в связи с чем и возникает проблема статусного перехода подрастающих поколений из первой системы во вторую. Сопоставляя эти очевидные констатации выполняющие функцию аксиом, с общеизвестным, хотя зачастую и неосознаваемым фактом, что в современном обществе нет обрядов инициации подростков, легитимно оформляющих перемену их статусов, легко сделать чисто логический вывод о том, что период неопределенности статусов неизбежно должен сопровождаться усилением девиации. Если этот последний вывод рассматривать как гипотезу, то она тоже не нуждается в специальном эмпирическом доказательстве, поскольку подростковая девиация - явление общеизвестное. Конечно, эмпирические исследования могут определить ее масштабы и формы, однако эта дополнительная информация не влияет на сделанный выше логический вывод. Ее ценность состоит, следовательно, не в доказательстве концепции, а в том, что она может стать отправной точкой для построения дальнейших логических цепей.

Какова же в таком случае методологическая роль в исследовании эмпирического материала, в данном случае писем? Здесь уместно вспомнить приведенное в главе 1 высказывание А.Маршалла, согласно которому в социальных науках исследователь не может работать путем построения длинных цепей дедуктивных суждений. Анализ причин этой специфики выходит за рамки данной книги, поэтому мы ограничимся констатацией, что, с нашей точки зрения, тезис Маршалла справедлив как факт. Многие выводы, которые задним числом могут быть получены чисто логически, на практике удается получить только благодаря детальному изучению эмпирической конкретики. Это знание выполняет, конечно, функцию

подтверждения логических выводов, но одновременно является и их источником.

Если рассматриваемая концепция логична и согласуется с фактами, является ли она истинной? На этот вопрос трудно дать однозначный ответ, поскольку для его обсуждения должны существовать другие концепции, дающие подростковой девиации иные, альтернативные трактовки. Такие трактовки не обязательно должны противоречить друг другу. Часто они могут быть совмещены либо концептуально, либо факторно. Концептуальное совмещение требует не эмпирической, а логической работы по взаимоувязыванию концептуальных систем. Факторные совмещения, исходящие из предпосылки автономного влияния на изучаемое явление нескольких независимых факторов, действующих в одном направлении, требует проведения эмпирических замеров, направленных на определение сравнительной силы их влияния. Концепции могут, однако, и противоречить друг другу. В случае жесткого противостояния двух внутренне логичных концептуальных систем требуется, в идеальном случае, осуществление эмпирической процедуры наподобие "решающего эксперимента", однако в социальных науках такие ситуации возникают редко из-за слабой интеграции их теоретического аппарата.

При обсуждении данной книги ее автора часто спрашивали, не следует ли понимать его критику позитивистской методологии так, что он вообще выступает против использования количественных методов в социологии. Попытаемся дать ответ на этот вопрос не вообще, а конкретно, применительно к рассматриваемой проблеме подростковой девиации. Какие шаги следовало предпринять для дальнейшего изучения этой проблемы? Прежде всего, далеко не очевидно, что получив описанные выше результаты, следовало немедленно браться за дальнейшую эмпирическую работу. Как уже говорилось, в психологии и в социологии существует много теорий, объясняющих возникновение девиации у подростков широким набором причин - от психофизиологических теорий, связывающих это явление с процессами гормональной и личностной перестройки в пубертатном возрасте до социологических трактовок типа аномии урбанизированного общества или процессов распада традиционной "большой" семьи. Сколь бы ни был успешен изначальный эмпирический старт, ставший возможным благодаря случайно попавшему в руки исследователя хорошему эмпирическому массиву, продолжение работы без подтягивания теоретических тылов было бы, с нашей точки зрения, непростительной самонадеянностью. Таким образом, наряду с эмпирическими исследованиями должна была осуществляться теоретическая работа, направленная на сопоставление, логическую и понятийную взаимоувязку различных концептуальных систем (включая и разработанную самим автором), а также на выявление существующих между ними линий теоретического конфликта.

Что касается дальнейшей эмпирической работы, то ее, по-видимому, нельзя описать иначе, как в терминах личных намерений

автора. Многократно перечитав весь массив писем, сделав из них большое число выписок и написав ряд аналитических текстов, автор не испытывал потребности приступить к анкетным опросам. Думается, что опыт углубленного изучения массива первичных описаний навсегда отбивает у социолога охоту к поспешному составлению анкет, в частности, потому, что такое изучение дает не только знание, но и представление о масштабах незнания. Может быть, какие-то другие исследователи сумели бы извлечь из этого же массива гипотезы, подлежащие проверке по схеме В.А.Ядова, но автор данной книги не сделал этого. Некоторые гипотезы, при чтении писем, наверное, возникли, однако, во-первых, было неясно, в какой мере метод анкетных опросов подходил для их операционализации, и, во-вторых, по оценке самого автора, они были настолько сырыми, что спешить с их оформлением в виде формализованного инструментария было нецелесообразно. В качестве ближайшего эмпирического шага автор планировал организовать написание экспериментальных сочинений в нескольких старших классах общеобразовательных школ и профтехучилищ, и разработал схему такого сочинения. В случае осуществления этого замысла полученный массив предполагалось прежде всего прочесть и осмыслить. Что касается дальнейших шагов, то они представлялись довольно смутно. В отдаленной перспективе автор предполагал провести анкетные опросы, в первую очередь для определения степени распространенности выявленных с помощью писем и сочинений типологических случаев. Вероятно, с помощью опросов можно было бы проверить некоторые гипотезы, устанавливающие связи между определенными биографическими фактами и личностными чертами опрашиваемых, однако такие гипотезы еще предстояло сформировать, и путь к этому был неблизкий. Не исключено, что для проведения этой работы пришлось бы использовать методики типа психологических тестов, поскольку обычные социологические анкеты оказались бы невалидными. Наконец, работая с качественными методами, автор вынес глубокое убеждение, что никакая концепция полностью не раскладывается и не может раскладываться на операциональные гипотезы. "Цементирующая" компонента качественного знания в любом случае остается очень велика. По этой причине качественная компонента исследования должна была сохраниться на всех последующих этапах работы, причем именно ей автор отводил основную познавательную роль.

6.2.3. Дневники

Дневники, т.е. записи частного лица или наблюдателя о текущих событиях, обычно используются в социальных исследованиях в качестве вспомогательного материала, но не в силу присущих им недостоверности и искажений, которые не более велики, чем в других качественных (и количественных) методах, а в основном из-за трудностей их получения.

Дневники могут вестись как по внутреннему побуждению их

авторов, так и по заказу исследователя. Первые, как правило, удается собрать в небольшом числе, зачастую случайно, хотя ценность таких материалов не определяется их количеством. Насколько можно судить, ведение личных дневников было довольно распространенным занятием в аристократических слоях европейских обществ XVIII и XIX века. Ныне времена изменились, и дневники стали редкостью, причем не исключено, что их авторы представляют собой специфичный психологический контингент. Удельный вес лиц, ведущих или ранее ведших дневники, можно уточнить с помощью анкетного опроса. Сделать это несложно, и не исключено, что кто-то из социологов уже задавал респондентам подобные вопросы. Люди, переставшие вести дневники часто хранят их годами и десятилетиями, что увеличивает потенциальные возможности сбора таких документов.

Учитывая естественную неоднородность общества, есть основание предполагать, что существуют социальные группы, в которых склонность к ведению личных дневников более высока. Это создает предпосылки для более или менее массового сбора дневников по определенной тематике. Априори определить такие группы, конечно, трудно. Распространенное мнение, что к писанию дневников склонны молодые девушки, в современных условиях требует проверки. Автор данной книги, занимаясь изучением армейской дедовщины, несколько раз сталкивался с фактами ведения дневников солдатами срочной службы. Хотя степень распространенности этого явления неясна, не исключено, что в стране существует большое число таких документов.

Я.Щепаньский в цитирувавшемся выше очерке упоминал о сборе и изучении в довоенной Польше дневников сельских старост, но эти документы, скорее всего, были деловыми, а не личными.

Дневник, написанный по заказу социального исследователя, представляет собой вид включенного наблюдения. Степень фокусированности таких наблюдений может быть разной. При проведении этнографических исследований, изучении незнакомых культур или субкультур исследователь может поставить задачу фиксировать в дневнике все, что происходило, или все, что показалось ему интересным, необычным, странным, т.е. по той или иной причине привлекло внимание наблюдателя. При наличии у исследователя более или менее развитой концепции (идеи) он может увеличить степень фокусировки, указав, что именно его интересует в первую очередь. Так, А.Н.Алексеев, проводя свое известное включенное наблюдение на заводе "Полиграфмаш", сообщил в методическом введении, что он в основном фиксировал в своих дневниках "события" и "процессы", и дал достаточно строгие определения этих терминов [4]. Другим примером фокусировки наблюдения может служить письмо Боаса к М.Мид, опубликованное в сборнике трудов последней.

Попоставляя дневники наблюдений, проводившихся специалистами, с дневниками обычных наблюдателей (например, рядовых членов изучаемого сообщества), ведших записи по заказу исследователя,

автор данной книги вынес впечатление, что эти два типа документов не очень сильно отличаются друг от друга. Ведение дневника представляет собой, по-видимому, такую форму исследования, в котором обыденное любопытство и наблюдательность в наибольшей степени сближаются с профессиональным социологическим мышлением. Это подтверждается также тем, что фокусированные интервью, проводившиеся студентами, в очень большой степени несли в себе отпечаток их профессиональной неопытности, но дневники наблюдений получились не просто приемлемые, а нередко и очень хорошие. Данное свойство включенного наблюдения, сочетающегося с ведением дневника, делает этот метод ценным в двух отношениях. Во-первых, оно позволяет привлекать к исследованию непрофессионалов, выбирая их непосредственно из изучаемой социальной среды¹⁹. Выбор конкретного человека в качестве наблюдателя должен определяться его сообразительностью и наличием мотивации к сотрудничеству с исследователем. Высокая трудоемкость ведения дневника во многих случаях требует оплаты этой работы, хотя в некоторых случаях бывает достаточно и внутренней мотивации. Во-вторых, наблюдение и ведение дневника, сочетающееся с регулярными контактами с научным руководителем, является эффективной социологической практикой для начинающих исследователей. При проведении интервью мышление респондента и неопытного исследователя часто как бы не вступают в резонанс, что приводит не только к снижению качества или полной непригодности получаемой информации, но и к тому, что интервьюер не может сделать для себя значимых выводов и его квалификация не растет. Наблюдение, как можно предполагать, в большей степени вовлекает личность молодого исследователя, развивая у него способность к профессиональному видению социальной действительности.

6.3. Метод фокус-групп

6.3.1. Общая характеристика метода

Методом фокус-групп называют неформализованное интервью, проводимое не с индивидуальным респондентом, а с группой. Элементы интервью, т.е. транзакции "интервьюер - респондент", сочетаются в этом методе с элементами групповой дискуссии, т.е. транзакциями "респондент - респондент". Целью фокус-групп, в отличие от других видов групповых дискуссий, является получение информации о мнениях и реакциях их участников. Достижение иных целей, таких как поиск наилучшего решения, погашение конфликтов, обучение, или достижение психотерапевтического эффекта при проведении фокус групп не преследуется.

Термин "фокус-группа" является сокращением от термина "фокусированное групповое интервью", предложенного Р.Мертонем, М.Фиске и П.Кендалл в их уже неоднократно упоминавшейся работе

¹⁹Человек из иной социальной среды является внимательным наблюдателем, но у него возникают большие трудности в адаптации.

[63].

Как и в случае с индивидуальным фокусированным интервью, термин "фокус-группа" быстро вышел за рамки той узкой трактовки, которую придали ему названные авторы, и стал обозначать групповое интервью или дискуссию, посвященную какой-то определенной теме [160, с. 209; 166, с.5].

Методика фокус-групп при своем возникновении и развитии опиралась на две исследовательские традиции, одной из которых было индивидуальное интервьюирование, а другой - исследование групповой динамики и некоторые психологические методы, основанные на организации групповых дискуссий²⁰.

Групповое неформализованное интервью как метод социологического опроса применялось западными социологами на протяжении всех послеоенных десятилетий, начиная с 50-х годов, однако в 80-е годы интерес к фокус-группам заметно возрос, что связано отчасти с общим ростом интереса к качественным методам, а отчасти с успешным применением групповых интервью в сфере прикладных исследований, в первую очередь маркетинговых и политологических [166, с.6-8]. Рост частоты применения фокус-групп в исследовательской практике сопровождался активизацией методической рефлексии. В 80-е годы в странах Запада по данной теме был опубликован ряд учебников, а также большое число статей. Значительно увеличилось число модификаций рассматриваемого метода. К сожалению, имеющаяся в нашем распоряжении информация по данному вопросу крайне скудна. Д.Л.Морган, автор сравнительно небольшой методической брошюры по фокус-группам, назвал в ней шесть литературных источников, которые, с его точки зрения, являются наиболее значимыми. Первой в этом списке стоит упомянутая работа Р.Мертон и соавторов, о которой сказано, что "содержащиеся в ней практические советы до сих пор имеют большое значение" [166, с.76]. Относительно прочих пяти источников [150; 154; 156; 161; 176] мы можем только сказать, что один из них был опубликован в 1979 г. (Морган называет его несколько устаревшим), а другие в 1987-1988 гг. Ни в одной российской библиотеке, если верить сводному каталогу Библиотеки им. В.И.Ленина, этих книг нет.

Необходимо отметить, что бум популярности фокус-групп в 80-х годах имел в своей основе не только реальные успехи этого метода, но и своего рода моду, что порой вводило в заблуждение российских исследователей, которые как раз в это время впервые получили возможность устанавливать научные контакты с западными коллегами. Наблюдающийся ныне высокий интерес российских социологов к фокус-группам при отсутствии подобного интереса к индивидуальным интервью можно интерпретировать как индуцированную моду, которая в "догоняющей" науке всегда

²⁰ Основоположником исследований в области групповой динамики считается Курт Левин - одна из крупнейших фигур в теоретической и экспериментальной психологии. Труды Левина, за исключением нескольких малозначущих статей, не публиковались на русском языке. Профессиональный эгоизм у российских (бывших советских) психологов развит, очевидно, не меньше, чем у социологов.

принимает несколько гипертрофированную форму. В связи с этим следует указать, что на протяжении последнего десятилетия метод фокус-групп действительно получил широкое распространение, но не вытеснил индивидуальное интервью из методического арсенала. Последнее во многих областях было и остается основной, базовой исследовательской методикой.

Завершая общую характеристику фокус-групп, следует отметить, что эффективное использование этого метода в нашей стране вряд ли возможно без издания соответствующих учебников. Если говорить о создании отечественных версий таких учебников, то в основе их написания неизбежно будут лежать заимствования из зарубежных аналогов (другого пути просто нет). Тем не менее в этой работе может быть в какой-то мере использован и отечественный опыт, хотя и ограниченный, но реальный, имеющий два источника. Во-первых, в настоящее время в России существуют фирмы, организации и юридически неоформленные группы, заимствовавшие у западных специалистов те или иные модификации метода фокус-групп, и проводящих на их основе собственные исследования (как правило, коммерческие). Во-вторых, еще в 70-е годы в России возникли научные группы, занимавшиеся деловыми играми и некоторыми другими аналогичными методами, которые по многим параметрам близки к фокус-группам, хотя между ними имеются, конечно, и значимые отличия. Методический опыт в обоих типах коллективов, несомненно, накоплен, хотя трудно сказать, в какой мере они проявят готовность сделать его публичным достоянием.

6.3.2. Групповое и индивидуальное интервью: сравнение методов

Сравнение названных методов будет проведено путем перечисления их преимуществ и недостатков, хотя такое разделение довольно условно: то, что применительно к одному типу исследовательских задач может рассматриваться как преимущество, в другом случае становится недостатком. Тем не менее для краткого изложения такая форма подачи материала представляется наиболее удобной.

Преимущества фокус групп. Если говорить об основных преимуществах, то их, по-видимому, два.

1. Фокус-группы считаются более дешевым методом по сравнению с проведением эквивалентного числа индивидуальных интервью. Кроме того, их использование сокращает затраты времени, что очень важно для прикладных исследований. Совокупный объем текстовых расшифровок (стенограмм) фокус-групп обычно существенно меньше, чем индивидуальных интервью. Релевантный исследованию материал содержится в них в более хаотичном, обрывочном, но одновременно и более сконцентрированном виде. Сравнительная дешевизна и экономия времени в очень большой степени предопределили широкое распространение фокус-групп в маркетинговых исследованиях.

Хотя относительная дешевизна групповых интервью часто

упоминается в литературе, следует помнить, что она не является гарантированной, поэтому в каждом конкретном случае необходимо осуществлять калькуляцию затрат. Так, следует учитывать, что при индивидуальном интервьюировании респонденты обычно являются добровольцами, с которыми интервьюер встречается в удобном для них месте²¹. Организация фокус-групп требует обеспечения явки участников к назначенному месту и времени, что может привести к необходимости использования внешнего стимула, т.е. оплаты.

Конечно, нередко удастся проводить фокус-группы и без оплаты их участников, но в этом случае возникает проблема их неявки. Ориентация на бесплатных участников может усилить сдвиг выборки, поскольку социально-психологические характеристики соглашающихся и отказывающихся, скорее всего, различны.

2. Как уже говорилось, отличительной особенностью фокус-групп является наличие в них не только транзакций "интервьюер-респондент", но и транзакций "респондент-респондент". Это создает много методических и организационных проблем, но в то же время является источником информации, которая в индивидуальном интервью часто не может быть получена. Данный аспект в чем-то сближает фокус-группы с включенным наблюдением, однако последний метод несопоставимо дороже, требует больших затрат времени, а возникновение нужных исследователю ситуаций (например, перебранки в очереди или стихийного обмена мнениями между домохозяйками в магазине) спонтанно и непредсказуемо²².

Ценность для исследователя транзакций "респондент-респондент" связана со следующими факторами. Во-первых, высказывания респондентов могут служить эффективными стимулами для других. Эти стимулы часто бывают неожиданными для исследователя, поэтому их невозможно составить заранее и включить в план индивидуальных интервью. Во-вторых, групповая дискуссия способствует активизации ассоциативных связей в сознании ее участников. В-третьих, в групповых дискуссиях часто удается добиться высокой степени раскрепощения и спонтанности ответов (однако возможна и прямо противоположная ситуация, поэтому названный эффект не является гарантированным). В-четвертых, высший темп обсуждения создает, конечно, трудности вербализации мыслей у респондентов, вызывая потери значимой информации, но в то же время он способствует мобилизации их языковых средств, делая итоговый материал более концентрированным. В-пятых, групповая дискуссия часто создает предпосылки для повышения рефлексии

²¹ В ряде случаев короткие фокусированные интервью можно проводить по телефону, записывая разговор на магнитную ленту. Этот метод применим, конечно, не всегда, и у него есть много недостатков, но он обеспечивает очень значительную экономию времени и финансовых средств. В некоторых случаях бывает дешевле курьером доставить респонденту подлежащий обсуждению предмет (образец товара, набор политических листовок и т.п.), а затем побеседовать с ним по телефону, чем направлять к нему квалифицированного интервьюера или привлекать его к участию в фокус-группе.

²² Наблюдатель может, конечно, провоцировать такие ситуации, но это с одной стороны, не всегда возможно, а с другой требует от исследователя очень высокой квалификации.

респондентов. Как отмечает Д.Морган, часто бывает, что участники фокус-групп начинают полностью отдавать себе отчет в собственных взглядах лишь после того, как встретят активное несогласие со стороны других членов группы [166, с.17].

Недостатки фокус-групп. В отличие от списка достоинств перечен недостатков является менее определенным. Во многих случаях следует, по-видимому, говорить не о недостатках, а о границах применимости рассматриваемого метода. Назовем две группы таких недостатков или ограничений.

1. Очень высокие квалификационные требования к ведущему²³ и недостаточная проработанность теоретических и методических проблем, связанных с проведением фокус-групп. Эти два фактора взаимосвязаны, поскольку методическая непроработанность затрудняет процесс профессиональной подготовки интервьюеров, способных проводить групповые интервью. Квалификация ведущих в значительной мере приобретает ими путем самообучения непосредственно в процессе проведения фокус-групп. Специфика метода требует от ведущего, в дополнение к качествам индивидуального интервьюера, быстрой реакции, хорошего владения собой, умения гасить конфликты.

Высокие квалификационные требования к ведущему не являются, конечно, принципиальным ограничением в тех случаях, когда методика фокус-групп хорошо отработана и приспособлена к какой-то частной проблеме, например, изучению потребительских свойств товаров, а проведение таких групп осуществляется регулярно, т.е. поставлено на поток. Можно не сомневаться, что западные коммерческие фирмы, проводящие маркетинговые и политологические исследования, имеют штаты высококвалифицированных ведущих, навыки которых адаптированы к типичным для соответствующих фирм исследовательским задачам. Ситуация в методически неосвоенных сферах более сложна: здесь исследователь или ведущий вынужден самообучаться методом проб и ошибок. При проведении фокус-групп ведущий может сталкиваться с большим числом непредвиденных ситуаций, описание и типологизация которых в научной и методической литературе далеко не завершена.

Если в западных странах привлечение квалифицированных ведущих часто является лишь одной из статей затрат, связанных с их подготовкой и оплатой, то в России, где традиции исследований с использованием фокус-групп лишь начинает складываться, квалификационные ограничения являются не только технической, но и принципиальной проблемой, не всегда решаемой с помощью денег²⁴.

²³В зарубежной литературе ведущего называют словом "модератор", что значит "умеряющий". В этом термине отражена одна из основных функций ведущего.

²⁴Эта проблема затшевывается тем, что в настоящее время в России заказчики социологических исследований предъявляют очень низкие требования к качеству результатов. Низкая требовательность заказчиков, как известно, не стимулирует отладку технологии и позволяет выполнять работу на низком квалификационном уровне.

2. Метод фокус-групп не позволяет раскрывать темы с той глубиной, которую обеспечивает индивидуальное интервью. Такова неизбежная плата за сравнительную дешевизну и экономию времени. Этот недостаток можно трактовать как ограничение, которое не позволяет использовать данный метод для изучения тех проблем, которые требуют высокой детализации и заглублиния. В связи с этим фокус-группы являются весьма эффективным инструментом для изучения реакций, установок, мотивов, мнений, могущих быть выраженными в компактной форме, но не сложных тем, требующих для своего раскрытия продолжительных и развернутых высказываний. Именно по этой причине фокус-группы нашли наиболее широкое применение в тех проблемных областях, где предметом обсуждения может служить конкретная стимульная ситуация: образцы товаров, выступления политиков, кадры из кинофильмов и т.д.

Как отмечает Д.Морган, исследователь, проводящий фокус-группы, постоянно сталкивается с проблемой неупорядоченности обсуждения. Устранить этот хаос, не нарушая спонтанности высказываний, по-видимому, нельзя. Вместе с тем, непоследовательность обсуждения не следует однозначно считать недостатком метода, поскольку конечным результатом работ фокус-групп является не протокол обсуждения, а извлеченный из него набор высказываний по конкретным аспектам проблемы. В связи с этим неупорядоченность текста не следует считать его недостатком. Известная неупорядоченность дискуссии может играть даже полезную роль, повышая разнообразие ответов.

Если тема, обсуждаемая в группе, объективно сложна и требует детального раскрытия, респонденты и сам ведущий вынуждены обрывать выступление друг друга. Взаимный обрыв высказываний влечет за собой распад дискуссии: каждый участник стремится досказать свою мысль, и групповое взаимодействие не складывается. В качестве примера можно привести фокус-группы, посвященные проблемам и трудностям экономических реформ, проводившиеся в 1991 г. в Москве франко-российской группой социологов. Организаторам этой работы удалось собрать сильный состав участников, включавший в себя экономистов, юристов, директоров государственных предприятий и предпринимателей, однако жанр групповой дискуссии оказался, с нашей точки зрения, неподходящим для обсуждений намеченных проблем²⁵.

Процессы групповой динамики в фокус-группах. Групповой динамикой называется совокупность внутригрупповых социально-психоло-

²⁵Думается, что обсуждение было бы более успешным, если бы оно было организовано в традиционном жанре научно-практической конференции, где каждому из участников дается возможность выступить с продолжительным докладом, а затем происходит организованный обмен мнениями. Использование метода фокус-групп следует рассматривать в данном случае как не вполне критичное следование методической моде. Групповые дискуссии, по-видимому, вообще непригодны для обсуждения тех проблем, которые в главе 4 были названы зонами компетентности респондентов. Как ни странно, фокус-группы по проблемам экономической реформы прошли бы более успешно, если бы для участия в них были приглашены не высококвалифицированные эксперты, а представители населения.

гических процессов, характеризующих цикл ее жизнедеятельности. К их числу относится выработка групповых мнений и нормообразование, причем оба эффекта могут оказывать очень сильное воздействие на высказывания членов группы. Конечным результатом динамических процессов может стать либо так называемая групповая нормализация, при которой изначально разнородные позиции участников сглаживаются и приобретают характер единого, разделяемого всеми усредненного мнения, либо групповая поляризация, при которой разнородные мнения и позиции не сглаживаются, а оформляются в противостоящие и несогласуемые [84, с.87-88].

Оценку роли процессов групповой динамики следует начать с того, что фокус-группы не являются единственным методом, в котором осуществляются дискуссии. Групподинамические процессы в различных типах исследований могут выступать в роли:

а) предмета исследования, как это имело место в экспериментах К.Левина и его последователей;

б) полезного эффекта, способствующего достижению поставленных целей, таких как выработка групповых решений, согласование мнений (например, в методиках типа "дельфи") и т.д.;

в) вредного эффекта, препятствующего достижению поставленных целей.

Ответ на вопрос, являются ли эффекты групповой динамики полезными или вредными при проведении фокус-групп, во многом зависит от семантики, т.е. от того, какое точное определение мы дадим термину "фокус-группа". Если под этим термином понимать групповое интервью, направленное на получение неискаженных мнений участников обсуждения, то динамические процессы следует рассматривать скорее как вредный эффект, подлежащий нейтрализации, хотя такая оценка нуждается в оговорках.

Процесс изменения мнений участников в ходе групповой дискуссии может иметь когнитивный и нормативный характер. Когнитивная динамика мнений - это процесс их естественной трансформации под действием аргументов противной стороны или просто высказываний собеседников, а также внутренних умственных процессов индивида. Учитывая существование такого эффекта, исследователь должен решить для себя, какое мнение респондентов его больше интересует - до или после дискуссии, либо и то, и другое. Так, Д.Морган считает, что фокус-группы являются хорошим способом наблюдения за процессами развития и формирования мнений [166, с.16]. Правда, при этом возникает вопрос, следует считать проводимую с этой целью дискуссию фокус-группой или экспериментом по изучению групповой динамики. С другой стороны, следует признать, что к моменту начала дискуссии мнения многих участников по обсуждаемому вопросу могут быть слабо артикулированными, и лишь в ходе обсуждения они получают словесное оформление.

Нормативная динамика мнений - это процесс их трансформации под действием нормативного контроля или давления группы. Много-

численные психологические эксперименты показывают, что действие такого давления может быть исключительно сильным, и лишь немногие индивиды способны ему противостоять. Поскольку в фокус-группе развитие такого сценария неприемлемо, ведущий должен сразу задать обсуждению "либеральный" нормативный стандарт, в соответствии с которым каждый участник дискуссии имеет право на свое личное мнение, не совпадающее с мнениями других. На ведущем лежит обязанность защищать это право в случае попыток его нарушения. Согласно Р.Мертону и соавторам, одна из основных предпосылок успешного проведения фокус-группы - создание группового стандарта свободного и открытого обсуждения [63, с.147]. Существует однако и более мягкая форма навязывания мнений, которая осуществляется на полусознанном или бессознательном уровне, и потому не фиксируется участниками дискуссии. Интервьюер должен обладать очень большим опытом, чтобы уметь замечать эти формы навязывания.

В маркетинговых исследованиях проблема нейтрализации жестких форм нормативного давления, насколько можно судить, не является актуальной, поскольку предмет обсуждения аффективно нейтрален. В связи с этим вряд ли можно ожидать, что в группе разгорится острый конфликт из-за предпочитаемого сорта соуса или цвета ботинок. Однако "мягкие" формы навязывания в них, конечно, возможны: гурман, обладающий хорошими ораторскими способностями, попав в состав группы, может резко изменить мнение других ее участников относительно предпочитаемых продуктов питания (то же самое можно сказать о модниках в отношении одежды, обуви и т.п.).

В политологических и других исследованиях, затрагивающих аффективные стороны личности участников дискуссии, риск возникновения искажений, а также блокирующих обсуждение конфликтов, значительно более велик. Тактические приемы, предотвращающие эти эффекты, требуют изучения.

Сдвиги и искажения в мнениях респондентов, возникающие в ходе групповых интервью, как и в случае использования других качественных методов, во многом компенсируются принципами типологического анализа, в рамках которого осуществляется поиск и группировка типов, но не оценивается степень их распространения в демографической популяции. При этом исследователь, конечно же, не ограничен только эмпирически выявленной типологией: он может логически ее достроить, а затем выявить "недостающие" типы с помощью других методов исследования. Определение удельных весов выявленных типов требует, как уже говорилось, проведения репрезентативных анкетных опросов. Многие исследователи считают, что в пределах зоны их применимости фокус-группы являются наиболее эффективным доанкетным методом исследования, работающим по принципу "стохастического генератора" типологических случаев.

6.3.3. Организация и проведение фокус-групп

Определение числа групп. При использовании метода фокус-групп учетной, организационной и аналитической единицей является не

индивид, а группа. Необходимое для исследования число групп определяется степенью разнообразия хода дискуссий в них, а также степенью разнородности изучаемой социальной совокупности, Д.Морган, ссылаясь на мнение других исследователей, считает, что при работе с группами с однородным социальным составом для целей качественного анализа достаточно провести три-четыре группы. С его точки зрения, такое число групп, как правило, удовлетворяет субъективному критерию, введенному В.Каудером: если ведущий в состоянии мысленно предсказать, каким будет следующее высказывание в группе, исследование следует считать законченным. В том случае, когда в планы исследователя входит проведение контент-анализа записей обсуждения, число групп, по Моргану, следует увеличить до шести-восьми. Бывает, что некоторые группы оказываются настолько нетипичными или странными, что следует осуществлять их замену.

В случае, если методические или иные причины требуют отдельного проведения групповых интервью с представителями разных социальных контингентов (например, при отдельном опросе мужчин и женщин, представителей низших и высших слоев и т.д.), необходимое количество фокус-групп увеличивается пропорционально числу этих контингентов.

Называя приведенные выше цифры, Д.Морган, по-видимому, неявно ориентируется еще на один критерий, а именно на объем первичного материала, получаемого в результате групповых интервью. При двухчасовой продолжительности дискуссии этот объем составляет около 50 стандартных страниц. Четыре группы дадут, соответственно 200, а восемь - 400 страниц. Это примерно соответствует тем количественным критериям, которые были введены нами для индивидуальных интервью.

Продолжительность обсуждения. Стандартная физиологически обусловленная длительность групповой дискуссии - два часа. В случае ее продолжения следует сделать перерыв, обеспечив участников кофе, бутербродами и всем необходимым для рекреации. Проводить с одной группой более двух двухчасовых циклов обсуждения в один день нецелесообразно. Проведение нового цикла дискуссии в последующие дни часто сталкивается с проблемой неявки участников, особенно если они мотивированы недостаточно сильно. Авторы методических пособий указывают, что если нет специальных методических оснований проводить несколько циклов обсуждений с одной и той же группой, продуктивнее осуществлять сравнительно короткие интервью с разными группами, чем длительные с одной. Существует, однако, метод повторных дискуссий, цель которого - выявление влияния тех или иных контролируемых факторов на мнение участников, но этот метод следует рассматривать особо.

Определение числа участников. Суммируя мнения по данному вопросу различных авторов, оптимальное число участников фокус-группы можно определить в 8-12 чел. Так Р.Мертон и соавторы считают оптимальной численность 10-12 чел., которая в некоторых случаях без ущерба для качества обсуждения может быть увеличена

до 15-20 чел. [63, с.142]. По мнению В.Мангольда, оптимальная численность составляет от 6 до 10 чел., допустимая от 3 до 20 чел.[60, с.212]. Д.Морган также называет оптимальной численность 6-10 чел., допуская расширение этих пределов до 4-12 чел. При составлении конкретного списка участников Морган рекомендует на 20% увеличить планируемую численность, чтобы компенсировать возможные неявки.

С содержательной точки зрения оптимальная численность участников определяется балансом факторов, действующих в сторону ее повышения и снижения. Большие группы обладают двумя недостатками. Во-первых, они плохо управляемы и имеют тенденцию раскалываться на подгруппы, ведущие автономные обсуждения. Во-вторых, дискуссия в них редуцируется к обмену мнениями между наиболее активными участниками, тогда как менее активные превращаются в молчаливую аудиторию. В малых группах, напротив, существует риск затухания дискуссии (чем меньше группа, тем более велик этот риск). Кроме того, малые группы более чувствительны к индивидуальной специфике отдельных ее членов (в больших группах участники как бы уравнивают влияние друг друга). При прочих равных условиях большая группа обеспечивает больший охват мнений, что соответствует самой идее группового интервью.

Целесообразная численность участников зависит от характера обсуждаемых вопросов. Сложные темы, требующие пространных выступлений, лучше обсуждать в малой группе. Простые либо редуцируемые к коротким высказываниям вопросы делают возможным увеличение числа участников.

Более гомогенный социальный состав группы при прочих равных условиях позволяет увеличить ее численность.

Подбор участников. Как показали многочисленные эксперименты, чем более социально и интеллектуально гомогенной является группа, тем более продуктивно она работает. В тех случаях, когда члены группы различаются по своему социальному статусу, умственным способностям и уровню образования, интервью подвергается двоякому разрушению. Во-первых, респонденты, принадлежащие к разным социальным слоям, различаются и по своему социальному опыту, который оказывается малозначимым для других. И хотя для исследователя эти различия могут представлять большой интерес, респонденты из других слоев, для которых описываемый опыт является малозначимым, отключаются от дискуссии, либо, наоборот, проявляют нетерпение. Во-вторых, респонденты с более низким социальным статусом или образованием чувствуют себя скованно, в частности потому, что им трудно конкурировать с более образованными людьми в способности вербально выражать свои мысли [633, с.143]. В некоторых случаях различия в статусах, особенно возрастных, могут провоцировать конфликты.

Из всех социальных параметров наиболее важно обеспечить гомогенность группы по двум - образованию и возрасту. Первый параметр в решающей степени влияет на способность участника вербально выражать свои мысли. Он же частично коррелирует с

социальным статусом респондента, а частично нивелирует статусные различия. Из возрастных групп весьма специфичной являются подростки до 18 лет и молодежь от 18 до 25 лет. Эти возрастные контингенты в ходе дискуссии плохо сочетаются со старшими возрастами: между ними постоянно возникают непонимание и напряженность. Чем меньше средний возраст участников обсуждения, тем большее значение приобретает фактор дифференциации возрастов. Для лиц моложе 18 лет допустимый возрастной интервал составляет 1-2 года.

Состав участников фокус-группы определяется задачами исследования в том смысле, что респонденты должны иметь какое-то мнение по обсуждаемому вопросу и это мнение должно быть значимым для исследователя. Так, Р.Мертон и его коллеги в соответствии с поставленной перед ними задачей опрашивали новобранцев, отправляемых на фронт. При этом женщины, пенсионеры и другие не подлежащие призыву социальные группы не входили в состав опрашиваемых. В маркетинговых исследованиях заказчиков обычно интересуют мнения не всех представителей населения, а лишь потенциальных покупателей, например домохозяек. Однако априорные гипотезы относительно контингента покупателей могут быть ошибочными, поэтому для более точного его определения могут применяться специальные методы, например, анкетные опросы. Последние могут использоваться также для выявления других специфичных групп, интересующих исследователя в соответствии со стоящей перед ним проблемой.

В политологических исследованиях, в отличие от предыдущих, релевантной является не какая-то частная социальная совокупность, а все голосующее население. Учитывая гетерогенность избирателей по статусу, образованию и возрасту, в этом случае, в соответствии с методическим принципом обеспечения гомогенности состава участников, необходимо формировать отдельные группы по названным выше признакам.

Требование гомогенности социального состава участников не следует отождествлять с гомогенностью их взглядов и установок. Теоретически с помощью предварительных анкетных опросов несложно сформировать однородные по этим признакам группы, однако организуемые в них дискуссии, как правило, непродуктивны [166, с.335].

Общее правило формирования состава фокус-групп заключается в том, что они должны состоять из незнакомых людей. Участие друзей, родственников и знакомых ухудшает качество обсуждения и может создавать очень сложную групповую динамику, с которой не справится даже опытный интервьюер.

Функции ведущего. Роль ведущего, виды применяемых им стратегий и тактик ведения обсуждения, а также варианты и модификации метода должны быть, конечно, главной темой при описании фокус-групп, однако отсутствие материалов и отрефлексированного опыта не дают возможности осветить эти вопросы в должном объеме. Ограничимся кратким описанием

некоторых, наиболее очевидных, функций ведущего.

Степень и характер влияния ведущего на ход обсуждения во многом аналогичны контролю над темой и усилиями по фокусировке в индивидуальном интервью, однако групповой характер дискуссии требует осуществления и ряда дополнительных регулирующих воздействий к числу которых относятся следующие.

1. Поддержание приблизительной равномерности участия всех членов группы. Среди респондентов всегда находятся более активные люди, говорящие больше других. Наличие таких людей весьма полезно для активизации дискуссии и предотвращения ее затухания²⁶. Однако их склонность к доминированию снижает для остальных возможность высказать свое мнение. Несколько наиболее активных членов группы могут замкнуть дискуссию на себя, независимо от того, являются они противниками или единомышленниками. Прочие участники в этом случае отсекаются от обсуждения. В этой ситуации от ведущего требуется сдерживание наиболее активных респондентов (не задевая при этом их самолюбия) и активизация наиболее сдержанных. Последнее требует внимательного наблюдения за их вербальными и невербальными реакциями, выражающими желание что-то сказать. При обнаружении таких реакций следует сразу предоставить им слово. В случае упорного молчания тех или иных членов группы допустима прямая просьба высказать свое мнение.

Если некоторые из участников были особенно молчаливы, целесообразно после окончания дискуссии провести с ними индивидуальные интервью, направленные на выяснение причин такого их поведения.

2. Погашение конфликтов. Если содержание дискуссии сильно затрагивает аффективные стороны личности респондентов, возможны нарастание эмоциональной напряженности, возникновение перепалки, враждебности и взаимных обвинений [63, с.152]. Эти явления нежелательны с этической точки зрения. Кроме того, при возникновении конфликта обсуждение становится неконтролируемым и в подавляющем большинстве случаев уходит от заданной темы. Для предотвращения таких ситуаций ведущий должен вовремя фиксировать обострение дискуссии и гасить зарождающиеся всплески эмоций, напоминая об этике дискуссии и о праве каждого иметь свое мнение.

3. Возврат дискуссии в русло обсуждаемых проблем. Эта функция сродни той, что возникает при индивидуальном интервьюировании. В обоих случаях этот вид контроля следует осуществлять осторожно, поскольку он нарушает спонтанность обсуждения. Методически регулирование хода обсуждения целесообразно осуществлять не путем прямого прерывания дискуссии, а путем постановки вопроса, как бы детализирующего одно из предшествующих высказываний кого-либо

²⁶Иногда в состав фокус-группы включают одного из исследователей, который может играть роль "активатора" дискуссии, а также выполнять ряд других функций: способствовать раскрепощению обсуждения и повышению степени его открытости, высказывать те или иные острые суждения и т.п.

из респондентов.

4. Запуск дискуссии в случае ее затухания. Возобновление обсуждения может осуществляться либо путем постановки новой темы из числа намеченных к обсуждению, либо путем возврата к какой-либо обсуждавшейся ранее путем постановки развивающего ее вопроса.

Как и индивидуальные интервью, фокус-группы могут различаться по степени активности воздействия ведущего на ход обсуждения. Это воздействие может быть, соответственно, слабым и сильным. В обеих группах методик действует, по-видимому, один и тот же принцип, согласно которому чем конкретнее предмет обсуждения и чем лучше методически освоена соответствующая проблемная область, тем большим может быть воздействие ведущего. В частности, по имеющимся сведениям в маркетинговых исследованиях степень такого воздействия весьма высока, однако применяемые при этом конкретные приемы требуют изучения.

Искажения, вносимые ведущим в ход обсуждения, во многом аналогичны искажающим воздействиям интервьюеров в индивидуальных интервью. Причинами наводящих или искажающих стилей ведения группового обсуждения могут быть личная точка зрения ведущего, а также эффект проведения предыдущих фокус-групп, которые могли сформировать у него определенные установки и ожидания. В качестве специфичного искажающего эффекта отметим произвольное стремление ведущих повышать степень согласия в группе [166, с.38].

Технические аспекты организации обсуждения. Р.Мертон и его коллеги, исходя из своего опыта, пришли к выводу, что на спонтанность и характер обсуждений влияет размещение группы в пространстве. Наиболее благоприятной для сознания соответствующей атмосферы является, по их мнению, модель круглого стола, где интервьюер располагается как один из участников. Если помещение не позволяет осуществить такое размещение, может быть использован полукруг или длинный П-образный стол. По мнению названных авторов, интервьюируемые ни при каких обстоятельствах не должны располагаться рядами перед интервьюером, так как это слишком напоминает классную комнату и ассоциируется с "правильными" и "неправильными" ответами [63, с.145]. Некоторые более поздние авторы высказывали мнение, что модель классной комнаты все же является допустимой и даже обладает некоторыми преимуществами, обеспечивая лучший контроль ведущего над обсуждением, а также облегчая ведение видеозаписи [166, с.51]. Точки зрения и аргументы различных авторов по данному вопросу требуют дополнительного изучения.

Наиболее приемлемой формой фиксации материала обсуждения является звукозапись, что требует оснащения столов микрофонами. Передача микрофонов от одного участника к другому нежелательна. При расшифровке текстов важно указывать, кто именно произносит соответствующие фразы. Если фокус-группа не записывается видекамерой, в помещении должен находиться наблюдатель, который

фиксирует фамилии или псевдонимы выступающих. Порядок, при котором каждый выступающий называет себя перед тем, как высказаться, сильно нарушает спонтанность обсуждения.

Применение видеозаписи технически возможно, но сложно, поэтому данный вопрос требует обдуманного решения. Открытое использование видеокамер создает у опрашиваемых ощущение определенной назойливости и дискомфорта. Данный эффект может быть устранен путем использования скрытой камеры, однако оно предъявляет высокие требования к подготовке помещения и увеличивает затраты, особенно если учесть, что в случае использования модели "круглого стола" таких камер требуется несколько. Кроме того, видеозапись требует соответствующего освещения, отсутствия окон и т.п. С другой стороны, применяя видеозапись, исследователь должен быть уверен, что она действительно ему нужна. Из практики проведения фокус-групп известно, что нередко возникали ситуации, когда исследователь в ходе анализа материала работал лишь с протоколами обсуждений, а полученные с большим трудом и затратами видеозаписи оставались неиспользованными.

В западных странах инициаторами использования видеозаписи в маркетинговых и политологических исследованиях часто выступают не исследователи, а заказчики, которые хотят непосредственно наблюдать за реакцией опрашиваемых. При проведении маркетинговых фокус-групп используются также помещения с полупрозрачной стеной, находясь за которой, руководство фирмы-заказчика может присутствовать на обсуждении, оставаясь невидимым. К сожалению вряд ли можно ожидать, что такая практика в скором будущем распространится и в России. Во-первых, подобная организация работы требует немалых затрат, которые не по силам многим отечественным исследователям, а во-вторых, трудно себе представить, чтобы российские директора или политические деятели были столь озабочены мнением населения, что сочли бы возможным затратить несколько часов на просмотр видеозаписей или непосредственное присутствие на фокус-группе.

Приложение.

ДИСКУССИОННЫЕ МАТЕРИАЛЫ

В предисловии говорилось, что данное издание этой книги является в определенном смысле вторым, поскольку за последние три года она довольно широко разошлась в ксерокопиях. Автором получено большое число отзывов, и одобрительных, и критических. Представляется, что читателям будет интересно ознакомиться с некоторыми дискуссионными материалами, отражающими разные точки зрения.

Отзыв

на рукопись книги С.А.Белановского "Методика и техника фокусированного интервью"

Названная работа С.А.Белановского представляется автору настоящего отзыва новаторской по замыслу и образцовой по исполнению. В ней отчетливо выделяются две части.

Одна, представленная первой главой и выполняющая роль расширенного теоретико-методологического введения, содержит принципиальную постановку вопроса о соотношении количественных и качественных методов, их взаимодополнительности в социальных исследованиях. В ней критически рассматривается сложившийся к настоящему времени в отечественной социологии перекос в сторону сциентистской, негуманитарной парадигмы социологического изыскания в ущерб так называемым мягким, гибким методам наблюдения и анализа. Критика резкая, порой нелицеприятная, но по сути обоснованная и справедливая, точно вскрывающая конкретно-исторические причины и собственнонаучные обстоятельства методологического кризиса, переживаемого нашей социологией. За исключением ряда давних работ В.Н.Шубкина, нескольких работ В.А.Ядова последнего времени, трудно найти в нашей литературе столь же основательную и бескомпромиссную социологическую самокритику.

Вторая часть работы С.А.Белановского (главы 2-5) представляет собой собственно учебно-методическое пособие для социологов, экономистов, социальных психологов, журналистов, как заявлено в подзаголовке книги. Здесь автор выступает преимущественно уже в качестве методиста, тонкого аналитика всевозможных аспектов подготовки, проведения и интерпретации результатов одного из эффективнейших методов эмпирической социологии, исключающего математическую обработку данных. Столь разносторонняя и филигранная проработка этой более частной, методической проблематики в российской литературе нам также неизвестна.

С.А.Белановский в своей книге выступает как методолог и методист отнюдь не узозрительного плана. Его личный многолетний, богатейший опыт работы именно с методикой фокусированного интервью, в котором, на наш взгляд, ему удалось достичь подлинной виртуозности (см., например, опубликованные работы - "Производственные интервью", "Дедовщина в армии") находит итоговое обобщение в данной книге. Вместе с тем, С.А.Белановский активно опирается на мировую социологическую традицию, а также на (пусть пока мало отрефлексированную) отечественную практику. Широко используя в своей книге, в частности, наработки западной социологии в данной области, он делает это всегда очень корректно, так что легко можно отличить собственный авторский вклад от наблюдений и выводов других исследователей.

Автор настоящего отзыва относит себя к научным единомышленникам С.А.Белановского. Мои собственные поиски в области разработки и внедрения неколичественных методов в нашу социологию (исследование жизненных путей в 1970-е гг., фокусированные интервью "Ожидаете ли Вы перемен?" конца 1970-х - начала 1980-х гг., наблюдающее участие в конкретной социальной-производственной ситуации и "экспериментальная социология" в 1980-е гг.) в основном исходят из тех же методологических принципов. Не могу не выразить глубокого удовлетворения тем, что эти принципы получили в книге С.А.Белановского столь глубокое осмысление, оригинальный синтез и адекватную систематизацию.

Принципиальная значимость первой главы в контексте всей работы С.А.Белановского представляется столь большой, что, пожалуй, было бы правомерно озаглавить книгу: "Фокусированное интервью. Методологическое обоснование, методика и техника". Впрочем, от скромности завяки, при дерзновенности исполнения, книга не проигрывает. Работа С.А.Белановского отличается прозрачностью композиции ясностью изложения, дидактическими достоинствами. Желательно устранение мелких стилистических или терминологических огрехов (вроде употребления термина "опросник" наряду с "вопросником"), для чего, на наш взгляд, достаточно внимательной вычитки рукописи самим автором, в процессе издания. Пожалуй, в книге недостает хотя бы краткого авторского заключения.

Резюме: 1) Книга С.А.Белановского безусловно заслуживает скорейшего издания. 2) Она вполне может быть рекомендована в качестве учебно-методического пособия, в частности, для студентов социологических факультетов и курсов, а также ряда других гуманитарных специализаций. 3) Книга может быть представлена на защиту для соискания ученой степени доктора социологических наук и дает все основания для присуждения такой степени.

Как стало недавно известно автору настоящего отзыва, рукопись книги

С.А.Белановского, среди прочих откликов, встретила и резкое неприятие у некоторых ведущих специалистов в области методики и техники социологических исследований. Мне остается выразить на этот счет искреннее сожаление и даже недоумение. Возможно, этому отчасти способствовал полемический задор автора, его, иногда подчеркнутая, независимость суждений и "безоглядность" критики, впрочем, всегда остающийся в рамках научного спора. Хочу выразить надежду и даже уверенность, что это не помешает книге найти дорогу к заинтересованному в ней читателю и получить заслуженное ею признание широкой научной общественности.

*Ведущий научный сотрудник СПбФ Института
социологии РАН, кандидат философских наук
А.Н.Алексеев
25 января 1993 г.*

**Рецензия
на книгу С.А.Белановского "Методика и техника
фокусированного интервью. (Учебно-методическое пособие для
социологов, экономистов, социальных психологов,
журналистов)".**

В отечественной социологии существует огромный дефицит литературы по так называемым "мягким" разновидностям метода опроса, которые в западной традиции связаны с теоретическими концепциями, объединяемыми общим названием качественной социологии (этнометодология, феноменология и др.). Эта группа методов активно и успешно используется западными социологами в решении множества прикладных задач в сфере маркетинга, управленческого консультирования, конфликтологии и т.д. В связи с расширением контактов с западными социологическими центрами, резко повысился интерес к "мягким" вариантам метода опроса и в отечественной социологии: это свободное, фокусированное интервью, интервью с путеводителем, фокус-группы и др. Мне известны социологические центры как в Москве, так и на периферии, которые используют эти методы, опираясь на опыт западных социологов, заимствованный из личных контактов и через литературу, к сожалению не переведенную на русский язык.

Проблема состоит в том, что активное освоение и накопление этого опыта значительно опережает его описание и методологическое осмысление. Отсутствие пособий и публикаций по проблемам "мягких" методов опроса становится серьезным препятствием для выхода отечественных социологов на уровень международных нормативных требований к методологии опросов, а неудовлетворенная потребность в методическом знании множит дилетантские, подражательские исследования, в которых подвоя журналистских интервью объявляются то клиническими, то фокусированными, то свободными, то просто "мягкими".

В этой ситуации книга С.А.Белановского могла бы сослужить добрую службу отечественной социологии, если бы не целый ряд серьезных просчетов, которые не позволяют мне рекомендовать ее к публикации, во всяком случае в том виде, как она представлена автором.

Главный ее недостаток состоит в том, что ее содержание плохо согласовано с многообещающим названием книги в целом, и ее разделов. Жанр учебно-методического пособия предполагает изложение нормативных принципов использования метода, апробированных и признанных научным сообществом. В книге С.А.Белановского нормативная информация о принципах фокусированного интервью (по Мертону и соавторам) сильно "разбавлена" полемическим и эмоционально-публицистическим пафосом, более уместным в жанре проблемной монографии или в научной публицистике, причем и стиль, и содержание полемических суждений весьма спорны.

Собственно о фокусированном интервью речь идет только там, где автор пересказывает работу Мертона с соавторами и где этот пересказ дополняется отдельными примерами из опыта С.А.Белановского. Там же, где речь идет об отечественном опыте (журналистские интервью и интервью социолога с заказчиком),

специфика именно фокусированного интервью не рассматривается, хотя критическая и обличительная информация о практике этих интервью присутствует в изобилии. Стоит привести пример такой информации, поскольку он типичен для стиля "научной" полемики автора в этой книге. Цитируя отрывок из интервью известного журналиста Аграновского и высокую оценку методического мастерства Аграновского его коллегами-журналистами, С.А.Белановский тут же произносит суровый вердикт обоим: "...с точки зрения социолога эти книги (Аграновского - М.О.) представляют собой скорее образец журналистской разболтанности, связанный с отсутствием дисциплины мысли и неумения логически организовать большой по объему и логически сложный материал".

Точно так же, наотмашь и походя, автор раздает сентенции-подзатыльники отечественной социологии в целом и отдельным социологам, совершенно сохраняя стиль зубодробительной критики, хорошо памятный всем по "закрытым письмам" и печально известным постановлениям ЦК КПСС по вопросам культуры, литературы, науки и социологии.

Опыт автора в области неформализованных интервью знаком мне по его статье, опубликованной в сборнике "Сравнительный анализ и методика социологических исследований", М., 1989 г. (Под редакцией Андреевкова и Масловой). В то время С.А.Белановский еще не связывал свой опыт с термином "фокусированное интервью" и его статья называлась "Сравнительный анализ свободного и формализованного интервью в социально-экономических исследованиях". Публикации текстов самих интервью, посвященные производственным проблемам и проблемам дедовщины в армии, по методическим характеристикам также относятся к технике неформализованных опросов, понимаемых в широком смысле этого термина без "привязки" к строго обозначенной разновидности этого класса методик. Поэтому обращение к проблеме фокусированного интервью (а это довольно узкая и четко определенная разновидность неформализованного интервью), вынесенное на обложку книги с подзаголовком о жанре учебно-методического пособия, порождает у читателя вполне логичные ожидания: получить описание специфики этого метода не только в пересказе опыта зарубежных социологов, но и на собственном авторском материале. Но текст производит впечатление механического соединения перевода книги Мертона с соавторами и фрагментов интервью С.А.Белановского (или его интервьюеров). В результате вполне понятно, что такое фокусированное интервью по Мертону, но что такое интервью Белановского по большей части понять затруднительно. Так же механически включена в текст "цитата" на шесть страниц убогистого текста из пособия для редакторов, приведенная в качестве учебного материала для социологов, схема по Амальрику. Автор становится для читателя как бы экскурсоводом по конспектам прочитанных им книг, причем выписки сопровождаются эмоциональным комментарием без серьезного анализа и аргументации - этакая житейская скороговорка на уровне здравого смысла.

Для жанра учебно-методического пособия такая стратегия выглядит, мягко говоря, странновата.

Раздел, посвященный соотношению количественных и качественных методов, выдержан в стиле ожесточенной полемики с "засилием" количественных методов, а конкретнее, со стандартизированными разновидностями опроса, использующими закрытые вопросы. Эта группа методов объявляется С.А.Белановским источником таких фундаментальных "бед" отечественной социологии как "стагнация" и "низкая эффективность". Спасение же от этих "бед" автор видит в обращении к качественным методам, т.е. к неформализованным разновидностям опроса. Причем опять-таки, автор не просто констатирует, но предписывает социологии это "лекарство" в директивно-авторитарном стиле. Например, выводы по этому разделу звучат так: "...предотвращение логических спекуляций и фантазерства, очищение сознания исследователя от разного рода "мифов" и неадекватных представлений, предотвращение унылого эмпиризма и смыслового распада данных". Возникают ассоциации со "священной войной" против вейсманизма-морганизма. Начинает казаться, что дело за малым: уточнить кто, где и когда будет "очищать сознание социологов"?

Все это выглядит странно по стилю и неверно по существу, поскольку в западной литературе дискуссии по поводу этой проблемы (соотношение качественных и количественных исследовательских стратегий) время от времени активизируются и затихают,

в целом привели к пониманию того, что нет методов "вообще хороших" и "вообще плохих", но есть методы адекватные и неадекватные исследовательской задаче. С.А.Белановский наряду с неустанной борьбой за "праведные" качественные методы иногда об этом вспоминает (в виде сделанных мимоходом оговорок о том, что стандартизированные методы тоже могут использоваться) и даже однажды дает конкретный рецепт допустимых сочетаний формализованных и неформализованных методов: "...неколичественные методики должны занять примерно половину ресурсов" и тогда получится "сбалансированная социология". Возникает вопрос: зачем же было так сурово бранить количественные методы?

В первой части книги, претендующей на решение задач теоретического анализа, много фактических неточностей, логических передержек и просто странных заявлений. Приведем несколько примеров.

Тезис об относительности влияния методологических оснований исследования на конечный результат иллюстрируется утверждением о том, что "... марксистско-ленинская методология не помешала советским физикам изобрести атомную бомбу". Продолжая развивать исходный тезис, автор говорит, что особенно опасно влияние неверной методологической базы для молодых исследователей, которые не обладают жизненным и научным опытом. Отсюда следует, что удачливые изобретатели атомной бомбы спаслись от губительного влияния марксизма... по старости.

Утверждается, что "стандартизированное интервью предназначено для получения одинаковой информации от каждого респондента"¹.

Можно, конечно надеяться, что на старых и закаленных читателей такая методологическая сентенция не подействует разрушительно, однако, что будет с молодыми?

Особенно озабочен С.А.Белановский книгой В.А.Ядова "Социологическое исследование. Методология, программа, методы". Заботливо опекая старшего товарища, признавая, что он таки довольно много сделал для отечественной социологии, автор принципиально указывает Ядову, где он недоучел и т.д. Вот, например, в разделе, посвященном гипотезам, их разработке, В.А.Ядов дает сопутствующее замечание о том, что при разработке гипотез в творческом процессе участвуют не только рациональное, логическое начало, но и творческая интуиция исследователя, приводящая иногда к спонтанным находкам и решениям. С.А.Белановский тут же заметил и "указал" на "...упрощенное интуитивистское положение". Так из попутной ремарки делается концепция, которая затем и критикуется.

Вообще тема гипотез в книге С.А.Белановского выглядит весьма загадочно. "Разоблачая" гипотезы в логическом позитивизме как "неправильную" методологическую основу социологических исследований, породившую стандартизированные вопросники, автор смиренно и кротко признает их необходимость в сфокусированном интервью, когда пересказывает работу Мертона², опять-таки не утруждая себя обоснованием, а ограничиваясь беглой скороговоркой.

Подобные примеры присутствуют в работе в количестве, недопустимом для публикации под грифом академического института социологии. Поэтому я не могу рекомендовать работу С.А.Белановского к изданию. Специально прошу не присылать мне эту работу на повторное рецензирование, если автор будет дорабатывать ее.

*Кандидат философских наук по специальности
"Прикладная социология", ведущий научный
сотрудник Института социологии РАН
О.М.Маслова*

¹Слово "одинаковой" - по-видимому опечатка. Заменено словом "однотипный". -С.Б.

²При редактировании слово "гипотезы" заменено словом "впечатления". - С.Б.

Выписка из протокола N 1
заседания Проблемного совета по методике и технике
социологических исследований Института социологии
Российской Академии наук.
6 января 1993 года

ПРИСУТСТВОВАЛИ: д.филол.н., профессор В.А.Ядов, д.филол.н. Г.С.Батыгин, д.психол.н., профессор Т.М.Дридзе, к.э.н. Г.А.Сатаров, к.филол.н. М.С.Косолапов - /сопредседатель Проблемного совета/, к.филол.н. О.М.Маслова - /сопредседатель Проблемного совета/, к.ф.н. И.В.Журавлева, к.филол.н. И.Ф.Девятко, к.филол.н. В.С.Магун, к.филол.н. А.А.Давыдов, к.э.н. С.А.Белановский, к.филол.н. Г.Г.Татарова.

Повестка дня

1. Обсуждение работы С.А.Белановского "Методика и техника фокусированного интервью. (Учебно-методическое пособие для социологов, экономистов, социальных психологов, журналистов)". М.: 1992 г.

СЛУШАЛИ: Сообщение С.А.Белановского о содержании работы.

М.С.Косолапов: Работа С.А.Белановского представлена для обсуждения Проблемного совета в качестве основы на соискание ученой степени доктора социологии по специальности "Методы социологических исследований". Целью обсуждения является заключение совета о возможности представления данной работы на защиту в Ученый совет Института социологии РАН.

В.А.Ядов: Впечатление о монографии противоречивое. С одной стороны тема ее, безусловно, актуальна для отечественной социологии, она имеет практическую ориентацию. Привлекательна и гражданская позиция автора. Но нужно признать и то, что в том виде, как она представлена сейчас, монография не отвечает строгим требованиям академической науки, можно говорить лишь о том, что есть определенная основа для написания докторской работы. Может быть стоит обсудить вариант защиты по совокупности опубликованных работ с кратким докладом о положениях и результатах, выносимых на защиту.

О.М.Маслова: Общая оценка работы отрицательная, о чем я подробно писала в рецензии для Редакционно-издательского отдела Института социологии РАН.

1) Содержание работы не соответствует ее названию и заявленному жанру учебно-методического пособия. Первая часть - публицистическое и очень субъективное описание соотношения количественных и качественных методов в социологии, последняя часть - мемуары из личного исследовательского опыта автора. 2) Описание исследовательской ситуации в отечественной социологии содержит множество фактических неточностей, отсутствуют целые направления и школы. Фрагментарна и библиография этой части. Эту главу монографии нельзя считать достоверной. 3) Совершенно отсутствует анализ взаимоотношений количественных и качественных методов, концепций в мировой социологии, где эта проблема имеет длительную историю и опыт позитивных решений. 4) Фрагментарен обзор классификаций видов интервью, что не дает возможности автору корректно определить собственную модификацию метода интервью в контексте уже существующих. 5) В целом текст монографии рыхлый, сырой по логике, по языку, стилю, композиции. 6) Учебно-методическое пособие может представляться к защите на докторскую диссертацию по педагогическим наукам. Наш совет не имеет к этому отношения. Вывод: предъявленная работа не может быть рекомендована для соискания докторской степени по социологии.

Батыгин Г.С.: Наука не отказывается ни от каких методов, если они не выходят за пределы научности. Из истории науки известно, что в ней время от времени возникают периоды декаданса, погружения знания в субъективность и ниспровержение ценностей. Пример такого декаданса - текст С.А.Белановского. Все, что в нем написано, нельзя ни подтвердить, ни опровергнуть. В работе не содержится ни постановки, ни решения научных проблем, не соблюдены требования к работе на соискание научной степени. Наше обсуждение даже нельзя назвать предзащитой.

Т.М.Дридзе: Поддерживаю замечания о неопределенности жанра и замысла работы. Отсюда вытекает и нечеткость задач обсуждения и разноречивость в критериях оценок. Дополнительно стоит отметить скудость библиографических источников по проблеме

интервью в отечественной социологии. Автор сам признает, что не открывает нового направления в методике, а только "расширяет" Мертон. Этого для докторской работы недостаточно. Постановки новых научных проблем в работе также нет: она описательна, хотя временами и полемична, и просто груба. Считаю некорректным резкое противопоставление количественных и качественных подходов. В реальной жизни их взаимодействие много сложнее, а специфика этих методов и их взаимоотношений автором только намечена, но не исследована. Вывод: в работе есть основа для методического пособия, но нужна большая доработка. Для рекомендации к защите докторской диссертации пока оснований нет.

В.С.Магун: Фокусированным интервью С.А.Белановский начал заниматься, когда этим еще никто не занимался. Я считаю его работу героической. И если он не соблюдает каких-то академических правил, то разве он не достоин тех маленьких пустяков и знаков отличия, которыми наша наука пока еще располагает?

И.Ф.Девятко: Странная позиция у предыдущего оратора. Он предлагает "принять в доктора" хорошего человека. А в монографии С.А.Белановского даже предмет не определен: речь идет то о качественных методах, то о фокусированном интервью, которое к качественной традиции не относится. Определение этого метода у Мертон вошло в мировую традицию, автор (С.А.Белановский) дает свою модификацию, а термин заимствует у Мертон. Это не корректно. Автор критикует книгу Ядова, которая является первичной рецепцией западного опыта, он сам дает вторичную и даже третичную рецепцию. Советская социология у Белановского искажена, да и западная тоже.

М.С.Косолапов: Автор демонстрирует в работе две логики: одну для других, другую для себя. Он критикует работу В.А.Ядова за "монополизм" позитивистской традиции, сам же фактически утверждает "монополизм" мягких методов. Ни то, ни другое утверждение к реальной исследовательской ситуации отношения не имеет, хотя смещение акцентов в работе отдельных авторов и школ, конечно, имеет место. Этот же прием используется в монографии не однажды. Работа не имеет четкого читательского адреса и требованиям, предъявляемым к докторским диссертациям, не соответствует.

Г.А.Сатаров: Категорически против рекомендации монографии С.А.Белановского к защите и против защиты по совокупности работ. Публикация протокола интервью - это только иллюстративное приложение к докторской диссертации, которая должна отвечать соответствующим требованиям. С.А.Белановский утверждает, что выносит на защиту технологию фокусированного интервью в соответствии с мировыми стандартами, адаптированную к отечественной исследовательской ситуации. Это неверно по двум причинам. Первая: отсутствует разработка этапа анализа первичных данных, следовательно о технологии говорить нельзя. Вторая: методика анализа этих данных в западной социологии разработана, т.е. о соответствии мировым стандартам тоже говорить нельзя. Считаю неприемлимым стиль и логику монографии С.А.Белановского: вместо объективного анализа исследовательской ситуации он придумывает "образ врага", который наиболее удобен для самовосхваления автора.

И.В.Журавлева: В монографии излагаются прописные истины о методе интервью, известные отечественной социологии с середины 60-х годов. Много содержится, например, в моей кандидатской диссертации, защищенной в начале 70-х годов, посвященной методу интервью. Новая литература автору, видимо, неизвестна, поэтому его модификация метода фокусированного интервью не представляет оригинального открытия ни в области процедуры, ни в типах решаемых задач. Рекомендовать работу к защите на соискание докторской степени не считаю возможным.

В выступлениях из числа приглашенных С.А.Белановским (Институт экономики, Факультет журналистики МГУ, ВЦИОМ) отмечались следующие достоинства монографии и других работ соискателя. Практическая полезность работы, положительные отзывы известных экономистов, самостоятельную ценность опубликованных протоколов интервью, потому что их интересно читать. Отмечалось, что методическое пособие по фокусированному интервью крайне необходимо как для социологов, так и для журналистов, оно помогает обучать интервьюеров.

В заключительном слове С.А.Белановский отметил: конструктивных замечаний, пригодных для непосредственного использования было мало. Главное несогласие выступающих вызвали острые полемические места в работе, которые можно частично

смягчить. Считаю, что учебник должен нести личную позицию автора, поскольку времена застоя прошли и учебник должен быть другим. Замечания нужно обдумать. С какими-то из них, вероятно, можно согласиться, но большинство из них я, скорее всего, принять не смогу. В книге выражена моя позиция, на которой я буду настаивать.

ПОСТАНОВИЛИ: Учебно-методическое пособие, представленное на соискание ученой степени доктора социологии по специальности "Методы социологических исследований" С.А.Белановским к защите на Ученом совете ИС РАН не рекомендовать.

ЛИТЕРАТУРА*

1. Абрамкин В.Ф., Белановский С.А., Марзеева С.Н. Один день с рэкетиром // Проблемы прогнозирования, 1991, N 5.
2. Аграновский А. Суть дела. М: "Политиздат", 1968.
3. Алексеев А.Н. Ожидали ли Вы перемен? (Из материалов экспертного опроса рубежа 70-х - 80-х годов), книги I-II. М.: ИС АН СССР, 1991.
4. Алексеев А.Н. Познание через действие. Фрагменты экспериментальной социологии, книги I-III. М.: ИС РАН, 1993.
5. Алексеев А.Н. Применение метода включенного наблюдения в комплексном социальном исследовании// Молодежь. Образование, воспитание, профессиональная деятельность. Л.: Наука, 1973, с.65-71.
6. Алексеев А.Н. Скрытая камера социолога // Знание - сила, 1982 N 3.
7. Алексеев А.Н. Человек в системе реальных производственных отношений (опыт экспериментальной социологии) // Новое политическое мышление и процесс демократизации. М.: Наука, 1990.
8. Амальрик А. Идеологии в советском обществе// Погружение в трясину. М.: Прогресс, 1991.
9. Американская социология. Перспективы, проблемы, методы. Пер. с англ.. М.: Прогресс, 1972.
10. Беккер Г., Босков А. Современная социологическая теория в ее преемственности и изменении. Пер. с англ. М.: Иностран. лит., 1961.
11. Белановский С.А. Некоторые мотивационные механизмы формирования молодежных коллективов и групп// Молодежь и культура. Проблемы досуга, художественного творчества, становления личности. М.: НИИ культуры РСФСР, 1985.
12. Белановский С.А. Социальный механизм планирования// Постигание. М.: Прогресс, 1989.
13. Белановский С.А. Сравнительный анализ свободного и формализованного интервью в социально-экономических исследованиях// Сравнительный анализ и методики социологических исследований. М.: ИС АН СССР, 1989.
14. Белановский С.А. Факторы эффективности управленческого труда в промышленности. М.: Наука, 1988.
15. Белановский С.А., Марзеева С.Н. Войны однополчан// Век XX и мир. 1990. N 11, с.22-28.
16. Белановский С.А., Писарева В.Н. Субкультура люберов. Научный отчет. М., 1989 (неопубликован).
17. Белановский С.А., Сокирко В.В. Интервью с председателем кооператива// Проблемы прогнозирования. 1991, вып.3.
18. Белановский С.А., Яременко Ю.В. Проблемы повышения качества труда. Изв. СО АН СССР. Сер.Экономика и прикладная социология. 1988, вып.3.
19. Бобнева М.И. Социальные нормы и регуляция поведения. М.: Наука. 1978.
20. Былинский К.И., Розенталь Д.Э. Литературное редактирование. М.: Искусство 1961.
21. Васильев А.Н., Карнеева Л.М. Тактика допроса при расследовании преступлений. М.: Юр. лит. 1970.
22. Вебер М. Избранные произведения. Пер. с нем. М.: Прогресс 1990.

*Звездочками отмечена литература, которую автор рекомендует прочесть начинающему социологу для самообразования.

23. Воронов Ю.П. Методы сбора информации в социологическом исследовании. М.: Статистика 1974.
24. Гилберт Дж.Н., Малкей М. Открывая ящик Пандоры. Социологический анализ высказываний ученых. Пер. с англ. М.: Прогресс, 1987.
25. Гидденс Э. Девять тезисов о будущем социологии. Пер. с англ. // Теория и история экономических и социальных институтов и систем. Том I, вып. I. М.: Наука-пресс, 1993.
26. Дедовщина в армии. Сб. социологических документов. Составители С.А.Белановский, С.Н.Марзеева. М.: ИНП РАН, 1991.
27. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. Пер. с франц. М.: Наука, 1991.
28. Дюркгейм Э. Самоубийство. Социологический этюд. Пер. с франц. СПб.; 1912.
29. Жабский М.И. Методология прикладного социологического исследования. М., 1976.
30. Женские уголовные лагеря. Составители: В.Ф.Абрамкин, В.Ф.Чеснокова. М.: Содействие (готовится к печати).
31. Журавлева И.В. Об использовании основных типов интервью в практике социологических исследований// Вопросы методики и техники социологических исследований. М., 1975, с.92-103.
32. Зиммель Г. Социальная дифференциация. Пер. с нем. М., 1909.
33. История буржуазной социологии XIX - начала XX века, М.: Наука, 1979.
34. История буржуазной социологии первой половины XX века М.: Наука, 1979.
35. Как провести социологическое исследование. М.: Политиздат, 1990.
36. Карнеева Л.М., Ордынский С.С., Розенблат С.Я. Тактика допроса на предварительном следствии. М.: Госюриздат, 1958.
37. Карпов Ю.Д. Исследование ценностных ориентаций с помощью метода личных документов// Научные доклады к первому Всесоюзному симпозиуму по социологии села. Новосибирск, 1968.
38. Карпов Ю.Д. Организация сбора личных документов для целей социологического исследования// Социально-экономические проблемы трудовых ресурсов. Новосибирск, 1968.
39. Касьянова К. К вопросу о русском национальном характере. М., 1993.
40. Кэмпбелл Д. Модели экспериментов в социальной психологии прикладных исследованиях. Пер. с англ. М.: Прогресс, 1980.
41. Кертэс И. Тактика и психологические приемы допроса. М.: "Юр. лит.", 1965.
42. Коммуникация в современной науке. Пер. с англ. М.: Прогресс, 1976.
43. Кон И.С. Позитивизм в социологии. Исторический очерк. Л.: изд-во ЛГУ, 1964.
44. Константинов В.М., Найшуль В.А. Технология планового управления. М.: ЦЭМИ АН СССР, 1986.
45. Краткий словарь по социологии. М.: Политиздат, 1988.
46. Кун Т. Структура научных революций. Пер. с англ. М.: Прогресс, 1977.
47. Лакатос И. Доказательства и опровержения. Пер. с англ. М.: Прогресс, 1967.
48. Лебединский М.С. Очерки психотерапии. М.: Медицина, 1971.
49. Левада Ю.А. Лекции по социологии// Инф. бюллетень. N 5(20) М.: ИКСИ АН СССР, 1969.
50. Левиков А. Калужский вариант. М.: Политиздат, 1982.
51. Леви-Стросс К. Структурная антропология. Пер. с франц. М.: Прогресс, 1985.
52. Лекции по методике конкретных социальных исследований. Под ред. Г.М.Андреевой. М.: изд-во МГУ, 1972.
53. Максимова Н. Бригады на перепутье// Экономика и орг. пром. про-ва. 1985. N 8, с.152-199.
54. Малкей М. Наука и социология знания. Пер. с англ. М.: Прогресс, 1983.
55. Малолетка. Составители: В.Ф.Абрамкин, В.Ф.Чеснокова. М.: Содействие (готовится к печати).
56. Манхейм К. Идеология и утопия, части I - II. Пер. с нем. М.: ИНИОН РАН, 1992.
57. Марцымов А.Ф. Каким был Тевосян? // ЭКО. 1985. N 8.
58. Маршалл А. Принципы политической экономики. Пер. с англ. Т.1-3, М.: Прогресс, 1983.

59. Маршалль А. Основы политической экономии. //Предмет и метод. Л., Путь к знанию, 1924, с.161-205.
60. Маслова О.М. Познавательные возможности открытых и закрытых вопросов// Социол. исслед. 1984. N 2, с.129-138.
61. Маурер Г. Без работы. Устная история безработных. Пер. с англ. М.: Прогресс, 1986.
62. Мертон Р.К. Референтная группа и социальная структура. Пер. с англ. М.: Институт молодежи, 1991.
63. Мертон Р., Фиске М., Кендалл П. Фокусированное интервью. Пер. с англ. М., 1991.
64. Методологические и методические проблемы контент-анализа. Вып. 1-2. М.-Л., 1973.
65. Методологические проблемы социологического исследования мобильности трудовых ресурсов// Под ред. Т.И. Заславской и Р.В.Рывкиной. Новосибирск: Наука, 1974.
66. Методы сбора информации в социологических исследованиях. Книга 1. М.: Наука, 1990.
67. Мид М. Культура и мир детства. Пер. с англ. М.: Наука, 1988.
68. Мильчин А.Э. Методика редактирования текста. М.: Книга, 1980.
69. Михайлов С. Эмпирическое социологическое исследование. М.: Прогресс, 1975.
70. Мужские уголовные лагеря. Составители: В.Ф.Абрамкин, В.Ф.Чеснокова. М.: Содействие (готовится к печати).
71. Найшуль В.А. Высшая и последняя стадия социализма // Погружение в трясину. М.: Прогресс, 1991.
72. Научная деятельность. Структура и институты. Пер. с англ. М.: Прогресс, 1980.
73. Новые направления в социологической теории. Пер. с англ. М.: Прогресс, 1978.
74. Ноэль Э. Массовые опросы. Введение в методику демоскопии. Пер. с нем. М.: Прогресс, 1978.
75. Павленко С. Неформальные управленческие взаимодействия// Постигание. М.: Прогресс, 1989.
76. Паниотто В.И. Качество социологической информации. Киев, 1986.
77. Пельт В.Д. Интервью//Жанры советской газеты. М.: Высш.школа, 1972.
78. Пельц Д., Эндриус Ф. Ученые в организациях. Пер. с англ. М.: Прогресс, 1973.
79. Письма из зоны. Составители: В.Ф. Абрамкин, В.Ф.Чеснокова. М.: Содействие, 1993.
80. Питерс Т., Уотермен Р. В поисках эффективного управления. Пер. с англ. М.: Прогресс, 1986.
81. Полани М. Личностное знание. Пер. с англ. М.: Прогресс, 1985.
82. Поппер К. Логика и рост научного знания. Пер. с англ. М.: Прогресс, 1983.
83. Производственные интервью. Вып. 1-4/ Под ред. С.А.Белановского. М., 1991-1993.
84. Психология. Словарь. М.: Политиздат, 1990.
85. Пэнто Р., Гравитц М. Методы социальных наук. Пер. с франц. М.: Мир, 1972.
86. Рабочая книга социолога. М.: Наука, 1977.
87. Рабочая книга социолога. Изд. 2-е, переработанное. М.: Наука, 1983.
88. Рубинштейн М.М. Юность (по дневникам и автобиографическим записям). М., 1928.
89. Рукавишников В.О., Паниотто В.И., Чурилов Н.Н. Опросы населения. М.: Наука, 1984.
90. Руководство по психиатрии. Том 1/ Под ред. Г.В.Морозова. М.: Медицина, 1988.
91. Рыбников Н.А. Автобиографии рабочих и их изучение. М.-Л., 1930.
92. Рыбников Н.А. Биографии и их изучение. М., 1920.
93. Рыбников .А. Психология и изучение биографий // Психология, т. II. М.- Л., 1929.
94. Рывкина Р.В. Образ жизни сельского населения. Новосибирск: Наука, 1979.
95. Свинцов В.И. Смысловой анализ и обработка текста. М.: Книга, 1979.
96. Сенкевич М.П., Феллер М.Д. Литературное редактирование (лингвостилистические основы). М.: Высш. шк., 1968.
97. Словарь прикладной социологии Под ред. Г.П.Давидюка. Минск, 1984.

98. Смелсер Н. Социология экономической жизни. Пер. с англ. М.: Мир, 1965.
99. Современная западная социология. Словарь. М.: Политиздат, 1990.
100. Современная западная философия. Словарь. М.: Политиздат, 1991.
101. Сорокин П. Человек, цивилизация, общество. М.: Политиздат, 1992.
102. Социальная стратификация, вып. I - III. Пер. с англ. М.: ИИП РАН, 1993.
103. Социология преступности. Пер. с англ. М.: Прогресс, 1966.
104. Социология сегодня. Проблемы и перспективы. Пер. с англ. М.: Прогресс, 1965.
105. Справочное пособие по истории немарксистской западной социологии. М.: Наука, 1986.
106. Структура и развитие науки. Пер. с англ. М.: Прогресс, 1978.
107. Структурно-функциональный анализ в современной социологии. Вып. I. Пер. с англ. М.: ИКСИ АН СССР, 1968.
108. Структурно функциональный анализ в современной социологии Вып. I. Пер. с англ. М.: ИКСИ АН СССР, 1969.
109. Теркел С. Работа. Сб. интервью. Пер. с англ. М.: Прогресс, 1978.
110. Тернер Дж. Структура социологической теории. Пер. с англ. М.: Прогресс, 1985.
111. Триккель И. Некоторые вопросы теории репортажа // Радиорепортаж. М., 1967.
112. Тулмин С. Человеческое понимание, М.: Прогресс, 1984.
113. Тюремный мир глазами политических заключенных. Составители: В.Ф.Абрамкин, В.Ф.Чеснокова. М.: Содействие, 1993.
114. Фейерабенд П. Избранные труды по методологии науки. Пер. с англ. М.: Прогресс, 1986.
115. Филонов Л.Б., Давыдов В.И. Психологические приемы допроса обвиняемого // Вопр. психологии. 1966. № 6, с.111-122.
116. Философия и методология истории. Пер. с англ. М.: Прогресс, 1977.
117. Фрейд З. Введение в психоанализ. Лекции. Пер. с англ. М.: Наука, 1991.
118. Фрейд З. Я и Оно. Книга I. Пер. с нем. Тбилиси: Мерани, 1991.
119. Функции самодеятельного художественного коллектива на современном этапе. Методика анализа прессы. Составитель В.Ф.Чеснокова. М., 1987.
120. Холтон Дж. Тематический анализ науки. Пер. с англ. М.: Прогресс, 1981.
121. Чамокова Э. Опыт использования фокусированного интервью при опросе экспертов самодеятельного изобразительного искусства. М., 1978, с.87-105.
122. Чамокова Э.А., Чеснокова В.Ф. Фокусированное интервью в исследовании восприятия искусства. М., 1977, с.60-81.
123. Челпанов Г. Учебник логики (для гимназий и самообразования). М. 1915.
124. Чеснокова В.Ф. Предмет и критерии оценивания музыкальной самодеятельности // Проблемы оценки художественной самодеятельности. М., 1980.
125. Швырев В.С. Анализ научного познания. Основные направления, формы, проблемы. М.: Наука, 1988.
126. Шибутани Т. Социальная психология. Пер. с англ.: Прогресс, 1969.
127. Шляпентох В.Э. Проблемы достоверности статистической информации в социо логических исследованиях. М.: Статистика, 1973.
128. Шумилина Т.В. Не могли бы Вы рассказать... Метод интервью в журналистике. М.: изд-во МГУ, 1976.
129. Щепаньский Я. Элементарные понятия социологии. Пер. с польск. М.: Прогресс, 1969.
130. Ядов В.А. Методология и процедуры социологических исследований. Тарту, 1968.
131. Ядов В.А. Социологическое исследование. Методология, программа, методы. М.: Наука, 1972.
132. Ядов В.А. Социологическое исследование. Методология, программа, методы. Изд. 2-ое. М.: Наука, 1987.
133. Ядов В.А. Стратегия и методы качественного анализа данных // Социология 4М. 1991, № 1.
134. Якуб М.Л. Показания свидетелей и потерпевших. М.: изд-во МГУ, 1968.

135. Adams J.S. *Interviewing Procedures*, Chapel Hill: Univ. of West Caroline Press, 1958.
136. Allport G.W. The use of personal documents in psychological science. N 4., 1942.
137. Banaka W.H. *Training in Depth Interview*. N.Y., 1971.
138. Benjamin A. *The Helping Interview*, N.Y., 1969.
139. Beveridge W.E. *The Problem Solving Interview..*, 1924.
140. Bermosk L.L., Morgan M.J. *Interviewing in Nursing*. N.Y., 1964.
141. Bingham W.V., Moore B.V. *How to Interview*. N. Y., 1931.
142. Brooks W.D., Emmert Ph. *Interpersonal Communication..*, 1972.
143. Dexter L. *Elite and Specialized Interviewing*. Evanston, 1970.
144. *A Dictionary of Sociology/ ed. by G.D.Mitchell*. Chicago, 1970.
145. Donaghy W.C. *The Interview: Skills and Applications*. Glenview, Ill., 1984.
146. *Encyclopedia of Psychology*. Herder KG, West Germany., 1972.
147. *Encyclopedia of Sociology*. Allen I.L., Bober A.et al. Guilford, 1974.
148. Fenlason A. et al. *Essentials of Interviewing*. N.Y., 1962.
149. Froelich F.M., Bishop F. *Medical Interviewing*. St.Louis, 1969.
150. Goldman A.E., McDonald S.S. *The Group Depth Interview: Principles and Practices*. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall, 1987.
151. Goode W.J. and Hatt P.K. *Methods in Social Research*. N.Y., 1952.
152. Gorden L.R. *Interviewing: Strategy, Techniques and Tactics*. The Dorsey press. Chicago, Ill., 1987.
153. Goyer R.S., Redding W.C., and Rickley J.T. *Interviewing: Principles and Techniques*. Dubuque, 1968.
154. Greenbaum T.L. *The Practical Handbook and Guide to Focus Group Research*. Lexington, MA: Lexington Books, 1987.
155. G.Hartfiel, Karl-Heinz Hillman. *Worterbuch der Soziologie*. Stuttgart, 1982.
156. Higginbotham J.B, Cox K.K.(eds.) *Focus Group Interviews: A Reader*. Chicago, American Marketing Association, 1979.
157. Kahn R.L., Cannell C.F. *The Dynamics of Interviewing: Theory, Techniques and Cases*. N.Y., 1957.
158. Kincaid H.V., Right M. *Interviewing the Business Elite*. *American Journal of Sociology*. Nov. 1957, v. 63, N.3, p.304-315.
159. Kinsey A.C., et al. *Sexual Behavior in the Human Male*.Phil., 1948.
160. Konig R. (Hrsg.) *Handbuch der empirischen Sozialforschung*. Stuttgart, 1967,1969.
161. Krueger R.A. *Focus Groups: A Practical Guide for Applied Research*. Newbury Park, CA, 1988.
162. Langdon G. *Teacher-Parent Interviews*. Englewood Cliffs, 1954.
163. Liebling A.J. *Interviewers*. In: Liebling A.J. *The Most of A.J.Liebling*, selected by W.Cole. N.Y.: Simon and Shuster, 1963.
164. Maccoby E. and Maccoby N. *The Interview: a Tool of Social Science*. In: *Handbook of Social Psychology*. Cambridge, 1954.
165. Merton R.K., Fiske M., Kendall P.Z. *The Focused Interview. A Manual of Problem and Procedures*. Glencoe, Ill., The Free Press, 1956.
166. Morgan D.L. *Focus Groups as Qualitative Research*. Newbury Park Sage Publications, 1988.
167. Phillips B.S. *Social Research. Strategy and Tactics*. N.Y.,1976.
168. Rich J. *Interviewing Children and Adolescents*. N.Y., 1968.
169. Richardson S.A., Dobrenwed B.S., Klein D. *Interviewing, Its Forms and Functions*. N.Y., 1975.
170. Roethlisberger F.R., Dickson W.J. *Management and the Worker*. Cambridge, 1946.
171. Rogers C.R. *Counseling and Psychotherapy*. Boston, 1942.
172. Rogers C.R. *The Non-directive Method as a Technique for Social Research*. *American Journal of Sociology*, 1945. 50, p. 279-283
173. Sherwood H.C. *The Journalistic Interview*. Harpers and Row, Publishers, N.Y., Evanston, and London, 1969.
174. Shoulksmith G. *Assessment through Interviewing*. Oxford, 1968.
175. Steinmetz L.L.*Interviewing Skills for Supervisory Personnel*. Mass. 1971.

176. Templeton J.F. *Focus Groups: A Guide for Marketing and Advertising Professionals*. Chicago, Probus, 1987.
177. Thomas W., Znaniecki F. *The Polish Peasant in Europe and America*. Boston, 1919.
178. Turner D. *Employment Interview*. N.Y., 1968.
179. Webb E.J. and Salancik J.R. *The Interview or the Only Wheel in Town*. Journalism Monographs, 1966. N.2

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА 1993 Г.	3
ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА 1991 Г.	5
Глава первая.	
КОЛИЧЕСТВЕННЫЕ И КАЧЕСТВЕННЫЕ МЕТОДЫ В СОЦИАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ	10
1.1. Методология науки и исследовательский процесс	11
1.2. Качественное знание и его роль в научном исследовании	21
1.3. Качественные методы в социальных исследованиях	29
1.4. Дополнение 1993 г.	42
1.4.1. Роль теории в социальном исследовании	45
1.4.2. Теоретический ресурс социологии	49
1.4.3. Позитивизм в социологии и границы его применимости	65
1.4.4. О некоторых постпозитивистских взглядах на научное знание	69
Глава вторая.	
ТИПЫ ИНТЕРВЬЮ В СОЦИАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ	81
2.1. Основные типы интервью	82
2.2. Фокусированное интервью	96
Глава третья.	
МЕТОДИКА И ТЕХНИКА ИНТЕРВЬЮИРОВАНИЯ	101
3.1. Подготовка интервью (общая)	102
3.1.1. Профессиональные качества интервьюеров	102
3.1.2. Практическое обучение интервьюированию	105
3.2. Подготовка интервью (конкретная)	108
3.2.1. Выбор респондентов	108
3.2.2. Вопросник интервью	120
3.2.3. Время, место и способ записи	136
3.3. Начало интервью	143
3.4. Основная часть интервью	164
3.4.1. Раскрытие темы	164
3.4.2. Переходы в темах	169
3.4.3. Контроль над темой	172
3.4.4. Поддержание мотивации	187
3.4.5. Искажения в интервью	189
3.4.6. Ошибки интервьюеров. Некоторые рекомендации	194
3.5. Завершение интервью	197
3.6. Обработка материалов интервью	200
3.6.1. Проблема редактирования	201
3.6.2. Осмысление результатов	213

Глава четвертая	
ПРИНЦИПЫ ФОКУСИРОВКИ ИНТЕРВЬЮ	219
4.1. Фокусировка на эмоциональных реакциях	220
4.2. Фокусировка на когнитивных структурах	225
4.2.1. Структура обыденного сознания	225
4.2.2. Обыденное сознание как источник достоверного знания	229
4.2.3. Ведение интервью в пределах зоны компетентности	233
4.2.4. К проблеме несогласованности высказываний респондентов	241
4.2.5. Фокусированное интервью и экспертные опросы	245
4.2.6. Свойства представлений в зоне некомпетентности	249
Глава пятая	
СПЕЦИАЛЬНЫЕ СЛУЧАИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ФОКУСИРОВАННОГО ИНТЕРВЬЮ	254
5.1. Интервью с заказчиком в прикладных исследованиях	254
5.2. Фокусированное интервью при отработке социологических анкет	262
Приложение: Сопоставление результатов обследования методом анкеты и методом интервью	269
5.3. Фокусированное интервью и опросы общественного мнения	276
5.4. О журналистских интервью	284
Глава шестая	
ДРУГИЕ КАЧЕСТВЕННЫЕ МЕТОДЫ	288
6.1. Наблюдение.	288
6.2. Анализ личных документов	293
6.2.1. Автобиографии	293
6.2.2. Письма	308
6.2.3. Дневники	320
6.3. Метод фокус-групп	322
6.3.1. Общая характеристика метода	322
6.3.2. Групповое и индивидуальное интервью: сравнение методов	324
6.3.3. Организация и проведение фокус-групп	329
ДИСКУССИОННЫЕ МАТЕРИАЛЫ	335
ЛИТЕРАТУРА	343

Научное издание
Белановский Сергей Александрович
МЕТОДИКА И ТЕХНИКА
ФОКУСИРОВАННОГО ИНТЕРВЬЮ
(учебно-методическое пособие)

Утверждено к печати
Институтом народнохозяйственного
прогнозирования РАН

Руководитель фирмы "Наука — экономика"
В.С. Баковецкая.
Редактор издательства К.А. Погосова
Художественный редактор Т.В. Болотина

ЛР N 020297 от 27 ноября 1991 г.

Подписано к печати 23.08.93

Формат 60 × 90 1/16. Печать офсетная

Усл. печ. л. 22. Усл. кр.отт. 22,3.

Уч.-изд. л. 28,5

Тираж 2000 экз. Тип. зак. *3418*

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство "Наука"

117864 ГСП-7, Москва, В-485,

Профсоюзная ул., 90

Санкт-Петербургская типография № 1

ВО "Наука"

199034, Санкт-Петербург, В-34, 9-я линия, 12